

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2015 Том 21

№ 1

Январь – Февраль

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2015 Volume 21

№ 1

January – February

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт литературных исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Literary Investigations Institute of Russian Academy
of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт литературных исследований Российской
Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Literary Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

НАЗАРИ ФАТЕМЕ ТОРАБ
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка
Университет им. Шахида Бехешти (г. Тегеран, Иран)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literature Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

NAZARI FATEME TORAB
Candidate of Philological Sciences,
head of Russian Language Chair
Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Новиков А.В.**
История археологического изучения памятников
Костромской низины с гребенчато-шнуровой
и шнуровой керамикой раннего железного века
- 13 **Кабатов С.А.**
Первичный анализ первого этапа комплекса свадеб-
ных обрядовых действий в среде сельского населения
Костромского Поволжья XIII–XVIII веков
- 18 **Андронов И.Е.**
«Каталог свидетелей истины» Матиаса Флация
как историческое сочинение
- 21 **Митрофанов В.В.**
Отзыв С.Ф. Платонова на исторический очерк
В.А. Самарянова об Ипатьевском монастыре
- 25 **Марасанова В.М.**
Кадры председателей и членов окружных судов
Ярославской губернии во второй половине XIX века
- 30 **Шильникова И.В.**
Предпринимательские стратегии в разрешении трудо-
вых конфликтов на российских промышленных пред-
приятиях в конце XIX – начале XX века
- 36 **Мичурин А.Н.**
Проблема устойчивости «Прогрессивного блока»
и выборы в Государственный совет в 1915 году
- 41 **Ульянова С.Б.**
Кампания против «империалистических войн»
в 1924 году: задачи, проведение, результаты
- 45 **Гехт А.Б.**
Некоторые аспекты деятельности Шведского
добровольческого корпуса в Советско-финляндской
войне 1939–1940 годов
- 49 **Пахомова Е.А.**
Трудности перехода:
к вопросу о начале формирования буржуазного уклада
на рубеже 1980-х – 1990-х годов
- 53 **Зверев К.А.**
Этнополитическая ситуация
в Эстонии накануне провозглашения независимости
в конце 1980-х – начале 1990-х годов
- 57 **Бородкин Л.И.**
Компьютерное 3D-моделирование
в исследованиях по исторической урбанистике:
новые источниковедческие подходы

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 63 **Ненарокова М.Р.**
Язык цветов: олива в русской поэзии XVIII –
первой половины XIX века
- 67 **Романова А.Н.**
О художественном единстве образа Татьяны Лариной
- 72 **Захаров К.М.**
Загадки художественного
времени «Ревизора»
- 75 **Ильина Н.К.**
Ритмика речи героев комедии А.Н. Островского
«На всякого мудреца довольно простоты»
- 81 **Ермолаева Н.Л.**
Русская критика 1860-х годов о пьесе А.Н. Островского
«Грех да беда на кого не живёт»
- 85 **Павловская О.А.**
Драматические приемы в поэме Н.М. Минского
«Гефсиманская ночь» (1884)
- 89 **Андреева В.Г.**
«Чужие грехи» А.К. Шеллера-Михайлова
и русский классический роман

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **A.V. Novikov**
The history of archaeological study of monuments
of Kostroma lowlands with crested-corded and corded
ceramics of the early Iron Age
- 13 **S.A. Kabatov**
The primary analysis of the first phase of the complex
ritual actions in the environment of the rural population of
Kostroma Povolzhye of the 13th–18th centuries
- 18 **I.Ye. Andronov**
Matthias Flacius' Catalogus testium veritatis
as a historical work
- 21 **V.V. Mitrofanov**
Sergey Platonov's response on Vasiliy Samaryanov's
historical feature story about the Ipatiev Monastery
- 25 **V.M. Marasanova**
Staff of chairmen and members of Yaroslavl Province
District Courts in the second half of the 19th century
- 30 **I.V. Shil'nikova**
Labour conflicts in Russian industries
in late 19th and early 20th centuries:
entrepreneurs' strategies
- 36 **A.N. Michurin**
Stability problem of «progressive bloc» and elections
to the Russian Imperial State Council in 1915
- 41 **S.B. Ul'yanova**
Campaign against imperialist wars in 1924:
objectives, holding and results
- 45 **A.B. Gekht**
The Swedish Volunteer Corps
in the Soviet-Finnish War of 1939–1940:
some aspects
- 49 **Ye.A. Pakhomova**
Transition challenges: on the question
of beginning of the formation of bourgeois system
on the turn of 1980s and 1990s in Russia
- 53 **K.A. Zverev**
Ethno-political situation in Estonia
on the eve of independence declaration,
at the turn of 1980s and 1990s
- 57 **L.I. Borodkin**
3D computer modeling
in developing urban history:
new approaches to sources studies

SCIENCE OF LITERATURE

- 63 **M.R. Nenarokova**
The language of flowers: olive in the Russian poetry of the
18th–1st half of the 19th century
- 67 **A.N. Romanova**
On the artistic holisticity of the image of Tatyana Larina
- 72 **K.M. Zakharov**
Artistic time challenges
in «The Government Inspector» by Nikolai Gogol
- 75 **N.K. Il'ina**
Rhythmics of speech of characters of Alexander Ostrovsky's
comedy «Enough Stupidity in Every Wise Man»
- 81 **N.L. Yermolayeva**
1860s Russian critique concerning Alexander Ostrovsky's
play «Sin and Sorrow are Common to All»
- 85 **O.A. Pavlovskaya**
Dramatic techniques in the poem «Gethsemane Night» by
Nikolai Minsky (1884)
- 89 **V.G. Andreeva**
Aleksandr Sheller-Mikhaylov's «Others' Sins»
and Russian classic novel

- 95 Чекалов К.А.**
«Падучая звезда» Лидии Ростопчиной:
генеалогия романного сюжета
- 99 Дефье О.В.**
Художник и история в русской литературно-эстетической традиции и оценках В. Розанова
- 104 Белякова Е.Н.**
Князь Мышкин как новый тип трагического героя в философской концепции Д.С. Мережковского (к вопросу о рецепции романа Ф.М. Достоевского «Идиот» в критике Серебряного века)
- 109 Морозов Н.Г.**
Мотивы древнерусской литературы в очерке Б.К. Зайцева «Слово о Родине» (Статья первая)
- 113 Крюков А.А.**
Традиции и новаторство в повести Юрия Фельзена «Обман»: к постановке проблемы

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 117 Токарев Г.В.**
Использование семиотических методов в лингвистике
- 121 Третьякова И.Ю.**
Изоморфизм как фактор окказионального преобразования русских пословиц
- 125 Казачук И.Г.**
Особенности видовой корреляции процессуальных фразеологизмов с семантикой отношения
- 129 Павлова А.Э.**
Особенности функционирования фразеологических единиц в «бальзаминовской трилогии» А.Н. Островского
- 132 Русинова И.И.**
Лексическая система мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными свойствами
- 136 Боброва М.В.**
Современные пермские прозвища, мотивированные лексикой тематической группы «Животные»
- 140 Фархутдинова Ф.Ф.**
Сироты и сиротство в изображении В.И. Даля
- 144 Михайлова Л.П.**
Лексика с признаками внешнего языкового воздействия в Костромской группе говоров
- 150 Кондратенко М.М.**
Обозначение времени в славянских говорах
- 154 Блохин А.В.**
Окказиональное словообразование существительных в новгородских грамотах XI–XV веков
- 158 Хуснутдинов А.А.**
Фразеологическая единица в грамматическом строе языка
- 162 Иванов Д.И.**
Артикуляционный компонент синтетической языковой личности

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 165 Безносова Я.В.**
Дхармашастра Яджнавалкьи как источник нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии
- 169 Романовская В.Б., Алборова А.Г.**
Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века
- 175 Рошин Б.Е.**
Правовые основы российского правосудия в период с октября 1917–1918 гг.
- 179 Сиверская Л.А., Смирнова Н.А.**
К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела
- 184 Туленев А.И.**
О возможности признания таможенных экспертиз судебными

- 95 K.A. Chekalov**
«L'Étoile filante» by Lydie Rostopchine:
the novel's plot genealogy
- 99 O.V. Def'ye**
An artist and history in the Russian literary-aesthetic tradition and in Vasily Rozanov's appraisal
- 104 Ye.N. Belyakova**
Prince Myshkin as the new tragic character type in the philosophic conception of Dmitry Merezhkovsky (on the issue of reception of Fyodor Dostoyevsky's novel "The Idiot" in the critique of the Fin de siècle)
- 109 N.G. Morozov**
Motifs of literature of the Old Rus' in Boris Zaytsev's feature story "The Tale of Motherland". Part 1
- 113 A.A. Kryukov**
Traditions and innovations in Yuriy Fel'zen's story «Deception»: problem statement

SCIENCE OF LANGUAGE

- 117 G.V. Tokarev**
Use of semiotics methods in linguistics
- 121 I.Yu. Tretyakova**
Isomorphism as a factor of occasional transformations of Russian proverbs
- 125 I.G. Kazachuk**
Peculiarities of aspectual correlation of processual phraseological units with semantics of relation
- 129 A.E. Pavlova**
Specific functioning of phraseological units in Balzaminov trilogy by Alexander Ostrovsky
- 132 I.I. Rusinova**
The lexical system of mythological stories of Perm Land about the persons with supernatural properties
- 136 M.V. Bobrova**
Modern Perm nicknames motivated by the lexemes of thematic group "Animals"
- 140 F.F. Farkhutdinova**
Orphans and orphanhood depicted by Vladimir Dahl
- 144 L.P. Mikhaylova**
The vocabulary with the signs of an outside language influence in the group of the patois of Kostroma Region
- 150 M.M. Kondratenko**
Interpretation of «time» in Slavic patois
- 154 A.V. Blohin**
Occasional word formation of nouns in Novgorod letters in 11th—15th centuries
- 158 A.A. Khusnutdinov**
Phraseological unit in grammatical structure of language
- 162 D.I. Ivanov**
Synthetic lingual personality articulatory component

JUDICIAL SCIENCES

- 165 Ya.V. Beznosova**
Yājñavalkya dharmaśāstra as a source of statutory regulation of social relations in ancient India
- 169 V.B. Romanovskaya, A.G. Alborova**
Law, custom, religion and consciousness: their reflection in russian folk proverbs of the 19th century
- 175 B.Ye. Roshchin**
Legal bases of the Russian justice during the period since October, 1917 to 1918
- 179 L.A. Siverskaya, N.A. Smirnova**
On the issue of stages of instituting criminal proceedings
- 184 A.I. Tulenev**
On the possibility of recognition of customs examinations judicial

188 Сэруа В.С.

Из истории российской науки гражданского права:
новые формы – новое содержание

192 Полищук Н.И.

Тенденции современной уголовно-правовой политики
государства

197 Коробейников Б.В.

Прокурорский надзор – важное средство защиты
прав человека и гражданина

202 SUMMARY

217 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

188 V.S. Serua

The history of science of Russian civil law:
new forms – new content

192 N.I. Polishchuk

Modern criminal and legal policy
of the country and its defects

197 B.V. Korobeynikov

Public prosecutor's supervision – an important security
measure of the rights of a person and a citizen

202 SUMMARY

217 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КОСТРОМСКОЙ НИЗИНЫ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Объектом исследования являются памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромской низины. В статье рассматриваются вопросы археологического изучения поселений и городищ, затрагиваются проблемы интерпретации материалов, характеризуется степень изученности проблемы.

Керамика с памятников археологии раннего железного века Костромской низины представлена сетчатой, гладкостенной, штрихованной, гребенчато-шнуровой и шнуровой ананьинского типа, что, безусловно, свидетельствует о сложных культурных процессах, происходивших на территории указанного микрорегиона. На сегодняшний день известно шестнадцать памятников археологии раннего железного века в Костромской низине, семь из них – с материалами ананьинского облика. Следует отметить, что не все исследователи выделяли комплексы керамики ананьинского типа при интерпретации материалов с памятников раннего железного века региона. Внимание археологов чаще всего не акцентировалось на выделении комплексов гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики из массива сетчатой и иной посуды, а также на полном их освещении, подобная картина характерна для Костромского Поволжья в целом.

Проблематика, связанная с ананьинской культурой, не рассматривалась комплексно, лишь изредка затрагивались вопросы распространения пришлых групп, в первую очередь, в рамках взаимодействия их с дьяковскими племенами, влияния на местную культуру. Не был сформирован и перечень памятников археологии с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой Костромского Поволжья в целом и Костромской низины в частности.

В работе охарактеризована степень изученности проблемы, а также отмечается актуальность и перспективность дальнейшего изучения и систематизации материалов раннего железного века с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой рассматриваемого микрорегиона, культурное положение которого можно определить как «пограничное».

Ключевые слова: Костромское Поволжье, ранний железный век, памятники археологии, ананьинская культура.

Ананьинская культурно-историческая область, датируемая в пределах VIII–III вв. до н. э. в основном локализуется в бассейнах рек Камы, Вятки, Ветлуги, на территории Среднего Поволжья, распространяется и в более северных районах Восточно-Европейской равнины. Название получает по первому могильнику у села Ананьино, Елабужского района Республики Татарстан, открытому в 1858 г. П.В. Алабиным. Следует отметить, что ареал распространения ананьинских материалов выходит за рамки вышеуказанных территорий и до настоящего времени четко не обозначен. В Верхневолжском регионе в целом и в Костромском Поволжье в частности также известны памятники с комплексами такой керамики.

На территории Костромской низины к настоящему времени открыто и обследовано шестнадцать памятников археологии [1], в материальном составе которых выделяются комплексы раннего железного века, из них семь – с керамикой ананьинского типа. Необходимо сделать следующее существенное замечание: на многих памятниках для культурного определения использовался сильно фрагментированный подъемный материал, в большинстве определяемый как сетчатая керамика. С наибольшего расширения по тулову, иногда и по шейке, гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика также содержит сетчатые отпечатки как мелкоячеистой, так и крупноячеистой структуры

с регулярным и хаотичным их исполнением; при работе с фрагментарными коллекциями не всегда возможно корректно интерпретировать комплексы посуды раннего железного века и отождествлять их с сетчатой, сетчатой дьяковского типа, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, а значит, и выделить такие комплексы на отдельных памятниках с малочисленными коллекциями находок. Принимая во внимание вышесказанное, можно предположить, что объектов археологического наследия, содержащих гребенчато-шнуровую и шнуровую керамику, значительно больше, однако для подтверждения данного обстоятельства требуются новые специальные стационарные археологические работы.

Костромской район расположен на территории Костромской области в бассейне Верхней Волги. В орографическом отношении территория Костромского района находится в пределах так называемой Костромской низины. Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, расположенные на ее территории, в своем большинстве тяготеют к руслу реки Костромы и к ее более мелким притокам, за исключением городищ, которые располагаются по основному течению реки Волги. Поселения чаще всего находятся на дюнных всхолмлениях, останцах в широкой пойме (Ватажка, Борань, Станок I-II, Хреново) или на краю надпойменной террасы (Шунга). Городища

приурочены к высоким местам и располагаются на мысовидных выступах коренной террасы реки Волги. Мощность культурного слоя на поселениях, в среднем, составляет 0,4–0,5 м, достигая 0,6–0,9 м на многослойных памятниках, содержащих и другие культурно-хронологические комплексы (Борань, Станок I–II).

Первые раскопки памятников раннего железного века на территории Костромского Поволжья были проведены в конце XIX – начале XX вв. Н.М. Бекаревичем, который исследовал Минское городище и городище в Костроме [1, с. 71, 94; 2]. Исследования Н.М. Бекаревича не преследовали цель изучения конкретно памятников археологии раннего железного века региона, а выполнялись в рамках сбора археологических материалов в регионе вообще, в связи с повсеместной модой на изучение культурных древностей носили скорее случайный характер. К тому же до конца XIX в. Костромская ученая архивная комиссия, созданная в 1885 г., членом которой и являлся Н.М. Бекаревич, отдавала явное предпочтение изучению курганных древностей.

В 20-е годы XX в. интерес к исследованию памятников археологии эпохи раннего железного века проявило Костромское научное общество по изучению местного края: открыт ряд памятников в Костромской низине с различными культурно-хронологическими материалами, среди которых встречаются и поселения, четко отождествляемые с кругом ананьинских древностей. Исследования в этот период проводятся в том числе и с целью «более углубленного изучения культуры “текстильной” керамики». Особое место среди памятников археологии Костромской низины, на которые обращено внимание Костромского научного общества в этот период, занимает поселение Ватажка, где раскопки проведены под руководством В.И. Смирнова в 1925–1927 гг. [1, с. 103; 4, с. 146; 8]. Основная масса керамики, найденной при раскопках поселения, представлена посудой с сетчатой поверхностью, в большинстве относящейся к раннему железному веку. Выразителен и представителен комплекс гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа.

Следует отметить и поселение Хреново, открытое в 1927 г. Л.С. Кителиной [5]. Вещевой комплекс с памятника, к сожалению, до настоящего времени не сохранился, но по итогам исследований автор приходит к выводу о значительном сходстве найденной керамики с керамикой Ватажки.

К памятникам с малосерийными коллекциями гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики могут быть отнесены такие поселения, как Борань и Станок I, открытые и исследованные В.И. Смирновым в 1924–1927 гг. [1, с. 296–297; 4, с. 87, 108–110]. В частности, на поселении Станок I В.И. Смирнов по цвету выделил два горизонта культурного слоя,

а полученную керамику разделил на три разновременные группы, которые стратифицировал следующим образом: сетчатая керамика, обнаруженная в верхнем темном горизонте; гребенчатая рыхлая керамика, найденная в нижнем, более светлом слое; ямочно-гребенчатая керамика.

Следует, однако, отметить, что по итогам своих исследований ни Н.М. Бекаревич, ни В.И. Смирнов не выделяли среди сетчатой керамики раннего железного века гребенчато-шнуровую и шнуровую посуду.

В 1929 г. деятельность Костромского научного общества по изучению местного края прекращается в связи с разгромом краеведения. Полевые археологические работы на территории Костромской низины возобновлены только в 1954 г. Горьковской археологической экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной в связи с проектируемым созданием Костромского водохранилища. В этот период обследован значительный ряд памятников археологии неолита, бронзового и раннего железного веков. Целью работ было изучение памятников Костромской низины как одного из звеньев в процессе разрешения многих вопросов, важных для изучения древней истории лесной полосы Европейской части СССР [4, с. 85]. В результате исследований Н.Н. Гуриной был получен значительный комплекс источников, в том числе связанный с ананьинским миром. Среди исследованных памятников, о которых следует сказать более подробно, выделяются поселения: Станок I и II, Шунга, Борань, Ватажка и Минское городище [1; 4].

В ходе исследований поселения Станок Н.Н. Гурина разделяет памятник: Станок I на левом берегу ручья Борисовки (открыт В.И. Смирновым) и Станок II на противоположном правом берегу. На последнем Н.Н. Гуриной заложено три раскопа общей площадью 100 кв. м. Мощность культурного слоя, определяемая в раскопах, составила около 30–50 см [1, с. 100–101; 4, с. 119–120]. В целом, по итогам исследований памятника, Н.Н. Гурина делает вывод, что сетчатая посуда поселения Станок II находит наибольшее сходство с Боранью и сравнительно большие различия с Шунгой и Ватажкой.

На поселении Шунга был заложен раскоп площадью 50 кв. м, которым фактически полностью изучена сохранившаяся часть памятника. Мощность культурного слоя составила 0,5 м, было обнаружено два жилища земляночного типа с очагом в центральной части. При описании вещевого комплекса, найденного в раскопе, Н.Н. Гурина отмечает, что внешняя поверхность керамики покрыта сетчатыми отпечатками или штрихована, поверх нанесён орнамент в виде ямок, элементов, составленных из мелкого гребенчатого штампа и значительно реже – оттисков шнура [4, с. 138–143]. По результатам работ Н.Н. Гурина делает вывод, что Шунга – памятник эпохи раннего железа в ее срав-

нительно ранней фазе развития. Автор отмечает, что если другие поселения: Борань, Станок I и II, отчасти Ватажка и Минское городище содержали смешанные разновременные керамические комплексы, то поселение Шунга содержит единый, наиболее целостный материал, характеризующий короткий этап жизни [4, с. 138]. К настоящему времени памятник, к сожалению, утрачен [1, с. 307].

Ещё один археологический объект, изученный Н.Н. Гуриной – поселение Борань, также затопленное впоследствии водами Горьковского водохранилища [1, с. 296–297]. Здесь раскопом вскрыта площадь 476 кв. м, мощность культурного слоя составила 0,4–0,6 м [4, с. 87]. В целом вещевые комплексы с указанного поселения относятся к более раннему времени – неолиту и представлены льяловской ямочно-гребенчатой керамикой. Керамика раннего железного века, орнаментированная шнуровыми оттисками, единична и представлена менее чем десятью фрагментами как минимум от двух сосудов. Суммируя данные по комплексу сетчатой керамики Борани в целом, Н.Н. Гурина приходит к выводу о ранней фазе развития такой керамики, но отмечает и наличие более поздних форм [4, с. 106].

Следующим в ряду исследованных памятников Костромской низины стоит поселение Ватажка, на котором Гурина Н.Н. раскопом вскрыла площадь, равную 320 кв. м, по существу исчерпавшей памятник [1, с. 103–104]. Начало заселения поселка исследователь относил к середине I тыс. до н. э. Анализируя керамику с Ватажки, Н.Н. Гурина указывает, что орнаментация в виде гребенчатого штампа встречается здесь редко, а перевитой шнур характерен, он и сближает памятник с рядом других, прежде всего с Минским городищем [4, с. 147–152]. В итоге исследований она приходит к выводу, что применение шнура было вызвано определенной связью и влиянием племен, живших по соседству с Костромским Поволжьем [4, с. 158].

Ценным объектом археологического наследия раннего железного века, включающим комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, является Минское городище, на котором Н.Н. Гуриной заложено два раскопа [1, с. 94–95]. Всего собрано 5270 артефактов, в основном это сетчатая керамика. Исследовано две постройки. Время существования Минского городища Н.Н. Гуриной определяется второй половиной I тыс. до н. э. и I–III вв. н. э. [4, с. 182], при этом она отмечает, что здесь почти не встречено каменных орудий, в то время как поселения Станок и Борань изобиловали ими, а Шунга и Ватажка все же содержали определенное их количество [4, с. 171–174].

Сопоставляя Минское городище с другими памятниками, Н.Н. Гурина делает заключение, что в нижних горизонтах оно, по всей вероятности, близко Ватажке, верхние же слои должны датироваться

последующими веками [4, с. 197]. Многослойное поселение Борань кроме преобладающих комплексов неолита и ранней бронзы также содержит отчетливые комплексы эпохи раннего железного века, при этом они представлены наиболее ранними комплексами сетчатой керамики. Наиболее интенсивной жизнь на поселениях Станок I и II была в середине II – середине I тыс. до н. э. Более чистый в археологическом отношении комплекс поселения Шунга датирован серединой I тыс. до н. э. [4, с. 195–197]. Следует отметить, что в находящихся в Костромском музее-заповеднике коллекционных описях, сопровождающих керамические материалы этих памятников, комплексы шнуровой керамики описаны Н.Н. Гуриной как фрагменты «с веревочным орнаментом».

Таким образом, можно резюмировать, что Н.Н. Гурина выделяет группу сосудов с характерным орнаментом в виде шнура на памятниках раннего железного века Костромской низины и признаёт, что на определенном хронологическом этапе нельзя не заметить восточного влияния, в частности ананьинской культуры, доходившего, однако, сюда лишь в качестве довольно слабого отголоска [4, с. 201].

В начале 60-х годов Н.Н. Яблоковой систематизируются материалы, накопленные в результате археологических исследований на территории Костромского Поволжья. Она составляет археологическую карту памятников эпохи неолита, бронзы и раннего железного века [15]. Основой для карты явились материалы археологических исследований В.И. Смирнова и Н.Н. Гуриной.

После археологических работ Н.Н. Гуриной на территории Костромской низины долгое время исследования не выполнялись, вплоть до конца 70-х – начала 80-х годов XX в., когда на территории Костромской области стали производиться масштабные археологические разведочные работы экспедициями Института археологии АН СССР под руководством и при участии К.И. Комарова, Ю.Н. Урбана, М.Г. Жилина, А.Е. Леонтьева, В.В. Сидорова. В этот период активно составляется учётно-паспортная документация на памятники археологии, выполняется съёмка планов памятников, мониторинг, выявляются новые объекты археологического наследия, уделяется должное внимание и памятникам археологии эпохи раннего железного века.

В частности, А.Е. Леонтьев в 1976 г. осматривает территорию Минского городища [7]. К.И. Комаров совместно с М.Г. Жилиным в 1980 г. выполняет обследование территории Костромской низины: осмотрены поселения Станок I и II, Ватажка [1, с. 99–104; 10; 11]. Поселения Борань и Шунга к этому времени уже утрачены [1, с. 296–297, 307]. В 1983 г. К.И. Комаровым обследовано городище раннего железного века в г. Костроме [1,

с. 7]: выполнен план памятника, произведена фотофиксация, собрана керамика из зачистки культурного слоя, по которой К.И. Комаров датировал городище VIII–I в. до н. э., составлена учетно-паспортная документация [9].

В дальнейшем, к сожалению, разведочные работы на территории Костромского Поволжья носят локальный и отрывочный характер.

В 1989–1992 гг. археологические раскопки на Минском городище выполнялись экспедицией Марийского государственного университета под руководством В.С. Патрушева [1, с. 98]. Изыскания проводились в рамках комплексной научно-исследовательской темы «Этнические и социальные процессы у финно-угров». Задачей исследований было получение новых источников по древней истории финноязычного населения Поволжья, сбор материалов для информационного банка данных о поселениях с псевдосетчатой керамикой [12, с. 3].

Первоначально в 1989 г. на памятнике заложена рекогносцировочная траншея размерами 2х6 м, показавшая мощность культурного слоя до 130 см [12, с. 6–7]. На следующий год заложен раскоп площадью 82 кв. м. Мощность культурного слоя в раскопе достигала 211 см, увеличиваясь к склону оврага до 260 см. Всего в процессе исследований обнаружено 12924 предмета [12]. Автор раскопок разделил керамику на псевдосетчатую, гладкостенную с штрихованной поверхностью и мерянского облика. Хронологически более поздним признаком на псевдосетчатой посуде В.С. Патрушев считает наличие бортика, меньшую орнаментированность, рельефные псевдосетчатые отпечатки, господство рябчатых оттисков над нитчатыми [12, с. 54–56]. Гладкостенная посуда, по его мнению, напоминает керамику с поселений начала раннего железного века Костромского Поволжья, таких как Ватажка, Станок и более северных районов – Векса I в Вологодской области [12, с. 58–61].

По итогам полевых исследований, проведенных в 1990 г., В.С. Патрушев делает вывод, что основные обитатели Минского городища с начала его освоения – это население с псевдосетчатой керамикой; предлагает определить нижнюю дату заселения площадки городища обитателями с псевдосетчатой керамикой VI в. до н. э., верхнюю границу – IV–III вв. до н. э. [12, с. 61–63].

В 1991 г. В.С. Патрушевым продолжены раскопки на Минском городище. В раскопе было обнаружено 8893 находки [13]. Описание керамического комплекса представлено аналогично предшествующим годам. Исследователь отмечает единообразие керамики на всей глубине раскопа, резюмируя, что гладкостенная керамика всегда сопровождает псевдосетчатую на обширной территории от Татарского Поволжья до Верхневолжских районов [13, с. 54–55], часть гладкостенной керамики относит к I–III вв. н. э.: это поздняя группа

керамики, выделенная еще Н.Н. Гуриной при раскопках памятника в 1954 г.

В восьмидесятые годы XX века В.С. Патрушевым выделена ахмыловская культура [14], на втором этапе ее развития (VIII–VI вв. до н. э.) в границы её распространения он включает территории Поволжья и Костромского Поволжья. По мнению В.С. Патрушева, с конца VI в. до н. э. ахмыловское население с территории Марийского Поволжья могло быть оттеснено в другие районы, их следы появляются на поселениях Костромского Поволжья, где сочетаются круглодонная посуда с псевдосетчатой обработкой. Рассматривая комплексы керамики раннего железного века с таких памятников как Ватажка, Станок, Борань, Шунга и Минское городище, В.С. Патрушев связывает их с псевдосетчатыми [14, с. 62–63], акцентируя внимание на том, что население с псевдосетчатой керамикой воспринимает многие элементы культуры именно ахмыловского облика [14, с. 87].

Спустя два десятилетия, в 2011 г. ООО «Костромская археологическая экспедиция» под руководством А.В. Новикова были проведены археологические раскопки Городища в г. Костроме [6]. Раскопки проводились в охранных целях на участке нового строительства. Всего вскрыто 404 кв. м. В раскопах исследованы два сооружения эпохи раннего железного века. Зафиксирован участок неглубокого рва мощностью 115–160 см, замыкающего площадку городища с напольной стороны. Исследовано ритуальное погребение, оставленное в поздний период посещений городища. Найдены фрагменты сетчатой, гладкостенной и реже штрихованной керамики раннего железного века. В целом, посуда горшковидная слабопрофилированная, встречаются сосуды плавнопрофилированной и чашевидной форм. Комплексы посуды, орнаментированной шнуровыми оттисками, обнаруженные в раскопах, немногочисленны. Мотивы из оттисков перевитого шнура или веревочки представлены только горизонтальными линиями [6]. Датировки памятника укладываются в пределах I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Посещение площадки городища, вероятнее всего, было многократным, начиная с финала поздней бронзы и заканчивая первыми веками I тыс. н. э. Отмечаемое сочетание элементов ананьинской и дьяковской культур раннего железного века на памятниках Костромской низины, включая городища Минское и на правом берегу р. Волги напротив Костромы, на которое указывает Е.И. Горюнова [3, с. 23], находит отражение и в вещевых комплексах, найденных при раскопках в 2011 г.

Таким образом, к настоящему времени накоплен достаточно большой вещевой комплекс, связанный с ананьинскими древностями, отчетливо характеризующий памятники раннего железного века Костромского Поволжья, требующий раз-

граничения в синкретических керамических комплексах и систематизации. Предварительно можно говорить о «пограничном» культурном положении территории Костромской низины. Микрорегион преимущественно занят памятниками с сетчатой керамикой при четко наблюдаемом распространении ананьинских элементов.

Библиографический список

1. Археологическая карта России. Костромская область / Составитель К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 368 с.
2. Бекаревич Н.М. О некоторых городищах в Костромской губернии / Труды Ярославского областного съезда. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. – С. 125–129.
3. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА №94. – М.: Академия наук СССР, 1961. – 265 с.
4. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) / Труды Горьковской археологической экспедиции. Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья // МИА №110. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1963. – С. 85–203.
5. Китицина Л.С. Отчет по обследованию Саметского района Костромского уезда в 1927 г. / КМЗ Фонд археологии. ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». – 7 с.
6. Новиков А.В. Отчет о проведенных охранных археологических раскопках на месте строительства жилого дома по ул. Дачная, 23 в г. Костроме в 2011 г. (Городище в Костроме). В 5 т. // Архив ИА РАН №30360-30364.
7. Паспорт объекта археологического наследия (городище Минское) / Составитель Воробьев В.М.; составлено 26.10.1976 г. // Архив департамента культуры Костромской области. – 4 с.
8. Паспорт объекта археологического наследия (стоянка Ватажка) / Составитель Жилин М.Г.; составлено 24.12.1980 г. // Архив департамента культуры Костромской области. – 4 с.
9. Паспорт памятника археологии (городище в Костроме) / Составитель Комаров К.И.; составлено 04.09.1983 г. // Архив департамента культуры Костромской области. – 4 с.
10. Паспорт памятника археологии (стоянка Станок I) / Составитель Жилин М.Г.; составлено 24.12.1980 г. // Архив департамента культуры Костромской области. – 4 с.
11. Паспорт памятника археологии (стоянка Станок II) / Составитель Жилин М.Г.; составлено 23.12.1980 г. // Архив департамента культуры Костромской области. – 4 с.
12. Патрушев В.С. Отчет об исследованиях Минского городища в 1990 г. // Архив ИА РАН Р.1. №14398. – 244 с.
13. Патрушев В.С. Раскопки Минского городища в 1991 г. // Архив ИА РАН Р.1. № 16270. – 56 с.
14. Патрушев В.С. У истоков Волжских финнов. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. – 122 с.
15. Яблокова Н.Н. Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромской области (археологическая карта) / Труды Горьковской археологической экспедиции. Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья // МИА №110. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1963. – С. 25–29.

ПЕРВИЧНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВОГО ЭТАПА КОМПЛЕКСА СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СРЕДЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ XIII–XVIII ВЕКОВ

Цель данного исследования заключается в попытке проведения первичного анализа первого этапа комплекса свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья в золотоордынское и пост-золотоордынское время, то есть в период формирования и фактического сложения собственно русского населения в изначально исконно финно-угорских (мерянских) землях. Актуальность определяется в первую очередь тем, что носители этого пласта духовной культуры естественным образом исчезают, как и сами обрядовые действия, а мода сегодняшнего дня на этническую составляющую, как правило, носит сильно популистский и псевдонаучный характер и стирает реальную природу этих обрядов. Основными итогами работы является условное выделение в комплексе свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII вв. на основе качественного содержания и хронологической последовательности определенных действий, объединенных между собой в этапы, преследующие конкретные частные цели, во-первых, и, во-вторых, проведение качественного анализа первого этапа. Подобный анализ дается с поправкой на историческую идентичность и характерную особенность этнического развития территории Костромского Поволжья развитого и позднего средневековья.

Ключевые слова: свадьба, сватовство, рукобיתье, девичья краса, сговорки, прощание с девичьей красотой.

Вступление в брак в среде сельского населения понималось как важнейшая составляющая жизненного пути, как продолжение своего рода, поскольку главной целью брака являлось рождение детей. Безбрачие расценивалось как аномалия, а холостой человек как не полноценный, способный причинить вред остальным жителям [14, с. 221].

Свадебный обряд имел постоянный состав действующих лиц – свадебных чинов. Поведение чинов регламентировалось традицией, однако допускалась и некоторая импровизация. Главными лицами были жених и невеста, вокруг которых объединялось все свадебное действо. При этом сами жених и невеста играли в обряде довольно пассивную роль. Активными участниками свадьбы являлись родители жениха и невесты, крестные, а также ближайшие родственники. Особенно важную роль играл дружка – главный распорядитель свадьбы со сторон жениха. Он должен был следить за тем, чтобы свадьба справлялась в рамках традиции, веселилась шутками и приговорами всех присутствующих, а также защищать ее участников от нечистой силы.

Свадьбы игрались соответственно земледельческому календарному циклу, а позже, с распространением христианства, и церковным канонам. Отсюда исторически сложившаяся традиция играть свадьбу в период осенних и зимних «мясоедов»¹. Осенний мясоед начинался с «Успения» (28 августа) и продолжался до рождественского (Филиппова) поста (27 ноября). В крестьянской среде этот срок укорачивался. Свадьбы начинали справлять с Покрова (14 октября) – к этому времени завершались все основные сельскохозяйственные работы. Но в некоторых местах свадьбы игрались с 1 сентября по 15 ноября. Зимний мясоед начинался

с Рождества и продолжался до Масленицы. Это был самый свадебный период в году. В весенне-летнее время свадьбы начинали справлять с «Красной горки» (первого воскресенья после Пасхи) и до Троицы. В летнее время был еще один мясоед, он начинался с Петрова дня (12 июля) и продолжался до Спаса (14 августа). В это время тоже было принято играть свадьбы [10, с. 20]. В периоды земледельческих и страдных работ свадьбы не игрались, а с проникновением в сельскую среду христианской идеологии свадьбы запрещались и во время постов (за редким исключением). Избегали также назначать свадьбы на постные дни недели – среду и пятницу [11, с. 309].

Весь комплекс обрядовых действий по качественному, функциональному содержанию и хронологической последовательности можно разделить на три условных этапа: 1-й – период ухаживания, сватовства и подготовки к свадьбе, 2-й – сама свадьба (длится, как правило, 2 дня), 3-й – послесвадебные обряды, направленные на принятие общиной в свой состав новой качественной единицы. В данной статье объектом исследования выступает именно первый этап комплекса свадебных обрядовых действий.

Сватовство. Весь свадебный ритуал начинался со сватовства, и именно от того, насколько грамотно будет проведен этот обряд, зависело, быть ли свадьбе вообще. Сватовство представляло собой переговоры сторон о возможности заключения брака, так сказать заявление о намерениях со стороны родителей жениха. Супружеский выбор жениха и невесты исследуемого периода фактически на девяносто процентов зависел от выбора родителей, мнение молодых могло не учитываться в принципе. Особое место здесь, кроме прочего, уделялось здоровью и репутации возможной невесты.

Совершалось сватовство по всем правилам этикета, заведенного в данной общине. Основные участники обряда – родители, ближайшие родственники, почти всегда вместе с женихом. В другом случае к родителям невесты и к самой невесте посылались только одна сваха, которая узнавала всю нужную информацию.

Обряд сватовства имеет определенные территориальные отличия. Для удачного достижения итоговой цели участники действий старались скрыть прямые намерения и прибегали к иносказанию. Именно поэтому во время сватовства никогда не говорили открыто, только намеками. Считалось, что уберечься от злых духов можно также избегая «несчастливых» дней, поэтому, прежде чем начинать сватовство, нужно было выбрать специальный день на неделе – «легкий». Неблагоприятными для начала сватовства днями считали среду, пятницу, понедельник. «Сватовство обычно проводится в вечернее или даже ночное время и обставляется всевозможной таинственностью. Лошадей запрягают “на задворных” или на дворе, чтобы никто не приметил» [2, с. 73].

Реакция невесты на сватовство могла быть различной. Девушка могла выказать свое отношение к жениху непосредственно сразу после сватовства либо во время рукобיתья, только говорилось это не прямым текстом, а опосредованно. Например, Н.Н. Виноградов описывает такую реакцию девушки: «...После ухода свахи, если жених невесте нравился, то невеста, сидевшая в кути, выходила, брала веник и начинала мести избу в передний угол, к иконам. Если же “суматоха” приходила с “непомысленным” женихом, то невеста мела избу от тѣбла к дверям» [2, с. 130]. Подобными действиями девушка понравившегося жениха как бы замечала в свой дом, а не понравившегося – выметала.

На протяжении всего обряда сватовства встречаются пережитки древнейших форм брака, распространенных среди славян, – так называемая «купля-продажа», уплата «вена» за невесту. Дети являлись собственностью отца, и девушка могла перейти в собственность другого мужчины либо после насильственного похищения, либо после мирной купли, посредством которой отец уступал свои права другому мужчине. Со временем такой обычай перестал существовать, но многочисленные пережитки остались. Так, в обряде сватовства он отражается в наговорах, которые произносят сваты: «у вас товар, у нас купец»; или: «у вас есть свечка, у нас денежка». А также в том, что, когда начинают обсуждать будущую свадьбу, первое, о чем договариваются, – это «сколько взять с жениха “на стол” (“вывод” за невесту)» [2, с. 76]. В деревне Базеево еще в тридцатых годах за невесту платили в прямом смысле этого слова: «В 27-м году за хорошую девку давали 105 рублей, а так – как договарятся» [12, с. 36–37]. Принятое сватов-

ство еще не означало окончательного согласия на свадьбу. Оно было лишь поводом к обсуждению полученного предложения.

Рукобיתье (пропой, богомолье) – итоговая часть сватовства, следующее обрядовое действие в комплексе свадебных обрядов, которое включает в себя договор родителей между собой (рукобיתье), застолье по этому поводу (пропой) и общую молитву (богомолье). Рукобיתье происходило через несколько дней, которые требовались для окончательного согласования материальных вопросов брака, и являлось актом, закрепляющим семейное решение о заключении брака. Обряд рукобיתья имел множество вариаций на тему, как именно могло быть скреплено решение о браке. После заключения брачного договора происходило знакомство молодых уже в новом статусе – невесты и жениха, так сказать смотрины невесты семьей жениха. Расторжение брака после этого со стороны жениха было бы очень проблематично. Еще одним важным моментом обряда рукобיתья была общая молитва Богу – «богомолье». Этот элемент обряда упоминается во всех поздних источниках и получает свое распространение после фактического утверждения христианства. Общей молитве придавалось особое значение: по всей видимости, она окончательно скрепляла решение о будущей свадьбе. «В некоторых местах перед самым богомольем хозяйка дома осматривала, плотно ли затворены все окна и двери, нет ли где незакрытого или незаткнутого отверстия, ход в голбец запирали помелом, а перед устьем печи ставили крест на крест ухват и кочергу» [2, с. 131]. Завершение обряда рукобיתья придавало новый статус молодым, а именно: они теперь звались невестой и женихом, девушку могли еще называть «сговоренкой». Именно с этого обряда начиналось прощание молодых с их прошлой жизнью.

Сговорки (девичник) – обрядовые действия, проходившие в доме невесты, направленные на прощание с предыдущей жизнью (предыдущим качественным содержанием); прощальный вечер накануне венчания, на который, по одним данным, собирались родственники со стороны жениха и невесты, по другим – только незамужние подружки невесты. По традиции, выходя замуж, девушка покидала родительский дом, а зачастую и родное село, подруг, с которыми выросла. Прощание с девичьей жизнью проходило через целый комплекс театрализованных действий. Главными действующими лицами на девичнике были невеста и ее подружки. В русской свадебной обрядности действия, во время которых невеста прощалась с девичеством, со своей прежней жизнью в родительском доме, носили собирательный характер, проходили красной нитью через многие обряды и носили общее название прощания с «девичьей красотой».

Символически понятие девичьей красоты в народном сознании связывалось с половозрастной

группой девушек, достигших репродуктивного возраста. Возраст женитьбы вообще вполне условен, однако на Стоглавом Соборе 1551 г. было дано довольно регламентированное определение: «А венчали бы отрока в 15 лет. А девицу в 20 лет. По священным правилам» [13, с. 82]. Понятие девичьей красоты становилось актуальным с момента просватанья, когда девушке приходилось непосредственно расставаться с красотой, выбиваться из круга подруг и вступать в новую половозрастную группу.

В свадебной обрядности и поэтических текстах девичья красота соотносилась с самыми разнообразными предметами и образами: это могла быть девичья коса, коса из льна или просто кудель, алая лента или связка лент, девичий головной убор или весь наряд, украшенное деревце или веник, специальный свадебный пирог [10, с. 418]. Для свадебного обряда Костромского Поволжья характерно несколько воплощений «девичьей красоты»: украшенное деревце, девичья коса и алая лента, которые играют ключевую роль в обрядах сговора и продажи косы.

Прощание невесты с девичеством воплощалось в украшенном деревце², наряжать которое начинали за несколько дней до обряда. Невеста и ее подруги дня за два до сговорок украшали «красу» разноцветными лентами, бумажками, свечками, на вершину сажали либо наряженную куклу, либо пустое куриное или сахарное яйцо. Выносит «девью красоту» самая шустрая подруга невесты, сопровождая это действие длинным «наговором». Украшенное деревце, с одной стороны, олицетворяет собой девушку и девичий период жизни, с другой – оно воплощает в себе некую утрату: утрату вольной девичьей жизни, которую символизируют на деревце разноцветные ленты и бумажки. После сватовства девушка теряла эту красоту. Куриное или сахарное яйцо, используемое для украшения «девью красы», вполне может являться намеком на будущих детей девушки. Тушение гостями свечей на «девью красе» также символизирует собой отрицание прошлой девической жизни, «задувание» ее девичества. В народном сознании с представлением о девушке всегда связывались понятия девичьей чести, невинности. Кроме того, что девушка расставалась со своей вольной жизнью, она теряла и не менее важную вещь – свою невинность, поэтому гашение свечей здесь олицетворяет также утрату главного атрибута девичества.

С потерей целостности девушки связаны и действия разрушительного характера, которые проводились с красотой. Наиболее ярко они выражены в обряде продажи косы, но и над украшенным деревцем они тоже проводились: «На другой день на углу невестиного дома красуется прибитая гвоздем «красота» [7, с. 133]. В этом обряде есть еще один момент, который заслуживает внимания. На наш

взгляд, здесь, как и в обряде сватовства, сохранились пережитки «купли-продажи», когда гости выступают в роли покупателей, а «девушка красота» (возможность погасить свечу на украшенном деревце как бы обрывала ниточку, соединяющую невесту с прошлой жизнью) – в роли товара, причем первым, кто платит «за честь невесты», обязательно должен быть жених; задача подружек невесты продать товар подороже. Все это мероприятие проходило довольно оживленно и весело и имело шутовскую, театрализованную окраску. Д.К. Зеленин предлагает искать истоки таких элементов у скоморохов, которые играли большую роль на свадьбе [5, с. 342]. Шутовской характер носят и подарки, которые преподносят подружки невесты гостям, получая за них вполне реальные деньги. «Девичьи начинают дарить всех гостей подарками, поочередно начиная с более почетных (но не с более богатых). Гости одаривают девиц деньгами» [2, с. 94].

Главной целью данных действий было прощание невесты с девичеством, с прошлой жизнью, и уже опосредованно данный обряд давал возможность многочисленным родственникам жениха и невесты познакомиться между собой. Прощание невесты с «девью красотой», на наш взгляд, можно отнести к началу довольно сложного по своей структуре обряда перехода (своего рода инициации) молодой из категории девиц в новую качественную категорию – группу замужних женщин.

Мытье невесты в бане. Довольно важной составляющей комплекса обрядовых действий I этапа являлся обряд символического мытья невесты в бане перед свадьбой. Этот обряд характерен для северных губерний Европейской России, Верхней Волги и Сибири. Накануне или за день до свадьбы невесту водили в баню. Сопровождали невесту обычно подружки или родители. Около бани ставили ворота из кольев и жердей, украшенных разноцветными лентами и бумажками. От этих ворот к дверям бани строилась дорога (коридор) из кольев, на которые незамужние девушки надевали десятка два веников, украшенных лентами и бумажками [2, с. 137]. Эта дорога (коридор) символизирует момент выхода (ухода) из половозрастной категории, в которой девушка находилась до настоящего момента (категория молодых незамужних девушек – девиц); украшенный банный веник или веточки березы, фигурирующие здесь образно, олицетворяют саму девушку (молодость, невинность)³. Для парня невесты приготавливались «разбанченный» веник, гребень⁴, шайка и кусок «барского» (не серого) мыла. Истопив баню и приготовив все необходимые вещи, девицы гурьбой идут в дом невесты, где для них ставят самовар. В конце исследуемого периода, по этнографическим сведениям, в самовар с водой добавляли водку. «Девичьи вместе с невестой пьют чай. Пьяный чай достаточно сильно кружит им головы. “Очапуривши”

от пьяной влаги, девицы начинают дурить, поют песни, по большей части неприличного содержания, и, наконец, ведут невесту в баню» [2, с. 137]. По другим данным, участники обряда берут с собой хмельное в баню. Девицы раздевают невесту, вводят ее в баню и начинают мыть. Желая сделать предстоящую брачную жизнь сладкой, на каменку поливали пиво или мед, позднее – водку. Вообще, необходимо отметить, что наличие алкогольных или слабоалкогольных напитков в подобных обрядовых действиях – вполне обычная практика.

В некоторых местах вместе с невестой в баню ходил человек, разбиравшийся в ворожбе, он следил за приметами и произносил различные заклинания. Знахарь – знаток, сведущий в делах, лекарь-самоучка, кто портит и правит людей [4, с. 689]. После того как невеста вымоется и хорошенько пропарится, знахарка или знахарь собирает фаткой (головной платок) пот невесты в стеклянный пузырек. Существовало поверье, что добавление пота молодой девушки в пиво жениху позволяет усилить, укрепить связь молодых [1, с. 105]. Подобное, на наш взгляд, связано с представлениями о том, что, имея у себя чьи-то волосы, ногти, в нашем случае пот невесты, можно на любом расстоянии навязать их владельцу свою волю; во-вторых, довольно часто подобные вещи, как представители желаемого объекта, олицетворяли того или иного человека и могли быть использованы в качестве воздействия на него.

Обряд мытья невесты в бане накануне свадьбы продолжает собой комплекс обрядов, связанных с переходом девушки в качественно новое состояние. Поэтому, кроме непосредственно самого мытья, преследовались две основные цели. Во-первых, это прощание невесты с подругами, девической жизнью и своего рода оформление факта выхода девушки из одной качественной возрастной категории. Факт перехода в другую качественную возрастную категорию оформляется, как правило, на второй день свадьбы, когда семья, родственники, община проводят ряд так называемых испытаний молодой жены. Мытье в бане водой преследует еще и момент отрицания предшествующего состояния девушки, поскольку вода изначально, как и огонь, обладает очистительными свойствами. «Вода символизирует универсальную совокупность потенциально возможного; она предваряет любые формы и служит основой всего мироздания. Погружение в воды равнозначно не окончательному исчезновению, а временному слиянию с тем, что лишено различий, за которым следует новое Творение, новая жизнь или новый человек» [6, с. 228]. Другими словами, в бане происходило символическое очищение и отрицание девушки от прошлой жизни; она становилась уже качественно другим человеком, готовым к переходу в иную, новую жизнь.

Во-вторых, в случае если с невестой в баню шла знахарка или знахарь, преследовалась и цель проведения обрядов, направленных на охранение невесты во время свадьбы от возможного колдовства, а также на то, чтобы сделать супружескую жизнь крепкой, то есть оградить (сохранить) ее от всякого зла. Женщина являлась зачинательницей жизни, именно от нее зависело продолжение рода, а в изучаемый период, при высокой смертности, особое значение приобретало здоровье женщины. И поэтому раньше для общины было очень важно, чтобы девушка могла родить крепкое и многочисленное потомство. Добрачные связи в русской деревне повсеместно встречали отрицательную оценку. Если девушка потеряла честь, её презирают и не возьмут замуж. Это является позором не только для самой девушки, но и для родителей, воспитавших её [3, с. 96].

Возможно, что обряд мытья невесты в бане раньше включал в себя дополнительную функцию: будущая жена могла подвергаться проверке, из которой можно было заключить, что девушка способна на достойное продолжение рода, что она до сих пор невинна. Роль проверяющего брал на себя знахарь – как человек, который был независим от мнения окружающих и пользовался доверием односельчан. Кроме того, исследователи XIX века, например Е.В. Аничков, высказывали предположения о том, что баня, кроме прочего, является местом культа предков, где свершались соответствующие действия в их честь, возможно поэтому, по мнению исследователей, обычай мытья невесты в бане перед свадьбой связан еще и с тем, что невеста могла там просить своих предков благословить ее на брак [15, с. 392].

Таким образом, обряд мытья невесты в бане имеет несколько значений. Во-первых, практическое значение: соблюдение санитарно-гигиенических норм; во-вторых, возможная проверка девушки на способность родить здоровое потомство; в-третьих, охранительная функция обряда – знахарь совершал ряд действий, которые оберегали невесту от зла во время свадьбы и в будущей семейной жизни. А главное, обряд несет в себе очистительную функцию – отрицания прошлого состояния девушки и подготовки к ее новому статусу женщины. По другой версии, это является пережитком древнего обряда свадьбы с духом бани – банником, которому невеста отдает свою девственность. Однако последняя мысль, на наш взгляд, не подкреплена какими-либо убедительными доводами и является малонаучной.

Таким образом, основной смысловой нагрузкой первого этапа комплекса свадебных обрядовых действий является следующее.

Во-первых, достижение договоренности родителей предполагаемых молодоженов о совершении акта бракосочетания. Здесь оговаривалась степень

включения сторон в материальную составляющую проведения данного мероприятия, определялись количество и роли приглашенных и присутствующих.

Во-вторых, подготовка молодых (будущих молодоженов) к данному мероприятию и подготовка самого мероприятия. Подготовка молодых заключалась в так называемом «обнулении» их настоящего качественного содержания, его уничтожение и отрицание путем выполнения серии обрядовых очистительных действий.

Примечания

¹ Периоды окончания полевых, огородных работ и завершение сбора и обработки урожая.

² Молодое деревце, как правило – березка или верхушка ели, олицетворяло молодую девушку репродуктивного возраста, еще не перешедшую в следующую возрастную категорию – замужних женщин.

³ Веники для бани заготавливают до цветения дерева, где само цветение понимается как зрелый, репродуктивный возраст, соответственно момент непосредственно перед замужеством девушки по возрастному критерию соотносится с начальным жизненным периодом дерева, когда и был заготовлен веник. В пользу этого утверждения говорит и тот факт, что веники украшались так же, как и «девичью красоту», используемую во время сговоров и напрямую олицетворяемую с невестой.

⁴ Гребни на Руси изготавливали из дерева и кости. Наиболее распространенное дерево, из которого изготавливались гребни, – самшит, возможно, потому что самшит по своим внешним признакам и физическим свойствам похож на кость [8, с. 103]. Использование гребня в данном обряде могло преследовать две цели. Во-первых, чисто практическую – расчесывание волос и вычесывание из волос паразитов. Во-вторых, гребни были индивидуальны для каждого человека и выступали как его неотъемлемая часть, соответственно, могли использоваться в обряде в качестве магической составляющей.

Библиографический список

1. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Фольклористика. Сборник песен. Описание русской свадьбы. – М.: Современник, 1985. – С. 402.
2. Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Этнографический сборник. – Кострома, 1917. – С. 114–118.
3. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 450 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1995. – Т. IV. – 485 с.
5. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
6. Элиаде Мирча. Миф о вечном возвращении. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.
7. Оморин А.Г. Описание великорусской свадьбы в деревне // Архив КГОИАМЗ. – Ф. документы. – Н/в 13628. – Инв. №617. – С. 23.
8. Пухначева Е.Ю. Деревянные художественные изделия в ансамбле Новгородского жилища // Новгород и Новгородская Земля. История и археология: материалы науч. конференции. – 1993. – №7.
9. Мадлевская Е.Л. Русская мифология. Энциклопедия. – М.: Эксмо, Мидгард, 2005. – 784 с.
10. Русские обычаи и обряды. Семейные обычаи. Календарные обряды. Подвижные праздники / сост. Н.А. Юдина. – М.: Вече, 2005. – 316 с.
11. Сахаров И.П. Сказания русского народа. – Тула: Приокское книжное издательство, 2000. – 480 с.
12. Свадебные ритуалы в Нейском районе Костромской области // Живая старина (23). – М., 1999. – С. 36–37.
13. Стоглав. Издание Д.Е. Кожанчикова. – СПб., 1863. – 312 с.
14. Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники. – СПб., 2003. – 560 с.
15. Язычество и древняя Русь / Аничков Е.В. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. – 426 с.

«КАТАЛОГ СВИДЕТЕЛЕЙ ИСТИНЫ» МАТИАСА ФЛАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

«Каталог свидетелей истины» Матиаса Флация (1556) обычно рассматривается как этап подготовки «Магдебургских Центурий». Тем не менее это сочинение содержит ряд оригинальных особенностей, в первую очередь в отношении экспозиции, подбора и цитирования источников, а также оно основано на оригинальной историко-церковной концепции. Анализ структуры этого сочинения помогает сделать важные выводы относительно целей этого труда и его места в ранней протестантской историографии. Флаций стремился доказать историческими методами существование невидимой Истинной Церкви, на понятии о которой базировались многие богословские суждения Мартина Лютера. Лейтмотивом сюжета стала преемственность в деятельности череды праведников (так называемых «свидетелей истины»), противостоявших искажениям церковного учения, разного рода узурпациям и отступлениям от религиозных норм, установленных Иисусом Христом. Наряду с биографиями и характеристиками отдельных деятелей, примерно четверть статей «Каталога свидетелей истины» посвящена другим темам – группам людей, мероприятиям церковной политики, событиям церковной истории и даже отдельным текстам и любопытным фактам. Проведенный анализ позволяет опровергнуть распространенные в новейшей литературе представления о «Каталоге» как об однородном и схематическом изложении концепции, а также сделать вывод о необходимости изучать «Каталог свидетелей истины» как самостоятельное историческое произведение, а не как этап в подготовке «Магдебургских Центурий».

Ключевые слова: история Церкви, лютеранская историография, «Магдебургские Центурии».

В эволюции исторической мысли второй половины XVI в. особую роль сыграла церковная историография. Старт дискуссии между протестантскими и католическими историками Церкви дал вышедший в 1559 г. первый том сочинения по истории церкви, написанный коллективом авторов в нескольких германских городах, – так называемые «Магдебургские Центурии» [2].

Важнейшим этапом подготовки этого труда стало написание в 1556 году руководителем его авторского коллектива Матиасом Флацием специального труда, формулировавшего некоторые основные элементы исторической концепции «Центурий» и называвшегося «Каталог свидетелей истины» [1]. Структурно он представлял собой перечень праведников, сторонников истинного христианства, начинавшийся со св. Петра. Так была выстроена прямая линия «свидетелей истины», то есть не связанная преемственностью череда борцов, а массовая группа единомышленников из различных эпох. Эта группа своим существованием демонстрирует читателю, что во все века вокруг веры существовала пресловутая «Истина», то есть представление о Церкви Христовой, не исказившееся вследствие различного рода злодеяний и узурпаций.

Труд Флация был целиком посвящён доказательству истинности знаменитого ветхозаветного пророчества (3 Цар., 19:18): «Впрочем, я оставил между израильянами семь тысяч мужей; всех их колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его» [4, с. 16; 5, с. 210]. В поиске опоры в прошлом ранняя Реформация находит в этих праведниках своих предшественников. Теперь Флацию следовало обнаружить их и представить как непрерывную линию. Если Реформация

стоит на тех же позициях, что и эти праведники, то она является продолжением этой линии, реализующейся как Промысел Божий, а противники её логически неопровержимо оказываются в лагере Ваала [см.: 3, с. 136].

Главной задачей автора было продемонстрировать, что самое расхожее обвинение реформаторов с католической стороны – в «новаторстве» – лишено оснований. Тезис о невидимой Истинной церкви был актуален и для Лютера, однако Лютер рассматривал его исключительно в контексте библейских пророчеств, а Флаций занялся масштабной реконструкцией в историческом смысле. Это позволило ему выйти за пределы богословия и обогатить историографию впечатляющей картиной в масштабах полутора тысяч лет истории христианской Европы, картиной, отдельные персонажи которой представляются не мучениками, погибшими за Идею, а восторжествовавшими над Злом праведниками. «Каталог свидетелей истины» – книга, воздающая славу, а не оплакивающая гибель. Возможно, последнее было бы ближе лично Лютеру; как бы то ни было, в 50-е гг. XVI века Реформация находилась уже на другом, гораздо более развитом этапе, и концепции усложнялись и развивались. Как мы видим, в ходе этого развития лютеранская концепция церковной истории изменилась также и в сторону исторического оптимизма, обрела жизнеутверждающие черты.

Основной текст «Каталога» состоит из 356 отдельных статей разного калибра и тематики (341 – в основном тексте и 17 – в «Приложении», подготовленном Флацием, пока книга находилась в печати; папа Григорий I встречается дважды – в основном тексте и в «Приложении»). Считается, что «Каталог» содержит перечень и краткую харак-

теристику праведников в лютеранском понимании, бывших предтечами самого Лютера. Подавляющее большинство этих статей посвящено персоналиям (268), однако 88 (четверть!) имеют в заголовках названия церковных мероприятий, текстов, групп людей. Разумеется, за каждым из них стоят конкретные люди, определённая часть или даже большинство из которых могли быть также признаны «праведниками» во флацианском понимании. Конечно, исторические события и тексты включены в текст книги как свидетельства массовой распространённости описываемых мнений и явлений, однако чисто формальная неоднородность структуры может указывать на недостаточно скрупулёзную научную проработку. Эта нечёткость структуры придаёт «Каталогу» публицистические черты, соответствующим образом корректируя наши представления о его жанре и предназначении.

Итак, 88 статей, не посвящённых персоналиям, делятся следующим образом. 17 из них описывают события церковной истории – Вселенские и Поместные соборы. Обращает на себя внимание тот факт, что, в основном, отмеченные Флацием Соборы приходятся на ранний период церковной истории. Шесть из них (Первый Никейский, Первый Константинопольский, Милевитанский, Халкидонский, «Шестой» Карфагенский и Турский) описаны подряд и вполне укладываются в одну линию, которую условно можно называть «Борьба Соборов против первенства пап». Если описание происходившего на этих Соборах более или менее соответствует нашим сегодняшним знаниям, то их нумерация и датировка далеки от точности. Следующий блок на эту тему представляют Констанцский и Базельский Соборы – события, знаковые для всей ранней лютеранской историографии. Помимо Соборов, отдельно в структуре «Каталога» выделяются две «схизмы» [1, с. 780, 863]. Первая из них описывает конфликт Урбана VI и антипапы Климента VII в 1378–1380 гг., ставший прологом тех событий, которые мы сегодня называем Великой схизмой. Вторая – жаркие споры и раздоры (dissidium) при дворе императора Фридриха II, ошибочно датированные 1255 годом и описанные (со ссылкой на Авентина) крайне сумбурно.

Другая любопытная группа объектов «Каталога», не соответствующих отдельным историческим личностям, – это группы людей: отдельные национальные «церкви», группы священников, группы иерархов, еретики, представители некоторых городов и даже народов. Встречаются и богословские школы, выступавшие в доктринальных диспутах с позиций, впоследствии близких лютеранам. Отдельные «церкви» выделены лишь по принципу неподчинения папству или невыполнения некоторых требований католического вероучения. В частности, «равеннская, аквилейская и миланская» выделены за то, что на протяжении примерно 200 лет

они не подчинялись папам, и лишь около 700 года Риму удалось их себе подчинить [1, с. 28]; церковь Славонии – за то, что вплоть до эпохи Флация пользовалась своим языком в богослужении и не подчинялась требованию перейти на латынь [1, с. 29]. «Английская» церковь была выделена потому, что, по утверждению Джона Бойла, до вмешательства в свои дела папы Григория I и его эмиссаров она отличалась особенной чистотой нравов. Никаких пояснений, никаких доказательств Флаций более не приводит – мнения Бойла вполне достаточно. Избранные национальные церкви выделены в главки почти в самом начале книги и расположены недалеко друг от друга.

Однако наиболее любопытной для нас является «греческая церковь», рассказ о которой имеет смысл привести целиком в буквальном переводе – он прекрасно отражает как уровень представлений о Востоке и России в позднеренессансной Европе, так и сам способ получения информации, её изложения и распространения далее:

Греческая церковь и сопряжённые с ней – азиатская, македонская, мезийская, валахская, русская, московская и африканская, то есть весь мир или уж точно намного большая его часть – никогда не принимала по всеобщему согласию папское первенство, никогда не одобряла идеи Чистилища, частных служб, бдений (как они говорят) по умершим, индульгенций, причащения под одним видом, необходимости безбрачия духовенства, поклонения статуям, и прочего подобного: но всегда противостояли этим богохульствам, в которых и заключается едва ли не вся религия Антихриста. Это свидетельство с очевидностью доказывает, что вышеприведённые идеи не являются католическими и были неизвестны древней Церкви. И если бы они практиковались в древней Церкви, то не были бы неизвестны и не отсутствовали бы в греческой, через которую христианская религия добралась до латинской и которая была её наставницей в религии. Следовательно, с самого начала существовали великие Церкви, противоречившие Антихристу; и пусть паписты не славят понапрасну вселенский консенсус своих богохульств. В самом деле, следует засвидетельствовать эту важнейшую истину.

Я слышал, что в Базеле есть рукопись исследований Эмерика, в которой он перечислил эти ошибки, а лучше сказать, истины греков:

Что святым не следует поклоняться, даже Пресвятой Деве: ибо единственным посредником является Христос.

Что только Господу мы должны исповедаться в своих грехах.

Что наказания, накладываемые священниками Папы, достойны порицания.

Ещё что всякий день подходит для любого вида пищи – мяса и прочего.

Что монашеские обеты не являются благочестивыми.

Ещё что те, кто жертвует святым какою-либо имуществу, совершает жертвоприношение Дьяволу.

Ещё что почитать крест и целовать его глупо и неблагочестиво.

Что чудеса святых ложны.

Что они проклинают освящённую воду.

Что одинаковое значение имеет крещение речной и освящённой водой.

Ещё что папские декреты и законы не следует ни слушать, ни исполнять. Однако я боюсь, что не всё из этого могло выдерживаться вплоть до наших дней, или даже в последние столетия [1, с. 13].

Неточности в тексте Флация, разумеется, не случайны: общая высокая оценка Восточных церквей наложилась в его сознании на необходимость повторить некоторые из протестантских тезисов, приписав их уважаемой церкви, блюдущей евангельские традиции. Флаций был убеждён, что эти церкви более строго по сравнению с Римской придерживаются евангельского закона; это означало, что она просто должна была соответствовать приведённым в процитированном отрывке истинам. Так появился любопытный и полный неточностей и некорректных обобщений абзац. Вообще, такой способ экспозиции аргументов характерен как для Флация, так и для многих его современников и коллег.

Отдельную категорию «Свидетелей Истины» составляют представители еретических течений – агапиты, бесериты (сочувствовавшие в VIII веке иконоборцу Бесеру), вальденсы и «болгары» (богомилы) [1, с. 36, 111, 704–761, 1067]. Излишне подчёркивать, что эти течения снискали высокую оценку Флация благодаря непризнанию авторитета римских пап. Обращает на себя внимание особенно подробное описание движения вальденсов. Славный муж и влиятельный гражданин Лиона Пётр Вальд (Вальдес) был избран Богом, чтобы противостоять «четырёх столпам Антихриста» XII века – Грациану, Петру Ломбардскому, Франциску Ассизскому и Доминику. Выступления Вальдеса и возникновение движения – высокохудожественная вставка, преисполненная не характерного для гуманистической литературы драматизма и композиционного совершенства.

Следующая группа объектов, помещённых Флацием в «Каталог», – это разного рода тексты. Главную роль среди них играют, конечно, написанные для изобличения церковных нравов или политики Рима. Череду текстов (их около пяти десятков) открывает Св. Писанием, с которого, собственно, и начинается «Каталог свидетелей истины». Писание приводится в «Каталоге» как ориентир, точка отсчёта, как главный оплот в борьбе с папством: «Св. Писание не только по сей день сражается с Папой и его заблуждениями, отстаива-

ющими противоположное учение, но и развёрнуто предсказывает будущий приход Антихриста, без обвиняков указывая, что это будет Папа, и заранее указывает на его заблуждения» [1, с. 7]. Опорой для этого утверждения служат слова апостола Павла из 1 Кор. 3:6 и 2 Кор. 6.

Персоналии «Каталога» составляют его основное содержание. Чаще всего среди них встречаются церковные авторы, папы и епископы, историки, магистры и ректоры церковных учебных заведений, проповедники, мученики и подвижники, отдельные ересиархи. Второй по многочисленности группой, вслед за церковными авторами, являются светские государи (23 человека). Связная линия преемственности между ними прослеживается с Карла Великого. Этому государю, современному ему событиям и текстам посвящены несколько статей «Каталога». Целых 30 страниц произведения посвящены Карлу Великому и событиям церковной истории, пришедшимся на его правление. Следующим важным для концепции «Каталога» государем был Оттон I – основатель и император Священной Римской империи.

Датировка в «Каталоге» очень суммарная. Практически всегда приводится только приблизительная дата, ориентирующая в эпохе, но не более того. Отсутствие систематической датировки – важный аргумент против исторического характера этого текста. Есть даже такая закономерность: чем ближе к современности, тем чаще дата даётся не как приблизительный год, а как количество «лет назад» – срок, отделяющий от современного автору читателя. Флаций обращается с историческим временем очень приблизительно, модернизирует историю, одновременно лишая свой труд чёткости и единообразия в подходе.

«Каталог свидетелей истины» не был задуман как историческое сочинение в собственном смысле слова. В нём отсутствует развёрнуто сформулированная общая концепция, не рассматривается динамика исторических событий, отсутствует сюжет. Кроме того, в этом довольно пространным тексте содержится мало хронологических данных, позволяющих хотя бы приблизительно соотносить описываемых персонажей с эпохами, в которые они жили. Книга явно носит справочный характер; очевидно, она была написана для того, чтобы на её основе создать историческую концепцию в полном смысле слова. С одной стороны, «Каталог» является бесспорным шагом вперёд, свидетельством эволюции исторической концепции, выраженной в трудах первых протестантских историков. Тем не менее проделанный анализ подтверждает правильность взгляда на «Каталог свидетелей истины» как на подготовительное сочинение, написанное для членов авторского коллектива, а также потенциальных спонсоров и покупателей будущих «Магдебургских Центурий». Отметим, что замысел

«Центурий» уже был создан и работа над ними уже велась в то время, когда Флаций составлял свой «Каталог». Очевидно, мысль о необходимости такого сочинения пришла к нему во время работы над «Центуриями», когда он понял, что замысел его слишком масштабен и слишком амбициозен, чтобы реализоваться без промежуточных публикаций. Таким образом, схематически упрощая, «Каталог свидетелей истины» можно представить как переходный этап в ранней протестантской историографии от концепции Каспара Хедии и Себастьяна Франка к «Центуриям».

Библиографический список

1. *Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae. Opus varia rerum, hoc praesertim tempore scitu dignissimarum, cognitione refertum, ac lectu cum primis utile atque necessarium. Cum praefatione Mathiae Flacii Illyrici, qua Operis huius et ratio et usus exponitur.* – Basileae: Oporinus, s. a. (1556). – XVI + 1122 p.

2. *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica.* 13 vv. – Basileae, Oporinus, 1559–74.

3. *Keute H.* Reformation und Geschichte. Kaspar Hedio als Historiograph. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980. – 423 S.

4. *Scheible H.* Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der historiographischen Methode. – Gütersloh: Mohn, 1966. – 78 S.

5. *Scheible H.* Der Plan der Magdeburger Zenturien und ihre ungedruckte Reformationsgeschichte. – Heidelberg, Univ. Diss., 1960. – 254 Bl.

УДК 930.1(091)

Митрофанов Виктор Владимирович

доктор исторических наук, профессор
Южно-Уральский государственный университет (г. Нижневартовск)
viktor-n1962@mail.ru

ОТЗЫВ С.Ф. ПЛАТОНОВА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК В.А. САМАРЯНОВА ОБ ИПАТЬЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

В работе конкретизируется деятельность С.Ф. Платонова в Ученом комитете Министерства народного просвещения, его роль в рецензировании исторических рукописей и книг, в том числе провинциальных авторов. Работа Платонова в Ученом комитете занимает особое место в его творческой биографии, именно в это время им были написаны десятки отзывов и рецензий, по которым можно не только проанализировать мнение ученого на конкретные издания, но и проследить формирование и изменение взглядов самого рецензента по актуальным и дискуссионным, а порой и малоизученным вопросам истории России. Заметим, что большинство из них остается неизвестным и стало вовлекаться в научный оборот только в последнее время. Автором впервые публикуется неизвестный отзыв Платонова на очерк В.А. Самарянова об Ипатьевском монастыре, даются ценные указания об этом отзыве, который содержит, по мнению Платонова, интересные детали, существенные достоинства и недостатки. Автор статьи отмечает, что для написания отзыва Платонов, как всегда, наводил справки о предшествующих изданиях по этой теме, по всей видимости, также просмотренных и проанализированных.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, В.А. Самарянов, Ученый комитет МНП, отзыв, очерк, провинциальная историография.

Одной из замечательных страниц административной карьеры и научно-популярной деятельности С.Ф. Платонова по праву следует считать его работу в Ученом комитете (далее – УК) Министерства народного просвещения (далее – МНП). 31 декабря 1890 г. Председатель УК А.И. Георгиевский – один из крупных деятелей народного образования в России – информировал, что по его представлению от 11 декабря министр назначил С.Ф. Платонова с 19 декабря членом УК с «вознаграждением трудов по комитету из сумм сего комитета, по тысяче руб. в год» взамен отпускаемого «ныне вознаграждения по 500 руб.». Несмотря на то что вопрос был решен быстро, перед этим шло довольно длительное согласование. Официальное

приглашение Платонову от МНП поступило еще 17 марта 1890 г. с предложением должности члена УК по рассмотрению исторических сочинений [5, с. 19]. После назначения авторитетного профессора директором Женского педагогического института в 1903 г. он покидает с 1 сентября УК. Следует подчеркнуть, что членство в УК занимают особое место в творческой биографии Платонова: именно в это время им написаны (пока точно не подсчитано сколько, а заседания комитета проходили, как правило, каждую неделю, с перерывом на летний отпуск) десятки отзывов и рецензий, по которым можно не только проанализировать мнение ученого о конкретных изданиях, но и проследить формирование и изменение взглядов самого рецензента по актуальным и дискуссионным, а порой и мало-

изученным вопросам истории России. Заметим, что большинство их остается неизвестным и стало вовлекаться в научный оборот только в последнее время [4, с. 314–326; 6, с. 90–101].

УК появился в структуре МНП как неофициальный орган при главном правлении училищ 24 октября 1817 г. Его функции на протяжении векового существования менялись. При И.Д. Делянове в конце 1882 г. он вернулся к полномочиям, утвержденным еще в бытность министром Д.А. Толстого, по поручению руководителя ведомства рассматривать: а) педагогические вопросы; б) учебные руководства и программы преподавания; в) книги, сочинения и периодические издания, которые предполагаются для распространения в учебных заведениях; г) сочинения, предназначенные для поднесения Государю Императору и особам императорской фамилии. К компетенции УК были также отнесены вопросы об ученых экспедициях, назначение конкурсов на учебные программы, присуждение премий и другие. В его состав входили председатель, назначаемый именным указом императора, неопределенное число постоянных членов, назначаемых министром, и правитель дел.

М.А. Мамонтова, анализируя некоторые рецензии и отзывы об учебных книгах, написанных Платоновым по заданию УК, отмечает, что они способствовали «выработке необходимых требований к учебной литературе» [3].

Следует согласиться с мнением А.Д. Шипилова, заметившего, что «дореволюционная провинциальная историография всегда уделяла особое внимание местным событиям, влиявшим тем или иным образом на ход общероссийской истории, а также отдельным провинциалам, ставшим лицами государственного масштаба» [11].

Книга известного провинциального историописателя В.А. Самарянова (Самарянов Василий Алексеевич (1822–1896) – областной историк [12; 13; 14]. По окончании курса в Костромской семинарии он занимал должность столоначальника поочередно в костромской, затем рязанской консистории) упоминается современными исследователями среди «цикла трудов», написанных в дореволюционное время об Ипатьевском монастыре. «Описаний Ипатьевского монастыря было создано 5, – констатирует А.Д. Шипилов, – их авторами были П.П. Свиньин, Павел II Подлипский, М.Я. Диев, В.А. Самарянов, П.Ф. Островский» [11].

В предисловии к своей книжке Самарянов объясняет причину составления своих очерков. 22 июля 1881 г. император Александр III с супругой, детьми и братом Алексеем по пути из Нижнего в Рыбинск «изволили осчастливить Кострому» своим посещением. Программа краткого визита была насыщенной: поклонение чудотворной Федоровской иконе Божьей Матери, посещение

Ипатьевского монастыря, где был отслужен молебен и осмотрены Ризница монастыря и палаты Романовых, посещение Богоявленского женского монастыря. Дворянское общество было удостоено «милостивого приема» 2 сентября, где государыне был преподнесен серебряный альбом с видами Костромы. Императора заинтересовали фотографии с изображением Романовских палат, и он просил объяснений об их состоянии до реставрации. Именно этот вопрос и натолкнул Самарянова на мысль «исследовать по печатным источникам историю палат Романовых до их возобновления». На это мероприятие было получено согласие Костромского епископа Игнатия, и работа по сбору материалов, в том числе архивных, продолжалась в 1882–83 гг. Следует обратить внимание на оговорку, сделанную автором, что он привлекает в качестве источников «старые описные книги церковных и монастырских зданий», «контракты на строительство работ, указы святейшего Синода», «отношения Обер-прокуроров к местным архиереям», «печатные издания» (при этом не указывая, какие именно, кстати, и списка использованной литературы он не составил) и «материалы бывшей губернской строительной и дорожной комиссии». Однако перемещение на службу в другую губернию (Рязанскую), семейные проблемы задержали обработку материалов. И только через 10 лет, теперь уже рязанский историк, возвращается к продолжению реализации своего замысла и издает очерк не «по уверенности в его достоинствах», а потому, что данные ему «древние источники исчерпаны ... и сказать больше того, что ... изложено в предложенном очерке, нет на месте данных» [8, с. III–IV].

Книга состоит из предисловия, 6 отдельных очерков: 1. Краткий исторический очерк Костромского Ипатьевского монастыря, в котором находился дворец царя и великого князя Михаила Федоровича; 2. Место, занимаемое палатами Романовых в монастыре. Когда и кем они построены. Кто занимал это здание до и после 1913 г. 3. Состояние наместнических келий в XVII–XVIII вв. 4. Наместничьи кельи в начале XIX века принимают название царских чертогов и дворца царя и великого князя Михаила Федоровича. Ряд мер со стороны епархиального начальства к сохранению чертогов от разрушения; 5. Следы особого внимания членов царствующего дома к кельям Михаила Федоровича в Ипатьевском монастыре по делам и документам, начиная с XVII в. до нашего времени; 6. Посещение Ипатьевского монастыря и палат Михаила Федоровича высочайшими особами царствующего в России дома. Представляют интерес 10 вклеек с видами монастыря, портретами Михаила, его отца и матери, памятника Ивану Сусанину, специального плана монастыря, смета архитектора Мичурина на «исправление ветхостей в кельях

наместнических 1742», на общую сумму 265 руб. 3 коп., экспликации плана монастыря, на 5 (83–88) страницах – «Опись древностей Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря, не относящихся к богослужению, но имеющих особую важность в отношениях историческом и археологическом, составленная в 1855 году». Следовательно, содержание небольшой книжки довольно насыщено и сегодня представляет историографический, фактологический, археологический интерес.

Мы коснемся отзыва, составленного Платоновым 6 марта 1894 г. на эту книжку, по всей видимости, наспех. Он небольшой, написан на одном листе с двух сторон, вероятно неоконченный, на что указывают многоточия в тексте в двух местах. По сути, отзыв содержит подмеченные при быстром чтении детали, существенные достоинства и недостатки труда. Для написания отзыва Платонов, как всегда, наводил справки о предшествующих изданиях по этой теме [7; 9], по всей видимости также просмотренных и проанализированных. При этом не упоминает другие к этому времени опубликованные подобные издания [1; 15, с. 1–44]. Принципиальное замечание, сделанное рецензентом таково: «археологическое значение зданий никак нельзя считать важным», а сами постройки могут иметь интерес «только вместе с историей данного места вообще». Мысль совершенно замечательная, актуальная и для нашего времени. Нельзя реставрировать памятники без учета условий, в которых они создавались, изменяя их предназначение, даже если это оправдано красотой и требованиями новых вкусов. Поэтому один из просчетов автора очерка Платонов видит в том, что он «мало говорит о древнейшей истории всего монастыря», который является «колыбелью необъятной славы» (Платонов цитирует Указ Св. Синода от 21 авг. 1842 г.), увлекаясь изложением сведений о «судьбе зданий». Вот так, конкретными «мазками», всего несколькими словами талантливый художник слова, в оценке С.О. Шмидта, «хорошо знакомый с русской литературой» [16, с. 45], оценивает значение книги.

Высказано мнение о предназначении книги Самарянова для учеников, которым она «не будет доступна пониманию». Но автор отзыва склонен «одобрить» труд для фундаментальных библиотек, что следовало рассматривать большой удачей.

Для любого исследователя появление отзыва на его труд является важной коммуникацией, рефлексией, необходимой для творческих исканий, рассматриваемый отзыв же следует рассматривать, скорее всего, как цензурную процедуру и рекомендацию к публикации. Этим объясняются и его краткость, и структура.

Таким образом, Платонов явился тем сотрудником УК, который дал зеленый свет публикации труда костромского любителя истории, который

сегодня, являясь частью костромского романоведения, занимает достойное место в провинциальной историографии.

Введение в научный оборот очередного отзыва, вышедшего из-под руки выдающегося историка, будет способствовать конкретизации представлений о его творческой лаборатории.

Текст рецензии (Отдел рукописей)

Российской Национальной библиотеки.

Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1434. Л. 1-2об.)

Платонов С.Ф. Памяти бояр Романовых. Книга В.А. Самарянова.

Отзыв 6 марта 1894 г.

Секретарь Рязанской духовной консистории Вас. А. Самарянов в докладной записке г. Министру правильно объясняет, что настоящее его согласие «удостоено... (так в рукописи. – В.М.) на этом основании с решением обратиться к г. Министру с просьбою о том, не удовлетворяет ли его сей... (так в рукописи. – В.М.).

Книга Самарянова содержит в себе, главным образом, описание и историю постройки в ограде Ипатьевского монастыря, в котором, как это теперь признается, пребывал царь Михаил Федорович Романов в дни избрания его на царство и который в XVII и XVIII в. под названием паломнических келий не один раз ремонтировавшихся и перестраивавшихся. Две различных притчи известны [1]. Пока в начале текущего века не получили значение исторического памятника и пока не было в 30-х г. поднят вопрос их реставрации [2]. В этих палатах не только не сохранилось современного царю Михаилу Федоровичу обстановки, но и архивные формы менялись много раз, так что археологическое значение зданий никак нельзя считать важным [3]. Поэтому и история здания реальна, она не приводит и к шаткому восстановлению, действительно, старейших форм постройки, может иметь интерес не сама по себе, а только вместе с историей данного места вообще. В труде же г. Самарянова как раз очень много уделено места сведениям, оказавшим судьбе здания, и очень мало говорится о древнейшей истории всего монастыря. Правда можно заметить, что история монастыря уже дважды очень обстоятельно была рассказана в напечатанных его «описаниях» (1832 и 1870 гг. [7; 9]). Так что г. Самарянову не было нужды повторять известного.

Но для школьных библиотек, тем не менее, лучше было бы иметь хорошее описание всего монастыря, бывшего, по выражению священного Синода, «колыбелью необъятной славы», чем историю одного строения, которое в настоящих своих формах вряд ли и было такою. По этим соображениям и решаюсь сказать, что относительно составленного и хорошо изложенного трудом Самарянова, кажется, труд слишком ужало содержание, не мо-

жет иметь общего интереса и не будет доступен пониманию учеников. Самое большее, что можно сделать для распространения этой книги, это, по моему мнению, одобрить ее для фундаментальных библиотек средних учебных заведений. Прибавлю, что изданная книга в IV–IX, 87 стр. ценой 1–25 коп. очень высока, а рисунки в ней невысокого достоинства.

Примечания

1. Согласно наиболее общепринятой версии, монастырь основан около 1330 г. татарским мурзою Четом, родоначальником рода Годуновых, бежавшим из Золотой Орды к Ивану Калите и принявшим в Москве крещение под именем Захария (см.: Палаты бояр Романовых... С. 2). Впервые в летописях монастырь упоминается в 1435 году, когда в ходе междоусобной войны московских и галичских князей весной этого года «на мысе у святого Ипатия, межи Волгою и Костромы». Автором же выдвигается версия, что Ипатьевский монастырь основан новгородцами в 1-ой половине XIII века, он пишет: «Судя по всему, монастырь был основан в зоне расселения новгородских переселенцев или в середине, или, вероятнее, – в 1-й половине XIII века, ещё до монголо-татарского нашествия» [2, с. 7–19].

2. В 1830-е годы, по указу Николая I, в Ипатьевский монастырь прибыл профессор Императорской Академии художеств К.А. Тон, которому было поручено составить проект реставрации Палат и некоторых других монастырских строений. Однако реставрация К.А. Тона не решила проблему возвращения памятнику его первоначального облика. Ремонтно-реставрационные работы были направлены лишь на внешнее обновление здания.

3. Например, посетив в 1858 г. Ипатьевский монастырь, Александр II дал указание о реставрации монастырской кельи, где в 1613 и 1619 гг. жил родоначальник династии, – «царские чертоги во вкусе XVII века». Эта работа была поручена архитектору Ф.Ф. Рихтеру, который к этому времени руководил подобными работами в Москве, восстанавливая боярский терем Романовых на Варварке. В Костроме работы окончены в 1863 г., когда были освящены и «Кельи царя Михаила Федоровича». Обер-прокурор синода К.П. Победоносцев, сопровождая наследника Александра Александровича во время посещения Костромы, высказал критические замечания по вопросам подходов к реставрации известного архитектора.

Библиографический список

1. Диев М.Я. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. – М.: Издательство «Тип. А. Семне», 1858. – 92 с.
2. Зонтиков Н.А. Когда и кем был основан Ипатьевский монастырь // Костромской край,

история и культура / Краеведческий альманах «Костромская земля». – Кострома: Костромской общественный фонд культуры. – 2006. – Вып. 6. – 624 с.

3. Мамонтова М.А. С.Ф. Платонов: поиск модели исторического исследования: дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002. (Рукопись).

4. Мамонтова М.А. С.Ф. Платонов как рецензент // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. – СПб: Любавич, 2011. – 502 с.

5. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и развитие истории образования в России (до 1917 г.). – Лангепас; Екатеринбург: Из-во УРАГС, 2009. – 200 с.

6. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и Ученый комитет Министерства народного просвещения // Тюменский исторический сборник. – Тюмень: Издательство «Бектор Бук», 2006. – Вып. IX. – 296 с.

7. Островский П.Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного Ипатьевского монастыря. – Кострома: Типография Андрошикова, 1870. – 312 с.

8. Палаты бояр Романовых, или Дворец царя Михаила Федоровича в Костромском кафедральном 1-го класса Ипатьевском монастыре: (исторический очерк по делам и документам Ипатьевского архива) / сост., авт. предисл. В.А. Самарянов. – Рязань: Типо-литография Н.Д. Малашкина, 1892. – 97 с.

9. Павел II Подлипский. Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в Костроме юный Михаил Федорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на царство Русское. Составлено из подлинных монастырских бумаг. – М., 1832.

10. Рец.: Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печатным источникам, собранный Н.Н. Селифонтовым. – Ч. 1 // Исторический вестник. – 1901. – Т. 84. – № 5. – С. 756–757.

11. II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / сост. и науч. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.

12. Самарянов В.А. Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. – Рязань, 1884. – 105 с.

13. Самарянов В.А. Город Галич Костромской губ. в начале XVII в. – Кострома, 1887. – 33 с.

14. Самарянов В.А. Стефан Яворский, митрополит Рязанский и Муромский. – Рязань, 1895.

15. Свиньин П.П. Ипатьевский монастырь // Отечественные записки. – 1820. – Ч. 1. – № 1. – С. 1–44.

16. Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). – М.: Наука, 2010. – 147 с.

КАДРЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ И ЧЛЕНОВ ОКРУЖНЫХ СУДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Автором рассматривается кадровый состав Ярославского и Рыбинского окружных судов, созданных в результате судебной реформы 1864 года. Охарактеризованы правовое регулирование назначения и цензовые требования к членам окружных судов; приведены данные об образовании, сроках службы, рангах (классах), жаловании председателей и членов окружных судов. В ходе судебной реформы была сделана ставка на формирование нового типа судьи-профессионала, не только знающего законы, но и глубоко уважающего права и интересы личности, понимающего истинные цели правосудия. Показано, что на должности председателей окружных судов назначались лица, не только имевшие высшее юридическое образование, но и обладавшие высокими моральными качествами и большим практическим опытом работы в судебных учреждениях. Кадровый дефицит в первые пореформенные годы предопределил довольно быстрый карьерный рост многих чиновников судебного ведомства. Но постепенно число вакансий сокращалось, и с 1880-х годов утвердилась стабильность судейского корпуса окружных судов, и нередкими были двадцатилетние и даже более продолжительные сроки пребывания председателей и членов окружных судов в должности. Положительное влияние на кадровый состав окружных судов в Ярославской губернии оказывало наличие Ярославского Демидовского юридического лица.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 года, окружные суды, председатель окружного суда, члены суда, Ярославская губерния.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. провозгласили независимость и несменяемость судей, равенство подданных Российской империи перед законом, презумпцию невиновности, принципы устности, гласности и состязательности судопроизводства. Несомненно, результативность работы новых судебных мест зависела не только от продуманной структуры, но и от их кадрового состава. Конечно, сначала принимались законы, но не менее важно было найти людей, которые бы воплотили новые принципы правосудия на практике. Не случайно формирование корпуса председателей и членов судов, соответствующих задачам нового времени, заняло долгий период.

Первые публикации о судебной реформе 1864 г. начали выходить в XIX столетии [2; 5]. В советский период развитие судебной системы отчасти затрагивалось в русле изучения государственных институтов дореволюционной России [3]. В современный период юристов и историков продолжают интересовать как проблемы подготовки и проведения судебной реформы, так и различные аспекты деятельности судебной системы и её институтов – суда присяжных, мировых судов, прокуратуры [4; 6]. Уже появились работы о проведении судебной реформы в Ярославской губернии и о Ярославском окружном суде [8; 14]. Однако кадровый состав Ярославского и Рыбинского окружных судов еще не становился предметом специального рассмотрения.

Делопроизводственные материалы Ярославского окружного суда составляют фонд 346 в Государственном архиве Ярославской области (21,5 тыс. единиц хранения, включенных в 15 описей). В фонде отложились императорские указы, циркуляры Министерства юстиции, приказы председателей Ярославского окружного суда, судебные дела, списки присяжных заседателей, книги опре-

деления и увольнения чиновников и судебных приставов и т.д. Материалы о кадровом составе суда в основном представлены в описи 7. Это личные дела чиновников судебного ведомства с их формулярными списками, приказами о перемещениях по службе, об отпусках, о принятии на службу, о наградах и взысканиях, требовательные ведомости на выдачу жалованья [9–13].

Окружные суды являлись низшей инстанцией в системе общих судов, и их юрисдикция распространялась на губернию или несколько уездов. Окружные суды рассматривали гражданские и уголовные дела, превышавшие подсудность мировых судей, а также должностные преступления чиновников с 14-го по 9-й классы. В окружных судах действовал суд присяжных. Гласность и состязательность суда обеспечивались прокурорами и присяжными поверенными (адвокатами). К судебной власти относились «органы предварительного производства» – судебные следователи. Помимо того, при окружных судах состояли частные поверенные (еще одна категория адвокатов) и судебные приставы. К окружным судам также относились нотариат, канцелярия, рассылные, сотрудники архива и кассы [4, с. 396–398]. Конечно, нельзя не принимать во внимание ту общественную атмосферу, которая складывалась вокруг деятельности нового суда в провинции. Новые суды по всей империи в первые годы их деятельности окружали доверие и публичное внимание.

19 октября 1865 г. Александром II были утверждены «Временные штаты для судебных мест». Согласно штатам, учреждались бессловесные окружные суды, которые делились на четыре разряда по количеству служащих. Суды первого разряда предназначались для столичных городов; второго разряда – для губерний, где учреждался один

окружной суд. Суды третьего разряда открывались в губерниях, где планировалось открыть еще один окружной суд; окружные суды четвертого разряда открывались в уездных городах. Указ императора от 2 октября 1866 г. «Об образовании окружных судов» гласил, что в Новгородской, Тверской, Владимирской и Ярославской губерниях надлежит образовать окружные суды в течение ноября 1866 г., «в таком составе, чтобы установления сии могли открыть распорядительные заседания, на точном основании Учреждения судебных установлений» [7, с. 82–83].

В Ярославской губернии было открыто два окружных суда – в губернском центре (суд третьего разряда) и в уездном городе Рыбинске (суд четвертого разряда). Под юрисдикцией Ярославского окружного суда первоначально находились 6 из 10 уездов Ярославской губернии (Ярославский, Ростовский, Даниловский, Романово-Борисоглебский, Пошехонский, Любимский). Рыбинский окружной суд действовал до 1890 г. Затем этот округ ликвидировали, а четыре входивших в него уезда – Рыбинский, Угличский, Мышкинский и Мологский – вошли в округ Ярославского окружного суда. В соответствии с законом от 12 июля 1889 г. о преобразовании крестьянских учреждений и судебной части к окружным судам частично перешли функции участковых мировых судей и мировых съездов, в том числе составление списков присяжных заседателей. Помимо прочего, вводились новые должности, призванные снять часть нагрузки с окружных судов, – должности городских судей и уездных членов окружного суда [4, с. 372].

Председателем Ярославского окружного суда еще до его официального открытия 2 октября 1866 г. был назначен Карл Карлович Поппе, ранее служивший в Московской судебной палате, а Рыбинский окружной суд возглавил бывший председатель Псковской уголовной палаты Ковалевский. Личности первых председателей окружных судов наглядно показывали, что правительство стремилось видеть в их числе лиц, не только имевших высшее юридическое образование, но и обладавших высокими моральными качествами и большим практическим опытом работы в судебных учреждениях.

Так, первый председатель Ярославского окружного суда Карл Карлович Поппе (1822–1875) был одновременно практиком и видным цивилистом. После окончания Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата права он служил при Санкт-Петербургской палате уголовного суда, а затем был переведен на должность товарища председателя Вятской палаты уголовного и гражданского суда. Затем служил Екатеринбургским губернским прокурором и председателем Олонецкой палаты уголовного и гражданского суда, председателем Вятской палаты уголовного и гражданского суда. В

апреле 1866 г. он стал членом Московской судебной палаты, а в октябре того же года был назначен председателем Ярославского окружного суда [10]. С учетом опыта его работы Карл Карлович Поппе поместил в «Своде замечаний о применении на практике судебных уставов» 1867 и 1868 гг. несколько замечаний о применении на практике отдельных статей «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», а в «Своде замечаний о применении на практике судебных уставов» за 1868 г. были опубликованы его соображения об улучшении следственной части.

9 июня 1871 г. «по прошению» последовал указ о назначении Карла Карловича Поппе председателем Самарского окружного суда, а в Ярославль был отправлен с этого поста Николай Михайлович Окулов (1835–1899). Он прекрасно знал специфику данной службы и, более того, был уроженцем Ярославской губернии, где в Пошехонском уезде находились родовые имения Окуловых. После окончания Императорского училища правоведения в Санкт-Петербурге Окулов начал службу помощником секретаря в 1-ом департаменте Правительствующего Сената. В течение следующих лет сменил несколько мест службы: товарищ председателя Вологодской уголовной палаты, пензенский и псковский губернский прокурор. 2 октября 1866 г. Н.М. Окулов стал первым прокурором Рыбинского окружного суда и занимал эту должность в течение двух лет. В октябре 1868 г. последовало его назначение на должность прокурора Харьковской судебной палаты, а в 1870 г. Н.М. Окулов стал первым председателем Самарского окружного суда [12]. Председателем Ярославского окружного суда Окулов прослужил около восьми лет.

Следующий председатель Ярославского окружного суда Борис Алексеевич Лопухин (1844–1915) занимал этот пост более десяти лет – с 1878 по 1889 год. Как и его предшественники, он имел высшее юридическое образование (степень кандидата права после окончания Императорского Московского университета) и большой практический опыт службы в Министерстве внутренних дел и Министерстве юстиции. В том числе в течение 1868 г. он был исполняющим должность товарища прокурора Ярославского окружного суда. До второго назначения в Ярославль Б.А. Лопухин успел послужить товарищем прокурора Владимирского и Московского окружных судов, прокурором Новгородского и Варшавского окружных судов [9].

В январе 1890 г. председателем Ярославского окружного суда был назначен Николай Авксентьевич Манасеин (1847–1919). Два сводных брата, полные тезки, носили одинаковое имя – Николай Авксентьевич Манасеин, и оба прославились на юридическом поприще. Их отец майор Авксентий Петрович Манасеин, будучи дважды женат, в обоих браках имел сыновей, которых звали Николая-

ми. От брака с Марией Александровной Дроновой родились сыновья Иван, Петр, Алексей и Николай. А от второго брака с Софьей Николаевной – еще трое: снова Николай, Василий и Михаил. Конечно, более широкую известность из братьев получил старший Николай Авксентьевич Манасеин (1835–1895) – министр юстиции Российской империи и генерал-прокурор Правительствующего Сената, член Государственного совета.

Практически тот же путь в начале служебной карьеры прошел его сводный брат Николай Авксентьевич Манасеин (1847–1919), в будущем председатель Ярославского окружного суда. Он был на двенадцать лет младше брата, тоже родился и окончил гимназию в Казани. А дальше там же поступил в университет – в отличие от брата, учившегося в столице. Ко времени назначения в Ярославль Манасеин-второй имел за плечами весьма богатый опыт работы по судебному ведомству, был товарищем прокурора Псковского и Варшавского окружных судов, прокурором Полоцкого и Симбирского окружных судов. В 1884 г. он стал членом Московской судебной палаты, а затем был назначен председателем Ярославского окружного суда. После 25 службы на этом посту в июне 1915 г. он был уволен в отставку, по болезни, с мундиром, должности присвоенным, и пенсией. В октябре того же года Н.А. Манасеин стал сенатором «с сохранением получаемой им пенсии» в размере 2 тыс. руб. в год [11].

Последним председателем Ярославского окружного суда с 1915 по 1917 год был действительный статский советник Аполлинарий Васильевич Бакланов (1863 – после 1917 г.), и его двухлетний срок службы стал самым коротким для председателей Ярославского окружного суда за его полувековую историю (в среднем он составлял более десяти лет). Средний возраст вступления в должность председателей окружного суда составлял 42 года, у членов суда – около 30–35 лет.

До судебной реформы 1864 г. не существовало правового регулирования назначения судей и разработанных требований к ним. «Учреждение судебных установлений» вводило четкую систему назначения членов судебных палат и окружных судов. Одним из важнейших условий вступления в судебную должность признавалось «нравственное совершенство», поскольку поведение судьи должно было служить примером для лиц, участвующих в процессе, а сам судья являлся воплощением судебной власти в целом. Запрещалось поступление на судебские должности лицам, «подвергшимся за преступления заключению в тюрьме или иному, более строгому наказанию». В ходе судебной реформы была сделана ставка на самостоятельную и сильную судебную власть и формирование нового типа судьи-профессионала, не только знающего законы, но и глубоко уважающего права и интересы личности, понимающего истинные цели правосудия.

С 1864 г. для судей вводился образовательный ценз. На должность председателя, товарищей председателя и членов судебных мест могли назначаться только лица, имеющие «аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, или о выдержании экзамена в сих науках, или же доказавшие на службе свои познания по судебной части» [4, с. 416]. Таким образом, одновременно предусматривался и служебный ценз. Служебный ценз предусматривал, что для получения должности членов окружного суда необходима была служба по судебному ведомству не менее трех лет в званиях не ниже секретаря окружного суда или не менее десяти лет в звании присяжного поверенного [4, с. 417].

Имущественный ценз для судей состоял в том, что на судебскую должность не могли претендовать лица, объявленные несостоятельными должниками, и лица, состоявшие под опекой за расточительность. Указаний на возрастной ценз судей в законодательстве не было. Но поскольку для занятия должности члена окружного суда необходимо было проработать в судебном ведомстве не менее трех лет [4, с. 416], то члены судов естественно не могли быть моложе 25 лет. Верхнего предела возраста для судей не существовало. В итоге судьи старались прослужить как можно дольше, а молодежи путь на судебские должности был практически закрыт.

По новым судебным уставам 1864 г. судьи получали особый статус, отличающий их от обычных чиновников. Он предполагал независимость, несменяемость, неприкосновенность, несовместимость должностей для судей. Это должно было, в свою очередь, гарантировать добросовестное исполнение каждым судьей своих обязанностей, а также оградить судей от влияния властей.

Важной составляющей принципа независимости судей являлись их высокие должностные оклады, что должно было также исключить возможность взяточничества судей. Согласно судебным уставам 1864 г., председатель окружного суда должен был получать 4,5 тыс. руб. в год, товарищ председателя – 3,4 тыс. руб., а член окружного суда – 2,2 тыс. руб.; и, несмотря на инфляцию, до середины 1880-х годов размеры окладов судей не пересматривались. Для сравнения отметим, что в 1880-е гг. в среднем по России оклад губернаторов составлял от 5 до 8 тыс. руб., а вице-губернаторов – от 2570 до 4350 руб. Правитель канцелярии губернатора (8 класс) получал 1,5 тыс. руб., а его помощник – 800 руб. Чиновники для письма 12 класса в канцелярии губернатора получали от 300 до 360 руб., канцелярские служащие такого же уровня в губернском правлении – от 180 до 300 руб. Таким образом, должностные оклады судей были выше, чем оклады большинства чиновников в губернских учреждениях. В дальнейшем оклады

судей пересматривались в сторону увеличения, которое, однако, не было весьма заметным. Вместе с тем нагрузка на судей с годами все возрастала.

Институт несменяемости судей понимался как ограждение судей от произвольного увольнения, перемещения и оставления за штатом. Дела о дисциплинарных проступках председателей, товарищей председателя и членов окружных судов находились в ведении судебной палаты.

Судья не получал чинов в порядке общего чиновпроизводства, действовавшего для всех государственных служащих империи, а награду мог получить только по личному усмотрению императора. При открытии вакансии члена окружного суда созывалось общее собрание его членов, которое после обсуждения с участием прокурора кандидатур, отвечавших общим требованиям для назначения на должность судьи, избирало одного из кандидатов. Представление кандидата направлялось через старшего председателя судебной палаты министру юстиции, который, со своей стороны, имел право представлять на открывшиеся вакансии судей и своих кандидатов. Окончательное решение о назначении на должность судьи принадлежало императору [4, с. 354–355].

Например, когда член Ярославского окружного суда С.А. Брайчевский подал прошение об отставке, открылась вакансия судьи. 28 января 1889 г. на заседании, проходившем под председательством Бориса Алексеевича Лопухина, достойными занять эту вакансию были признаны два из четырех претендентов, а именно: старший нотариус Ярославского окружного суда Виктор Генрихович Дюмулен и следователь 2-го участка Ярославского уезда Алексей Николаевич Орлов. К этому времени оба они трудились на разных должностях при Ярославском окружном суде около 20 лет, и в итоге должность судьи получил А.Н. Орлов.

Что касается принципа несовместимости должностей для судей, он предполагал, что с судебными должностями были несовместимы никакие должности на государственной или общественной службе. При этом допускалось участие судей в научной и благотворительной деятельности.

В первый состав Ярославского окружного суда под председательством Карла Карловича Поппе вошли товарищ председателя коллежский советник Николай Петрович Наумов и три члена суда, затем добавился еще один член суда. В 1880-е годы число членов Ярославского окружного суда увеличилось до восьми человек – председатель, товарищ председателя и шесть членов суда (по три на гражданское и уголовное отделение соответственно). Так, в 1881 г. под руководством председателя Б.А. Лопухина в составе суда служили товарищ председателя В.В. Половцев и члены суда Н.А. Тверицкий, М.В. Хабаров, В.А. Волков, А.П. Ждан-Пушкин, С.А. Брайчевский, А.Н. Амиторов; исполняющий

должность прокурора А.Д. Муромцев; секретарь Николай Антонович Мартынов (в 1890 г. он стал старшим нотариусом суда).

Из особенно долго служивших судей отметим Владимира Александровича Волкова («в службе с 8 августа 1850 года, в Министерстве юстиции с 9 ноября 1866 года», в должности судьи более 25 лет – с 1874 г.). Николай Михайлович Архангельский являлся товарищем председателя Ярославского окружного суда с 1890 до 1913 г. В Министерстве юстиции он был «в службе с 30 июля 1870 года», и его стаж работы в ведомстве составил рекордные 43 года. Михаил Венедиктович Хабаров начал службу в Министерстве юстиции с февраля 1864 г. С момента учреждения Ярославского окружного суда стал судебным следователем в Романове-Борисоглебске, затем в Ярославле, а с 1871 г. – судебным следователем при Ярославском окружном суде. В июле 1873 г. он был назначен членом Ярославского окружного суда и к концу XIX в. остался единственным судьей, имевшим стаж с дореформенного времени, а всего он прослужил в одном учреждении более 40 лет.

Все председатели и члены Ярославского окружного суда имели высокие чины по «Табели о рангах» – 4-й (действительный статский советник) и 5-й (статский советник). Это, как и стабильность корпуса судей, было еще одной характерной чертой Ярославского окружного суда.

Тенденцию долгой службы председателей и судей подтвердило изучение материалов Рыбинского окружного суда, включенных в фонд Ярославского окружного суда. С 1871 по 1874 год Рыбинский окружной суд возглавлял барон Владимир Фёдорович Раден. На этом посту его сменил Николай Петрович Томсен (1840–1906) – еще один выпускник Императорского училища правоведения и опытный юрист (до этого служил при Сенате и был прокурором Нижегородского окружного суда). Он возглавлял Рыбинский окружной суд с 1875 г. до его упразднения в 1890 г., то есть более пятнадцати лет. К концу службы в Рыбинске Н.П. Томсен получил чин действительного статского советника; жалование имел в размере 2,5 тыс. руб. в год, «столовых» и квартирных – по 1 тыс. руб., что в сумме давало 4,5 тыс. руб. [13]. После упразднения Рыбинского окружного суда Н.П. Томсен стал председателем Екатеринодарского (ныне г. Краснодар) окружного суда. Перед выходом в отставку в конце XIX века, как опытный юрист, он участвовал в работе комиссии при Государственном совете для составления проекта закона о нормировании рабочего времени.

В течение шести лет перед закрытием Рыбинского окружного суда в 1890 г. в его состав бесменно входили: председатель Н.П. Томсен, члены суда – действительный статский советник Александр Сергеевич Хомутов, надворные советники Сергей Михайлович Бочков и Александр Алексее-

вич Игнатъев. Как видим, в Рыбинском окружном суде у судей ранги были ниже, чем в Ярославле (с 4-го до 7-го).

Введение новых судебных уставов потребовало большого числа юристов-практиков для работы в новых судах, что привело к позитивным переменам в жизни Ярославского Демидовского лицея, основанного в 1803 г. [15]. В архиве сохранились многочисленные прошения о поступлении выпускников лицея в Ярославский окружной суд. Например, в числе первых 17 ноября 1866 г. председатель суда Карл Карлович Поппе получил прошение студента Демидовского лицея Дмитрия Михайловича Хабарова о назначении его кандидатом на судебные должности при Ярославском окружном суде (его отец М.В. Хабаров в то время уже был судебным следователем) [1]. Однако в целом «семейные династии» в Ярославском и Рыбинском окружных судах практически не встречались. Наличие в Ярославской губернии высшего юридического учебного заведения улучшало кадровый состав судей и всех чиновников судов. Однако среди председателей местных судов его выпускников выявлено не было.

Таким образом, изучение материалов окружных судов Ярославской губернии – Ярославского и Рыбинского – позволило проанализировать особенности формирования корпуса председателей и членов окружных судов после судебной реформы Александра II. Изученные материалы показали, что председателями окружных судов становились высокообразованные и наиболее опытные юристы. Это, как и вся судебная реформа, несомненно, содействовало улучшению отправления правосудия в государстве, включая судебную защиту прав личности. Кадровый дефицит в первые пореформенные годы предопределил довольно быстрый карьерный рост многих чиновников судебного ведомства. Но постепенно число вакансий сокращалось, и вместе с этим уменьшались шансы на быструю карьеру в судебном ведомстве. С 1880-х годов утвердилось стабильное судейское сословие окружных судов, и нередкими были двадцатилетние и даже более продолжительные сроки пребывания председателей и членов окружных судов в должности.

Библиографический список

1. Государственное казенное учреждение Ярославской области Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) – Ф. 346. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 10.
2. Джанишев Г.А. Основы судебной реформы: сб. статей. – М.: Статут, РАП, 2004. – 316 с.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Третий Рим, 1997. – 357 с.
4. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семизин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. – М.: Мысль, 2003. – Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. – 829 с.
5. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: исторический очерк. – СПб.: Сенатская типография, 1902. – 351 с.
6. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов: Изд-во Саратовского юрид. ин-та МВД РФ, 1999. – 256 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – СПб., 1830–1884. – Т. 41. – Отд. II. – № 43696.
8. Сарбунова Н.Л. Параллели истории: (к 140-летию Ярославского окружного суда) / авт. предисл. В.Н. Ананьев. – Ярославль: [б.и.], 2006. – 136 с.
9. Формулярный список Бориса Алексеича Лопухина 1885 г. // ГАЯО. – Ф. 346. – Оп. 7. – Д. 260. – Л. 47–52.
10. Формулярный список Карла Карловича Поппе 1870 г. // ГАЯО. – Ф. 346. – Оп. 7. – Д. 369. – Л. 55–68.
11. Формулярный список Николая Авксентьевича Манасеина 1890 г. // ГАЯО. – Ф. 346. – Оп. 7. – Д. 26. – Л. 2–11.
12. Формулярный список Николая Михайловича Окулова 1876 г. // ГАЯО. – Ф. 346. – Оп. 7. – Д. 333. – Л. 44–54.
13. Формулярный список Николая Петровича Томсена // ГАЯО. – Ф. 346. – Оп. 7. – Д. 127. – Л. 42–46.
14. Шелоумова М.Л. Судебная реформа 1864 г. в России (по материалам Ярославской губернии): автореф. дисс. ... канд. юр. наук / Рос. акад. правосудия. – М., 2004. – 23 с.
15. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С.А. Егорова, А.М. Лушниковой, Н.Н. Тарусиной. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 834 с.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ В РАЗРЕШЕНИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ НА РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

В статье рассматриваются действия предпринимателей и управляющих в ходе трудовых конфликтов на российских промышленных предприятиях в течение предреволюционного десятилетия 1895–1904 гг. В условиях отсутствия профсоюзов и усиливавшегося влияния левых партий, подталкивавших рабочих к наиболее радикальным методам борьбы за улучшение своего положения, действия и руководителей предприятий, и представителей местных властей имели огромное значение и могли привести как к затуханию конфликта в результате нахождения компромисса, так и к развитию его по нарастающей. Также в статье уделяется внимание факторам, влиявшим на исход конфликта. Данные вопросы исследовались как на общероссийском уровне, так и для отдельных отраслей, а также для разных этапов делового цикла (1895–1899 гг. – промышленный подъем, 1900–1904 гг. – период депрессии). Предпринята попытка более объемно раскрыть роль фабричной инспекции и полицейских властей в ходе стачек, поскольку именно к ним обращались владельцы и руководство предприятий в стремлении как можно быстрее решить острую конфликтную ситуацию. В основе исследования лежит анализ БД «Трудовые конфликты в Российской империи: предреволюционное десятилетие (1895–1904)», построенной на микроданных, а также архивные материалы из фондов ГАРФ, позволяющие восстановить механизм раскручивания отдельных трудовых конфликтов.

Ключевые слова: трудовые конфликты, база данных, корреляционный анализ, фабричная инспекция, требования рабочих, стачки.

Рост протестного движения российских рабочих в конце XIX – начале XX вв. сопровождался постепенным увеличением роли политической составляющей. Однако в течение десятилетия, предшествовавшего первой российской революции, значительная доля стачек происходила по экономическим причинам, являясь по сути своей трудовыми конфликтами, в основе которых лежали противоречия между рабочими, с одной стороны, и владельцами предприятий и представителями фабричной администрации – с другой. Предприниматели, заинтересованные в бесперебойном функционировании производства, вынуждены были искать наиболее эффективные методы преодоления конфликтных ситуаций, что было непросто при отсутствии профсоюзов и не всегда результативных действиях созданной в 1882 г. фабричной инспекции. От принимаемых ими решений часто зависело, будет ли найден компромисс или конфликт будет развиваться по нарастающей.

Данное исследование является попыткой проанализировать характер и эффективность действий предпринимателей и наемных управляющих в ходе трудовых конфликтов в общероссийском масштабе, а также для отдельных отраслей промышленности и фаз делового цикла (1895–1899 гг. – период промышленного подъема, 1900–1904 гг. – годы депрессии). Кроме того, представляется важным определить, каким образом те или иные действия предпринимателей влияли на исход конфликта. Источником данных является издание «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника» (Вып. I–X. – М.: СПб., 1992–2008 гг.) [5], на основе которого была создана реляционная база данных

«Трудовые конфликты в Российской империи: предреволюционное десятилетие (1895–1904)». Поэтому данное исследование базируется на микроданных (то есть данных о каждом конфликте). Собранные в архивных фондах ГАРФ материалы позволили составить подробное описание отдельных конфликтов, позволяющее на конкретных примерах проанализировать действия предпринимателей и их представителей на фабриках и оценить их эффективность.

В последние годы появились публикации, посвященные характеристике отдельных трудовых конфликтов в период дореволюционной индустриализации России [4; 5; 7; 9], однако задача рассмотрения действий предпринимателей и управляющих на обширном статистическом материале и на примере отдельных конфликтов в них не ставилась.

База данных «Трудовые конфликты в Российской империи: предреволюционное десятилетие (1895–1904)» содержит 7769 записей, каждая из которых соответствует одному выступлению рабочих. 4757 (61,2%) из них – это стачки на отдельных предприятиях, которые и являются основным предметом рассмотрения в данной статье, как наиболее острая форма трудовых конфликтов в этот период. Все приводимые далее расчеты проведены на основе этой базы данных.

В таблице 1 представлены данные о наиболее распространенных вариантах действий руководства предприятий во время стачек как в течение всего десятилетия накануне первой российской революции, так и на разных этапах делового цикла.

Как показывает таблица 1, на протяжении рассматриваемого десятилетия привлечение воинских

Таблица 1

Действия предпринимателей и управляющих в ходе стачек на отдельных предприятиях
(количество и доля от общего числа стачек). 1895–1904 гг.

(Источник: база данных «Трудовые конфликты в Российской империи:
предреволюционное десятилетие (1895–1904)»)

Действия фабричной администрации	1895–1899		1900–1904		1895–1904	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	351	17,7	358	12,9	709	14,9
2	356	18,0	223	8,0	579	12,2
3	232	11,7	288	10,4	520	10,9
4	13	0,7	4	0,1	17	0,4
5	8	0,4	2	0,1	10	0,2
6	7	0,4	17	0,6	24	0,5

Примечание. Действия фабричной администрации: 1 – вызов войск/полиции, 2 – участие фабричного инспектора, 3 – локаут или увольнение части рабочих, 4 – штрафование участников конфликта, 5 – выселение рабочих из фабричных жилых помещений, 6 – привлечение штрейкбрехеров.

частей и полиции было наиболее распространенной мерой в борьбе с забастовщиками. При этом следует отметить, что в 1895–1899 гг., то есть в период экономического подъема, доля стачек, в ход которых вмешивались войска или полиция, и доля стачек с участием фабричного инспектора почти одинаковы при минимальном перевесе последних. И все же фабричная инспекция сравнительно редко вмешивалась в ход трудовых конфликтов, что особенно заметно для периода 1900–1904 гг. С одной стороны, это можно рассматривать как свидетельство относительной несостоятельности созданного в России института фабричной инспекции. С другой стороны, в сферу контроля фабричных инспекторов попадало большое количество промышленных предприятий, и поэтому они просто не успевали следить за протеканием всех трудовых конфликтов на подведомственных им объектах. Кроме того, надо учитывать и тот факт, что из ве-

дения фабричной инспекции были исключены некоторые отрасли (например, добывающая, которая находилась под контролем горнозаводской инспекции), регионы и мелкие предприятия с небольшим числом рабочих или не использующие двигатели. Интересно, что колебания деловой активности практически не влияли на готовность предпринимателей и руководства предприятий увольнять участников конфликтов: доля стачек с этим показателем почти одинакова на обоих периодах. Кроме указанных в таблице 1 вариантов действий, руководство предприятий в единичных случаях прибегало иногда к телесным наказаниям («Хроника» зафиксировала 3 случая за 1895–1904 гг.) и вынесению выговора (1 случай).

Как показывает таблица 1, три варианта действий руководства предприятий – вызов воинских частей или полиции, приглашение фабричного инспектора и увольнение участников конфликта –

Таблица 2

Действия предпринимателей и управляющих в ходе стачек на отдельных предприятиях
в различных отраслях промышленности. 1895–1904 гг.

(Источник: база данных «Трудовые конфликты в Российской империи:
предреволюционное десятилетие (1895–1904)»)

Отрас- ли	Вызов войск/ полиции		Участие фабричного инспектора		Локаут или увольнение части рабочих	
	1895–1899	1900–1904	1895–1899	1900–1904	1895–1899	1900–1904
1	22,2	19,2	30,4	24,6	17,5	20,1
2	19,9	15,2	11,6	8,2	8,3	11,5
3	24,7	11,3	28,0	5,1	22,6	5,4
4	11,9	4,6	21,4	3,0	4,8	3,6
5	6,3	8,1	22,9	7,4	15,6	6,7
6	13,5	7,6	31,1	15,3	14,2	10,6
7	20,7	8,4	12,0	3,4	7,3	1,7
8	15,7	14,6	-	-	5,2	14,0
9	5,1	1,7	5,1	5,1	6,8	4,3

Примечание. Отрасли: 1 – текстильное производство, 2 – металлургия и металлообработка, 3 – обработка пищевых и вкусовых веществ, 4 – бумажная и полиграфическая промышленность, 5 – механическая обработка дерева, 6 – обработка минеральных веществ, 7 – обработка животных продуктов, 8 – добывающая промышленность (кроме нефтедобычи), 9 – смешанные производства.

были наиболее распространенными. И далее мы будем рассматривать именно их на уровне отраслей (см.: табл. 2).

В таблице 2 обращает на себя внимание тот факт, что на втором из рассматриваемых этапов во всех отраслях снижается доля стачек, в ходе которых руководство предприятий прибегало к вызову полиции или войсковых частей. Этому может быть несколько объяснений. Так, размах протестного движения рабочих в начале XX века усиливался, количество конфликтов росло, и, возможно, далеко не всегда местные власти имели возможность направить вооруженную силу на все предприятия, охваченные стачечным движением. Еще одним объяснением может быть снижение доли конфликтов, в ходе которых были отмечены агрессивные действия рабочих. По данным «Хроники», это утверждение справедливо для всех отраслей, за исключением добывающей промышленности и смешанных производств, в которых для периода 1900–1904 гг. доля стачек с агрессивными действиями рабочих возрастает. Для предприятий добывающей промышленности это может объясняться обстоятельствами и размахом всеобщей стачки на Юге России в 1903 г.

Следует отметить и тот факт, что в период экономической депрессии (1900–1904 гг.) в ведущих для российской дореволюционной промышленности отраслях (металлургия и металлообработка, текстильная, добывающая) возрастает доля конфликтов, в ходе которых владельцы объявляют локаут или увольняют забастовщиков. Для других отраслей характерен обратный процесс. При этом для второй половины 1890-х гг. не выявлены значимые показатели коэффициента корреляции, указывающие на связь увольнений с другими характеристиками стачек. В начале XX в. увольнениями сопровождались стачки, в ход которых вмешивался фабричный инспектор (об этом можно судить по значению коэффициента корреляции $r = 0,52$), а в том случае, когда в конфликте участвовали все рабочие предприятия, фабричное и заводское руководство реже прибегало к увольнениям ($r = -0,5$).

Попробуем определить, насколько влияли те или иные действия предпринимателей и фабрично-заводской администрации на исход трудовых конфликтов. Как показывает корреляционный анализ, на обоих рассматриваемых пятилетних периодах исход конфликта все же больше зависел от других обстоятельств, чем непосредственно от действий предпринимателей. Так, и в годы экономического подъема, и в годы депрессии предприниматели имели гораздо меньше шансов выиграть, если в стачку включались все рабочие предприятия (в первом случае $r = -0,47$, во втором $r = -0,5$). В 1900–1904 гг. неудачный для предпринимателей исход конфликта имеет значимую связь с вмешательством в ход событий фабричного инспектора

($r = 0,54$). Это может объясняться тем, что, с одной стороны, фабричные инспекторы, следуя букве закона, инициировали увольнения активных участников стачек (о чем мы говорили выше), а с другой стороны, они находили нарушения и со стороны хозяев и управляющего звена, признавая обоснованность тех или иных требований рабочих.

Вообще, хотя фабричные инспекторы, конечно, не успевали проконтролировать ситуацию на всех подчиненных им предприятиях, они все же стремились не только способствовать разрешению уже начавшихся конфликтов, но и предупредить только еще приближающиеся. Получив информацию о недовольстве рабочих того или иного предприятия, фабричные инспекторы вызывали для беседы директоров, чтобы прояснить ситуацию и заставить фабрично-заводское руководство принять меры, способствующие сохранению социального мира. Так, 4 июля 1896 г. управляющий Невской бумагопрядильной мануфактурой вынужден был дать расписку старшему фабричному инспектору о том, что он выполнит целый ряд требований рабочих, заявленных в фабричную инспекцию и признанных справедливыми. Требования касались и оплаты труда, и распорядка работ, и качества сырья, и взаимоотношений рабочих с фабричной администрацией [1, л. 32]. И подобный случай не был единичным. Так, старший фабричный инспектор Московской губернии в своей записке в Департамент торговли и мануфактур от 10 февраля 1897 г. сообщал, что 4 февраля исполняющий дела Московского Обер-полицмейстера сообщил ему о готовящейся забастовке рабочих «Общества механических заводов Бр. Бромлей», недовольных, прежде всего, снижением расценок и увеличением штрафов [1, л. 212]. Директор завода Стекольников был приглашен для разговора с фабричным инспектором. Последний взял со Стекольщикова подписку, что тот «тщательнее просмотрит плату за работу, проставленную мастерами, и примет все меры к устранению неудовольствия рабочих существующим порядком назначения сдельных цен» [1, л. 212 об.].

Несмотря на то что вызов воинских частей и полиции являлся нередкой практикой на протяжении всего рассматриваемого предреволюционного десятилетия, все же стоит отметить, что прибытие их на бастующее предприятие далеко не всегда означало реальное применение силы. Так, в «Хронике» зафиксировано за период 1895–1904 гг. 709 стачек, в ходе которых вызывались войска или полиция, но при этом столкновение с рабочими произошло лишь в 222 случаях (31,3%). Это говорит о том, что нередко достаточно было присутствия вооруженных частей рядом с фабричным городком или на его территории для того, чтобы удержать рабочих от хулиганских действий, разгрома фабричных помещений и нанесения побоев служащим и пред-

ставителям местных властей. Кроме того, часто казаки или жандармы контролировали соблюдение порядка рабочими при получении расчета в случае локаута или массового увольнения. Архивные документы сохранили свидетельства того, что полицейские чины, выяснявшие причины возникшего конфликта, далеко не всегда становились на сторону хозяев. Случалось, они признавали обоснованность недовольства рабочих.

В 1897 г. губернаторам был направлен секретный циркуляр министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, в котором давалась довольно детальная инструкция о том, каким образом следует вести себя местным властям не только для подавления уже начавшихся конфликтов, но и для предупреждения еще только назревающих. Так, в пункте втором данного циркуляра указывалось: «Предписать полиции установить самое строгое наблюдение за фабриками и заводами, мастерскими и местами расселения рабочих и своевременно доносить о проявлении тревожного настроения в рабочей среде, выясняя причины волнения и устраняя, по возможности, поводы к неудовольствиям в тех случаях, когда рабочие имеют основание жаловаться на притеснения или несправедливость фабрикантов и фабричной администрации» [3, л. 18]. В случае уже начавшегося конфликта следовало принять меры «к немедленному рассмотрению причин забастовки и к миролюбивому соглашению сторон», и только после этого следовало использовать жесткие меры по подавлению стачки и наказанию зачинщиков и наиболее активных участников. В любом случае циркуляр предписывал объединять усилия в этом вопросе всем заинтересованным учреждениям и ведомствам – фабричной и горной инспекции, директорам заводов и фабрик, жандармским управлениям, представителям прокурорского надзора, полиции, губернаторам. Последние должны были поддерживать связь со всеми остальными и по возможности получать наиболее полную информацию о происходящем на предприятиях. Этот циркуляр заставлял представителей местных властей разбираться в ситуации и выяснять причины конфликта. При этом в архивах сохранились донесения, докладные записки, в которых виновниками недовольства рабочих называются нередко и владельцы предприятия, и непосредственное его руководство. Один из характерных примеров этого дает стачка на фабрике Товарищества бумагопрядильной и ткацкой Даниловской мануфактуры в марте 1902 г.

Формально стачка на Даниловской мануфактуре началась 2 марта 1902 г., но первые тревожные сигналы появились днем раньше. 1 марта 160 человек, работавших в лаборатории красильного отделения и на печатных машинах, выходя из производственного корпуса, сначала в 12 часов дня на обед, а потом в семь часов вечера (по окончании смены),

не позволили сторожам обыскать себя, хотя данная процедура была закреплена правилами внутреннего распорядка. Вечером они устроили беспорядки на фабричном дворе, свистели и кричали «Ура!». Однако по прибытии полиции рабочие быстро покинули двор и ушли в жилые корпуса [6, л. 17].

На следующий день, 2 марта, работы на фабрике начались по обычному графику, однако через несколько часов ситуация стала накаляться. В полдень из фабричного корпуса на обед одновременно вышли обе смены рабочих-печатников и «лаборатористов». Это противоречило установленному порядку, который требовал, чтобы первая смена шла на обед в 11:30, а вторая – в 13:30. Рабочих такой распорядок не устраивал, о чем они и заявили фабричному инспектору, в кратчайший срок прибывшему на предприятие. Дело в том, что, когда рабочие уходили на обед посменно, оставшиеся вынуждены были работать более интенсивно (ведь станки ушедших не останавливались), хотя никакой доплаты за это не получали. Поэтому нарушители спокойствия потребовали либо доплачивать им за этот час, либо отпускать их на обед всех одновременно и на это время останавливать машины. Фабричный инспектор счел претензии вполне обоснованными и добился от фабричной администрации согласия на то, чтобы рабочие по-прежнему выходили на обед посменно, но при этом останавливали станки [2, л. 17–17об., 21–21об.]. Однако рабочие попутно высказывали недовольство и системой оплаты сверхурочных работ. Они требовали, чтобы в полуторном размере подсчитывалось и количество сверхурочных часов, и причитающаяся за них сумма оплаты («например, работа в течение двух часов по 40 коп. считалась за работу трех часов по 60 коп.») [2, л. 21об.]. Фабричный инспектор постарался разьяснить недовольным, что их требование безосновательно и подобный подсчет при оплате сверхурочных нигде не практикуется. После этого рабочие, вроде бы удовлетворенные тем, что основное их требование, касавшееся обеденного перерыва, удовлетворено, разошлись с фабричного двора. Но, как выяснилось чуть позже, к станкам они после обеда не вернулись, в связи с чем на фабрику был срочно вызван исправник.

Стоит отметить, что рабочие вели себя вполне мирно и спокойно и пошли на диалог с представителем власти. Они сообщили исправнику, что хотели бы передать ему свои требования и жалобы на фабричную администрацию. Следуя «букве закона», исправник попытался убедить рабочих вернуться в корпуса, а требования передать вечером после смены, причем не «скопом», а через выбранных депутатов. Но поскольку рабочие настаивали на немедленном начале переговоров и отказывались вернуться к станкам, исправник не стал накалять ситуацию и жестко стоять на своем. Он выслушал жалобы и требования рабочих, которые состояли

из 15-ти пунктов: 1) установить, вопреки действующим правилам, обед для всех работников в одно время – с 12:00 до 13:00 часов; 2) восстановить существовавший шесть лет назад перерыв в работе для чаепития; 3) в фабричной бане выдавать рабочим банные принадлежности (тазы и т.п.), так как за баню с них ежемесячно вычитают по 10 коп.; 4) предоставить возможность «чаще видеть хозяев фабрики, дабы рабочие могли заявлять им о своих нуждах»; 5) женщинам-работницам красильного отделения, живущим на вольных квартирах, выдавать ежемесячно квартирные деньги в размере 1 руб., как это происходит в других отделениях фабрики; 6) не заставлять рабочих чистить машины на ходу; 7) организовать на фабрике общество потребителей или разрешить рабочим организовать артель, которая приобретала бы продукты в частных лавках, а не в фабричных; 8) расширить столовые в казармах красильного корпуса с таким расчетом, чтобы могли обедать одновременно до 350 человек; 9) увеличить при кухнях число кубов для кипячения воды и число кранов при них; 10) принять меры к уничтожению сырости, грязи и паразитов в фабричных жилых корпусах; 11) в казармах поставить хозяйские (фабричные) иконы, устроить ящики для хлеба, белья и других хозяйственных принадлежностей, сделать нормальное освещение (особенно в нижнем этаже) спален, устроить койки в соответствии с санитарными правилами; 12) разрешить родственникам рабочих ночевать в казармах; 13) количество отработанных сверхурочных часов записывать в расчетных книжках «в полтора раза более действительно отработанных часов»; 14) заменить табельщика Красникова за недобросовестные отметки рабочих часов в табеля; 15) отменить ежедневный обход казарм полицейским урядником и сторожами-сотскими, а также запретить им «отправлять пьяных и буйных рабочих в особое помещение, так называемый карцер, так как сторожа злоупотребляют этим правом и нередко наносят рабочим побои» [2, л. 38–38об.].

Первые 11 пунктов из приведенного списка требований рабочих Даниловской мануфактуры, по мнению Начальника Московского ГЖУ, были вполне «основательны» [2, л. 18]. Такой вывод был сделан на основании доклада ротмистра Герарди, заместителя начальника Московского ГЖУ, в основу которого легло детальное обследование жизни рабочих этого предприятия.

До шести часов вечера 2 марта рабочие оставались в фабричном дворе, но вели себя довольно спокойно. Ситуация изменилась во время перемены, когда забастовавшие пытались помешать пройти в производственные корпуса другим рабочим. В итоге на Даниловскую мануфактуру были вызваны четыре сотни первого Донского казачьего полка, поскольку рабочие «перешли к буйству, битью стекол в отдельных помещениях», «нанес-

ли побои фабричным хожалым и одному городскому». До прибытия казаков «рабочие произвели разгром складальни товаров, которых расхитили на значительную сумму до нескольких десятков тысяч рублей». Причем украденный товар они продавали на соседних улицах, а иногда он просто раздавался случайным прохожим [2, л. 22–22об.]. По заявлению фабричной администрации, убыток от разгрома составил около 60 тыс. руб. [2, л. 18].

Вечером 2 марта на Даниловской мануфактуре бастовали 1703 человека из 3531, на следующий день на смену не вышли все рабочие предприятия. К выдвинутому ранее добавились требования других групп рабочих (в частности, прядильно-ткацкого отделения), касавшиеся урегулирования вопроса с расценками (прежде всего, на новые виды продукции), качества сырья, возможности ведения переговоров с директором фабрики, притеснения мастеров, распорядка дня, отсутствия пенсионных выплат по старости и др. На каждое из этих требований по настоянию ротмистра Герарди, выступавшего посредником в этих переговорах, администрация дала ответ, вывесив соответствующее объявление. Значительная часть выдвинутых требований была признана обоснованной.

В упомянутом выше докладе условия жизни рабочих Даниловской мануфактуры были признаны «далеко не удовлетворительными и, безусловно, не стоящими на уровне исполнения предписаний закона» [2, л. 40]. Отмечалось, что в жилые помещения заселены очень плотно и содержатся «очень грязно». Кроме того, нередко работающая на фабрике семья, состоящая из представителей нескольких поколений, заселяется в разные каморки и даже в разные жилые корпуса. Мы не видим жалоб на эту ситуацию в списке требований рабочих, однако ротмистр Герарди подчеркивал, что подобное положение невыгодно рабочим, поскольку вынуждает их «столоваться отдельно», что увеличивает расходы.

В докладе признано, что, как и говорили рабочие, кипяченой воды в жилых корпусах не хватает, потому что имеющиеся два куба не могут обеспечить водой две тысячи человек. Столовой красильного корпуса, рассчитанной на 162 человека, пользуется только артель малолетних. Все остальные «обедают и пьют чай» в своих жилых комнатах, причем нередко это «приходится делать на нарах, ибо столов нет». И рабочие выражали недовольство тем обстоятельством, что отсутствие общей столовой не дает возможности питаться артелью, чтобы снизить расходы на питание.

Несмотря на утверждение фабричной администрации о том, что цены в фабричной лавке находились на том же уровне, что и в частных лавках, проверка показала, что это действительно не соответствует и рабочие вынуждены покупать продукты по более высокой цене. Также в докладе

признано, что рабочие, с каждого из которых в год собирается по 1,20 руб. (а это в сумме составляет 5 тыс. руб. ежегодно) на содержание бани, вправе требовать предоставления им различных принадлежностей для мытья, увеличения количества кранов и бесперебойного снабжения горячей водой.

По заключению заместителя Начальника Московского ГЖУ, фабричная администрация была в значительной степени ответственна за произошедшие события. Он отмечал, что «администрация фабрики от подмастерьев и до директора, с одной стороны, и рабочие, с другой, представляют собой два противоположных элемента», не понимающие друг друга. Причем эта ситуация усугублялась тем, что должности директоров фабрик, их помощников, мастеров, химиков и механиков занимали почти исключительно иностранцы. Ротмистр Герарди полагал, что поскольку в начале стачки «к главному – к расценку рабочие никаких недовольств не выражали» [2, л. 41об], то в силах администрации было избежать этого конфликта, чего, однако, сделано не было. С этим был согласен и Московский губернатор в своем представлении на имя министра внутренних дел от 2 апреля 1902 г. [2, л. 67–67об.].

Стачка завершилась 6 марта, когда часть рабочих вернулась к своим станкам, а вместо уволенных набрали новый состав [2, л. 20]. Казаки вскоре покинули фабрику. Однако ротмистр Герарди отмечал, что события на Даниловской мануфактуре показывают опасную тенденцию: когда рабочие через своих представителей спокойно, без остановки работ, обращались к фабричному руководству с вполне обоснованными жалобами и просьбами, то получали отказ, а в результате забастовки добились удовлетворения многих требований. По мнению заместителя Начальника Московского ГЖУ, это будет подталкивать рабочих других предприятий добиваться удовлетворения своих требований посредством забастовок и беспорядков.

Рассмотрев основные варианты действий руководства промышленных предприятий, можно заключить, что они в некоторой степени зависели от характера производства, фазы делового цикла и эффективности взаимодействия с представителями местных властей. На протяжении десятилетия, предшествовавшего первой российской револю-

ции, предприниматели и управляющие, как и представители местных властей, находились в поиске оптимальных вариантов поведения в ходе уже начавшегося трудового конфликта. Кроме того, как свидетельствуют архивные материалы, наиболее грамотные директора предприятий начинают разрабатывать меры по возможному предупреждению стачек и других форм выражения недовольства рабочими [8].

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00778.

Библиографический список

1. ГАРФ. – Ф. 102. ДП. – 3-е д-во. – Оп. 94. 1896 г. – Д. 606.
2. ГАРФ. – Ф. 102. ДП. – 6-е д-во. – Оп. 161. 1901 г. – Д. 50.
3. ГАРФ. – Ф. 102. ДП. – 6-е д-во. – Оп. 161. 1901 г. – Д. 35.
4. Новиков А.В. Иваново-Вознесенская общегородская стачка 1905 года: новые ракурсы изучения // Исторический журнал: научные исследования. – 2013. – № 6. – С. 527–540.
5. Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. – М.: Издательство Главархива Москвы, 2004. – С. 241–256.
6. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. I–X. – М.; СПб.: Издательский центр Института российской истории РАН, 1992–2008.
7. Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / отв. ред. И.М. Пушкарёва. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 332–432.
8. Шильникова И.В. «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой Мануфактурой (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. – Вып. 12. – МГУ, 2006. – С. 56–70.
9. Шильникова И.В. О роли управляющих в трудовых конфликтах на промышленных предприятиях дореволюционной России: опыт микроанализа // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 4. – С. 70–79.

Мичурин Алексей Николаевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

michurinspb@mail.ru

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ «ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА» И ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ В 1915 ГОДУ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с политической борьбой в Государственном совете в годы Первой мировой войны, особенности деятельности правительства и организационной работы «Прогрессивного блока» во время общественно-политического кризиса 1915 года, влияние отдельных вопросов на целостность этого политического объединения.

В годы Первой мировой войны в Государственном совете, верхней палате Парламента Российской империи, развернулась серьезная политическая борьба, по накалу часто не уступавшая борьбе в Государственной думе. Важной частью этого противостояния было создание в Государственном совете оппозиционного ядра, примыкавшего к «Прогрессивному блоку» и думской оппозиции. Осенью 1915 года, в момент острейшего политического кризиса, должны были пройти частичные выборы в Государственный совет. И в обычное время эти выборы приковывали к себе всеобщее внимание, так как давали представление о раскладе политических сил не только в верхней палате, но и среди избирателей, прежде всего в академических кругах, в дворянской среде и губернских земских собраниях. После присоединения «прогрессивных групп» Государственного совета к «Прогрессивному блоку» эти выборы стали той лакмусовой бумажкой, которая должна была продемонстрировать степень поддержки избирателями тех членов Государственного совета по выборам, которые активно выступали на политической сцене в момент зарождения «Прогрессивного блока». Кроме того, важно было показать общее настроение избирателей в вопросе поддержки «Прогрессивного блока», так как, голосуя за представителей «прогрессивных групп», они косвенно поддерживали и программу блока.

Ключевые слова: Государственный совет, Первая мировая война, «Прогрессивный блок», Государственная дума, Российская империя.

Осенью 1915 года «Прогрессивный блок», сложившийся в Государственной думе и Государственном совете как объединение широких оппозиционных сил, переживал острый кризис, связанный с роспуском законодательных палат парламента 3 сентября 1915 года. Оппозиции было необходимо продемонстрировать свою жизнеспособность, и лучше всего это было сделать во время выборов в Государственный совет осенью 1915 года.

Осуществление этих задач осложнялось тем, что на выборах «прогрессивные группы» Государственного совета (левая (академическая), центр и кружок внепартийного объединения) должны были первоначально действовать порознь, чтобы не отпугнуть своих сторонников столь широкой коалицией. Группа правого центра в этот период рассчитывала пополнить свои ряды за счет колеблющихся выборщиков как справа, так и слева и получить большее влияние в Государственном совете, чем 20 голосов, которыми эта группа располагала на 19 августа [10, л. 13об. – 14]. Задача правых была одновременно и простой и чрезвычайно сложной. Им необходимо было сохранить свои позиции и после выборов, что в условиях распада и неуверенности, охвативших правую группу, сделать было практически невозможно. Идти на выборы с открытым забралом для всех групп Государственного совета было чрезвычайно опасно, поэтому приходилось действовать с помощью закулисных переговоров, переманивая на свою сторону выборщиков, а часто и прямо обманывая их.

Обсуждение предстоящих выборов в Государственный совет началось уже в августе 1915 года. Как показывает письмо П.А. Демидова от 13 августа 1915 года к А.Б. Нейдгарту (группа правого центра), даже правый центр испытывал определенные проблемы в момент выборов. По поводу шансов кандидата правого центра М.С. фон Брина П.А. Демидов писал: «Михаил Сергеевич имеет наиболее шансов, скажу даже больше, выбор его обеспечен при одном условии. Настроение земских кругов не в пользу правых элементов, поскольку последние проявили себя последовательными защитниками правительства, и я полагаю, что для успеха кандидатуры Михаила Сергеевича весьма важно, чтобы он совершенно определенно указал свое место не правее центра. Я думаю, с этим настроением следует считаться в данный момент» [4, л. 659]. Фактически, это было прямое предложение А.Б. Нейдгарту санкционировать введение выборщиков в заблуждение относительно политических пристрастий М.С. фон Брина, и так как 30 августа 1915 года Брин был избран от Нижегородского губернского земского собрания, этот прием принес долгожданный успех.

Но, в целом, как отмечали представители избирательных комиссий, подавляющее большинство земских собраний считало конец лета не совсем подходящим временем для выборов. Например, члены Оренбургского губернского земского собрания полагали, что назначение заседания выборщиков желательно только после окончания сельскохозяйственных работ. Поэтому члены «Прогрессивного блока», прежде всего из левой (акаде-

мической) группы, решили сконцентрироваться на выборах в Государственный совет от Императорской академии наук и университетов, которые не представляли значительной опасности для численности левой группы, так как избранные от этой курии выборщики всегда поддерживали левых.

30 августа 1915 года в квартире М.М. Ковалевского (левый) двенадцать профессоров Петроградского университета обсудили вопрос о предстоящих выборах в верхнюю палату и назначали кандидатов. Прекращались полномочия Д.И. Багаля и А.В. Васильева [10, л. 13об. – 14], принадлежавших к левой группе. В выборщики от Академии наук были намечены А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Вернадский и А.А. Шахматов. Левая группа одержала безоговорочную победу 25 сентября 1915 года, проведя в Государственный совет своих сторонников – академика В.И. Вернадского и профессора А.В. Васильева (переизбран на новый срок). Вернадский получил 22 избирательных и 11 неизбирательных шаров, а Васильев – 25 избирательных и 8 неизбирательных шаров. М.М. Ковалевский расценил победу двух кадетов на выборах как выражение доверия к левой группе [1, с. 336].

Значительно сложнее обстояло дело с выборами членов Государственного совета от торговли и промышленности. В этих выборах переплетались интересы различных региональных групп, и именно на этих выборах можно было, играя на противоречиях, провести как умеренных представителей, так и не приемлемых для правительства. Поэтому министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской на встрече с выборщиками решил сыграть на региональных противоречиях и заявил, что Волга должна обязательно иметь своего представителя в верхней палате. Самым подходящим кандидатом Шаховской считал выбывающего Ф.В. Стахеева (центр). Этим заявлением Стахеев, фактически, был лишен возможности баллотироваться, так как стал рассматриваться как ставленник правительства. Видимо, Шаховской недостаточно серьезно отнесся к замечанию о выборах в Государственный совет, помещенной в «Новом времени» 30 августа 1915 года. Газета «Новое время» считала, что выборы А.И. Гучкова и П.П. Рябушинского практически обеспечены, велики шансы у В.Н. Литвинова-Фалинского и почти никаких шансов не имеют директора банков, кандидатуры которых выставляют представители мясной биржи и некоторых биржевых комитетов.

Прекрасная информированность «Нового времени» нашла свое подтверждение 2 сентября 1915 года, когда было получено очередное сообщение о предвыборном собрании торгово-промышленной группы. Большинство собравшихся находило, что выборы должны носить ярко выраженный политический характер: «Ввиду этого было признано соответствующим ввести в Гос. Совет таких

практических деятелей промышленности, которые проявили себя с определенной политической стороны, независимо от того, к каким районам эти лица принадлежат» [9]. Были названы кандидатуры А.И. Гучкова, П.П. Рябушинского и В.Н. Литвинова-Фалинского, а также С.С. Вейнштейна, как представителя евреев. Те же фамилии фигурировали и на собрании выборщиков из провинции. Отличительным моментом этого собрания было то, что выборщики отмечали определенное нежелание в Москве содействовать избранию А.И. Гучкова в Государственный совет, так как «в настоящий момент великих событий и больших дел Гучкова надо сохранить для более широкой деятельности, нежели кафедра и комиссии Государственного Совета» [15]. Прогрессистский орган, поддерживавший П.П. Рябушинского, трудно заподозрить в этот период в нелюбви к Гучкову, так как, после провала кандидатуры Гучкова на общеземском съезде, в состав делегации, посылаемой к царю, Рябушинский предложил уступить А.И. Гучкову свое место.

А.И. Гучков, между тем, придерживался иного мнения. Для него, после неудачи на съезде Всероссийского союза городов, избрание в Государственный совет стало проверкой его влияния на общественные организации, что подтверждает и Н.В. Савич [14, с. 90]. В этот период кандидатура А.И. Гучкова уже рассматривалась, вместе с кандидатурой П.П. Рябушинского, как политическая, а не в виде представителя от определенного региона.

Накануне выборов, 13 сентября 1915 года, было проведено еще несколько частных собраний, на которых намечались кандидаты от торговых и промышленных групп в Государственный совет. Выдвигались кандидатуры исходя из региональных интересов, но то, что кандидатуры П.П. Рябушинского, А.И. Гучкова и Г.Э. Вейнштейна фигурировали практически на всех частных заседаниях, говорило о приемлемости этих кандидатур и их вероятном избрании в верхнюю палату. Борьба велась только за четвертое место, но кандидатура четвертого представителя не могла быть значительно правее вышеназванных фамилий, так как избрание происходило списком, а это давало определенные преимущества оппозиционным группам. Было очевидно, что при прохождении в Государственный совет Гучкова и Рябушинского их избрание поможет провести и других не приемлемых для правительства представителей. Вторым существенным моментом было то, что П.П. Рябушинскому удалось создать представление о левых кандидатах, как о единственной альтернативе правительственному курсу.

Поэтому, когда после открытия 16 сентября съезда выборщиков от Совета торговли и мануфактур, Московского отделения Совета торговли и мануфактур, комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ, Рябу-

шинским было сделано предложение высказаться «за желательность немедленного созыва законодательных учреждений и за привлечение к власти лиц, облеченных общественным доверием», только двое выборщиков, граф В.С. Татищев и Н.Н. Курмаков, высказались против [2, л. 2]. Избранными в Государственный совет оказались: от торговли – А.И. Гучков и И.П. Лаптев, от промышленности – П.П. Рябушинский и Г.Э. Вейнштейн [2, л. 2]. Цифровые данные по избирательным шарам приводились в периодической печати несколько другие – с уменьшением на 1 голос результатов по всем кандидатам. Это противоречие произошло из-за того, что не были учтены собственные голоса кандидатов, поданные за самих себя.

Периодическая печать расценила исход выборов как полную победу «Прогрессивного блока». Самыми откровенными были «Русские ведомости»: «Можно не быть поклонниками г.г. Гучкова и Рябушинского, но нельзя отрицать того факта, что избрание их равносильно в настоящий момент выставлению известной общественной группой определенных политических требований» [12].

А.И. Гучков оказался в группе центра верхней палаты, а Г.Э. Вейнштейн, И.П. Лаптев и П.П. Рябушинский вошли в левую (академическую) группу. Произошло явное полевание выборщиков, так как занимающие кресла членов верхней палаты от торговли и промышленности Н.Э. Крамер, С.П. Глезмер, Ф.В. Стахеев и Н.С. Авдаков входили в группу центра. В то же время не следует переоценивать результаты выборов в Государственный совет от торговли и промышленности, отмечая их оппозиционный тон. Увеличения численности «прогрессивных групп» после этих выборов не произошло, тем более что старые члены Государственного совета, например Н.С. Авдаков, вызывали у правых такие же отрицательные эмоции. Скорее даже, наоборот: по независимым от избранных вновь членов причинам, произошло уменьшение численности «прогрессивных групп». А.И. Гучков просто манкировал своими обязанностями. А.И. Гучков и П.П. Рябушинский. болели в начале 1916 года и не могли присутствовать на сессиях законодательных палат, открывшихся 9 февраля 1916 года, но поправились к осени 1916 года. Однако до 14 февраля 1917 года их присутствие в Государственном совете не зафиксировано [11, л. 7]. Таким образом, они просто пропустили осеннюю сессию 1916 года в законодательных палатах, в то время как Г.Э. Вейнштейн и И.П. Лаптев ревностно относились к своим обязанностям, а Вейнштейн не пропускал ни одного заседания в верхней палате.

Следующими по порядку выборами, которые сразу должны были дать представление о раскладе политических сил, явились выборы от дворянских обществ, проходившие 23–25 октября 1915 года. Обстановка нервозности и давление на избирателей

сделали свое дело еще до начала выборов. Об этом писал Н.П. Урусов 21 октября 1915 года к В.Г. Урусовой в Екатеринослав, отмечая давление на правых: «Злосчастный прогрессивный блок каким-то гипнозом затемнил многие здравые головы и видимо на предстоящих выборах сыграет значительную роль» [6, л. 1766]. Одновременно началась усиленная агитация против письма А.П. Струкова от 23 августа 1915 года, которое тот разослал во все губернии. Влияние этой агитации было очень значительно, что отмечали в своих письмах правые члены Государственного совета А.И. Мосолов и Н.А. Зверев, который 21 ноября 1915 года писал: «Травля Анания Петровича, действительно, шита белыми нитками. Цель ее ясна: Родзянко и К° нужно было повернуть дворянские выборы в Гос.Совете в свою пользу, что им до некоторой степени и удалось. Теперь выборы окончены, и травля, как по команде, прекратилась» [8, л. 2024].

Уже начало выборов поставило правых в очень трудное положение. Правым не удалось создать сколько-нибудь прочного объединения с правым центром. Напротив, правый центр, фактически, отказался от союза с правыми ради собственных выгод. П. Карцев объяснял ход выборов в письме от 28 октября 1915 года к В.А. Карцеву: «Было много, так названных, бегунов, т.е. лиц перекочевавших из одной группы в другую, сообразно надеждам на получение голосов. В этом отношении особенно отличились представители правого центра, бывшие во время всех предварительных совещаний с нами, правыми, и перед самыми выборами раскрывшие левым все наши планы» [7, л. 1822]. Оппозиционно настроенные выборщики взяли ход выборов в свои руки, что показывает и текст адреса, представленный Николаю II от съезда выборщиков. Этот текст, после текста письма А.П. Струкова, был поворотом на 180 градусов, так как он, фактически, продолжал череду резолюций в поддержку «Прогрессивного блока». Но это не было неожиданностью для его составителей, так как текст составлял Е.Н. Трубецкой, и «принят он был и правыми, хотя и с кислой миной» [6, л. 1800 об.].

В результате трехдневных выборов, к 25 октября 1915 года, в Государственный совет избранными оказались В.А. Андреевский, С.Е. Бразоль, С.С. Чеботарев, граф П.С. Шереметев, граф И.В. Стенбок-Фермор и С.Б. Скадовский. Так как С.Б. Скадовский и граф П.С. Шереметев получили одинаковое количество избирательных шаров, было решено бросить между ними жребий, по которому избранным на шестилетний срок для замещения А.К. Рачинского (правый) оказался граф П.С. Шереметев. Хотя выборы можно было расценить как победу правого центра, так как к этой группе сразу примкнули Бразоль, Андреевский и Стенбок-Фермор, закулисная сторона выборов показывает непростые отношения в среде выбор-

щиков, когда многие умеренно-правые кандидаты должны были скрывать свои политические пристрастия. Об этом писал лидер правого центра А.Б. Нейдгарт к графу Ф.А. Уварову 28 октября 1915 года: «Не можете ли вы от себя поговорить с Шереметевым? Он теперь в Москве. Скадовский говорил мне сегодня, что пересядет к нам попозже, а сейчас ему неудобно (невидимому, кому-нибудь до выборов обещал). Про Менделеева говорят, что тоже может сесть к нам» [7, л. 1824].

В целом, усиления влияния «прогрессивных групп» не произошло, так как остальные избранные в верхнюю палату оказались на умеренных позициях. П.П. Менделеев и С.Б. Скадовский оказались в кружке внепартийного объединения, П.С. Шереметев сел к внепартийным, а С.С. Чеботарев — к правым. Но полевание выборщиков и давление, оказанное на них со стороны членов Государственного совета, поддерживавших «Прогрессивный блок», привело к тому, что даже вошедшие в правый центр новые члены верхней палаты, по словам В.И. Гурко, придерживались умеренных взглядов, то есть не являлись союзниками правой группы. Еще дальше в оценке результатов выборов шли правые, о чем писал Б. Карамзин 21 ноября 1915 года к А.Н. Карамзину: «Действует удручающе то, что выборщики из дворян всей Руси так полевели, что противно было бы быть в такой среде... И подумаешь, с такими древними боярскими фамилиями, как Куракин, Голицын, Шереметев и др. — все кадеты» [8, л. 2031]. Колебания вновь выбранных членов закончились к ноябрю 1915 года, когда граф П.С. Шереметев и С.С. Чеботарев, проходившие на выборах как представители правых, фактически порвали со своими сторонниками и пересели в группу правого центра.

Выборы в Государственный совет от губернских земских собраний, начавшиеся еще в августе 1915 года, создали почву для численного изменения в «прогрессивных группах» Государственного совета. Избранными оказались в большинстве своем умеренно-оппозиционные земцы: группа центра — 13 членов, левые — 9, кружок внепартийного объединения — 2, внепартийные — 1, правый центр — 8, правые — 4. Выборы в большинстве губерний прошли для левых групп довольно успешно, что всеми комментаторами отмечалось как влияние общеполитической ситуации, хотя иногда сторонникам «Прогрессивного блока» приходилось прибегать к популистским шагам. Например, Е.Н. Трубецкой 12 сентября во время предвыборных выступлений в Калужском земстве предлагал сложить с себя полномочия по минованию опасности [13, л. 50 об.]. Под опасностью Трубецкой понимал только военную опасность, не касаясь декларации «Прогрессивного блока» и действий правительства. Это, однако, не ввело в заблуждение правых. Избрание Трубецкого они ставили в один ряд с избранием Г.Э. Вейнштейна.

Следует отметить, что там, где правые действовали активно, им удалось если не провести своих кандидатов, то хотя бы отклонить резолюции в поддержку московских съездов. Это, например, удалось К.Н. Пасхалову сделать во время выборов в Саратовском земском собрании: был избран активист «Прогрессивного блока» Д.А. Олсуфьев (центр), но резолюция в поддержку московских съездов не прошла. Пасхалов писал Д.А. Хомякову о том, что «никакого единодушия» в стремлении к министерству общественного доверия нет и быть не может в настоящих военных обстоятельствах [7, л. 1885]. В члены Государственного совета был избран Н.П. Савицкий (центр) 33 голосами против 27.

Однако члены «Прогрессивного блока» также не упускали возможности провести закулисные переговоры с целью принятия выгодных для них решений. Если в выборах от съездов землевладельцев Лифляндской и Эстляндской губерний особой политической борьбы не наблюдалось, так как избранные соответственно Э.А. Нолькен (центр) и А.О. Шиллинг (центр) прошли подавляющим большинством голосов, то в выборах от землевладельцев Области войска донского картина была несколько иной. Хотя выборы там были назначены на 13 октября 1915 года, И.Н. Ефремов, один из лидеров прогрессистов, уже 13 сентября был озабочен поисками кандидата, поддерживающего «Прогрессивный блок» в Государственном совете. Прогрессисты мобилизовали все свои силы, о чем прямо говорится в письме члена Государственной думы М. Воронкова к А.А. Ковалеву от 3 октября 1915 года: «Я очень прошу вас приехать на этот съезд и привезти с собой всех, кто имеет право участвовать на этих выборах. За кого и как голосовать вам укажет Ив.Ник. Ефремов. Необходимо принять меры, чтобы в Гос.Совет не прошел вновь Ген. Клуников» [5, л. 1605]. Генерал Н.И. Клуников входил в группу правого центра и был умеренно-правым. Кандидатура самого Ефремова с треском провалилась, так как он получил всего 2 записки, но вместо Клуникова был все же избран прогрессист В.И. Черницкий, получивший 65 избирательных шаров, а против — только 15. Черницкий сразу же занял место в группе центра, что дает полное право считать проведенную прогрессистами кампанию вполне удачной.

В результате всех усилий членов «прогрессивных групп» по проведению своих представителей в Государственный совет наметилось изменение направления расстановки политических сил в верхней палате. Выборы показали значительное изменение позиций выборщиков и отход их от крайне правой части членов Государственного совета. Одновременно возросло влияние левой части Государственного совета, прежде всего в земской среде. Результаты выборов говорят именно

о начавшемся резком политическом размежевании в верхней палате, в результате чего произошло выделение двух политических группировок, отличительной чертой которых являлось отношение к «Прогрессивному блоку». Дело даже не в том, что проиграли крайне правые, хотя это и отмечалось на заседании «Прогрессивного блока» 28 октября 1915 года. Их поражение в численном соотношении было не очень значительно, так как правая группа уменьшилась всего лишь с 60 членов в августе 1915 года до 56 членов к концу 1915 года. Незначительно возросла и численность «прогрессивных групп» верхней палаты: с 89 членов на 19 августа 1915 года до 94 членов к 11 февраля 1916 года [10, л. 13 об. – 14]. Более важным было перераспределение численности внутри «прогрессивных групп» и в правом лагере. Произошло значительное полевание этих полярных объединений. Так, левая (академическая) группа возросла на 9 человек, совершив стремительный рывок в упрочении своего влияния.

Библиографический список

1. Бельгард А.В. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста Е.Н. Андреевой; коммент. Г.М. Пономаревой, Т.К. Шор, Н.Г. Патрушевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 688 с.
2. Государственная канцелярия Государственного совета // РГИА. – Ф. 1162. – Оп. 8. 1915 г. – Д. 4.
4. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1031.
5. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1034.
6. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1035.
7. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1036.
8. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1038.
9. Новое время. – 1915. – 2 сентября.
10. Общее собрание Государственного совета // РГИА. – Ф. 1148. – Оп. 10. 1914 г. – Д. 7.
11. Подсчитано по РГИА: Общего собрания Государственного совета // Ф. 1148. – Оп. 10. 1917 г. – Д. 4.
12. Русские ведомости. – 1915. – 18 сентября.
13. ОР РГБ. – Ф. 171. – К. 8. – Д. 3.
14. Савич Н.В. Воспоминания. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 490 с.
15. Утро России. – 1915. – 8 сентября.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЙН» В 1924 ГОДУ: ЗАДАЧИ, ПРОВЕДЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Статья основана на впервые вводимых в научный оборот источниках, в том числе архивных документах, и посвящена исследованию советского опыта ретроспективной пропаганды. Автор рассматривает задачи, проведение и результаты кампании «борьбы против империалистических войн», приуроченной к 10-летию начала Первой мировой войны. Эта кампания была направлена на формирование негативного образа войны в условиях, когда многие реальные ее участники были еще живы и события войны не были извлечены от индивидуального их восприятия, понимания и объяснения.

На примере «Недели борьбы против войн» (27 августа – 4 сентября 1924 г.) в статье показан кампанийский механизм советской пропаганды. На основе нормативных текстов анализируется процесс конструирования и актуализации прошлого. Основной импульс юбилейных мероприятий был связан с задачами текущей политики (отсутствие перспектив мировой революции, экономические трудности в СССР, противоречия в европейском рабочем движении и др.).

Кампания борьбы с империалистическими войнами, проводившаяся под лозунгами «Против войны! Против буржуазии! Против социал-предательства!», захватила в той или иной степени все слаты советского общества. Инициатором кампании выступил Исполком Коминтерна, а организатором – ЦК РКП(б). Центральным событием Недели борьбы против империалистических войн стали многочисленные массовые демонстрации рабочих. В статье анализируются и другие формы проведения кампании – лекции, митинги, «живые газеты», инсценировки. Показано, что официальные цифры участников кампании завышались. Отмечена стандартизация агитационно-пропагандистской практики.

Результаты кампании оцениваются как весьма эффективные. Общество приняло навязанный сверху официальный дискурс «империалистической войны», который закрепился в массовом сознании, стал частью коллективной памяти.

Ключевые слова: Первая мировая война, империалистическая война, исторические юбилеи, Коминтерн, агитация и пропаганда.

Столетие начала Первой мировой войны оживило интерес историков к событиям 1914–1918 гг., а также к проблеме восприятия этого периода в исторической памяти российского общества [2; 13]. Довольно распространенной стала трактовка Первой мировой войны как «забытой», «Второй Отечественной» и т.п. Критике подвергается термин «империалистическая война», характерный для советского официального дискурса 1920-х – 1930-х гг. [1, с. 33–34; 7]. Между тем и тот, и другой образ Первой мировой войны во многом является политическим проектом, результатом воздействия «ретроспективной пропаганды».

Политика памяти тесно связана с практиками коммеморации, с акцентированием внимания на одних сюжетах истории и замалчиванием или маргинализацией других. В литературе отмечается роль юбилейных кампаний в формировании массовых исторических представлений [4; 9; 15]. В этом контексте весьма значимым представляется десятилетие начала мировой войны и связанная с ним кампания борьбы против «империалистических войн».

Для создания мифа о «тяжелом прошлом» нужно было сформировать у людей, которые в массе своей неплохо помнили это прошлое, определенные исторические представления, подменить индивидуальную память о недавних исторических

событиях системой мифов, которые преподносились бы как «коллективная память».

В формировании «правильного» образа войны в 1924 г. большевики пошли уже наработанным путем, организовав мощную агитационно-пропагандистскую кампанию – «Неделю борьбы против войн» (27 августа – 4 сентября 1924 г.). Стоит отметить, что в 1920-е гг. кампанийщина в Советской России приобрела небывалый размах, стала эффективным средством пропаганды, важнейшим элементом новой советской социальной практики. С ее помощью удавалось обеспечить общественное внимание к любым проблемам политики, экономики, повседневной жизни.

V конгресс Коминтерна 5 июля 1924 г. принял Манифест к мировому пролетариату, в котором война была охарактеризована как «величайшая в истории человечества бойня», ее виновниками были названы «империалисты» и поддерживавшие их «прислужники буржуазии» – социал-демократы. Руководители Коминтерна – Г.Е. Зиновьев, К. Цеткин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, О. Браун, В.П. Коларов и др. – грозили, что «ужасы последней войны кажутся бледными зарницами перед молниями грядущей грозы. Все техническое могущество капиталистического общества и все его социальное варварство, безвыходность его противоречий, ожесточение его правящих классов друг против друга и всех вместе – против пролетариата

принимают вид необъятной массы отравляющих и взрывчатых веществ, которые грозят обрушиться на голову злосчастного человечества» [12, 6 июля].

Лозунгами юбилейной кампании стали призывы: «Против войны! Против буржуазии! Против социал-предательства! За всемирную революцию! За диктатуру пролетариата! За коммунизм!» [10, с. 37]. Газеты запестрели фразами, нагнетавшими военную тревогу: «Угнетатели и их слуги готовят новую войну. Пролетариат всего мира под знаменем Коминтерна предотвратит злодеяние!»; «Мы предотвратим новую войну не криками и проповедями. Пусть вооруженная сила пролетариата охранит мир на земле!» В печати публиковалась информация об антивоенных выступлениях трудящихся в Англии, Франции, Германии, Швеции, Эстонии и других европейских странах. В кампанию включились ученые, литераторы, публицисты и политики. Так, Всероссийский союз писателей, общество любителей российской словесности, Всероссийский союз поэтов, Московская ассоциация драматургов обратились к писателям с призывом бороться против войн [12, 29 июля]. Деятели науки Москвы на вечере в Доме ученых 23 июля 1924 г. приняли резолюцию: «Научные работники с чувством глубокого возмущения и протеста констатируют гибель миллионов человеческих жизней, калечения десятков миллионов оставшихся в живых, глубокое расстройство экономической и культурной жизни, а также разрушение на долгие годы международной солидарности работников науки, которые последовали в результате войны» [12, 24 июля].

Центральным событием Недели стали состоявшиеся по всей стране многочисленные демонстрации рабочих под лозунгом «Спасение мира от новых войн в диктатуре пролетариата». Общая схема организации мероприятия хорошо видна на примере столицы. В субботу 2 августа 1924 г. (выбор этого дня недели был не случаен, он позволял организованно вывести на улицы сотни тысяч рабочих, так как работы заканчивались раньше, в 13 часов) по окончании работ на территории всех предприятий прошли летучие митинги. Затем «большинство рабочих вышли на демонстрацию в замасленных заводских блузах, некоторые с мелким инструментом в руках». С 14 до 18 часов около 500 тыс. человек, собранных в колонны по районам, прошли перед гостиницей «Националь», с балкона которой их приветствовали члены Коминтерна [12, 3 авг.].

В Ленинграде демонстрация состоялась 3 августа. Накануне на всех фабриках и заводах и в красноармейских частях были проведены «летучки-митинги» [8].

В деревнях и поселках, где было трудно собрать массовую аудиторию (не стоит забывать, что это был период сельскохозяйственной страды и массовых отпусков у рабочих) и ощущался острый

дефицит пропагандистских кадров, как правило, власти ограничивались проведением митингов и собраний в клубах [14, д. 9628, л. 2]. Иногда для привлечения публики в клубах устраивались «живые картины» или инсценировки на тему войны. Для инсценировки предлагались фрагменты романов А. Толстого «Хождение по мукам», К. Фибих «Красное море», А. Барбюса «Огонь» и др. В «живых картинах» представлялись отдельные сюжеты на темы войны, например: «Война. С одной стороны, немецкий кайзер, с другой – французский генерал, сопровождаемые своей буржуазией, толкают друг на друга двух ошалевших парней в солдатской форме. <...>

Политика. Буржуй дергает за ниточку двух враждебных солдат, которые, как марионетки, колотят друг друга. <...>

Церковь. Поп, освящающий святой водой пушку. <...>

“Война – войне!” Красноармеец ударами сбивает и валит чудовище – империалистическую войну» [5, с. 29].

В редких случаях (слишком мало было в распоряжении организаторов кампании передвижных киноустановок) в клубах демонстрировались фильмы, специально снятые к началу кампании. И всегда присутствовала визуализация основных лозунгов Недели – плакаты, стенгазеты и т.п., а также необходимые пропагандистские материалы. Только Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) выпустило к началу кампании несколько брошюр суммарным тиражом более 110 тыс. экземпляров (Арский Р. «Европа после войны», «Империалистическая война, причины и следствия ее», «К десятилетию империалистической войны» и др.), листовки и плакаты, бесплатно распространявшиеся на местах [14, д. 9648, л. 15].

Как отмечалось в отчете агитационного отдела Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), «вся кампания проводилась под углом противопоставления войны гражданской и революционной – войне империалистической и под углом готовящегося нового предательства и измены делу рабочего класса II-м Интернационалом и международным меньшевизмом» [14, д. 9648, л. 5].

Таким образом, основной импульс к отмечанию десятилетия начала мировой войны, как представляется, был связан с задачами текущей политики. События недавнего прошлого актуализировались, приобретали не только собственно историческую ценность, но и превращались в составную часть модели сегодняшнего дня.

В многочисленных пропагандистских материалах подчеркивалось, что именно экономический ущерб от «империалистической бойни» (а не от Гражданской войны) мешает росту благосостояния рабочих и крестьян [11]. Кампания пыталась вдохнуть новую жизнь в идею мировой революции, на-

чавшую затухать после событий 1923 года, культивировала у трудящихся ощущение опасности новой войны: «Сколько бы ни толковали о “стабилизации” европейского хозяйства, о восстановлении (об этом ныне толкуют и учнейшие социалисты), все же остается неоспоримым факт, что все здание капиталистической Европы во время большого исторического обвала, начало которого – 1-е августа 1914-го года, накренилось на бок и дало ряд глубоких трещин. Если и до сих пор пролетариат победил всего в пределах одной шестой части земного шара, то зато во всех остальных 5/6 конфликты, противоречия продолжают обостряться. Вооружения усиливаются, разговоры (очень серьезные) о новой мировой войне и о “финальной катастрофе” продолжаются. Борьба классов становится все резче и решительнее. У нас нет поэтому повода впадать в пессимизм. Мировая революция не отодвигается, а приближается» [3, с. 3]. Кроме того, важным фактором в организации Недели стала политическая борьба левых сил в европейском рабочем движении, конфликт II и III Интернационалов. Не случайно К. Цеткин в статье «Несмыслимый позор» писала о «банкротстве Второго Интернационала», о том, что европейская социал-демократия «превратилась в вульгарную, трусливую, буржуазно-демократическую реформистскую организацию» [12, 26 июля]. Подобная риторика была характерна и для других деятелей коммунистического движения и большевистских вождей.

Хотя формально кампания была инициирована Коминтерном, ее идеологическое обеспечение и практическое проведение осуществлялись Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б).

«Юбилейные» мероприятия тщательно готовились задолго до самой Недели. Так, в Ленинградской губернии подготовка к десятой годовщине «империалистической войны» началась по решению Губкома РКП(б) [14, д. 9593, л. 37]. 14 июля 1924 г. на заседании агитколлегии ЛК был утвержден план кампании: «1) Провести пропагандистскую подготовку в рабочих клубах и домпросветах путем постановки одной комплексной лекции незадолго до “Недели протеста”, а второй комплексной лекции во время самой “недели”».

2) Содержание первой комплексной лекции: причины мировой империалистической войны, рост классовых противоречий, II-й Интернационал во время войны, причины краха II-го Интернационала, зарождение III-го Интернационала; содоклад – физиологические последствия войны: война и вырождение человечества.

3) Содержание второй комплексной лекции: основной доклад – Европа и Америка после войны; Версальский тупик; II-ой Интернационал – фракция фашистской буржуазии; III-й Коммунистический Интернационал и опасность новых войн. Содоклад – техника новых войн.

4) За день до демонстрации провести на всех фабриках и заводах, красноармейских частях и среди военморов митинги.

5) Создать для проведения “недели” и демонстрации, намеченной на 3-ье августа, комиссию <...>.

6) «Прибою» (губернское партийное издательство. – С.У.) поручить не позднее 20-го июля выпустить “Ленинский сборник об империализме”, отдельным выпуском Манифест Коминтерна и тезисы Агитпропа ЦК, а также одну популярную брошюру.

7) Не позднее 18-го июля Комиссии поручить выработать лозунги к 10-летию.

8) Поручить Политпросвету совместно с Пуокром (Политическое управление военного округа. – С.У.), Пубалтом (Политическое управление Балтийского флота. – С.У.), Доброхимом (Общество друзей химической обороны и промышленности. – С.У.) и т.д. организовать общегородскую выставку, посвященную 10-летию империалистической войны, объединив на это время все экспонаты, имеющиеся на местах.

9) Считать необходимым возможно шире осветить вопросы 10-летия империалистической войны в крестьянской печати, выпустить ко дню демонстрации специальный № журнала “Красная деревня”, провести демонстрацию в крупных центрах (волостях и селлах), перебросив в деревню максимальное количество плакатов, рисующих издержки империалистической войны и тяготы в этой войне, падающие на крестьянство. <...>

10) Считать необходимым в максимальной степени использовать весь статистический цифровой материал (таблицы, диаграммы, плакаты, цифры жертв войны и т.д.), а также издание плакатов-контрастов (издержки войны – средств и людей, сопоставив их с данными производственных работ, которые могли бы быть выполнены за счет этих издержек, например, стоимость империалистической войны равна 10.000 Волховстроя и т.д.). <...>

11) Обратить особенное внимание на втягивание в кампанию рабочих и крестьянок, а также Л.К.К.С.М.» [14, д. 9599, л. 10–11].

Соответствующие планы кампании составляли районные комитеты партии и комсомола, профсоюзные организации, добровольные общества, правления клубов и даже отдельные ЖАКТы (жилищно-арендные кооперативные товарищества).

Проблема любой агитационной кампании состояла в необходимости привлечения масс к ее проведению. Прежде всего, конечно, речь шла о рабочих, от которых, в общем, требовалось только присутствие на разнообразных мероприятиях. Поэтому все инстанции тщательно подсчитывали количество «обслуженных» кампанией трудящихся. Например, агитотдел Московско-Нарвского райкома РКП(б) отчитался в том, что в кампании

были задействованы 50 тыс. 445 человек, из которых «1) побывали на комплексных лекциях 28/VII, 29/VII и 30/VII – 6720 ч.

2) на митингах по предприят. и учрежд. 2/VIII39225.

3) на докладах-вечерах в клубах и домпросв. 2/VIII и 3/VIII.....450».

Самым тщательным образом была учтена аудитория каждого собрания, вплоть до цеховых [14, д. 9659, л. 34, 43–45].

Цифры посещаемости лекций, докладов, собраний, митингов и демонстраций в ходе Недели впечатляют. Правда, иногда в отчетах мелькает грустная нотка: «Массовые кампании – такие, как о десятилетии империалистической войны, о седьмой годовщине Октябрьской Революции – предварялись постановкой по всем Клубам ряда лекций и докладов на тему проводимых Кампаний. Если нельзя сказать, чтобы лекции эти и доклады привлекали много народу, но все же в среднем на каждую лекцию приходится человек 60–80, а в редких, правда, случаях бывало по 200–300 человек» [14, д. 9666, л. 17].

Отдельные документы позволяют судить о приписках в отчетах по кампании. Например, руководитель одного из лекториев жаловался, что юбилейные доклады несколько раз были сорваны, хотя организаторы заявили о готовности собрать 1000 слушателей [14, д. 9814, л. 62].

Еще одна черта рассматриваемой кампании – стандартизация агитационно-пропагандистской практики. Содержание многочисленных брошюр, статей и т.п. повторяет друг друга практически слово в слово. Тексты докладов и лекций публиковались заранее, чтобы «облегчить» подготовку докладчикам («докладчику нет нужды просматривать отдельно справочный материал в разных источниках, на что требуется и время, и необходимая литература, которая не всегда бывает под рукой») [6, с. 3]. На собраниях и митингах трудящиеся принимали такие же « типовые » резолюции: «Мы, слушатели курсов Ленинградского Губоно Центранпроса, студенты и работники педтехникума им. Некрасова, собравшись по случаю 10-ой годовщины империалистической войны на общее собрание, посвященное протесту против мировой войны, шлем вам пламенный привет выражаем твердую уверенность, что под руководством Р.К.П. (б) и ее закаленных в борьбе вождей трудящиеся С.С.С.Р. совместно с мировым пролетариатом положат конец алчности капиталистических аул и вместо кровавого кошмара, вновь нависшего нал миром, ярко засияет солнце социализма!

Да здравствует единение работников просвещения с Р.К.П.(б)!

Да здравствует III-ий Коминтерн!» [14, д. 9814, л. 92].

В результате эффективной ударной пропагандистской кампании за короткое время сформиро-

вался официальный дискурс «империалистической войны», принятый обществом. Сформированный в недрах Коминтерна и ЦК РКП(б), основанный на идеях большевистских вождей, образ Первой мировой войны закрепился в массовом сознании, стал частью коллективной памяти советского общества.

Библиографический список

1. *Большакова О.В.* Долгое возвращение в Европу: Изучение Первой мировой войны и американская русистика // *Российская история.* – 2014. – № 5. – С. 26–36.
2. *Виноградов В.Н.* Первая мировая война: взгляд историка // *Новая и новейшая история.* – 2014. – № 5. – С. 3–15.
3. Десятилетие мировой войны // *Коммунистическая революция.* – 1924. – № 2. – С. 3–8.
4. *Добренко Е.* Красный день календаря: Советский человек между временем и историей // *Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино / под ред. М. Балиной.* – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 97–123.
5. Империалистическая война (К десятой годовщине). Материалы для рабочих, красноармейских и школьных клубов. – Л.: Прибой, 1924. – 118 с.
6. К десятилетию империалистической войны (Сборник материалов для бесед и лекций). – Л.: Изд-во книжного сектора Губоно, 1924. – 56 с.
7. *Кутдусова В.А.* Первая мировая война в советском печатном дискурсе 1920–1940-х гг. // *Лабиринт.* – 2014. – № 3. – С. 65–76.
8. Ленинградская правда. – 1924. – 4 авг.
9. *Либих А., Ненароков А.* Как российские социал-демократы отметили свой серебряный юбилей // *Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – начало XX века).* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yale.edu/macmillan/europeanstudies/memory607.htm> (дата обращения: 15.02.2013).
10. Манифест Коминтерна к мировому пролетариату и тезисы к десятилетию мировой империалистической войны. – Тифлис: Изд-во Заккрайкома РКП(б), 1924. – 56 с.
11. *Павлович М.* Мировая война и ее итоги // *Десятилетие мировой войны (материалы для агитаторов).* – М.: Красная новь, 1924. – С. 89–94.
12. Правда. – 1924.
13. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / под ред. Ю.А. Петрова. – М.: РОССПЭН, 2014. – 982 с.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. 16. – Оп. 9.
15. *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX - начала XX веков // *Вопросы истории.* – 2005. – № 11. – С. 98–107.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШВЕДСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО КОРПУСА В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939–1940 ГОДОВ

В статье рассматриваются некоторые аспекты создания и деятельности Шведского добровольческого корпуса, принимавшего участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. на стороне Финляндии. Многовековое нахождение Финляндии в составе Шведского королевства обусловило прочные узы, сохранявшиеся между этими странами и на протяжении правления в Финляндии русских императоров, и по достижении Финляндией независимости от России в декабре 1917 г. Финляндия оставалась важнейшим политическим партнёром Швеции и близкородственной страной в массовом сознании населения. Открыв вербовочный пункт в центре Стокгольма в первый день Советско-финляндской войны, шведское правительство пришло к выводу, что добровольцы не нарушают нейтрального статуса их государства, и позволило вербовочным пунктам размещать агитационные призывы на общественном транспорте. К январю 1940 по всей Швеции работало уже более 120 вербовочных пунктов. В Шведский добровольческий корпус вошли представители всех социальных слоёв шведского общества. Однако профессиональных военных или людей, обладавших опытом воинской службы, в числе добровольцев было мало. Лишь немногие добровольцы были обучены воевать в трудных зимних условиях.

Несмотря на то что скоротечность Советско-финляндской войны не дала Шведскому добровольческому корпусу ярко проявить себя в ходе боевых действий, он стал символом особых отношений между Швецией и Финляндией и оставил яркий след в культуре обеих североευропейских стран, так как именно шведские волонтеры составили подавляющее большинство из общего числа иностранных добровольцев, отправившихся воевать в Финляндию против советских вооруженных сил.

Ключевые слова: Шведский добровольческий корпус, Советско-финляндская война 1939–1940 гг.

Начавшаяся между СССР и Финляндией осенью 1939 г. война не могла оставить равнодушной шведскую общественность, относившуюся к Финляндии как к близкородственному государству. Из числа гражданских и военных активистов был сформирован Шведский добровольческий корпус (шв. Svenska frivilligkåren), некоторым аспектам создания и деятельности которого в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и посвящена эта работа.

Уже 30 ноября 1939 г., в первый день Советско-финляндской войны, в Швеции были открыты вербовочные пункты для набора добровольцев. Координировал их деятельность специально созданный комитет «Финляндия» (шв. Finlandskommittén) под руководством полковника Генерального штаба шведской армии Карла Августа Эренсверда [8, с. 52–53]. В задачи комитета «Финляндия» входил поиск и организация финансовых источников для нужд шведских добровольцев в финской армии, лоббирование интересов Финляндии в правительстве Швеции и проведение пропагандистской кампании в защиту Финляндии.

В состав комитета «Финляндия» вошли представители всех основных политических партий Швеции (за исключением коммунистов и левых социалистов, которых рассматривали в качестве «пятой колонны»), а также видные общественные деятели. Так, известный шведский поэт, литературовед и публицист Олоф Лагеркранц начал издавать журнал «Доброволец» (шв. Den frivillige), а его брошюра «Финляндия – это наше дело!» разошлась тиражом около 1 млн. экземпляров [8, с. 52–53].

Знаменитый шведский писатель Вильгельм Муберг, наиболее известный благодаря своему циклу романов «Эмигранты», опубликовал послание к сельским жителям Швеции, выразив в нем озабоченность относительно угрозы с востока: «Красная Армия движется к Скандинавии. Тень этой угрозы нависла над землей Швеции, над ее свободой. Швеция – это старейшее государство в регионе, которое всегда было независимо.

Неспособность отдать все, чем мы владеем, даже наши жизни, ради того, чтобы защитить Швецию, означала бы предательство наших предков, как и наших детей. Финские крестьяне проливают кровь, обороняя свое государство, но сколько продлится их борьба, если мы не сделаем шаг навстречу и не предложим свою помощь? Все, что мы делаем для Финляндии, послужит, в конечном счете, нашей собственной безопасности. Для шведских крестьян настало время показать миру, чего стоит их принадлежность к культуре, которую они лелеют вот уже тысячу лет» [9].

В начале декабря 1939 г. был сформирован Шведский добровольческий корпус. Его командиром стал ветеран советско-финляндских боевых действий 1918–1920 гг., шведский генерал-лейтенант в отставке Эрнст Линдер. Согласно воспоминаниям Урвара Нильссона, офицера шведской армии, принимавшего участие добровольцем в Советско-Финляндской войне 1939–1940 гг., «самым удивительным было то, что Добровольческий корпус вырос как будто из ничего. Начинали они, как эфемерная организация. У них не было и шнура» [12, с. 44].

Первоначально было запрещено афишировать деятельность добровольческого корпуса в сред-

ствах массовой информации, чтобы не вызвать сомнений в том, что Швеция сохраняет статус нейтрального государства. В газетах появилось только небольшое объявление, содержащее лишь слово «Финляндия», телефонный номер и адрес [3, s. 53].

Хотя принятая в 1907 году Гаагская конвенция гласит, что «на территории нейтральной державы в пользу воюющих не могут быть формируемы военные отряды и открываемы учреждения для вербовки», в случае, если «частные лица отдельно переходят границу, чтобы поступить на службу одного из воюющих», нейтральная держава не должна нести ответственность за подобные действия [1].

Открыв вербовочный пункт в центре Стокгольма в первый день Советско-финляндской войны, шведское правительство, опираясь на эти положения, пришло к выводу, что добровольцы не нарушают нейтрального статуса их государства и позволило вербовочным пунктам размещать агитационные призывы на общественном транспорте. К январю 1940 по всей Швеции работало уже более 120 вербовочных пунктов [14, s. 67].

Агитационные плакаты содержали фразу «Борьба Финляндии – это борьба скандинавских стран, а борьба скандинавских стран – борьба западного мира» [3, s. 50], и лозунг «För Nordens Frihet – Sveriges Ära» (Честь Швеции за независимость Северной Европы). Ставший популярным девиз «Дело Финляндии – наше дело» призывал шведов с оружием в руках отправиться в Финляндию и принять участие в ее борьбе за выживание, обеспечить безопасность стран Северной Европы ради себя и будущих поколений. Другие агитационные объявления гласили: «Nu vet världen vad det är att vara finne. Visa Du vad det är att vara svensk» (Теперь весь мир знает, что значит быть финном. Покажи миру, что значит быть шведом) [13, s. 42–43].

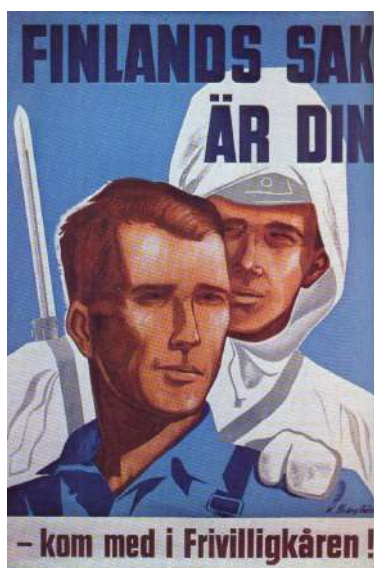

Рис. 1. Агитационный плакат Шведского добровольческого корпуса: «Дело Финляндии и твоё тоже. Вступай в Добровольческий корпус!»

Рис. 2. Эмблема Шведского добровольческого корпуса

Потенциальный доброволец, являвшийся в вербовочный пункт, должен был пройти медицинское обследование, вакцинацию и получить общую информацию о характере его будущей службы. При отборе добровольцев предъявлялись большие требования к состоянию их здоровья, в результате значительное число обратившихся в вербовочные пункты (4 тыс. 445 человек) не были приняты в состав добровольцев [15, s. 74].

Наибольшее число волонтеров было набрано в политически активном Стокгольме (2449) и пограничной с Финляндией северной шведской провинции Норботтен (1258) [8, s. 61]. Наравне со шведами, в Добровольческий корпус вступали также норвежцы и датчане, движимые примерно теми же мотивами: защита соседнего исторически и культурно близкого государства от потенциальной для всей Северной Европы угрозы.

Успешно прошедшие отбор кандидаты организованными группами отправлялись в пограничный со Швецией финский город Торнео, где они проходили краткую подготовку и где происходило окончательное формирование и вооружение подразделений. На этом этапе перед руководством корпуса встал важный вопрос: как должна выглядеть форма солдат. Они не могли носить стандартную военную форму шведских вооруженных сил, так как это было бы истолковано СССР как официальное вмешательство шведского правительства в войну на стороне Финляндии. В результате военная форма с изображением шведской национальной символики – трёх корон – комплектовалась пуговицами финского дизайна с изображением финского герба [3, s. 53].

Боевые единицы корпуса, названные Группа I, Группа II и Группа III, в свою очередь состоявшие из рот различной специализации, получили собственные эмблемы, вышитые на мундирах добровольцев. Для Группы I предназначалось изображение арбалета, для Группы II – головы лося, для группы III – двух скрещенных мечей [12, s. 25]. Кроме того, эмблема самого добровольческого корпуса (четыре руки, изображающие четыре

страны Северной Европы – Швецию, Норвегию, Данию и Финляндию), была прикреплена к воротнику вместе с лозунгом «Nordens Frihet – Ära, Skyldighet, Vilja» (Независимость Северной Европы – Честь, Долг, Цель) [13, s. 42].

В Шведский добровольческий корпус вошли представители всех социальных слоёв шведского общества. Однако профессиональных военных или людей, обладавших опытом воинской службы, было мало, тогда как около половины от общего числа волонтеров составляли люди рабочих профессий [3, s. 50]. Примерно две трети добровольцев принадлежали к возрастной группе от 20 до 30 лет; одна пятая корпуса не имела никакого опыта обращения с огнестрельным оружием или другими видами вооружения [15, s. 162–163].

В то же время необходимо указать, что, несмотря на проводившуюся проверку биографии каждого кандидата (с целью избежать призыва преступников или других нежелательных лиц, например сторонников коммунистических идей), некоторое число людей, прошедших отбор в Шведский добровольческий корпус, придерживалось радикальных правых (фашистских или национал-социалистических) взглядов и симпатизировало нацистской Германии [10, p. 144–147].

Чем были движимы шведские добровольцы? Некоторые отправлялись на войну в поисках приключений. Другими двигал романтизм. Многие шведы вступали в корпус из убеждения, что финский народ имеет право жить в соответствии с собственными политическими принципами и не подчиняться требованиям извне. Как отмечалось в газете «Дагенс Нюхетер», мужество, которое Финляндия продемонстрировала в противостоянии с противником, имевшим такое численное превосходство, как СССР, также стало причиной, по которой часть граждан Швеции вступала в добровольческий корпус [4].

Для ряда военных профессионалов, которыми, к примеру, были лётчики из добровольческого авиаполка F-19, шедшая рядом война была уникальной возможностью получить настоящий боевой опыт. Хотя пилоты чувствовали искреннее желание помочь Финляндии, добровольное участие в той войне было также способом доказать свою значимость. Им нужно было подтверждение того, что они были способны успешно воевать [6, s. 18–19].

Личные связи в Финляндии также сыграли свою роль, послужив одним из мотивирующих факторов. Некоторые пилоты имели финские корни или проживавших в Финляндии близких родственников. Другие, которых не устраивало существовавшее положение вещей в их жизнях, желали продвинуться по карьерной лестнице и получить практический опыт в военном деле или же просто стремились к славе и приключениям [6, s. 18–19].

Рис. 3. Агитационный плакат:
«С Финляндией – за Швецию.

Вступай в Шведский добровольческий корпус!»

Они также верили, что их усилия в Северной Финляндии, в конце концов, послужат для защиты шведской границы, остановив продвижение Красной Армии и распространение коммунизма. В то же время стоит заметить, что изображение свастики на финских самолётах шведских лётчиков не смущало. Однако стоит отметить, что в тот период времени этот символ ещё не приобрел одиозного статуса.

Первые организованные подразделения шведских добровольцев прибыли в Финляндию в декабре 1939 г., вскоре после того как в начале декабря командующий вооруженными силами Финляндии Карл Густав Маннергейм официально попросил руководство Швеции о помощи, подчеркивая нехватку не личного состава, а в первую очередь боевой техники [11, s. 60]. Именно поэтому одним из первых шведских подразделений в составе вооруженных сил Финляндии стал сформированный 14 декабря 1939 г. добровольческий авиаполк F-19 под командованием полковника шведских ВВС Густава Бекхаммера, куда вошли 24 боевых самолета и около 270 человек лётного и технического состава [6, s. 30]. Подразделение базировалось на севере Финляндии и имело своей целью защиту больших городов и охрану коммуникаций в районе базирования. Помимо этого, там же были расквартированы шведские зенитные части.

Важно отметить, что общее число шведских добровольцев, прибывших для участия в боевых действиях с РККА, было не первостепенно – для Финляндии было гораздо важнее, чтобы был ускорен сам процесс и чтобы войска из Швеции прибыли как можно скорее. Быстрая реакция, отправка даже небольшого количества добровольцев могли стать знаком для других стран, что с их стороны было бы разумно также предложить Финляндии свою помощь [13, s. 340].

Первые крупные шведские подразделения заняли боевые позиции в начале февраля 1940 г. Около двухсот шведов служили в артиллерийских частях (вооруженных шведской артиллерией), действовавших в районе г. Вааса в западной части Финляндии. Еще несколько сотен добровольцев служили в войсках противовоздушной обороны Турку и в прибрежной защите архипелага Пеллинки к востоку от Хельсинки. Несколько сотен врачей, медсестер и ветеринаров предложили свои услуги в госпиталях и больницы, а также в полевые госпитали, основанные шведским Красным Крестом [8, s. 68].

В феврале-марте 1940 г., на завершающем этапе советско-финляндской войны, количество шведских добровольцев достигло 8 тыс. 260 человек [11, s. 234]. С учетом норвежцев и датчан, входивших в состав Корпуса, общая численность добровольцев из Скандинавии составила 9 тыс. 640 человек [15, s. 479].

Несмотря на высокий боевой дух и мотивированность скандинавских добровольцев, в их службе в Финляндии возникало немало трудностей. Хотя шведские и финские солдаты были едины в цели, они говорили на разных языках и получили различную военную подготовку. Лишь немногие добровольцы были обучены воевать в трудных зимних условиях.

Согласно воспоминаниям Урвара Нильссона, многие волонтеры, особенно из южной Швеции и Дании, поехавшие воевать либо из-за романтических взглядов на происходившие события, либо из-за авантюрного склада характера, никогда не держали в руках огнестрельного оружия и были не способны передвигаться на лыжах [12, s. 244–248]. Им также пришлось столкнуться с рядом бытовых трудностей, таких как переохлаждение и различные инфекционные болезни.

В результате, значительная часть Шведского добровольческого корпуса не принимала прямого участия в боевых действиях, что объясняет его малые потери: 33 человека погибло и 185 добровольцев были ранены и обморожены. Причём обмороженные составляли подавляющее большинство – около 140 человек [8, s. 80]. В целом вспомогательный характер участия Шведского добровольческого корпуса в боевых действиях объясняет и практически полное отсутствие пленных: в советский плен попало только два человека [2, с. 88], служивших летчиками в добровольческом авиаполку F-19, достаточно активно вступавшего в боевые столкновения с советскими лётчиками.

Вскоре после завершения боевых действий между СССР и Финляндией, 26 апреля 1940 г., все шведские добровольческие части финской армии были расформированы и отправлены на родину [8, s. 92]. Однако после окончания войны шведские волонтеры не спешили возвращаться к мирной жизни. Именно участники той войны составили

основу для шведских добровольческих формирований, участвовавших в боевых действиях против СССР в 1941–1944 гг. на стороне Финляндии [14, s. 188–190].

В значительной степени именно скоротечность Советско-финляндской войны не дала Шведскому добровольческому корпусу, ставшему символом отношений между Швецией и Финляндией, ярче проявить себя в ходе боевых действий.

Так или иначе, именно шведские волонтеры составили подавляющее большинство из общего числа иностранных добровольцев, отправившихся воевать в Финляндию против советских вооруженных сил [15, s. 180]. Шведское добровольческое движение войны 1939–1940 гг. стало не только самым большим в истории Швеции, но и одним из крупнейших в истории XX века.

Хотя вклад Шведского добровольческого корпуса в вооруженную борьбу финнов с РККА был не велик, значение его моральной поддержки было огромным. Это сыграло заметную роль в дальнейшем укреплении дружеских межгосударственных отношений между Финляндией и Швецией.

Библиографический список

1. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=800 (дата обращения: 27.10.2014).
2. Веригин С.Г. Финские военнопленные на территории Северо-запада России в период Зимней войны 1939–1940 гг. // Новый Часовой. – 1999. – №8–9. – С. 85–92.
3. Andolf G. Svenska Frivilliga i Finland 1939–1940. – Stockholm, Militärhistoriska Förlaget, 1989.
4. Dagens Nyheter. – 1940. – 13.2.
5. Gafström A. Svenska frivilliga i Finland 1939–1944. – Stockholm, 1989.
6. Falk G. F19–En Krönika: Den Svenska Frivilliga Flygflottiljen i Finland Under Vinterkriget, 1939–1940. – Stockholm: Svensk Flyghistorisk Förening, 1988.
7. Finland, landet som kämpade: den första sammanfattande skildringen i ord och bild av det finska kriget 1939–1940. – Stockholm: Saxon & Lindström, 1940.
8. Finlandskommitténs verksamhet och de frivilliga svenska förbanden i Finland 1939–1940. Styrelsen för föreningen Finlandskommittén. – Stockholm, 1941.
9. Krigsarkivet. Finlandskommittén, 1939–1940, Vol. 3–5, 7, och 44d. Moberg V. Letter to the Farmers, Dec. 12, 1939.
10. Lindström U. Fascism in Scandinavia, 1920–1940. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985.
11. Mannerheim C. G. Marskalkens Minnen. – Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1954.
12. Nilsson O. När Finlands sak blev min: minnen från krig och fred. – Esbo, Schildt, 2002.

13. Schmidt-Laussitz K.-J. von. För Finlands Frihet: Svenska Frivilligkåren, 1939–1940. – Hallstavik: Svenskt Militärhistoriskt Bibliotek, 2008.

14. Sprague M. Swedish volunteers in the Russo-

Finnish Winter War. – Jefferson: McFarland, 2010.

15. Svenska frivilliga i Finland 1939–1944/ redigerad av förbundet svenska Finlandsfrivilliga. – Stockholm: Militärhistoriska förlag, 1989.

УДК 94(470)“1980/...”

Пахомова Елизавета Александровна

кандидат исторических наук

Волжская академия водного транспорта (г. Нижний Новгород)

pahomova-e@inbox.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА: К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ БУРЖУАЗНОГО УКЛАДА НА РУБЕЖЕ 1980-х – 1990-х ГОДОВ

В статье рассмотрены значимые трудности, связанные с переходом от социалистической экономики к рыночной, проходившим в нашей стране на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Выявлены важные институциональные трудности, препятствующие построению развитой рыночной экономики в постсоветской Российской Федерации (в первую очередь – правовой нигилизм). Прежде всего, это касается особенностей трудовой этики и патерналистских настроений в отечественном социуме. В статье также затронуты различные аспекты, связанные с особенностями деятельности советских «теневиков», а также с трудностями трансформации представителей советской теневой экономики в законопослушных бизнесменов. Выявлены причины, которые содействовали заинтересованности части дельцов советской теневой экономики в сохранении советского строя. Проанализированы также некоторые особенности отношения к развивающейся рыночной экономике представителей номенклатуры, в том числе причины успешности выходцев из «второго» эшелона советской номенклатуры и их родственников. При обращении к опыту приватизации, как процесса «обмена власти на собственность», нами применялись наработки С. Кордонского, а именно его концепция «поместной федерации».

Ключевые слова: переходный период, СССР, экономика, приватизация, патернализм, либерализм.

Крайне важным с точки зрения становления буржуазных отношений в нашей стране был период перестройки. Именно тогда был принят ряд законов (в первую очередь Закон «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г.), открывших дорогу частной инициативе и способствовавших большим переменам во всех сферах жизнедеятельности общества, которые окончательно трансформировали весь уклад жизни населения в 1993 году [8, с. 76]. Некоторые исследователи, например, Н.Ю. Лапина, видят начало приватизационных процессов в нашей стране ещё в 1986–1990-м годах [6, с. 14]. Однако, по нашему мнению, тогда имели место лишь отдельные мероприятия, готовившие почву для перехода к буржуазным отношениям (в том числе, естественно, и к приватизационным процессам), но не начало приватизации.

Нельзя не признать при этом, что новые экономические отношения приживались часто с трудом. Объяснить данное обстоятельство следует функционированием ряда формальных и неформальных институтов, объективно противоречивших развитию буржуазного уклада.

Во-первых, следует отметить, что в основе институтов американского и ряда других западных обществ лежит либеральная трудовая этика, то есть личные усилия и ответственность каждого за собственное благосостояние. Любая форма распределения доходов здесь справедлива, так как она возникает в итоге конкурентной борьбы, разрываемой по определённым правилам. Хотя

современные либералы признают необходимость минимальной социальной защиты, они все же полагают, что за это приходится платить определённую цену [10, с. 58–61]. В то же самое время в советском обществе, равно как и в ряде других переходных обществ, господствовали патерналистские ценности, во многом противоречившие либеральной трудовой этике [5, с. 47].

Во-вторых, одновременно с патерналистскими настроениями в советском обществе наличествовали стихийные и нелегальные экономические практики, связанные с ведением хозяйственной деятельности, близкие, на первый взгляд, к частному предпринимательству, но, по сути, весьма отличающиеся от этого феномена с развитыми рыночными и демократическими институтами. Так, российские исследователи Н. Римашевская и А. Овсянников считают, что особенностью российского рынка является то, что его началом стал номенклатурный капитализм, как следствие выхода номенклатурных чинов на коммерческую стезю ещё в 1987 году в соответствии со специальным решением ЦК КПСС о комсомольском движении в рыночную экономику. Началось создание коммерческих центров, контроль за которыми и реальное руководство осуществляли чиновники.

Эти организации практически не платили налоги, они имели право перекачки безналичных денег в наличные, они покупали валюту в Госбанке по смехотворному курсу и тут же перепродавали по коммерческому. Им были доступны все государственные фонды, запасы сырья и готовой продук-

ции, которые они сразу продавали за рубеж огромными партиями. Им же было передано множество зданий, санаториев, домов отдыха. И, наконец, все они – «свои» люди – были полностью ограждены от правоохранительных органов [9, с. 452].

Другим примером подобного рода могут служить вещевые рынки, существовавшие ещё в СССР (в просторечии их часто называли «барахолками»). Социальный феномен возникновения вещевых рынков во многом был обусловлен стихийными, стихастическими процессами, которые, с одной стороны, проявлялись как латентные, нелегальные в период административно-командного управления советской экономикой (и, находясь в тени, закономерно попали под контроль криминала!), с другой стороны, мощно развившимися в начальный период постсоветской истории, когда в политике государства возобладал попустительский принцип *laissez faire – laissez passer* [3, с. 32]. Во многом деятельность таких рынков приводила отнюдь не к построению цивилизованных рыночных отношений по американскому или немецкому образцу, но вела к усилению откровенно криминальных структур и укоренению негативных по своей природе институтов.

В-третьих, переход от централизованной плановой экономики к демократии и свободному рынку имеет целый ряд правовых, экономических и институциональных особенностей. Большинство из них было либо проигнорировано, либо искажено при законодательном оформлении реформ, определении параметров монетарной, фискальной, торговой, финансовой, социальной, образовательной политики, при проведении приватизации, формировании рынка земли и развитии конкуренции в инфраструктурных и сетевых секторах. Специфическими институциональными характеристиками переходного периода были следующие:

- правовой нигилизм номенклатуры и населения в целом, незнание сущности института частной собственности;
- слабая поддержка системных последовательных рыночных преобразований электоратом, образовательными элитами, высокие иждивенческие ожидания, подкрепляемые установками эгалитаризма и чувством зависти к богатым (склонность к отождествлению богатства с воровством и несправедливостью);
- отсутствие естественной структуры производства и занятости, как следствие отсутствия частной собственности и свободных цен на все факторы производства;
- отсутствие независимой судебной власти и эффективной системы разрешения экономических и имущественных споров;
- отсутствие традиций участия гражданского общества и СМИ в контроле за действиями власти, в формировании ценностей открытого общества, государства права и демократических процедур;

– наличие большой, противоречивой, во многом псевдосоциалистической правовой базы для регулирования экономических отношений;

– острый дефицит убежденных, подготовленных кадров для проведения системных рыночных реформ на уровне государства и, тем более, местных властей;

– чрезвычайно слабые механизмы координации действий различных органов власти по проведению рыночных реформ, жесткая конкуренция между различными структурами правительства, а также между центром и регионами;

– наличие мощного административного, политического и человеческого капитала у элиты, сформировавшейся ещё в социалистический период, который в ситуации ломки старой системы и отсутствия новых институтов легко трансформируется в политическую и экономическую власть;

– высокие риски ослабления силовых функций государства, криминализации общества и создания мощных теневых структур, в том числе с участием представителей бывших или действующих силовых структур, которые крайне негативно влияли на экономическую безопасность (под таковой следует понимать способность субъекта экономической деятельности противостоять неблагоприятному воздействию внешней среды, которая в условиях рыночной экономики постоянно изменяется) [1, с. 77].

Нельзя также не признать, что на рубеже 1980-х – 1990-х годов наблюдалась достаточно нестандартная ситуация. На первый взгляд, объективно заинтересованными в развитии классических буржуазных отношений были дельцы «теневой» экономики, а также представители советской партийно-хозяйственной номенклатуры, то есть слои населения, обладавшие немалыми материальными ресурсами и стремившиеся таковые приумножить. Однако, по нашему мнению, такое видение проблемы является не совсем верным.

Мы признаём, что «теневики» по большей части были в какой-то мере «язвами» на теле советской экономики. Они действительно использовали в основном производственные мощности (или хотя бы оборудование), созданные государством и государству же принадлежавшие, для личного обогащения. Они использовали электроэнергию и т.п., вырабатываемые государственными структурами. Подобный перечень можно продолжать и продолжать, но при этом же нельзя не признать, что «теневики» производили товары, которые: а) действительно были нужны населению и б) не производившиеся или же производившиеся в малых объёмах или же низкого качества государством.

Вполне уместен вопрос: насколько «теневикам» был выгоден переход к буржуазным отношениям? Иначе говоря, насколько этой категории населения был выгоден уход государства? Ведь в этом случае «теневикам» пришлось бы в полном объёме опла-

чивать все издержки, связанные с производственным процессом (до этого они полностью или же частично покрывались государством). В ряде случаев пришлось бы решать вопрос и с объектами социальной сферы, имевшимися на балансе государственного предприятия. И, наконец, самое главное – в случае устранения государства могла принципиально поменяться ситуация в том сегменте рынка, на который ориентировался «теневик». Как следствие, уровень рентабельности его производства мог существенно снизиться.

Итак, «теневики» как группа представляли собой противоречивый феномен. С одной стороны, им выгодны легализация нажитых богатств и т.п. С другой же стороны, успешный «теневик», имеющий связи как в криминальном мире, так и среди официальных лиц (иначе вести такого рода деятельность просто невозможно), по сути, имеет мало сходства с законопослушным бизнесменом, сделавшим себе состояние на инновациях. «Теневику», по большому счёту, нужно государство, с которым можно «договориться» и которое будет благодаря своим просчётам (осознанным или же нет) создавать условия для его обогащения.

Другая значимая социальная группа, которая, как нами уже отмечалось выше, также была в принципе не против приобретения советских производственных мощностей в собственность – номенклатура, как известно, активно проявившая себя в начале 1990-х годов в процессе приватизации [6, с. 39]. Впрочем, как и в случае с дельцами «теневой» экономики, ситуация с партийно-хозяйственной номенклатурой была не столь уж однозначной. В самом деле, следует согласиться с точкой зрения профессора И. Кордонского, писавшего, что «директор “номерного” завода или начальник “зоны” в пределах отведённой им “в реальности” территории обладали всей полнотой помещичьей власти, предназначенной для “заботы о благе народа”» [4, с. 25–26]. Иначе говоря, директор советского завода не мог ни продать, ни заложить его и даже не имел возможности установить цену на выпускаемую предприятием продукцию, но, подобно дворянину XVI–XVII веков, он, благодаря факту управления предприятием от лица государства, получал для себя и своих близких доступ к материальным благам, недоступным его подчинённым. То есть уровень жизни представителя партийно-хозяйственной номенклатуры был существенно выше, чем у рядовых граждан благодаря доступу к ценностям, распределяемым в условиях режима коммунальной собственности. Готовы ли были директора заводов и т.п. в полном объёме взять на себя ответственность за развитие предприятия? Как показала практика первой половины 1990-х годов, далеко не всегда.

Как следствие, отношение к собственности являлось более чем порочным. Желających пользо-

ваться и даже владеть было много, в то время как пользоваться, владеть и распоряжаться – меньше. Отметим, что сходной была позиция и в других социальных группах. Так, общеизвестно, что жители сёл и деревень, имевшие доходы (порой вполне неплохие) от личных приусадебных хозяйств, в той или иной степени пользовались для своих нужд совхозной или же колхозной техникой и т.п. В какой-то мере и процветавшие (по советским меркам) за счёт своих садов и огородов жители села были в некотором роде также «язвами» на теле советского государственного сельского хозяйства. В ещё большей степени это же иллюстрировали те, кого в советские годы называли «несунами», то есть люди, расхищавшие, как правило в небольших объёмах, собственность предприятий, на которых они работали, для своих личных нужд.

В целом можно согласиться с мнением, согласного которому «философия этого периода (имеется в виду конец 1980-х – начало 1990-х гг.) – философия “большого хапка”, то есть стремление получить максимально больше от советского наследства в лучшем случае, образно выражаясь, “заплатив налоги по наследству” в виде оплаты стоимости акционизируемых объектов по их остаточной стоимости, что на начальных этапах приватизации составляло порой менее 1% их рыночной стоимости. Поэтому философия современного российского бизнеса и по сей день в значительной мере несёт в себе философию фактически дармового приобретения объектов чужой и прежде всего государственной собственности» [2, с. 69].

Нам представляется, что отсутствие традиций частной собственности (русская культурная традиция вообще практически не воспроизводит архетип свобод в её либеральном понимании [5, с. 47]), имевшее место в нашей стране на рубеже 1980-х – 1990-х годов, наряду с распространившейся практикой доступа к ресурсам и ценностям в условиях режима коммунальной собственности, привели к тому, что среди становившегося на ноги отечественного бизнес-сообщества утвердилась идея об адекватном распределении ответственности в соответствии со следующим принципом: прибыль – себе, а убытки – государству или обществу.

Не случайно также, что едва ли не главными сторонниками буржуазных реформ первоначально были представители советской интеллигенции, которые, казалось бы, объективно не получили больших дивидендов от перехода к буржуазным отношениям (некоторые из них даже первоначально немало потеряли). Впрочем, в данном случае можно вести речь о параллелях с российским прошлым, когда главными сторонниками радикальных перемен были разночинные слои, в массе своей также в результате реформ не выигрывавшие.

Кроме того, по нашему мнению, можно также провести некоторые параллели с событиями пре-

образований Мэйдзи-исин в Японии (они были тоже по-своему фундаментальные!). Движущей силой тех реформ были представители периферийных княжеств, то есть, по сути, элиты второго и отчасти третьего эшелона. В российских реалиях и это имело место. В самом деле, в результате «обмена власти на собственность» (а именно так объясняют суть реформ начала 1990-х годов), в выигрыше оказались лица, либо генетически связанные с номенклатурой прошлых лет (классический пример – М.Д. Прохоров), либо же партийно-комсомольские чиновники (классический пример – М.Б. Ходорковский), однако отнюдь не первые лица СССР и их родственники, и даже не наиболее видные «теневики» образца 1980-х годов – в противном случае российский список миллиардеров в журнале «Forbes» почти бы полностью состоял из родственников членов Политбюро ЦК КПСС и крупнейших дельцов «теневой» экономики позднесоветского периода.

Библиографический список

1. Бобошко В.И., Бобошко Н.М. Роль государственного регулирования экономической безопасности малого и среднего бизнеса на современном этапе развития экономики // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 2. – С. 76–80.
2. Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Формирование конструктивной философии российского бизнеса: проблемы и перспективы // Социология власти. – 2003. – № 6. – С. 68–80.
3. Дорошенко Г.И. Развитие системы рыночных институтов в постсоветской России // Вестник Российского нового университета. – 2012. – № 3. – С. 32–42.
4. Кордонский С. Россия. Поместная федерация. – М.: Изд-во «Европа», 2010. – 312 с.
5. Лазутина А.Л., Леушкин Д.В., Полусмак Т.Л., Симонов А.Л., Фоменков А.А. К вопросу о связи между трудовой и политической мотивациях в современной России // Социум и власть. – 2014. – № 3 (47). – С. 46–51.
6. Лапина Н.Ю. Российская приватизация: история, динамика, результаты // Приватизация в России и других странах СНГ. Сборник обзоров / отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 13–55.
7. Рохмистров М.С. Государство и собственность: управленческие конструкции взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 10. – С. 36–43.
8. Фоменков А.А. Фундаментальные изменения в России после событий 3–4 октября 1993 г. // Смутные времена в истории России: материалы всероссийской научной конференции. – 2012. – С. 76–79.
9. Цыбулевская Е.А. Особенности создания рыночных институтов в России // Казанская наука. – 2011. – № 1. – С. 450–452.
10. Шевчук А.В. Модели «рыночной» экономики: социальные ценности, идеологии, институты // Вопросы культурологии. – 2009. – № 2. – С. 58–61.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЭСТОНИИ НАКАНУНЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ*

Эстонская Республика, восстановив независимость в 1991 г., перестала быть мононациональным государством (коим была в 1920-е – 1930-е гг.), а стала многонациональной страной с преобладанием двух этносов – эстонцев и русских. Уже только поэтому можно констатировать, что реставрация правовой базы I Республики (закон о гражданстве [11], об иностранцах [14], о культурной автономии национальных меньшинств [13]) не могла отвечать изменившейся ситуации в стране (до 1940 г. в Эстонии проживало 92% эстонцев). Положение усугубилось тем обстоятельством, что прогнозы на репатриацию неэстонского населения и сокращение его доли до 20–25% [1] не оправдались.

К сожалению, после распада СССР на постсоветском пространстве возобладала тенденция к строительству национальных государств, когда одной из задач представлялось закрепление приоритета титульной нации во всех областях жизни. В результате, русскоязычное население Эстонии в начале 1990-х оказалось в новых для себя условиях – в независимом государстве, без гражданства, в большинстве случаев без знания языка. Изначально не будучи однородной группой, с течением времени русскоязычное население стало раскалываться на разные подгруппы и не могло консолидироваться для совместного отстаивания своих прав и решения общих проблем в политическом, экономическом и социальном поле.

Ключевые слова: Эстонская республика, независимость, многонациональное государство, многонациональная страна, русскоязычное население.

По данным последней переписи населения СССР, в 1989 г. в Эстонской ССР титульное население составляло 61,5% от всего населения республики (963281 чел. из 1565662). Кроме того, в ЭССР проживало около полумиллиона русских (474834, или 30,3% населения), 48271 украинец (3,1%) и 27711 белорусов (1,8%), оставшиеся менее пяти процентов неэстонского населения составляли татары, евреи, литовцы, латыши и немцы, кроме того, 0,9% не указали свою национальность или дали неопределенный ответ [8, с. 14].

Формирование русскоязычного населения Эстонии связано с советским периодом ее истории. После Второй мировой войны в новую союзную республику прибыли советские партийные и государственные работники, военнослужащие и сотрудники силовых структур, за редкими исключениями не владевшие эстонским языком. Естественно, в соответствующие сферы жизни ЭССР стал активно входить русский язык, обретая прочные ассоциативные связи с советским общественно-политическим строем, а для большинства коренного населения – тесно увязываясь с потерей государственной независимости.

Распределение русскоязычного населения в Эстонии характеризовалось территориальной неравномерностью: в основном оно было сконцентрировано в крупных городах и в промышленно развитых северо-восточных регионах страны. Большинство русскоязычных в советский период прибывали в Эстонию для работы на крупных предприятиях промышленности (Таллин, Маарду, Нарва) или в шахтах по добыче горючего сланца

(район Ида-Вирумаа: Йыхви, Кохтла-Ярве, Силламяэ). Работая на крупных предприятиях, новоприбывшие получали жилье, входя в число постоянных жителей республики. Уже к началу 1980-х гг. в Эстонии неэстонцы, в основном русские и русскоязычные, среди занятых по разным отраслям народного хозяйства составляли в промышленности 54,4%, (при этом в машиностроении и металлообработке неэстонцы в 1983 г. составляли 63,9% занятых, среди работников ИТР в промышленности – 67,9%), на транспорте – 50,7% и 53,5%, в строительстве – 35,6% и 40,1% [6, с. 112]. Эти диспропорции отмечались эстонским социологом А. Кирхом и его российскими коллегами еще в конце 1980-х гг. [2; 9; 10]. По его данным, удельный вес русских превышал их долю в населении среди рабочих машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности – в 1,19 раза, текстильщиков – в 1,16, строителей – в 1,2, железнодорожников – в 1,45. Русские преобладали на крупных предприятиях союзного значения. Среди металлургов русских было в 2 раза больше, чем эстонцев, среди горняков – в 2,6 раза, а в некоторых отраслях русские преобладают и по абсолютной численности: в машиностроении и металлургии, на железнодорожном и водном транспорте и т. п. Эстонцы же первенствовали в полиграфической, пищевой и в других отраслях местной промышленности, в сфере услуг и, разумеется, в сельском и рыбном хозяйстве [5, с. 115].

В то же время доля неэстонцев среди инженерно-технических работников в промышленности была равна их проценту в составе населения республики, а среди руководителей предприятий

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект №15 - 51 - 00001 «а(ф)»)

и их подразделений русские были, наоборот, «недопредставлены» (0,56% от доли русских в населении). Подобное соотношение характеризовало долю неэстонцев среди научных работников, преподавателей, учителей (0,69), работников искусства (0,33). В Эстонии в 1989 г. на 10 тыс. занятого населения (в городах) приходилось среди эстонцев 94 работника управления, среди русских, живущих в Эстонии, – 43, научных работников, соответственно, 172 и 41, работников литературы и искусства – 193 и 42, учителей – 353 и 231, рабочих же тяжелой промышленности 1 586 и 3 606 (данные рассчитаны Л. Остапенко) [5, с. 116].

Это отвечало общесоюзным тенденциям. За последние 10–15 лет существования СССР в союзных республиках стало заметно снижаться представительство русских во многих профессиях квалифицированного труда, прежде всего в сфере управления. В конце 1980-х гг. (по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.) только в Белоруссии и Узбекистане русские были представлены в органах власти республик в соответствии со своей долей в составе населения. В других республиках, в том числе в Эстонии, в органах власти преобладали лица титульной национальности. Напротив, в милиции в Риге, Вильнюсе и Таллине к 1991 г. более 80% милиционеров были русскими [6, с. 100]. Также много русскоязычных было в прокуратуре, судебных органах, пожарной охране и т. д.

В послевоенные десятилетия степень культурной адаптации русских в советской Эстонии была невысока. Доля знающих эстонский язык составляла 10%, в культурных ориентациях – литературных интересах, музыкальных вкусах, информационных запросах, многих нормах повседневного поведения – неэстонцы в большинстве своем были ориентированы на русскую культуру. Но одновременно их социальная и трудовая адаптация в Эстонии, как и в других бывших советских республиках, была довольно высока. Как показал анализ результатов опросов русских жителей Таллина в 1991 г., 50% работающих были удовлетворены своей трудовой деятельностью, а совсем не удовлетворены – лишь 16%. Эта удовлетворенность была выше, чем у русских во многих других республиках, в том числе и в РСФСР. На отсутствие перспектив в карьере указывали всего 10% работающих; но среди высококвалифицированных специалистов их было вдвое больше, так как занятие высших руководящих должностей блокировалось принципом предпочтительности «национальных кадров» (хотя дискриминируемые в своем большинстве принадлежали к народу, официально считавшемуся «старшим братом» всех прочих народов СССР).

Русские в Эстонии, как и в других прибалтийских республиках, в основном работали на создававшихся при советской власти больших предприятиях союзного подчинения [6, с. 99] (завод

«Двигатель», Таллинский электротехнический завод имени Ханса Пегельмана, «Punane RET», Кренгольмская мануфактура, «Силмет» и др.). По этой причине русскоязычное население формировалось исключительно как городское, причем в некоторых городах (Нарва, Кохтла-Ярве, Силламяэ) оно составляло подавляющее, до 90%, большинство. В столице Таллине неэстонское население составляло 52,6% населения [8, с. 69], преобладало на городских окраинах, где возводились новые жилые районы. В университетском центре Тарту, где преобладали эстонцы (72,3%) [8, с. 71], сложилась авторитетная среда русскоязычной гуманитарной интеллигенции, известная далеко за пределами СССР.

Приводимые данные свидетельствуют, что накануне предоставления Эстонии независимости русские не были, как это часто утверждалось в балтийской публицистике периода борьбы за независимость, «низами» балтийских обществ, «гастарбайтерами», выполняющими непрестижную, неприятную и низкооплачиваемую работу. Р. Мисионас и Р. Таагепера пишут: «В балтийском массовом представлении об иммигрантах на первом плане находится фигура необразованного и некультурного русского рабочего-строителя. Но статистика говорит, что средний образовательный уровень русских и украинцев в балтийских республиках был даже несколько выше, чем у самих балтийских народов». Но они не были и «верхушкой» советских балтийских обществ, народом господ, подобно предшествовавшим завоевателям-«мигрантам» в Балтии – немцам.

Не занимая в Эстонии, как в обществах других прибалтийских стран, какой-либо особой социальной ниши, за исключением относительно небольшой группы «досоветских» русских, русскоязычное население Эстонии не составляло и особой социально-культурной группы, тем более маргинальной. Однако на фоне ситуации в центральных регионах Российской Федерации можно говорить об отдельных чертах своеобразия, связанного с гораздо меньшей долей сельского населения, гуманитарной интеллигенции, а также с большим числом рабочих и инженеров, работавших на предприятиях союзного значения, потерявших таковое в условиях независимой Эстонии [6, с. 101]. С культурной точки зрения эти люди были носителями ценностей советского образа мыслей и жизни – репрезентативными представителями советской культуры, отрицаемой в новом эстонском государстве [6, с. 101]. Серьезную проблему составляла конфигурация языковой ситуации: по данным 1989 г. среди русского населения республики эстонским владели только 14,9%, а среди эстонцев свободно владели русским 34,5% [6, с. 102].

В складывающихся диспропорциях могли быть заключены предпосылки будущих этнических конфликтов. В Эстонии, как и в ряде других регионов

бывшего СССР, взаимоотношения различающихся по социальному составу, но близких по образованию и социально-культурному потенциалу этнических групп приводили к конкуренции, создавая одну из причин межэтнической напряженности [5, с. 85–105].

Ее основные потенциальные линии формировались неравномерно и существенно различались по глубине противоречий. Таковых практически не было на селе, где русские старообрядцы веками уживались с эстонскими селянами, несмотря на различие языков, вероисповеданий и культур. В органах власти и управления основной водораздел проходил не по национальному признаку, а по отношению к экономической, а затем и политической самостоятельности Эстонии. В культурном поле эстонцы и русскоязычные сосуществовали параллельно, соприкасаясь, пожалуй, только в области официальной (признанные в СССР эстонские писатели Ю. Смуул и Я. Кросс и пр.), массовой (певцы Я. Йоала и Т. Мяги и др.), а также элитарной (тартуский кружок Ю.М. Лотмана, театр в Вильянди). В религиозном отношении конфликтным полем не могло быть православие, которое исповедует часть эстонцев.

Во времена Советского Союза в Эстонии существовала двуязычная система образования, состоявшая из школ с эстонским языком обучения (русский язык изучался в обязательном порядке), школ с русским языком обучения (эстонский язык изучался в обязательном порядке) и небольшим количеством школ со смешанным языком обучения (и эстонский, и русский). В профессиональном и высшем образовании республики также применялось в основном два языка обучения: русский и эстонский. К 1991 г. доля учеников, обучающихся на русском языке в дневных общеобразовательных учреждениях, составляла 36,7% по Эстонии и 54,5% по Таллину от всех обучающихся [4, с. 176].

После школы большинство выпускников-неэстонцев продолжали своё обучение в профессиональных учебных заведениях и вузах в основном на русском языке. Например, в 1987 г. при общей доле русскоязычного населения более 38% и при 30% доле выпускников русских школ от общей численности (выпускников) процент обучающихся на русском языке в вузах Эстонии составлял лишь около 20% [3, с. 40]. Но это было вполне обычным явлением для СССР и других стран, где большинство получало среднее профессиональное образование. Таким образом, в Советской Эстонии можно было получить полный курс образования – от дошкольного до послевузовского – на двух языках: эстонском или русском.

Кроме того, мы бы хотели обратить внимание на более высокий уровень образования неэстонцев в 1989 г. по сравнению с этническими эстонцами (из 100 неэстонцев в среднем 14 имели высшее образова-

ние, против 12 среди эстонцев) [4, с. 184], что служит ещё одним доказательством несостоятельности теории о привлечении в Советскую Эстонию неквалифицированной русскоязычной рабочей силы.

Что касается межличностных контактов эстонцев и русских в Эстонской ССР, то они имели ограниченный характер. Данные контакты ограничивались в основном публичной сферой – профессиональная деятельность, работа, учеба – и редко переходили во что-то большее. В качестве примера здесь можно привести смешанные браки. В советской Эстонии смешанные браки поощрялись властями и достигали 16%, а в больших городах даже 30% от общего числа [7] (официальная статистика по смешанным бракам в Эстонии отсутствует). Социолог Клара Халлик утверждает, что большинство смешанных браков не были прочными и распадалась в течение первых 10 лет совместной жизни по причине разного менталитета, традиций и др. [7]. Согласно исследованиям Академии наук ЭССР, 70–80% детей из смешанных семей учились на эстонском языке, а дети пополняли число эстонцев (подобная же ситуация сохраняется и в настоящее время). Но с провозглашением независимости из-за роста национализма, межнациональных противоречий число смешанных браков сократилось до 5–10% и остаётся на этом уровне вплоть до настоящего времени. Столь низкий показатель смешанных браков, на наш взгляд, можно объяснить не только различием традиций и менталитета, но и боязнью как эстонцев (в советский период), так и русских (в период независимой Эстонии) потерять свою национальную идентичность, ассимилироваться. В целом слабые межнациональные контакты на личностном уровне прослеживались в Эстонии в советский период. В качестве примера здесь можно привести данные о количестве русских, свободно владеющих эстонским языком: по одним данным, в 1989 «свободно» и «активно» владели эстонским 22%, а уже в 1991 г. – 27%, по другим, «хорошо знали эстонский и говорили с эстонцами на нём» в 1990 г. 7%, в 1995 г. – 25% [6, с. 117]. Не владея в достаточной степени эстонским языком, невозможно претендовать на сколько-либо тесные контакты с эстонцами на личностном уровне.

Можно констатировать, что уже к концу 1980-х в силу исторических причин и культурных различий в Эстонской ССР сложилось разделение общества на эстонскую и неэстонскую части. В условиях провозглашения независимости, роста национализма и наступления на права русскоязычного меньшинства это межнациональное разделение послужило предпосылкой к глубокому расколу общества по этноязыковому признаку.

Разделение общества подразумевает, что у каждой его части существует своя идентичность. В условиях Советского Союза русскоязычное население

ние Эстонской ССР не выделяло себя каким бы то ни было образом: существовали прочные контакты с РСФСР и другими республиками, русский язык имел статус государственного; и в психологическом плане русские и русскоязычные ассоциировали СССР со «своей страной», с Россией. С началом «перестройки», ростом национализма и сепаратизма в союзных республиках, с нарастанием экономических и политических проблем ситуация стала меняться. Всё больше русскоязычного населения Эстонской ССР начало поддерживать идею независимости республики. Согласно опросу, проведенному в Эстонии в мае 1990 г., за Эстонию как союзную республику в составе СССР были 0% эстонцев и 21% русских, за независимое государство в составе конфедерации – 1% и 46%, за полностью независимое государство вне СССР – 96% и 26% [12, с. 91]. В марте 1991 г. в Эстонии проводился референдум о восстановлении независимости. В нём участвовали 82,86% избирателей. За независимость – 77,83% участвовавших, против – 21,43% (17,77%) [6, с. 105]. Но, учитывая, что эстонцы составляли 61,5% населения, становится очевидным, что подавляющее большинство неэстонцев высказались против независимости. Например, в Нарве, где эстонцев 4%, за независимость высказалось 25% (подобные же цифры и в Силламяэ) [6, с. 105]. Таким образом, можно констатировать, что за полную независимость Эстонии от СССР выступали лишь около 20–22% русскоязычных жителей Эстонии. По нашим предположениям, эти 20–22% включали в себя коренных русских (живших в Эстонии до 1940 г.), выходцев из смешанных семей и хорошо интегрированных русских, которые и далее, на протяжении 1990-х – 2000-х гг., во всех социологических исследованиях и опросах будут занимать позицию эстонцев. Таким образом, уже с конца 1980-х – начала 1990-х обозначается неоднородность русскоязычного меньшинства, которая далее, с течением времени, будет лишь углубляться.

Эстонская Республика, восстановившая независимость в 1991 г., уже не была мононациональным государством, как в 1920-е – 1930-е гг., а являлась многонациональной страной с преобладанием двух этносов – эстонцев и русских. Уже только поэтому можно констатировать, что реставрация правовой базы I Республики (закон о гражданстве [11], об иностранцах [14], о культурной автономии национальных меньшинств [13]) не могла отвечать изменившейся ситуации в стране (до 1940 г. в Эстонии проживало 92% эстонцев). Положение усугубилось тем обстоятельством, что прогнозы на репатриацию неэстонского населения и сокращение его доли до 20–25% [1] не оправдались.

После распада СССР на постсоветском пространстве возобладала тенденция к строительству национальных государств, когда одной из задач

представлялось закрепление приоритета титульной нации во всех областях жизни. В результате, русскоязычное население Эстонии в начале 1990-х оказалось в новых для себя условиях – в независимом государстве, без гражданства, в большинстве случаев без знания языка. Изначально не будучи однородной группой, с течением времени русскоязычное население стало раскалываться на разные подгруппы и не могло консолидироваться для совместного отстаивания своих прав и решения общих проблем в политическом, экономическом и социальном поле.

Библиографический список

1. Григорьев М. Демократия по-эстонски // Взгляд. – 2006. – 28 июня.
2. Кирх А.В., Ярве П.Э., Хаав К.Р. Этносоциальная дифференциация городского населения Эстонии // Социологические исследования (Социс). – 1988. – № 3.
3. Лукьянов А. Высшее образование на русском языке: история и проблемы // Труды русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 2 / сост. В. Бойков. – Таллинн: INGRID, 2003. – 236 с.
4. Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / под ред. В.В. Полещука. – М.: ФИП, Русская панорама, 2009. – 244 с.
5. Тишков В.А. Русские как меньшинство: пример Эстонии // Эстония: контуры этнополитической эволюции, 1988–1992. – М., 1994. – Т. 1. – С. 85–105.
6. Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. – М.: Референдум, 2002. – 556 с.
7. Хегельберг Т., Эрнитс П. Я люблю русскую // Молодёжь Эстонии. – 1999. – 8 мая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moles.ee/99/May/08/8-1.html> (дата обращения: 20.12.2013).
8. 2000. aasta rahva ja eluruumide loendus. II, Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelte oskus = 2000 population and housing census. II, Citizenship, nationality, mother tongue and command of foreign languages / Statistikaamet; [koostanud Kristina Känd, Merit Langi, Riina Leinbock ... jt.] – Tallinn: Statistikaamet, 2001. – 347 l.
9. Kirsh A., Kirsh M., Tuisk T. A Non-Estonian Population today and tomorrow. A Sociological Overview. – Tallinn, 1992.
10. Kirsh A. Russians in contemporary Estonia – different strategies of the integration into the Nation-State // The Baltic states at historical crossroads: political, economical and legal problems in the context of international cooperation on the doorstep of the 21st century/ Ed. by dr. Talavs Jundzis. – Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998. – P. 581–594.
11. Kodakondsuse seadus (Закон о гражданстве 1938/1992) // Riigi Teataja. – 1992. – № 7. – Ст. 109.

12. The return to the Western World: cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / ed. by M. Lauristin. – Tartu: Tartu University Press, 1997. – 309 p.

13. Vahemusrahvuse kultuuriautonoomia seadus (Закон о культурной автономии национальных меньшинств) // Riigi Teataja I. – 1993. – № 71. – Ст. 1001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/akt/24535> (дата обращения: 17.01.2013); русский перевод закона: Закон о культурной автономии национальных меньшинств // ESTLEX. Систем. требования:

Adobe Acrobat Reader. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.estlex.com/tolked/9791.pdf> (дата обращения: 17.01.2013).

14. Valismaalaste seadus (Закон об иностранцах) // Riigi Teataja. – 1993. – № 44. – Ст. 637; русский перевод закона: Закон об иностранцах // Justiitsministeerium (Сайт Министерства юстиции ЭР). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=49469/Valismaalaste+seadus.pdf> (дата обращения: 17.01.2013).

УДК 930

Бородин Леонид Иосифович

доктор исторических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
borodkin@hist.msu.ru

КОМПЬЮТЕРНОЕ 3D-МОДЕЛИРОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКЕ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ¹

В статье рассматриваются источниковедческие вопросы, возникающие в задачах создания виртуальной реконструкции исторической городской застройки с помощью технологий компьютерного 3D-моделирования. Разработка этих технологий дала импульс появлению нового направления исторической урбанистики, связанного с изучением эволюции городской среды, которая во многом определяется изменениями городской застройки. В этом процессе нередко изменяется облик зданий, улиц и площадей; иногда они исчезают с карты города – в ходе радикальных перестроек или в результате войн, пожаров и т.д. В данной работе обсуждаются проблемы реконструкции исторической городской застройки центра Москвы на примере Страстной площади, возникшей в XVII веке вокруг Страстного девичьего монастыря, который был уничтожен в 1930-х гг. Анализ эволюции рассматриваемой пространственной инфраструктуры проводится на основе комплекса источников, характеризующих объекты реконструкции на нескольких временных срезах. Использование в ходе построения виртуальной реконструкции методов 3D-моделирования требует новых источниковедческих подходов, ориентированных на синтез разнотипных источников, к тому же относящихся к различным периодам времени, в течение которых происходила эволюция изучаемой исторической застройки. Немаловажным аспектом такой работы является и обеспечение верификации создаваемой виртуальной реконструкции.

Ключевые слова: 3D-моделирование, виртуальная реконструкция, историческая урбанистика, синтез источников, историко-культурное наследие, Страстной монастырь.

Историческая урбанистика («городская история») как отдельная область исторической науки формировалась с 1960-х гг.; в 1970-х гг. она развивалась преимущественно в рамках социальной истории, когда в центре внимания работ этого направления находились вопросы изучения городских социальных групп, сетей и структур [1, с. 33; 6]. Как отмечает С. Биттнер, в соответствии со сложившейся практикой историческая урбанистика изучает в основном историю не столько городов, сколько живших в городах людей и события, которые там происходили [1, с. 33]. По мнению американского историка, уход от «биографий городов» в сторону социальной истории обладал целым рядом неприятных последствий, наиболее существенным из которых является то, что «слишком часто стремление историков к обобщениям затемняло пространственную и географическую специфику конкретных городов» [1, с. 33]. В результате исследования подобного рода (анализ архитектуры, городского планиро-

вания, эволюции застройки и т.д.) были «отнесены на периферию городской истории, а иногда и вовсе вынесены за ее пределы» [1, с. 33]. И даже Ч. Тилли, признававший значение изучения городского пространства, утверждал, что городская история в основе своей является социально-историческим направлением и что историки-урбанисты, следовательно, «должны двигаться к самым смелым горизонтам социальной истории» [10, с. 704; 1, с. 33].

Новый импульс развитию этой области исторической урбанистики дало появление новых компьютерных 3D-технологий, на основе которых стало возможным создавать виртуальные реконструкции исторической городской застройки в ее эволюции, в ходе которой нередко изменяется облик зданий, улиц и площадей; иногда они исчезают с карты города – в ходе радикальных перестроек или в результате войн, пожаров и т.д. [3]. Использование в процессе построения виртуальной реконструкции методов 3D-моделирования требует новых источниковедческих подходов, ориентированных

на синтез разнотипных источников, к тому же относящихся к различным периодам времени, в течение которых происходила эволюция изучаемой исторической застройки. Немаловажным аспектом такой работы является и обеспечение верификации создаваемой виртуальной реконструкции.

В данной работе эти вопросы рассматриваются на примере проекта по созданию виртуальной реконструкции исторической городской застройки центра Москвы, конкретно – Страстной площади, возникшей в XVII веке вокруг Страстного девичьего монастыря, который был уничтожен в 1930-х гг. Анализ эволюции рассматриваемой пространственной инфраструктуры проводится на основе комплекса источников, характеризующих объекты реконструкции на нескольких временных срезах. Наш междисциплинарный проект реализуется на кафедре исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова в 2014–2015 гг. с участием реставраторов, архитекторов, IT-специалистов.

Возникновение Страстного монастыря стало важным этапом в градостроительной истории центра Москвы. Современные размеры и облик Пушкинская площадь приобрела в 30–80-е годы XX века. До этого времени большую часть ее нынешней территории занимал Страстной монастырь. Он был построен у Тверских ворот Белого города по улице Тверской по царскому указу 1649 г. об основании Страстного («девичьего») монастыря, на месте встречи Страстной иконы Богоматери жителями Москвы. Позже по названию монастыря стали называть и прилегающую площадь. Пятиглавый собор монастыря стал девятым собором Москвы. В 1778 г. обитель сгорела и в 1779 г. по повелению Екатерины II была восстановлена. В 1812 г. монастырь был разграблен наполеоновскими войсками, нижнюю церковь превратили в магазин, в кельях поселились гвардейцы, часть зданий и келий сгорела. После пожара 1812 г. монастырь был отстроен заново. В 1850 г. ученик Д. Жилярди, русский архитектор М.Д. Быковский построил надвратную колокольню с шатром и с часами – тогда это было новшеством. В 1894 г. архитектором Жигардовичем было возведено здание церковно-приходской школы, а позднее, в 1898–1899 гг., у южной стены, выходящей на Страстной бульвар, построили здание трапезной с одноглавой церковью преподобных Антония и Феодосия Печерских. Позднее, в 1912 г., архитектором Л.В. Стеженским построена монастырская гостиница с северо-восточной стороны территории [подробнее об истории Страстного монастыря см.: 9].

После революции 1917 г. Страстной монастырь пришел в упадок: в начале 1919 г. кельи монастыря были заняты Военным комиссариатом, в 1924 г. – студентами Коммунистического университета трудящихся Востока, спустя четыре года – Центральным архивом. Окончательно монастырь был

упразднен в 1928 г. С начала 1929 г. он был превращен в Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников СССР. В 1937 г. в ходе реконструкции улицы Горького и Пушкинской площади постройки Страстного монастыря были снесены. От всего комплекса исторических строений Страстной площади XIX – нач. XX вв. до нашего времени дошли только два здания: странноприимный дом и церковь рождества Богородицы в Путинках. В настоящий момент на месте входа в колокольню Страстного монастыря стоит памятник Пушкину.

Реализация исследовательского проекта по созданию виртуальной реконструкции Страстного монастыря и Страстной площади потребовала рассмотрения эволюции пространственной структуры этого исторического комплекса на протяжении почти трех столетий. В ходе исследования мы создаем реконструкции на четырех временных срезах, с конца XVII века до начала XX века (подробнее о проекте см. [1; 2; 4]. Наиболее ранний срез, для которого мы выявили достаточно репрезентативный набор источников, относится к 1830-м гг.

История Страстного монастыря, эволюция его исторической застройки получили отражение в целом комплексе разнообразных по характеру и типам источников. К ним относятся проекты архитекторов, планы и чертежи основных построек комплекса, документы, связанные с перестройкой, реконструкцией, реставрацией и другими изменениями внешнего облика зданий монастыря, а также фотографии конца XIX – начала XX вв. и изобразительные материалы (картины, гравюры, литографии). Основные документы по истории Страстного монастыря сохранились в целом ряде архивных фондов, прежде всего в фонде Страстного монастыря (ЦГА г. Москвы), фонде Московской духовной консистории (ЦГА г. Москвы), фондах канцелярии Святейшего Правительствующего Синода и Обер-прокурора Синода, хозяйственного управления при Синоде, коллекции строительных планов, фотографий и рукописей Синода, фонде департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий (РГИА), а также в фондах РГАДА: Монастырского приказа, Коллегии экономии, канцелярии синодального экономического управления, Московской конторы Синода.

Обращение ко всему комплексу доступных источников, включая материалы архивов и опубликованных источников, даёт возможность восстановить расположение и размеры строений, изменения их облика, сопоставив полученную из описательных источников информацию с данными графических и изобразительных источников; найти подтверждения гипотез или выявить «нестыковки» сведений из различных источников. Специфика использования разнотипных источников для построения виртуальной реконструкции

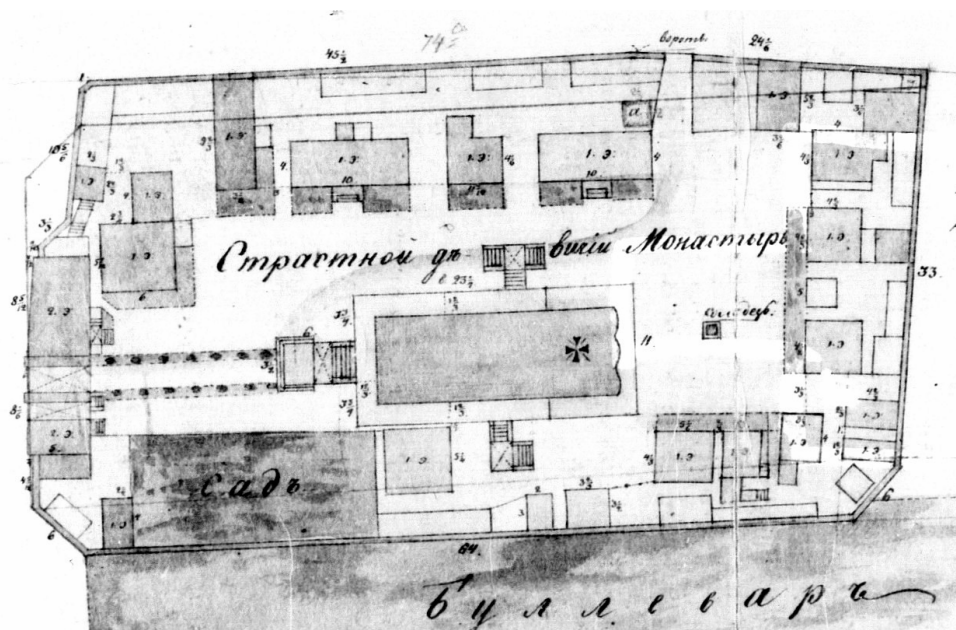

Рис. 1. Генеральный план Страстного девичьего монастыря, составленный в Комиссии для строений в Москве (1831 г.). ЦГА Москвы. Ф. Т-1. Оп. 1 (Арбатская часть). Ед. хр. 1 (№ 1/1). Д. 1. Л. 1

заключается, в частности, в том, что сведения из различных источников требуют (после источниковедческого анализа) дальнейшего синтеза, с тем, чтобы максимально обоснованно восстановить облик объектов историко-культурного наследия путем совместного рассмотрения информационного потенциала имеющихся источников. При этом построение реконструкции на определенный срез времени может потребовать привлечения источников, относящихся к более ранним или, напротив, к более поздним срезам.

Нередко для исторически достоверной реконструкции того или иного строения приходится проследивать весь процесс изменения монастырской застройки, анализировать причины, повлиявшие на необходимость продолжения строительных работ. В большинстве случаев, при недостатке информации о той или иной постройке на определенном временном срезе состояния монастыря, информация заимствуется из более поздних источников, упоминающих о данном строении, после чего при помощи метода «временного вычета» проводится определение всех изменений, произошедших с изучаемым объектом, после чего осуществляется ретроспекция состояния объекта на реконструируемое время.

Главную роль в процессе построения виртуальной реконструкции исторической застройки Страстной площади играют графические и изобразительные источники, включающие чертежи, планы, карты, гравюры, литографии. По каждому зданию, располагавшемуся на территории Страстного монастыря и прилегающей к нему площади, участниками проекта был собран комплекс источников, на основе которых происходило построение

3D-моделей. Главные объекты реконструкции – монастырский храм и надвратная колокольня – воссоздавались преимущественно на основе выявленных чертежей, планов, карт. Наиболее подробно конструкция храма была описана и перенесена на чертежи в 1920-х гг. (существенно, что соборный храм Страстной иконы Божьей матери не претерпел сколько-нибудь значительных перестроек за два века). При воссоздании внешнего облика храма учитывались также архивные нарративные документы. Расположение в пространстве каждого объекта реконструкции определялось соотношением его с планами территории Страстного монастыря 1757, 1773, 1831 гг. (рис. 1), а также со сводными топографическими картами, созданными на основе архивных документов участниками проекта.

На основе данного генерального плана стало возможным перейти к пообъектной реконструкции зданий и сооружений комплекса Страстного монастыря (рис. 2).

Наиболее информативными источниками для создания 3D-модели колокольни, построенной в конце XVII в. и существовавшей до 1850-х гг., явились архивные чертежи рубежа XVII–XVIII вв., а также вышеуказанные планы территории монастыря и изобразительный материал, относящийся к первой половине XIX в. (см., например, рис. 3).

На территории площади, прилегающей к Страстному монастырю, в 1830-х гг. существовало более 20 владений, модели которых в реконструкции привязаны к Генеральному плану Страстной площади 1831 г., созданному участниками проекта на основе архивных топографических планов. Существенно, что совокупность источников по каждому зданию включает чертежи фасадов, что позволяет

Рис. 2. Пообъектная реконструкция зданий и сооружений комплекса Страстного монастыря на подоснове Генерального плана Страстного монастыря 1831 г. Разработка Д.И. Жеребятьева и В.В. Мора (при участии О.Г. Ким)

Рис. 3. Вид Страстного монастыря начала XIX в. Фотогравюра Шерер, Наболец и Ко с рисунка неизвестного автора.

Москва // Снимки с видов местностей, храмов, зданий и других сооружений / под. ред. Н.А.Найденова. – М., 1886.

воссоздать виртуальную модель с документальной точностью.

Нарративные источники содержат сведения о перестройках зданий, происходивших в ходе реконструкций площади или вследствие чрезвычайных ситуаций, к примеру – после пожара 1773 г. Такие документы включают данные о размерах строений, их этажности, материалах постройки, цвете фасадов, архитектурных элементах. Делопроизводствен-

ная документация, характеризующая различные аспекты строительства зданий, – прошения об их постройке, ремонте ветхих строений, сметы и счета на постройку новых корпусов, в том числе приходно-расходные книги Страстного монастыря, – позволяет с достаточной точностью восстановить облик зданий на изучаемом периоде времени.

Информационный потенциал выявленных в архивах нарративных источников по истории изучае-

мого монастырского комплекса и прилегающей к нему исторической городской застройки достаточно высок. Дело в том, что техническая документация не во всех случаях позволяет построить аутентичную виртуальную реконструкцию. В этих случаях существенную помощь могут оказать описательные архивные материалы. В ходе исследования было выявлено немало таких ситуаций. Приведем примеры, иллюстрирующие ценность описательных источников, восполняющих недостающие сведения технической документации.

Задача построения виртуальной реконструкции на период конца XVII – первой трети XVIII вв. слабее обеспечена технической документацией, чем аналогичная задача для более поздних периодов. Так, облик церкви Страстной иконы Божьей матери в графических и изобразительных источниках отображен неполно, однако важным подспорьем для реконструкции являются сведения, содержащиеся в послании Правительствующему Сенату из Московской Сенатской конторы от 16 июля 1739 г. В этом документе отмечается, что Коллегией экономики в монастырь был послан архитектор Мичурин, «который <...> подал опись, в которой между прочим показано, что имеющиеся при соборной церкви каменные перилы с одной стороны длиною на пятнадцать саженей шириною на две сажени обвалились, да на церквях да на каменных игуменских и казначейских кельях кровли деревянные все обветшали» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 794. Л. 286–287). Из данного «доношения» мы смогли почерпнуть ценные сведения о деталях облика церкви и монастырских келий.

Ценные для построения виртуальной реконструкции монастырского храма сведения содержатся в документе 1887 г. «Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах».

Составивший этот документ протоиерей Страстного монастыря Нил Михайлов Воронцов на вопрос метрики «Если церковь старинная, то нет ли в ней пристроек более поздних; если есть, то какие и когда сделаны?» дает ответ: «При церкви более поздних пристроек нет». В его ответах представлены также данные о размерах нижней и верхней церковью монастырского храма: «Нижняя церковь с тремя приделами; общий размер в длину – 9 саж. 2 арш., ширину – 9 саж., высоту, до верхней части свода 6¼ арш. Верхняя церковь в два яруса окон, длиною – 14 арш. 10 верш., шириной – 15 арш. 2 верш., высотой 20 арш. до замка свода, до начала свода – 14 арш. Алтарь с тремя небольшими закруглениями; высота алтаря – 9¼ арш., ширина 10½ арш., длина (глубина) – 16 арш.» (ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 61. Л. 117–125). Эти сведения позволяют уточнить соотношения размеров церковью монастырского храма в ходе построения их виртуальной реконструкции.

Подобных примеров, характеризующих информативный потенциал описательных архивных источников, дополняющих графические источники, нами выявлено немало.

Создание 3D-модели позволяет проверить ряд гипотез о внешнем облике здания, его эволюции ещё на этапе макетирования, а также оценить степень достоверности и точности графических исторических источников. В некоторых случаях в ходе построения компьютерной модели объекта на этапе синтеза графических источников выявляются несовпадения в них: расхождение размеров отдельных строений, искажение перспективы объектов, их места расположения, неточное изображение отдельных зданий. Таким образом компьютерная программа 3D-моделирования подводит исследователя к необходимости проведения сравнительного источниковедческого анализа

Рис. 4. Компьютерная реконструкция объектов Страстного монастыря (1830-е гг.).
Разработка Д.И. Жеребятьева и В.В. Моора (при участии О.Г. Ким)

документов, содержащих противоречивые сведения. Отметим, что в качестве основных программ виртуальной реконструкции в нашем проекте используются 3D-редакторы: ArchiCAD, Autodesk 3Ds max, SketchUp и Unity3D [7].

Рисунок 4 дает одну из иллюстраций разработки виртуальной реконструкции комплекса Страстного монастыря (срез 1830-х гг.), полученной с помощью указанных компьютерных программ на основе имеющегося набора источников.

Результатом проекта станет разработка виртуальной реконструкции Страстного монастыря и прилегающего к нему исторического пространства Страстной площади на четырех временных срезах. Серия уже разработанных в рамках проекта реконструкций для более ранних временных срезов представлена на сайте исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в открытом доступе. Как показывает этот информационный ресурс, предложенный подход позволяет воссоздать эволюцию городского пространства, архитектурной среды, в которой протекала жизнь горожан в ту или иную эпоху. При наличии репрезентативных источников создание таких реконструкций можно осуществить сегодня на высоком научном уровне.

Отметим, что в Музее истории Москвы была проведена работа по созданию качественного материального макета Страстной площади на 1890 г., однако он имеет статический характер и ориентирован в основном на экскурсионно-познавательные цели.

Преимуществом построенной 3D-модели является возможность интерактивного просмотра реконструкции в онлайн-режиме и её верификации. Под понятием верификации мы подразумеваем возможность взаимодействия пользователя с представленными на сайте источниками (текстовой документацией, чертежами, планами, живописными произведениями и т.п.) и созданной на их основе виртуальной 3D-моделью с подробным описанием методики ее построения применительно к каждому зданию, с целью анализа воссозданной модели, поиска в ней возможных неточностей, неподтвержденных гипотез. В итоге пользователь может прямо на мониторе своего компьютера не только просмотреть реконструкцию монастырского комплекса в его эволюции, но и обратиться к оцифрованным источникам, положенным в основу реконструкции каждого его фрагмента [о компьютерной реализации этой методики Д.И. Жеребятъева см.: 7].

Опыт такого интерактивного режима общения с построенной 3D-моделью Страстного монастыря и окружающей его исторической городской застройки XVIII–XIX вв. можно приобрести, обратившись к информационному ресурсу нашего проекта на сайте Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: <http://www.hist.msu.ru/Strastnoy>.

В заключение отметим, что построение виртуальной реконструкции комплекса Страстного монастыря и прилегающей к нему исторической городской застройки идет в рамках проекта параллельно с изучением повседневной жизни монахинь, социальной истории монастыря, его роли в жизни Москвы. Такой комплексный подход представляется перспективным направлением в развитии современной исторической урбанистики. С другой стороны, проблематика разработки виртуальной реконструкции историко-культурного наследия обоснованно ассоциируется с междисциплинарным направлением *Digital Humanities* [8].

Примечание

¹ Исследование поддержано грантом Российского Научного Фонда (РНФ) №14-18-03473.

Библиографический список

1. Биттнер С. Куда идет историческая урбанистика? // Антропологический форум. – 2010. – № 12.
2. Бородин Л.И. Виртуальная реконструкция монастырских комплексов Москвы: проекты в контексте Digital Humanities // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2014. – Вып. 3(26). – С. 107–112.
3. Бородин Л.И., Жеребятъев Д.И. Технологии 3D-моделирования в исторических исследованиях: от визуализации к аналитике // Историческая информатика. – 2012. – № 2. – С. 49–63.
4. Бородин Л.И., Жеребятъев Д.И., Ким О.Г., Мишина Е.М., Моор В.В., Остапенко М.Ю. Источниковедение и методологические аспекты виртуальной реконструкции исторической застройки центра Москвы: Страстная площадь, 1830-е гг. // Историческая информатика. – 2015. – № 1. – С. 45–52.
5. Бородин Л.И., Жеребятъев Д.И., Кончаков Р.Б., Моор В.В. Виртуальная реконструкция Страстного монастыря (XVII–XX вв.): первый этап проекта // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – М., 2014. – № 42. – С. 216–218.
6. Бородин Л.И., Селунская Н.Б. Методы изучения социальной истории в американской историографии (По поводу «Проекта социальной истории Филадельфии») // История СССР. – 1978. – № 2. – С. 115–119.
7. Жеребятъев Д.И. Методы трёхмерного компьютерного моделирования в задачах исторической реконструкции монастырских комплексов Москвы. – М.: Макс Пресс, 2014. – 224 с.
8. Таллер М. Дискуссии вокруг *Digital Humanities* // Историческая информатика. – 2012. – № 1. – С. 5–13.
9. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Московского Страстного девичьего монастыря. – М., 1897. – С. 51–97.
10. Tilly C. What Good Is Urban History? // Journal of Urban History. – 1996. – Vol. 22. – P. 702–719.

ЯЗЫК ЦВЕТОВ:

ОЛИВА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена образу оливы как в европейском, так и в русском языке цветов. Символика оливы рассматривается с учетом ее трансформации со времен античности до XIX в. Отмечается, что большую роль в формировании символики оливы сыграла греческая мифология, причем именно в античной Греции возникло основное значение этого растения. Олива часто упоминается в Священном Писании, поэтому в трудах средневековых христианских богословов это растение приобрело несколько символических значений, позже усвоенных барочной эмблематикой, которая оказала большое влияние на формирование образности русской поэзии XVIII в., в частности на символику растений в ней. Как показал анализ поэтических текстов, в XVIII в. олива получала значения «победа», «мир», «весна». В результате обзора словарей языка цветов было обнаружено, что французская, английская, а позже и американская традиции из всего спектра барочных значений оливы сохранили только значение «мир», тогда как большая часть барочного комплекса значений сохранилась в немецкой культуре. Исследованные тексты русских поэтов первой половины XIX в. позволяют сделать вывод, что в формировании символики оливы в русской поэзии большую роль сыграли французский и немецкий языки цветов. Значительно и влияние поэтической образности XVIII в., в основе которой лежит барочная эмблематика.

Ключевые слова: язык цветов, олива, Европа, Франция, Германия, Россия, русская народная культура, русская поэзия XVIII–XIX веков, русская литература, символика.

Судьба оливы как в европейском, так и в русском языке цветов очень отличается от судьбы прочих растений. В литературе XVIII – 1-ой половины XIX вв. олива имеет только одно значение – «мир», хотя у этого значения можно выделить оттенки, обусловленные контекстом.

Олива принадлежит к небольшой, но значимой группе растений, символика которых возникла еще в эпоху античности. Оливковое дерево начало культивироваться в Греции [9, с. 764], отсюда было перенесено в Италию, Испанию, Южную Галлию. Согласно греческой мифологии, в споре за обладание Аттикой Афина победила Посейдона, так как подарила жителям этой области оливу, подарок не только красивый, но и полезный: «Минерва, ... ударяя своим копьём в землю, произвела Масличное дерево, благополучное знаменование мира» [8, с. 180]. Рассказ о том, что олива посвящена Афине, или Минерве [22, р. 322], повторяют и средневековые источники [23, 27, col. 52A], и сочинения Нового времени: «Афиняне первыми начали употреблять Масличную ветвь в знак Мира; ибо они, имея великой прибыток от деревянного масла, которого их земля производила великое множество, совсем разбойничать перестали и начали стараться о размножении Масличного дерева» [8, с. 175].

Олива, или маслина, часто упоминается в Священном Писании, поэтому в трудах средневековых христианских богословов это растение приобрело несколько символических значений, позже усвоенных барочной эмблематикой (XVI–XVIII вв.). Так, выражение «плодоносная олива», впервые встречающееся у св. Илария Пиктавийского (ок. 315–367), трансформировалось в значение «изобилие плодов»: эмблемой Урожая стало изображение

девушки «с ветвями оливы» [23, р. 217]. Блаж. Августин упомянул в одном контексте «зеленеющую оливу» [23, 34, col. 905] и «милосердие Божие» [23, 34, col. 905], что привело к возникновению значения «милость» («Милость увенчана гирляндой из оливковых ветвей» [22, р. 237]). Другие толкования привели к появлению в эпоху барокко значений «кротость» [22, р. 220], «спасение» [22, р. 221], «добрая слава» [22, р. 226], «благодать Божия» [8, с. 29]. Самым распространенным в Средние века было значение «мир Божий», которое восходит к словам св. Амвросия Медиоланского о том, что олива есть «текущее помазание мира Господня» [23, 14, col. 616B]. В барочной эмблематике существовало изображение Седьмой заповеди блаженства («Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5:9)): «Седьмая заповедь блаженства [держит] в руке только оливковые ветви, ногами попирает оружие» [23, р. 219]. Следствиями «мира» являются «довольство жизнью» [8, с. 223], «радость» [8, с. 248], «мирное и спокойное правление» [8, с. 175]. С другой стороны, эпоха барокко не забывала и античные мифы. «Премудрость» изображалась «в виде Минервы с масличной в руке ветвью» [8, с. 242]. Мир «представляется в образе женщины кроткого вида: в одной руке держит рог Изобилия, а в другой масличную ветвь» [8, с. 181]. Установление мира как следствия военных побед породило значение «победа»: «Виктория часто представляется на колеснице позади Триумфатора, в виде крылатой женщины, которая в одной руке держит масличный венец, а в другой лавровую ветвь» [8, с. 298].

Барочная эмблематика оказала большое влияние на формирование образности русской поэзии

XVIII в., в частности на символику растений в ней. Так, в произведении свт. Димитрия Ростовского «Комедия на Рождество Христово» (1702) Истина, появляясь на сцене вместе с двумя ангелами после эпизода избияния младенцев по приказу Ирода, говорит: «Прими маслину, та есть знак победы / За Иродовы на вас всех обиды» [11, с. 441]. Образ победы как сочетания масличной и лавровой ветвей встречается у Г.Р. Державина в оде «Осень во время осады Очакова. 1788 года, ноября 1 дня»: «И ты спеши скорей, Голицын! / Принести в свой дом с оливой лавр» [7, с. 124]. Необычно использование цветущей оливы как одного из символов весны. У А. Кантемира в стихотворении «О весне» читаем: «Олива цветы приносит» [2, с. 309].

Когда во 2-ой половине XVIII в. в эпоху сентиментализма в Европе начал складываться язык цветов, отношение к оливе оказалось неоднозначным. Олива была включена во французские словари языка цветов, тогда как немецкие словари ее полностью игнорировали. Французская традиция свела все многочисленные значения оливы, появившиеся в эпоху барокко, к одному – «мир». Лишь в словаре Делашене, оказавшем большое влияние на формирование русского языка цветов, сохранился отголосок барочной системы значений: «Олива – милосердие. Маслина-дерево – мир» [19, р. 152]. В остальных словарях французской традиции на протяжении всего XIX в. олива неизменно означает «мир» [например, 21, р. 19; 24, р. 197; 20, р. 57; 27, р. 114]. Это же значение позаимствовали формировавшиеся под сильным влиянием французов английская [25, р. 232] и – позже – американская традиции. При этом в немецких словарях цветов олива отсутствует, барочная система ее значений сохранилась в книгах, предназначенных для художников, разрабатывающих различные узоры, и вышивальщиц. В словаре Ц. Войгт (1822) приводятся следующие значения оливы – «счастье народа», «процветание», «согласие», «мир» [26, р. 109], а также указывается, что вестник мира появляется «с оливковой ветвью» [26, р. 109]. Гораздо более развитая система значений сохранилась в словаре А. Брайсига (1830). С одной стороны, находим там такие значения, возникшие в эпоху барокко, как «бережливость» и «семья» [18, р. 616] («бережливость – мать семейства с головой обвитой масличным [венком]» [22, р. 238]), с другой – восходящие к средневековью «милосердие», «мир», «кротость», «согласие», «милость Божия» [18, р. 616].

На формирование русского языка цветов оказала особенное влияние французская и немецкая традиции языка цветов, но и барочная эмблематика не осталась в стороне. Хотя олива не часто встречается в русской поэзии 1-ой половины XIX в., сложившаяся система ее значений довольно любопытна.

Наиболее частотным значением оливы в русской поэзии является «мир как отсутствие или

прекращение боевых действий». Аллегорическое описание войны включает в себя уничтожение «олив»: «Брань неистовая, воя, / Гонит прочь веселый мир, / С адской радостью когтями / Кроткую оливу рвет» [13, с. 455], причем эпитет «кроткая» отсылает читателя к немецкой барочной традиции [18, р. 616]. Часто мир представляется в виде аллегорической фигуры. Например, поэт высказывает следующее пожелание: пусть мир «слетит с небес, как некий бог крылатый, / Вечнозеленою оливою махнет, / И грозну брань с лица вселенной изженет, / И примирит земные роды!» [1, с. 85]. Здесь уместно вспомнить барочную эмблему мира: «Мир – дева, в одной руке держащая оливковую ветвь» [22, с. 239]. Утверждение «Мир, аллегорическое божество» [8, с. 181] и род существительного «мир» в русском языке позволяют поэту представлять себе мир в виде «некого бога крылатого». А вот картина мирного утра после прекращения боевых действий: «...се уж *Утро* пробудилось; / Сиянье радужно разлилось! / На суше злато и моря! / Умолкли вои, скрылись бури; / Средь ранняя лазури / Оно востока при вратах / Оливной ветвью помавает, / И миру мир благовестит!» [10, с. 23–24]. Поскольку многие стихотворения, где упоминается олива, были посвящены победе России над Наполеоном, в поэзии оливковая ветвь становится атрибутом царя Александра I: «мудрый царь... предстанет к нам с оливой» [16, с. 33], «Не пламенный перун – оливы будет несть» [12, с. 313].

Олива становится элементом картин сельской жизни, подчеркивая ее мир и покой. Для селянина «осень ... готовит виноград, / Растущий на холмах вокруг масличной оливы» [14, с. 67]. Олива символизирует золотой век человечества, как следует из небольшого рассказа «Следы золотого века», в котором крестьянские дети рассказывают герою о жизни своей семьи: «Батюшка содержит здесь несколько оливковых деревьев, и обрабатывает поле возле хижины. Матушка сеет на берегу реки коноплю и собирает их. А мы или гоняем по долине этих коз, или, сидя под тению липы, там, где река бежит по камням, ловим молодых форелей» [6, с. 209–210]. Название рассказа отсылает нас к барочной эмблематике, в системе которой Золотой Век изображался как «красивая девушка, покоящаяся в тени *олив* и среди ульев, откуда вытекает мед» [22, р. 210].

Мир обычно связывается с расцветом искусств и поэзии. В мирные времена «Музы чистые, увенчаны оливой, / веселым пением возносят дни счастливы» [1, с. 87].

Встречаются у русских поэтов и значения оливы, появившиеся под влиянием христианского богословия. При этом олива вновь становится деталью аллегорической картины. В небольшой поэме «Бессмертие души» безутешный отец приезжает в свое поместье, горя об умерших детях. Он хо-

дит на их могилы, размышляет о бессмертии душ и загробной жизни и в отчаянии даже начинает сомневаться в бытии Божиим. И вот однажды ему было явлено видение, его утешившее: «Вдруг небо ясное раскрылось предо мной, / И божество мне некое предстало: / В руках своих оно держало, / В одной оливному ветвь – в другой / Крест с книгой, окропленной кровью; / Одежда светлая струилась по земле, / Блистало кроткое величье на челе, / И взоры огненны, исполнены любовью, / Вливали райскую мне в сердце тишину» [3, с. 28]. В одном контексте с крестом и «с книгой, окропленной кровью», то есть с Евангелием, рассказывающим о Страданиях Христа, олива может означать и «милость Божию» [18, р. 616] по отношению к страдальцу, и «благодать Божию» [8, с. 29], которая аллегорически изображалась, как прекрасная девушка, «в руках у ней масличная ветвь в знак внутреннего спокойствия, которое чувствует грешный примирившийся с Богом» [8, с. 29].

Олива помогает создать Евгению Баратынскому необыкновенный образ Смерти: «О дочь верховного эфира! / О светозарная краса! / В руке твоей олива мира, / А не губящая коса!» («Смерть») [4, с. 65]. Роль смерти в мире, с точки зрения поэта, состоит в сохранении «равновесия диких сил» [4, с. 65], в усмирении «буйства бытия» [4, с. 66]. Смерть не только оберегает гармонию «мира цветущего» [4, с. 65], укрощая стихии, но и приносит равенство в мир людей: «Ласкаешь тою же рукою / Ты властелина, и раба» [4, с. 66]. Она есть «всех загадок разрешение» [4, с. 66], «разрешенье всех цепей» [4, с. 66], то есть покой, обретение мира с Богом.

Олива нечасто встречается в сочетании с другими растениями. Одним из немногочисленных примеров является сочетание оливы, пальмы и мирта в новелле «Могила» (цикл «Саконтала») немецкого поэта и богослова Ф.-А. Круммахера (1767–1845), написанной им по мотивам индийской мифологии. Цикл был переведен на русский язык В. Тило. В упомянутой новелле старый брамин по окончании войны и наступлении мира решает навестить правителя и его жену Саконталу и несет им в подарок корзинку цветов, «покрыв их юными отростками масличного и пальмового дерева и благовоною ветвью нежного мирта» [17, с. 86]. Олива здесь может означать «мир», пальма – «победу на войне» [8, с. 157], мирт – «любовь» [8, с. 42]. Сочетание трех растений помогает без слов произнести и поздравление, и благопожелание.

Наиболее часто и обычно сочетание оливы с лавром, а иногда и другими теплолюбивыми растениями. Как уже говорилось выше, в барочной эмблематике сочетание оливы и лавра аллегорически означало «победа» [8, с. 298; 7, с. 124]. В реалистических, насколько это возможно в поэзии, описаниях теплых стран олива вместе с лавром, иногда с кипарисом или смоковницей, выступает

как символ Юга. Так, Крым, Таврида, – это «прекрасный край» [13, с. 277], где «человеку тихий рай / В тени олив и лавров дышит» [13, с. 277], где можно увидеть «рощи лавров и олив, / Тень кипариса» [13, с. 521]. В стихотворении К. Батюшкова «Странствователь и домосед» местом действия является Греция, и один из героев живет в поистине райском месте: «В расселинах скалы, висящей над водою, / В тени смоковниц и олив, / Построен был шалаш Памфиловой рукою» [5, с. 84]. В описании Италии, с которого В.И. Козлов начинает свой «Сонет. А.А. Б-вой (При посылке моих сонетов)», к лавру и оливе прибавляются лимон и виноград: «Где в зелени лимон благоухает, / Где виноград златые кисти вьет, / Тенистый лавр в величии цветет, / И ветвь свою с оливою сплетает; <...> Сия страна – предмет моей мечты!» [13, с. 96]. Сочетание этих четырех растений, в число которых обязательно включается олива, становится для русских поэтов отличительной чертой именно итальянского пейзажа.

Пример оливы интересен тем, что не только демонстрирует синтез двух европейских традиций языка цветов, значимых для русской культуры 1-ой половины XIX в., но и обнаруживает сложное происхождение такого внешне «легкомысленного» явления, как язык цветов. Связь символики оливы с барочной эмблематикой, а через нее с наследием христианского Средневековья и античности, показывает, что в европейской культуре ничто не исчезает бесследно, а отступает на второй план, трансформируется и опять используется, но в новых обретенных формах.

Библиографический список

1. [Анон.]. Мир // Утренняя заря. Труды Воспитанников Университетского Благородного Пансиона. Книжка 2. – М.: В Университетской типографии, изданием содержателей ее Любия, Гария и Попова, 1803. – IV, 250, [2] с. – С. 83–89.
2. Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1956. – С.544.
3. Б*. Бессмертие души // Аглая. – 1810. – Ч. 12. – Кн. 3. – С. 25–32.
4. Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М., 1987. – 480 с.
5. Батюшков К. Странствователь и домосед // Амфион. Ежемесячное издание. Август. – М.: В Университетской типографии, 1815. – С. 75–91.
6. Дашков Д. Следы золотого века // Утренняя заря. Труды Воспитанников Университетского Благородного Пансиона. Книжка 2. – М.: В Университетской типографии, изданием содержателей ее Любия, Гария и Попова, 1803. – IV, 250, [2] с. – С. 206–211.
7. Державин. Стихотворения / ред., примеч. Г. Гуковского, вст. ст. И.А. Виноградова. – Л., 1933. – С.563.

8. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых Стихотворцев / с франц. переведен Академии Наук Переводчиком Иваном Акимовым. – СПб.: При Императорской Академии Наук, 1786. – С.328.
9. Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. – М., 2005. – 1343 с.
10. Мерзляков А. Росс, или Обновление Европы. Лирическая песнь // Амфион. Ежемесячное издание. Январь. – М.: В Университетской типографии, 1815. – С. 21–27.
11. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. третья. – М.: Худож. литер., 1994. – С. 640.
12. Поэты 1790–1810-х годов / сост. Ю. Лотман, М. Альтшуллер. – Л.: Сов. писатель, 1971. – С. 912.
13. Поэты 1820–1830-х годов / сост. В.Э. Вацуро. – Т. 1. – Л., 1972. – С. 792.
14. Пушкин В. Сельский житель // Амфион. Ежемесячное издание. Июнь. – М.: В Университетской типографии, 1815. – С. 66–68.
15. Сокольский Г. На новый 1815 год // Амфион. Ежемесячное издание. Апрель. – М.: В Университетской типографии, 1815. – С. 138–139.
16. Сушков Н. Песнь воинам. На выступление из С.-Петербурга // Амфион. Ежемесячное издание. Август. – М.: В Университетской типографии, 1815. – С. 31–33.
17. Тило В. Из Круммахера. Могила // Благонамеренный. – 1823. – № 8. – С. 86–88.
18. Breysig A. Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. – Leipzig: bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830. – P. 972.
19. Delachénaye B. Abécédair de Flore ou language des fleurs. – Paris: de l’Imprimerie de P. Didot l’Ainé, 1811. – P. 162.
20. L’Ancien et nouveau langage des fleurs. – Paris: Le Bailly, [1850]. – P. 108.
21. Les Emblèmes des fleurs, pièce de vers suivie d’un tableau emblématique des fleurs et traité succinct de botanique auquel sont joint deux tableaux contenant: l’exposition du système de Linné et la méthode naturelle de Jussieu. – Paris, 1816. – P. 40.
22. Masenius Jacobus. Speculum imaginum veritatis occultae, exhibens symbola, emblemata, hieroglyphica, aenigmata, omni tam materiae, quam formae varietate; exemplis simul, ac praeceptis illustratum. Editio tertia. Coloniae Ubiorum, Viduae & Haeredum Joannis Antonii Kinchii, 1681. – P. 1340.
23. Migne J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993–1995.
24. Mollevaut C. L. Les fleurs, poeme en quatre chants. – Paris: Arthus Bertrand, 1818. – P. 204.
25. Phillips H. Floral Emblems. – L., 1825. – P. 352.
26. Voigt C. Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmahler und Stickerinnen. – Leipzig: bei Ludwig Herbig, 1822. – P. 248.
27. Zacccone P. Nouveau langage des fleurs, avec la nomenclature des sentiments dont chaque fleur est le symbole et leur emploi pour l’expression des pensées, précédé d’une introduction par Pierre Zacccone. – Paris: Librairie Hachette, 1871. – P. 174.

Романова Алена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

romanovaal@mail.ru

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЕДИНСТВЕ ОБРАЗА ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ

В статье содержится анализ образа Татьяны Лариной, выявляется художественная логика событий романа, связанных с нравственным выбором героини. Характер Татьяны рассматривается в сопоставлении с романтической традицией и в связи с формирующимся реалистическим методом изображения персонажей у Пушкина. Показано, как в пушкинском тексте совмещены романтические приемы создания образа и реалистические мотивировки поведения и нравов действующих лиц романа. Подробно раскрывается взаимосвязь эпизодов, повествующих о детстве и воспитании Татьяны, и фрагментов, изображающих самостоятельные поступки героини. Автор статьи привлекает внимание к черновым наброскам, позволяющим точнее определить характер взаимоотношений в семье Лариных, роль матери и сестры в судьбе Татьяны и раскрыть жизненную основу романских коллизий. Предлагается анализ фрагмента, в котором Татьяна рассказывает об обстоятельствах своего замужества. Причины внешней «пассивности» героини, согласившейся на брак с нелюбимым человеком, раскрываются в контексте историко-культурных реалий пушкинской эпохи и нравственных ориентиров, значимых для самого поэта. Осмысление ценности родового, семейного уклада позволяет увидеть единство внутренних установок Татьяны и Прасковьи Лариных, проследить превращение Татьяны из «чуждой девочки» в собственной семье в устроительницу и хранительницу родовых традиций. Эволюция характера Татьяны рассматривается как важнейшее свойство её целостного образа в противовес идеализации персонажа в трактовке Достоевского, слишком категорично противопоставляющего Татьяну Онегину. Анализ специфики художественного метода Пушкина позволяет объяснить некоторые аспекты читательской рецепции романа в прошлом и в наше время.

Ключевые слова: романтизм, реализм, творчество А.С. Пушкина, роман «Евгений Онегин», образ Татьяны Лариной.

Работа над текстом романа «Евгений Онегин» приводит к выводу, что нередко чистовой вариант того или иного эпизода отличается большей противоречивостью и недосказанностью, чем ранние наброски. Отказ поэта от значительно более глубокой, чем намечалось в черновом варианте, психологической и биографической проработки образов связан со спецификой жанра романа в стихах, где бытовое индивидуальное содержание вытесняется философско-поэтическим. Очевидно, такого рода «пробелы» создаются намеренно. Но с течением времени пропорции «понятного» и «непонятного», очевидного и подразумеваемого меняются. От современного читателя нередко ускользает подтекст, который служил в пушкинское время связующей основой для отдельных звеньев рассказа, помогал заполнить смысловые пропуски. На восприятие произведения влияют и позднейшие критические оценки, стереотипы и идеологические установки последующих эпох.

Многое сделано комментаторами «Онегина» для того, чтобы бытовые, историко-культурные реалии пушкинской эпохи осознавались современным читателем. «...Сейчас, в том числе и благодаря усилиям ученых-литературоведов, как это ни парадоксально, мы лучше понимаем поэта, чем читатели его времени», — замечает В.И. Коровин [2, с. 177]. Труднее всего, но и важнее всего, воссоздать образ мыслей, мироощущение людей пушкинского времени.

Приблизиться к авторскому замыслу помогает анализ черновигов, определяющий поле толкований в соответствии с вектором собственно пуш-

кинских размышлений о героях, в рамках им самим намеченных контуров. В частности, образ Татьяны Лариной приобретает большую отчетливость, если рассматривать его в контексте очевидных пушкинскому времени нравственных ориентиров и житейских норм. В таком случае ряд противоречий и «странностей» в облике и поведении героини могут оказаться надуманными, возникшими не в мире романа, а в позднейших критических и научных интерпретациях. Обнаруживается художественное единство образа Татьяны, общая логика её характера, реализованная в главных поступках героини: её признании Онегину, замужестве и финальной исповеди.

Первый поступок Татьяны не только сопровождается подробным авторским комментарием, он и мотивирован наиболее подробно рассказом о детстве и юности героини. «Неприличный», отчаянный, противоположный общественным нормам поступок — в то же время вполне ожидаем читателем, подготовленным к такому событию многократными указаниями на странность, необычность героини, её романтическую оригинальность.

В рассказе о детстве Татьяны одновременно разворачиваются два плана изображения героини: условно-литературный и жизненно-конкретный. Образ Татьяны одновременно освещен в романтическом и в реалистическом ключе. В соответствии с романтическим отрицанием детерминированности характера средой героиня наделяется исключительностью, её присутствие в кругу обычных людей необъяснимо и ничем не обусловлено. Но отдельные штрихи создают возможность реалистического толкования и объяснения её странностей: Татьяна —

старшая дочь, родившаяся в то время, когда её мать еще не приобрела привычку к своей супружеской сельской жизни, а возможно, и впоследствии всюду уступавшая первенство родительской любви младшей, общей любимице – Ольге.

Пушкин не нагнетает тему противостояния двух сестер, не создает коллизию вражды или соперничества между ними. Но взаимодействие образов и судеб Татьяны и Ольги играет важную роль в образной системе и идейной структуре романа, не сводясь к выдвинутому на первый план и нарочито обыгранному внешнему контрасту. Уже в выборе имен прослеживается закономерность, присущая пушкинской трактовке этого мотива. Оба имени объединены тем, что они «редкие». В святцах каждое из них встречалось в пушкинские времена лишь однажды (в отличие, например, от имен Мария, Анна и Елена и др.), но первое – «странное», простонародное, не отмеченное положительными аллюзиями («чужое»); второе, напротив, «излюбленное», часто выбираемое, подчеркнуто русское, «свое», овеянное исторической традицией. «Имя Ольга встречалось в литературных произведениях с “древнерусским колоритом”» [5, с. 196]. Противопоставление подчеркнуто календарем, к которому, как известно, Пушкин был весьма внимателен. Именины Татьяны – 25 января, Ольги – 24 июля. Ровно полгода разделяет имена сестер, две героини находятся словно бы на полюсах тепла и холода. Неоднократно отмечалось исследователями, что образ Татьяны окутан зимними ассоциациями. Ольга овеяна летними мотивами (ясное безоблачное небо, лен, цветок в тиши лесной, неведомый пчелам, лилеи стебелек и т.д.).

При некоторых колебаниях автора в процессе работы над образами сестер, все-таки воспитание младшей, Ольги, изображается как патриархальное и отечественное, «без затей».

Ни дура английской породы
Ни своенравная Мамзель
(В России по уставам [моды]
Необходимые досель)
Не баловали Ольги милой
Фадеевна рукою – хилой
Её качала колыбель
Стлала ей детскую постель
Помилуй мя читать учила
Гуляла с нею, средь ночей
Бову рассказывала <ей> [7, с. 287–288].

У Татьяны, напротив, либо была французская гувернантка, либо девочка какое-то время воспитывалась в пансионе. Среди её книг присутствуют учебные издания. Как показывает Е.А. Пономарева, Пушкин, последовательно освобождая перечень Татьянинных книг в XXIII строфе пятой главы от иностранных оригинальных сочинений, все же «оставлял Татьяне такое учебное пособие, по которому она овладела французским языком настолько, чтобы читать романы» [6, с. 107]. Иначе была

бы невозможна та степень владения французским, которую она обнаруживает в письме к Онегину и которая, в частности, позволяет впоследствии занять ей достойное место в высшем свете. Эти очевидные для современников особенности воспитания Татьяны сегодня раскрываются читателю благодаря работе исследователей с черновыми вариантами романа и историко-бытовому комментарию. «Показательно, однако: засвидетельствовав, что Татьяна в совершенстве знала французский язык, и, следовательно, заставив нас предполагать наличие в её жизни гувернантки-французкини, автор предпочел прямо не упомянуть об этом ни разу» [5, с. 54].

Из черновиков романа следует и то, что няня, которая воспринимается как неразлучная спутница и наперсница Татьяны, на самом деле с младенчества пестовала именно Ольгу. Потому для Ольги, а не для Татьяны, Филиппьевна «собирает на широкий луг» окрестную ребятню. Татьяна, очевидно к этому не привыкшая, «чуждается» подобных ветреных утех. Нежелание или неумение играть с куклой, отсутствие навыка женских рукоделий выдает определенную небрежность материнского отношения к Татьяне. Все занятия, любимые Татьяной, обнаруживают отсутствие родительского попечения, они возникают в жизни ребенка, предоставленного себе самому и никем не руководимого: «она в семье своей родной казалась девочкой чужой». Её поведение – «...грустна / И молчалива, как Светлана, / Взошла и села у окна» – не воспринимается родными как повод для беспокойства. Одиночество и замкнутость её для всех привычны. Вполне вероятно, что особая свобода, которой пользуется Татьяна как в выборе книг, так и во времени прогулок, вообще в своем житейском распорядке, также связана с разностью воспитания старшей и младшей сестер.

Конечно, преувеличивать степень «нелюдимости» и «отверженности» Татьяны в собственной семье не следует. Естественно, со временем, когда привычка «поглотила горе» Лариной и возникла привязанность к мужу, нежная любовь к младшей дочери постепенно распространилась и на старшую. Ощущение себя «чужой», лишней, закрепилось у Татьяны в сознании, не находя уже опоры в домашних обстоятельствах и заставляя её заново, в книгах, искать обоснование этому правдивому и не объяснимому рационально ощущению. Книжки «заменили» Татьяне понимание реальности. Не обвиняя мать в холодности, не держа досады на сестру, не питая зависти и обиды, Татьяна в то же время находит нечто близкое себе в судьбах романтических героинь. Заметим, например, что она ассоциирует себя с Клариссой Ричардсона. Кларисса же в романе предстает в первую очередь как «чужая» в своей семье, нелюбимая сестрой и братом, несправедливо обиженная своими родными. (Ошиб-

ка Клариссы отчасти объясняется отсутствием любви между нею и её родными. Ловлас обретает благодарность и приязнь девушки, оценив её достоинства, поставив её выше Арабеллы, в то время как со стороны родных Кларисса подвергается незаслуженному пренебрежению.)

Не замечая пушкинских намеков, недооценивая «реалистические» мотивировки поведения героев, мы не сумеем оценить правдивость и глубину призыва Татьяны в письме к Онегину: «Вообрази: я здесь одна, / Никто меня не понимает» и т.д., сочтем их выдумкой экзальтированной барышни. Правдивость чувств Татьяны, конечно, не отрицает субъективности, преувеличенности этих чувств. Хотя она и кажется в своей семье «чужой», но между ней и Ольгой существует неподдельная нежность и привязанность. Более того, Татьяна в своей семье занимает положение в чем-то привилегированное. Мы уже отмечали, что она пользуется почти неограниченной свободой. Именины Татьяны празднуют пышно и торжественно. (Ничего похожего в отношении Ольги мы не видим.) Татьяна высоко стоит во мнении не только своей родни, но и соседей, моментально «обручивших» её с Онегиным (который, хоть и слышет фармазонном, но, безусловно, выступает в сознании соседей птицей высокого полёта). Заметим также, что к Татьяне до её 19-летия уже трижды сватались (Буянов, Петушков и Пыхтин) и её отказ всем претендентам для матери предмет не столько огорчения, сколько гордости. В черновике об этом было сказано прямо:

Не в первый раз моей Татьяне
Уж называли женихов
Семейство Л^{ариных} заране
Поздравить всякой был готов
Её искали <?> но доселе
Она отказывала всем –
Старуха-мать гордилась тем –
[Хоть громко жаловалась <всем>]

[7, с. 357–358].

В чистовом варианте Пушкин привел лишь сотоварищия Лариной. Её невольное хвастовство дочерью едва заметно:

Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Таню прельщался,
Как мелким бесом рассылался!
Я думала: пойдет авось;
Куда! и снова дело врозь [7, с. 150].

С неожиданной на первый взгляд решительностью «старушка Ларина» следует совету отправиться в Москву на «ярмарку невест». Именно Татьяна считается вполне годной для того, чтобы быть представленной высокородной московской родне и блеснуть на ярмарке невест. Татьяна и в самом деле не посрамила семейство Лариных: серьезных пороков в её воспитании московские барышни не отыскали. Стремление Лариной в Москву, возможно, вызвано уверенностью, что именно старшая дочь может сделать блестящую партию.

Восстановление прежних связей и привязанностей для Лариной не только приятный, но и полезный шаг. «Грандисон» и княжна Алина выступают теперь как круг покровителей, способных помочь не только в устройстве Татьяниной судьбы, но, может быть, и в восстановлении прежнего блеска того семейства, к которому по рождению принадлежала мать Татьяны. И расчет оказывается верным. Вся московская родня принимает деятельное участие в судьбе семейства. А вскоре на горизонте появляется «толстый этот генерал» – чиновный и богатый претендент на руку Татьяны.

Среди поступков Татьяны самым необъяснимым издавна считается её замужество. Действительно, согласие на брак с нелюбимым человеком кажется не соответствующим правдивости натуры Татьяны, её «своенравию» и той свободе, которой Татьяна пользовалась до сих пор. Современники поэта, воспринимавшие образ преимущественно в романтическом ключе, были поражены этим слишком прагматичным и прозаичным поступком. Но и современным исследователям замужество Татьяны видится порой каким-то «сбоем» в общей логике её характера. В.А. Кошелев пишет: «Финал “бедной Тани” неожидан для читателя, который уже подготовлен к тому, что героиня соединяет свой непосредственный характер с романной традицией и со свободолюбивыми качествами героинь Руссо или Жермены де Сталь... А в ситуации замужества Татьяна оказывается неожиданно пассивной. Она отказала “деревенским” женихам, но решилась стать супругой нелюбимого “толстого генерала”. В качестве “оправдания” Татьяна придумывает для себя этакую сентиментальную картинку: “Меня с слезами заклиняний // Молила мать...” Но этой “картинке” не верится: она не очень соответствует действительному облику старухи Лариной» [3, с. 157–158].

Думается, тут нужны возражения. Странную склонность Татьяны «приукрасить» свою историю сентиментальной картинкой исследователь объясняет её «детской наивностью», что, на наш взгляд, противоречит как раз базовым характеристикам образа. Татьяна доверчива и невинна в начале романа. Но отнюдь не наивна. И уж вовсе не склонна «рисоваться». Выше было показано, что сентиментальные фразы в письме Онегину, которые могут показаться «книжными» и надуманными, на самом деле объясняются глубоко правдивыми переживаниями героини, истинными, хотя и не до конца проявленными в повествовании чертами её биографии. В 8 главе наивной Татьяны и вовсе не назовешь. Мотивы поведения Онегина и в прошлом и в настоящем ею раскрываются без всякой «вуалировки», с беспощадной точностью: «Тогда, не правда ли, в пустыне / Вдали от суетной молвы, / Я вам не нравилась...» О себе она говорит просто и искренне. Какие «сентиментальные кар-

тинки»? И зачем ей «оправдываться» перед Онегиным? Сожалея о своей «неосторожности», княгиня бросает взгляд в прошлое и себе самой старается дать отчет: почему она так поступила, что помешало ей дожидаться вот этого, как оказалось, вполне возможного и близкого счастья? И возникающая перед её глазами «сценка», надо полагать, не сентиментальный вымысел, а чистая правда: слезы и заклинания матери, возможно неоднократные, с упреками и жалобами... Милая старушка, как мы уже подчеркивали, отличалась темпераментом с юности. Если сначала он проявлялся в бурных сценах с мужем, то позднее в том, что она «служанок била осердясь». С тем же напором Ларина умоляет Татьяну выйти за генерала. Станным или придуманным такой эпизод может показаться лишь из-за невнимания к подлинному облику Прасковьи Лариной и её судьбе, «полускрытой» в тексте романа.

Мать просит Татьяну не о её и не о своём счастье. Старушка Ларина, как и положено русской дворянке, думает не столько о личном благополучии своей дочери, сколько о судьбе целого семейства, включающего и Ольгу с мужем, и её и Татьяны будущих детей, о судьбе древнего дворянского рода, к которому она сама принадлежит. Род этот, вероятно, померк на рубеже XIX века, что и заставило изящно воспитанную барышню выйти замуж за «смирненного» бригадира. Вероятно, некогда мать Татьяны спасла этим замужеством свое семейство от разорения или забвения, но теперь Татьяне выпала горестная честь восстановить статус старинного семейства, вернуть ему блеск. Несомненно, мать Татьяны принадлежит к родовитому московскому дворянству, потому и внимание Онегина к их семье в глуши – не сверхъестественно, и женитьба князя на Татьяне – отнюдь не мезальянс. Становится понятна и уступчивость Татьяны, прежде проявлявшей твердость. Появился мотив, которого не доставало, чтобы «бедной Тане», которой все жребии равны, принять жребий нежеланного замужества. То, что этот брак не сделает её счастливой, Татьяна прекрасно осознает. Ради чего же она идет на заведомое самоистязание? Смирение и безразличие Татьяны не безграничны (иначе в слезах и заклинаниях матери не было бы необходимости). Татьяну пришлось убеждать принять этот жребий, и тут нужен был аргумент весомый. Чужое благо, благо рода, следующих его поколений, поддержание статуса семьи – это действительно серьёзный аргумент. Ситуация, знакомая Татьяне с детства по судьбе её матери, повторяется. Мотив предсвадебных слез звучит в несколько измененном виде: «Меня с слезами заклинаний / Молила мать...».

Ольге, простушке и любимице семьи, разрешено выйти замуж по любви – за улана, не удостоившегося в романе даже имени. Татьяна, старшая, облечена обязанностью перед своим семейством,

несет на себе груз ожиданий, груз долга перед своим родом. Так постепенно раскрывается и значение имени героини, как будто невострезбованное, неважное до того. Обнаруживается связь, не только стилистическая, но и смысловая, имен матери и дочери: Прасковья – ожидание, приготовление, канун праздника. Татьяна – устроительница, учредительница. Казавшаяся в начале романа «чужой девочкой» в собственной семье, Татьяна на поверку стала средоточием нового этапа в жизни этой семьи, залогом её будущего, истинной наследницей всех потенциальных возможностей, сохраняемых в провинциальном ларинском быту. А этот быт, как выясняется, хранит не только патриархальные традиции, но и новые культурные приобретения, элементы европейской образованности, не только нравственные ценности православия, но и возможности активного освоения новой житейской среды, возможности жизненного успеха, достойного исполнения роли, предложенной судьбой.

Как некогда Прасковья Ларина, оказавшись «заложницей» усадебного быта, постепенно освоила его правила и взялась за управление, так теперь Татьяна скоро и точно освоила приемы «утеснительного сана». Татьяна-княгиня может бранить «пышность и мишуру “постылой жизни”», но при этом она так же успешно ведаёт своим светским хозяйством, как её мать распоряжалась своим поместьем. Салон Татьяны блестящ, её семью «ласкает двор». Властвуя над суетой, Татьяна сама не становится пошлой и суетной, поскольку внутренний смысл её пребывания в свете есть служение – интересам мужа, изувеченного в боях, своему семейству, своему роду. То, что выглядит со стороны привилегией Татьяны, – есть её обязанность. Она несет светскую службу с достоинством, лишь на минуту приоткрывая Онегину свою усталость, минутную слабость – невольное стремление к жизни индивидуальной и безответственной.

Последний в романе поступок Татьяны (отказ Онегину) привлекал и продолжает привлекать наибольшее внимание исследователей. В негативной оценке Белинского и в восторженной – Достоевского зафиксировано общее представление о смысле этого шага Татьяны, свидетельствующего о её самоотвержении, о присоединении героини к высшей правде, большей, чем правда личного чувства, к правде общенародной, общенациональной.

Возвышенное самоотречение Татьяны в последней сцене, безусловно, являет идеальный облик героини. В критике и литературоведении Татьяна порой предстает изначально совершенной и лишенной внутренних противоречий. «Рассказывая о детстве Татьяны, Пушкин неспроста вводит в роман мотивы житийной литературы. Детство всех православных праведников сопровождалось отчуждением от забав, от детских игр и шалостей» [4, с. 246]. По справедливому наблю-

дению Л.А. Бессоновой, такая трактовка восходит к Достоевскому и определяется стремлением противопоставить Татьяну Онегину: «Отпадение от нравственной правды, неизбежное одиночество Онегина дает Достоевскому основание идеализировать Татьяну, которая в своем последнем решении остается “со всеми”, что для писателя знак глубоких народных корней героини» [1, с. 146]. Однако попытка сопоставить детский облик Татьяны с образами святых представляется не вполне оправданной, противоречащей прямому смыслу текста. Татьяна в юности вовсе не отличается набожностью, её «дикость», отчужденность от людей не связаны с ранним устремлением к Божественному или ощущением своего особого призвания, как это свойственно святым. Противоречат житийным канонам её праздная мечтательность и пристрастие к романам. Участие Татьяны в обрядах гадания и любовь к страшным рассказам также несовместимы с чертами святости. Татьяна, безусловно, в отличие от Онегина, сформирована русской провинциальной средой, в том числе народной культурой. Но сама эта культура неоднородна и внутренне противоречива. И бытовые, и духовные свойства этой среды слишком далеки от идеальных в представлении и изображении Пушкина. Не случайно его рассказ о провинциальном дворянстве, и о Лариных в частности, так часто обогащается фонвизинскими интонациями. Выявление духовно здорового, жизнотворческого, созидательного характера этой среды происходит в романе постепенно – и именно в процессе постепенного становления и самораскрытия героини, её приближения к истинному идеалу, освобождению от ложной романтической привлекательности. Не случайно определение «Татьяны милый идеал» появляется у Пушкина лишь в финальных строках романа, тогда как в начале произведения поэт нередко защищает героиню, стремится оправдать её перед читателем, как бы берет её под покровительство, осознавая её уязвимость перед суровым нравственным судом. Именно внутреннее несовершенство Татьяны, противоречивость и даже отчасти «померченность» её духовного облика в первых главах делают её соблазнительно прелестной романтической героиней, и персонажем «сегодняшним», узнаваемым и востребованным в пушкинской современности. Как и Онегин, она соответствует национальной культурной *реальности* – во многом дисгармоничной, полной разнонаправленных сил и устремлений. Но с точки зрения национального идеала Татьяна должна еще состояться, сбываться. «Русская душою» и зараженная романтическими идеалами героиня должна пройти через драматическую «правду жизни», погрузиться в реальность русского бытия, чтобы взрастить в себе свой идеальный образ. Не замечая несовершенства Татьяны в пер-

вых главах, мы лишим её и заслуги нравственного роста, не оценим перехода от «легкомыслия страстей» и индивидуализма к самоограничению и христианской любви. Монолог и выбор Татьяны в конце романа объясняются и подготавливаются всей прежней её жизнью. И какая бы внутренняя драма ни заставляла её временами «рваться и плакать», её семья уже срастается в то органическое единство, которое станет частью истории, даст молодую поросль и вольется в судьбу России, как бесчисленные поколения счастливых и несчастливых предков.

Таким образом, «три поступка» Татьяны в романе предстают звеньями единой цепи, отражающими логику внутреннего роста героини. Этот рост связан вовсе не с отказом от личной внутренней жизни, но с постепенным подчинением личного существования логике жизни в рамках рода. Первый поступок – письмо Онегину – индивидуальный, полностью продиктованный личной волей и ощущением своей отчужденности от семьи и рода («я здесь одна, никто меня не понимает»), второй – через слезы и принуждение – согласие с правдой родового, общесемейного существования, готовность подчиниться этому закону даже вопреки своим личным стремлениям. Третий – отказ Онегину – выбор не менее драматичный в индивидуальном плане, но сделанный вне всякого принуждения, свободно и самостоятельно. Он означает окончательное формирование в духовном облике Татьяны той жизненной установки, которая заставляет правду прежних поколений принять как свою собственную и следовать ей в полном сознании её ценности и силы.

Библиографический список

1. Бессонова А.С. «Чужой для всех»: Онегин и его «потомки» // Болдинские чтения. – Нижний Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2009. – 560 с.
2. Коровин В.И. Россия и Запад в болдинских произведениях А.С. Пушкина («Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»). – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2013. – 608 с.
3. Кошелев В.А. «Онегина воздушная громада»: монография. Изд. 2-е – Б. Болдино – Арзамас: АГПИ, 2009. – 382 с.
4. Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века: в 3 ч. – Ч. 1. 1800–1830-е годы. – М.: Просвещение, 2007. – 480 с.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
6. Пономарева Е.А. О какой «грамматике» речь? // Российский литературоведческий журнал. – 1996. – № 8. – С. 106–110.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – Т. 6. – М.: Воскресенье, 1995. – 700 с.

ЗАГАДКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ «РЕВИЗОРА»

В статье рассматриваются авторские мистификации и противоречия, содержащиеся в тексте комедии «Ревизор», которые являются неотъемлемой частью поэтики пьесы. Прежде всего, автор упоминает день Василия Египтянина – широко известную мистификацию комедии, а затем отмечает, что особое место среди загадок занимают противоречия, имеющие отношение к художественному времени комедии. Приводя множество примеров, автор статьи демонстрирует странную зыбкость художественного времени комедии: традиционная, на первый взгляд, комедия в пяти действиях не так проста, как кажется. Основное внимание в статье сосредоточено на десятом явлении третьего действия, в котором происходит так называемая «линия перемены дат» – для Хлестакова словно начинается другой день, в то время как чиновники города N. ведут себя так, будто бы продолжается день вчерашний. Центральной вехой становится прием пищи, который Хлестаков называет завтраком. В этот момент герой пересекает так называемую «линию перемены дат». Перемену дат замечает не только сам Хлестаков, но и слуга его – Осип, на этом акцентирует свое внимание и автор статьи. Он также указывает на тот факт, что и до «линии перемены дат» время ощущается персонажами по-разному: Хлестаков и Осип словно начинают жить в обратную сторону. Обращаясь к «Театральному разъезду» Н.В. Гоголя, автор статьи доказывает, что подобные временные несоответствия – не случайность, а осознанное решение Гоголя. В завершение статьи делается вывод о том, что эти временные несоответствия подчеркивают взаимную «глухоту» персонажей.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Ревизор», комедия, художественное время, линия перемены дат, мистификация, Хлестаков.

Главная комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» содержит в себе необъятное пространство загадок: авторских мистификаций, противоречий и других странностей, которые автор как бы непреднамеренно предъявляет «доверчивому» читателю и которые являются неотъемлемой частью поэтики пьесы.

Так, много неясностей содержит в себе художественное время, в котором происходят события фабулы. Уже давно указано, что день Василия Египтянина, когда Хлестаков приехал в город за две недели до своей встречи с Городничим – это гоголевская мистификация. Но не менее запутанным является вопрос о продолжительности действия комедии.

На первый взгляд, перед нами традиционная комедия в пяти действиях, отвечающая всем формальным требованиям классицизма: все события начинаются утром, когда Городничий получает письмо от Чмыхова, и завершаются вечером, когда после отъезда Хлестакова семья Сквозник-Дмухановских устраивает импровизированный прием. Но все так просто только на первый взгляд. Встреча Городничего и Хлестакова происходит в районе полудня, после чего они запоздало завтракают у Земляники. Сцена вранья происходит ближе к середине дня, просыпается Хлестаков во второй половине дня и уезжает ближе к вечеру – простая линейная, привычная для комедии временная организация.

В тексте комедии существует загадочная «линия перемены дат» – десятое явление третьего действия, когда Городничий оставляет квартальных на крыльце оберегать сон Хлестакова и исчезает неизвестно куда. Для большинства персонажей сон Хлестакова занимает несколько часов, за которые

городские чиновники завершили свои дела по маскировке действительного положения дел во введенных им учреждениях, переоделись в вицмундир и явились на поклон к Хлестакову.

Проснувшийся Хлестаков уверен, что сейчас уже «завтра» по отношению ко дню его знакомства с Городничим:

Я, кажется, всхрапнул порядком. <...> Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит [1, т. 4, с. 59].

После визита чиновников и Петров Ивановичей в короткое мгновение озарения он размышляет:

Мне кажется, однако ж, что они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! [1, т. 4, с. 67].

Вокруг Хлестакова вроде бы ничего не изменилось (если не считать никем не замечаемое отсутствие Городничего). Даже Держиморда по-прежнему стоит на часах у дома градоначальника. Конечно, одиозность персонажа позволяет предположить, что он вполне может оставаться на часах в течение суток, но в этом случае автор, скорее всего, не преминул бы как-то обозначить эту гипертрофированную выносливость Держиморды и еще более раскрасить этот эпизодический, но ставший центральным для российской культуры образ.

В этой связи становится понятной растерянность Земляники после хлестаковского вопроса: «Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?» [1, т. 4, с. 63]. Земляника машинально соглашается со всемогущим петербургским чиновником, но продолжает разговор «помолчав» – после того, как переварил информацию о возможных изменениях размерах собственного тела и припомнил, когда же именно они в прошлый раз виделись

с Хлестаковым – вчера или все-таки сегодня. Не найдя точного решения этой умозрительной проблемы, он, выждав определенную паузу, переходит к тому, ради чего пришел – к доносам.

Интересно, что в условиях сдвинутого времени оказывается не один только Хлестаков. Так же – в завтрашнем дне – себя ощущает Осип:

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька – ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! [I, т. 4, с. 68].

«Два денька» – это день знакомства с Городничим и переезда в его дом и день приема просителей и отъезда. Никто, кроме Хлестакова и Осипа, после «линии перемены дат» никак не обозначает свое чувство времени, поэтому противоречие с двумя версиями временной протяженности оказывается скрыто под стремительно развивающимся действием.

Тяжелее всего эта линия перемены дат сказывается на Городничем – он просто исчезает, как будто проваливается во временную дыру. И несколько часов действие развивается вовсе без его участия, превратившись в бенефис Хлестакова, втянувшегося в роль петербургского проверяющего.

Но и до роковой «линии перемены дат» время действия ощущается персонажами по-разному. В экспозиции комедии утро застаёт Петра Ивановича Бобчинского в доме Городничего. Именно там он становится невольным свидетелем доставки письма Чмыхова, и Городничий, не осознав масштаба надвигающихся трудностей, неосторожно делится с гостем новостями. Как использовали эти два героя утро? Городничему хватило времени, чтобы приказать частному приставу отправить квартальных на благоустройство улиц. Гораздо больше времени в распоряжении Бобчинского.

Так я, изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем... [I, т. 4, с. 18].

После чего они успевают пообедать в гостинице и внимательно рассмотреть Хлестакова. С другой стороны, встреча Петров Ивановичей на улице и, очевидно, совершающееся одновременно с ним начало экстренного заседания в доме Городничего относится скорее к дневному, чем к утреннему времени:

Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» – да-с, в желудке-то у Петра Ивановича... [I, т. 4, с. 19].

Но для Хлестакова, тоже обратившего внимание на Петров Ивановичей, еще продолжается утро:

И в столовой сегодня поутру два каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего [I, т. 4, с. 19].

Впрочем, устанавливать в «Ревизоре» время по приему персонажами пищи – дело чрезвычайно неблагоприятное. Того и гляди, часы двинутся назад.

Во втором действии Хлестаков, вернувшись с прогулки в гостиницу, долгое время предпринимает попытки пообедать. Что, в общем-то, объяснимо – чем еще можно заняться человеку без дела после утренне-полуденной прогулки по городу? Хлестаков долго упрасивает трактирного слугу. Затем обед ему приносят. Он долго принимает пищу, не переставая сетовать на ее несъедобность, и остаётся голодным. Во время полной недоразумений встречи с Городничим он, в истерическом запале, в том числе жалуется на еду в трактире. Городничий, который, скорее всего, находится в сговоре со своими партнерами-врагами – местными купцами – и, очевидно, ответственен за кое-какие доставки продовольствия, пугается еще и по этому поводу:

Хлестаков. <...> Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп – он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный, воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (робея). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... О господи ты боже, какой сердитый! Все узнал, все рассказали проклятые купцы! [I, т. 4, с. 33].

После дачи взятки Городничий понимает: исправить неловкость с едой можно только хорошо угостив гостя. И он везет его в богоугодные заведения, будучи уверенным, что со времени «летучки» Земляника все привел в надлежащий вид. И Земляника, как оказалось, справился, несмотря на то что пресловутого времени у него было не более двух часов. Хлестаков остался очень доволен приемом пищи, который он упорно называет... завтраком: *Завтрак был очень хорош; я совсем объелся [I, т. 4, с. 46]; Кажется, они вчера мне подсунили чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит [I, т. 4, с. 59]; А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком [I, т. 4, с. 63].*

Таким образом, центральной вехой художественного времени в «Ревизоре» становится обильный завтрак, совершающийся сразу после обеда. Именно после него герои пересекают «линию перемены дат» и окончательно разлучаются во времени. Такое впечатление, что Хлестаков и сопровождающий его Осип, покинув гостиницу, начинают жить в обратную сторону.

Все это можно было списать на ошибки и результат невнимательности автора. Но Гоголь сам заставляет нас сомневаться в случайности всех этих чудес. В 1836 году Гоголь создает пьесу «Театраль-

ный разъезд после представления новой комедии», в которой внимательно осмысляет и каталогизирует критические выступления и зрительские впечатления о «Ревизоре». В ходе диалогов Гоголь «делегирует» некоторым действующим лицам ряд своих тезисов о значении театра и функции собственной пьесы, а в финале в монологе Автора раскрывает не только свой замысел пьесы, но и намечает вехи дальнейшего развития общественно полезной драматургии.

В ходе многочисленных диалогов «Театрального разъезда» Второй зритель в частности говорит:

Вы видите – и сцена, и место действия идеальные. Иначе автор не сделал бы очевидных погрешностей и анахронизмов, не вставил бы даже иным лицам тех речей, которые, по свойству своему и по месту, занимаемому лицами, не принадлежат им.

Второй зритель наряду с Гоподином Б., очень скромно одетым человеком, и Второй Дамой входит в число персонажей, которые транслируют в пьесе те или иные установки самого Гоголя. Тем более не случайны в его устах упоминания об «очевидных погрешностях и анахронизмах». То есть Гоголь в 1836 году знал о существовании неких «анахронизмов» (неважно, заметил ли он их сам, указали ли ему на них или все-таки они были запрограммированы им заранее). Так или иначе, все эти «анахронизмы» были им перенесены в версии второго издания «Ревизора» (1841 год), Собрания сочинений (1842 год) и в окончательную версию 1851 года. То есть если первоначально нестыковки во времени и были результатом недосмотра, то после серьезной рефлексии, навеянной работой над «Театральным разъездом», они остаются осознанным плодом авторской воли.

Гоголь как будто дал волю своим персонажам, дал им возможность существовать во времени в соответствии с их природой. Исследуя «странное раздробление нового времени», Гоголь подчеркивает, насколько глубока охватывшая всех душевная глухота, насколько люди оказываются не способны понять друг друга. В этих условиях недоразуме-

ние с мнимым ревизором – не самое показательное явление. В условиях диалога глухих вольные и невольные обманщики живут по законам своего собственного, персонального времени, отличного от хода часов тех, кто оказался под влиянием их лжи. Впрочем, что такое лишние сутки для автора, который «способен спутать хронологию на целые столетия, просто не отдав себе отчета, в какую же эпоху происходит действие» [2, с. 62]?

Библиографический список

1. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
2. Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь. – СПб., 1994.
3. Набоков В. Николай Гоголь // Набоков В. Лекции по русской литературе / пер. И. Толстого. – М.: Независимая газета, 1999. – С. 20–130.
4. Прозоров В.В. «Ревизор» Гоголя, комедия в пяти действиях. – Саратов: ИЦ «Добродеев», 1996. – 80 с.
5. Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесловие В.М. Толмачева; примеч. К.А. Александровой. – М.: Республика, 1995. – С. 5–60.
6. Манн Ю.В. Комедия Гоголя «Ревизор». – М.: Худож. лит., 1966. – 111 с.
7. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 813 с.
8. Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
9. Войтоловская Э.Л. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор»: комментарии. – Л.: Просвещение, 1971. – 270 с.
10. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.: Гослитиздат, 1959. – 532 с.
11. Егоров Б.Ф. Обман в русской культуре. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2012. – 192 с.
12. Еремин И.В. Вещь в пьесах Н.В. Гоголя // Гоголевский сборник. – Вып. 2(4). – СПб.; Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – С. 114–122.

Ильина Наталия Кирилловна

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

nk_ilina@mail.ru

РИТМИКА РЕЧИ ГЕРОЕВ КОМЕДИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ»

В статье рассматривается специфика драматургической речи, в основе которой лежат устная и литературная традиции речи с их лексико-синтаксическими и ритмическими особенностями, причем ритмика речи героев драматургического произведения является объектом основного внимания. Среди методик определения ритма прозаической речи, которая подходит для исследования ритма драматургии, выбрана методика М.М. Гиришмана, согласно которой ритмичность текста, наряду с фонетическими и синтаксическими экспрессивными средствами, выявляется также по типу зачинов и окончаний синтагм, фраз и фразовых компонентов.

Ритмика речи персонажей анализируется на примере комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Выясняется, что реплики большинства действующих лиц пьесы характеризуются ударными зачинами и безударными окончаниями синтагм, фразовых компонентов и фраз. Этот факт может служить доказательством существования общих ритмических закономерностей построения высказываний в русской разговорной речи. Результаты, полученные Б.В. Томашевским при исследовании ритма пушкинской прозы, находят подтверждение в ритмике драматургической речи. Нарушения общего правила почти всегда имеют под собой веские основания, связанные с коммуникативными задачами и экспрессивными особенностями речи героев. Так, Егор Глумов проявляет себя в ритмическом отношении по-разному в разговорах с разными людьми и наедине с самим собою.

На основании проведенного анализа делается вывод о том, что в пределах общих ритмических законов русской разговорной речи ритменный строй речи героев в пьесе зависит также от намерений говорящего, от его индивидуальных особенностей и эмоционального состояния.

Ключевые слова: драматургия, ритм, хорей, ямб, анапест, дактиль, межфразовые и фразовые компоненты, зачины и окончания, синтагма.

В основе драматургического произведения лежит устная разговорная речь, поэтому чем больше речь героев пьесы приближена к устной речи, тем естественнее звучит она с театральных подмостков. Разговорная речь неоднородна: она может реализовываться в спонтанной устной речи, может быть тщательно продуманной хотя бы одним из говорящих, приобретая логическую аргументированность и полноту. Когда речь подготовлена обоими говорящими, она теряет спонтанность и приближается по жанру либо к научной дискуссии, либо к интервью, хотя по своей форме остается устной.

Речь персонажей пьесы создана драматургом, то есть продумана и литературно организована. Чтобы она не казалась искусственной, автор ориентируется на спонтанный диалог, учитывая те социальные слои языка и их функционирование в речи, которые свойственны тому или иному герою. Однако сценическая речь не копирует обиходную ни по синтаксической, ни по ритмической форме. Дело в том, что спонтанная речь обычно характеризуется усечением синтаксиса, редуцированием заударных гласных многосложных слов в связи с ускоренным темпом их произнесения, она также сопровождается невербальными средствами коммуникации, например жестами или звукоподражанием. Такой стиль произнесения текста со сцены будет иметь обратный эффект на зрителя и слушателя, так как речь в пьесе, будь то диалог, полилог или монолог, кроме информативной и экспрессивной функций, несет в себе обязательно эстетическую и познавательную функции. А для

этого текст должен звучать четко и внятно, то есть сценой предписан полный стиль произношения, который предполагает произнесение всех гласных в словах без полного или частичного редуцирования безударных, типичного для беглой речи. Темповая и силовая структура драматургической речи определяется, таким образом, закономерностями русского литературного произношения, то есть замедлением и удлинением произнесения как ударных гласных, так и безударных, и ослаблением произнесения первого предударного и особенно – заударных слогов [5, с. 12, 67].

Полный стиль произношения наряду с живым литературным языком становятся необходимыми условиями драматургической речи, которая опирается как на устную, так и на литературную традиции русской речи.

Разнообразные мелодические структуры синтагм, речевых отрезков «в одно-три слова, произносимых на одном выдохе» [5, с. 30], фразовых компонентов (простых предложений в составе сложных) и фраз (предложений) дополняют общий ритмический рисунок речи персонажей в драматургическом произведении. Различие мелодических диапазонов первой и второй синтагм в различных конструктивно-синтаксических типах предложений, а также распределение различных видов словоразделов в финале конечной и неконечной синтагм в художественном тексте создают необходимое разнообразие, из которого складывается ритмическая структура высказывания. Количество безударных слогов перед первым ударным слогом определяет тип зачина синтагмы:

нулевой или хореический (х), ямбический (я), анапестический (ан), пеонический и гиперпеонический (пеон) [4, с. 287, 295]. Тип окончания синтагмы зависит от количества безударных слогов после последнего ударения: мужской (м), женский (ж), дактилический (д) и гипердактилический (гд). Согласно проведенным исследованиям прозаических художественных текстов, «в финале конечной синтагмы явно предпочитается мужской словораздел (71–76,7%). В финале неконечной синтагмы гораздо более частотными оказываются женский и дактилический словоразделы, диктующие некоторый спад тона к концу слова, а значит, уменьшение интервала между концом данной синтагмы и началом следующей» [5, с. 151].

Для русской разговорной речи, отличающейся плавностью, женские и дактилические словоразделы типичны не только внутри предложений, но и в конечных синтагмах. И, как показывают исследования, эта особенность свойственна также и драматургической речи. По нашим данным, в комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся!» дактилические окончания в репликах отдельных персонажей достигают 30–42%.

Среди методик, определяющих ритм прозы, разработанных отечественными исследователями, выделяются методики Г.Н. Ивановой-Лукиной, Н.В. Черемисиной, М.М. Гиршмана, Л.В. Златоустовой, М.А. Красноперовой и др. Большинство методик основано на синтагматическом членении текста, так как синтагма (колон в художественном тексте) является ритмоинтонационной единицей речи.

Методика М.М. Гиршмана призвана выявить ритмическое единство прозаического произведения по характеру зачинов и окончаний синтагм, фраз, фразовых компонентов и сверхфразовых единств (абзацев), что, наряду с повторяющимися фонетическими и синтактико-стилистическими средствами, в итоге характеризует ритмический стиль автора. Обратимся к этой методике, которая, как нам представляется, больше других подходит для анализа ритмических особенностей драматургической речи. В пьесе авторский ритм неоднороден, он создается из речевых характеристик персонажей. Применяв методику М.М. Гиршмана к комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», попытаемся выявить как общие ритмические свойства речи персонажей, так и их особенности.

Объем проанализированного материала включает реплики 11 персонажей комедии: всего 15065 слов, 30562 слога, 2388 фраз, 991 внутрифразовый компонент, 4557 синтагм.

Показатели слогового объема синтагм в речи всех персонажей пьесы вполне предсказуемы: средняя синтагма колеблется в пределах 6–7 слогов; наиболее частотная синтагма за редким ис-

ключением равняется 6 слогам; регулярные синтагмы преобладают, хотя варьируют в довольно больших пределах (от 54 до 68% всего количества синтагм); разброс малых синтагм еще больше (от 20 до 38,4% всех синтагм); большие синтагмы в речи персонажей встречаются заметно чаще, чем в среднем по драме XIX века (данные М.М. Гиршмана) [1, табл. 10]. Исключение составляют синтагмы в речи предсказательницы Манефы, которая изъясняется исключительно поговорками, а они имеют емкую афористичную форму и укладываются в рамки коротких предложений: *Летала, летала, / да к вам попала. Идет Егор с высоких гор. Желанный гость / зову не ждет. К кому бедокур, / а к вам белокур. Чуж чуженин далеко, / а суженый у ворот* [3, с. 116, 147]. По слоговому объему синтагм реплики Манефы ближе к данным М.М. Гиршмана, чем речь остальных персонажей, однако средняя синтагма в ее речи – самая короткая (5,3 слога). Вразрез с показателями ритма речи остальных персонажей комедии зачины синтагм и фраз в репликах Манефы в основном ямбические, а окончания, наоборот, мужские (см.: табл. 2).

В таблице 2 отражены обобщенные данные по ритмическим свойствам речи персонажей в комедии «На всякого мудреца довольно простоты».

Анализ зачинов и окончаний синтагм, фразовых и межфразовых компонентов в пьесах А.Н. Островского показывает, что для ритма речи большинства персонажей обычны ударные начала и безударные окончания. Те же данные получены автором статьи при анализе речи героев в комедии А.Н. Островского «Доходное место» и пьесе А.А. Потехина «Вакантное место». Исключения всегда не случайны. Отклонения от типичных параметров или их изменение зависят от выбора лексико-синтаксических средств, призванных решать коммуникативные, экспрессивные задачи, которые ставит автор, и которые в итоге обуславливают речевые характеристики персонажей. С помощью этих характеристик драматург создает типичные характеры, узнаваемые по присущему им речевому колориту: лексическим и синтактико-стилистическим средствам. Обобщенным характерам в пьесе свойственны типичные ритмические характеристики устной речи: ударные зачины и безударные окончания (см. показатели по репликам Глумовой, Мамаевой, Турусиной, Курчаева, Машеньки). Реплики Нила Федосеича Мамаева также демонстрируют характерные ритмические свойства русской речи, включая и ямбические зачины фразовых компонентов, которые преобладают и в речи Крутицкого, и в речи Городулина. По данным В.Б. Томашевского, безударные зачины синтагм внутри предложений типичны для художественной прозы А.С. Пушкина [4, с. 290], но, вероятно, они закономерны для всей русской художественной прозы и для устной речи. Ямбические зачины увеличива-

ют мелодический диапазон синтагмы и несколько смягчают речь.

Отклонения в ритмических показателях речи Голутвина от речи других персонажей очень характерны для его типического образа: человек бедный, зависимый, но вынужденный приспосабливаться к окружающим, чтобы выжить, он готов льстить, пресмыкаться, но может и шантажировать человека, если представится такая возможность. И тогда ритм его речи меняется: ударные внутрифразовые зачины возрастают, сравнившись с безударными, то же происходит с мужскими и женскими окончаниями синтагм, а во фразовых компонентах преобладают мужские окончания. Рост мужских окончаний также естествен для разговорной речи [2, с. 146]. Ударные зачины и окончания в речи героя могут свидетельствовать о стремлении настоять на своем, быть настойчивым и решительным. Когда для Голутвина наступает его звездный час, он ни за что не хочет упустить свой шанс.

Наиболее изменчивым характером в пьесе является ее главный герой – Егор Глумов. Он не гнушается никакими средствами, пробивая себе путь к вершинам общества: подкупает нужных людей, оговаривает тех, кто может помешать его планам, прибегает к явному мошенничеству, льстит влиятельным чиновникам и лебезит перед властью имущими. Глумову удается найти подход к каждому собеседнику, и с каждым из них он разговаривает по-иному. Если проанализировать лейтмотивы поступков героя, то в речи его они проявятся ключевыми фразами. Так, от матери он ждет всесторонней поддержки своим планам (*«Пишите, пишите! Помогайте же мне!»*) [3, с. 105, 116]. Городулину, который слывет либералом, он представляется приверженцем передовых идей и очень полезным человеком: *«Все, что вам угодно. Извольте, с удовольствием»* [3, с. 129]. При дядюшке Ниле Федосеиче восхищается его умом, зная, что это лучше всего привлечет старика на его сторону: *«Ума, ума у вас, дядюшка!»* [3, с. 131]. С Крутицким он подобострастен: *«Слушаю, ваше превосходительство»* [3, с. 154]. Чтобы заручиться поддержкой женщины, необходимо убедить ее в своей любви и преданности: *«Я ваш раб на всю жизнь»*, – уверяет он Мамаеву [3, с. 133]. *«Я вам нужен, господи!»* – обращается Глумов ко всему обществу в последнем монологе, и с этим не могут не согласиться его гонители [3, с. 175].

В таблице 3 отражены ритмические показатели речи Глумова в разговорах с разными собеседниками. С матерью Глумов чувствует себя свободно, с Городулиным говорит вальяжно, немного красуясь; неудивительно, что все показатели в репликах, обращенных к Глафире Климовне и Городулину, мало отличаются, а по зачинам синтагм и межфразовым окончаниям они почти идентичны. Наедине с самим собой он предельно откровенен и даже

циничен: мужские окончания фраз и фразовых компонентов преобладают, а в мужских и женских окончаниях синтагм показатели близкие. Сходный ритм наблюдаем в речи Глумова, обращенной ко всему обществу (ударные зачины и мужские синтагменные и межфразовые окончания). Разговаривая с Курчаевым и Голутвиным, Глумов уверен в себе, но осторожен: ямбические зачины синтагм и фразовых компонентов преобладают над традиционными хореическими, и лишь межфразовые ударные начала неизменно превалируют. Такое же соотношение зачинов наблюдаем в репликах, адресованных Мамаеву и Крутицкому, с которыми Глумов особенно подобострастен. В разговоре с Крутицким Глумов без конца повторяет обращение *«ваше превосходительство»*, столь приятное слуху чиновника, отсюда и перекося в сторону дактилических окончаний на уровне синтагм, фразовых компонентов и фраз.

Из таблицы 4 следует, что в репликах Глафиры Глумовой, обращенных к сыну и к Клеопатре Львовне, показатели зачинов и окончаний резко отличаются. С Мамаевой Глафира Климовна почтительна и предупредительна. Традиционный для русской речи узкий диапазон ударных зачинов синтагм, фраз и фразовых компонентов смягчается женскими окончаниями, что характерно и для других персонажей этой пьесы. Однако с сыном Глумова разговаривает иначе: в ее репликах преобладают безударные начала и ударные окончания. Ямбические зачины расширяют мелодический диапазон синтагм, фраз и фразовых компонентов, а энергичные мужские словоразделы резко обрывают мелодический контур. Речь от этого становится неровной, эмоциональной. Глафира Климовна сопереживает сыну и желает ему успеха (*«А много еще труда / Жоржу будет. Ах, как это трудно и хлопотно / в люди выходит!»*), но может и возразить ему: *«Да что толку? Ведь за тебя не отдадут... Да если бы польза была!»* [3, с. 115, 105, 106]. Дактилические окончания фразовых компонентов превышают как мужские, так и женские, но в данном случае их результаты не столь показательны, так как общее количество фразовых компонентов невелико; в репликах Глумовой, обращенных к сыну, их всего 5, и их распределение может оказаться случайным.

На основании проведенного анализа выявлены общие ритмические закономерности построения драматургической речи, которые уходят корнями в устную речь и заключаются в общих типах зачинов и словоразделов синтагм, фраз и фразовых компонентов (в данной пьесе это ударные начала и безударные окончания). Исключения из общего правила носят не случайный характер, они всегда обоснованы коммуникативными задачами говорящего, его характером и эмоциональным состоянием.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Распределение синтагм (колонов) по слоговому объёму
в пьесе А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»

	1–4 слога	5–10 слогов	11 слогов и более	Наиболее частотная синтагма	Её частот- ность	Средняя синтагма
Драма XIX в.	35,5%	57,5%	7%	7 слогов	13,5 %	7,5 слога
Глумов	24,7%	60%	15,3%	6 слогов	12,5%	7 слогов
Глумова	21%	65,8%	13,2%	6 слогов	15,8%	7 слогов
Мамаев	26,7%	64%	9,3%	6 слогов	14,6%	6,5 слога
Мамаева	36,6%	54,1%	9,3%	6 слогов	12,8%	6,1 слога
Крутицкий	30,9%	55,9%	13,2%	6 слогов	11,3%	6,6 слога
Городулин	28,2%	56,4%	15,4%	5, 7 слогов	12,4%; 12,4%	6,9 слога
Турусина	27,2%	60,8%	12%	6 слогов	15,3%	6,7 слога
Голутвин	25,5%	65,7%	8,8%	6 слогов	15,7%	6,6 слога
Курчаев	20,1%	67,9%	12%	5 слогов	21,2%	6,7 слога
Машенька	27,6%	61,5%	10,9%	8 слогов	14,7%	6,8 слога
Манефа	38,4%	55,8%	5,8%	6 слогов	21,2%	5,3 слога

Таблица 2

Сводная таблица распределения зачинов и окончаний
в репликах всех персонажей пьесы «На всякого мудреца довольно простоты»

Персонажи	Глу- мов	Глу- мова	Ма- маев	Ма- маева	Крутиц- кий	Горо- дулин	Туру- сина	Голу- твин	Кур- чаев	Ма- ша	Мане- фа
Тип зачина	Зачины синтагм в %										
Хореический	35,7	36,4	39,4	42,1	34	32,7	41	27,5	46,7	46,1	32,7
Ямбический	36,4	34,2	36,3	33,9	36	38,7	31	36,3	33,7	29,5	57,7
Анапестический	20,7	20,2	16,8	19,3	21,4	18,8	19	22,5	12,5	18	9,6
Пеонический и гиперпеонич.	7,2	9,2	7,5	4,7	8,6	9,8	9	13,7	7,1	6,4	--
Тип окончания	Окончания синтагм в %										
Мужское	30,2	34	37,6	31,9	34,1	35,3	34	41,2	32,1	37,8	48,1
Женское	41,9	41	40,6	46,5	43,9	40,6	42,9	41,2	45,1	45,5	28,8
Дактилическое	24,4	20,6	18,8	18,9	19,1	21,1	20,1	13,7	17,9	16,7	15,4
Гипердактилич.	3,5	4,4	3	2,7	2,9	3	3	3,9	4,9	--	7,7
Тип зачина	Межфразовые зачины в %										
Хореический	47,6	35,7	47,9	57	44,7	44,8	54,6	37,7	50,5	54,5	37,9
Ямбический	31,9	34,8	31,3	26,8	41,4	33,1	27,5	32,8	36,6	22,1	58,6
Анапестический	16,7	20,6	14,3	13,4	17,7	19,3	12,9	19,7	9,9	18,2	3,5
Пеонический и гиперпеонич.	3,8	8,9	6,5	2,8	6,2	2,8	5	9,8	3	5,2	--
Тип окончания	Межфразовые окончания %										
Мужское	26,7	33	35,5	31,1	32,6	21,4	35,7	37,7	26,7	33,8	44,8
Женское	44,9	42	43,3	48	48,4	42,1	42,5	45,9	51,5	48	31
Дактилическое	25,3	18,8	19,7	19	17,1	34,5	18,9	14,8	16,8	16,9	10,4
Гипердактилич.	3,1	6,2	1,5	1,9	1,9	2	2,9	1,6	5	1,3	13,8
Тип зачина	Зачины фразовых компонентов в %										
Хореический	48,4	50	34,8	53,9	33,1	34	50,4	36,35	50	50	30
Ямбический	34,6	31,5	41,7	28,4	34,6	39,6	27,5	36,35	21,4	35	30
Анапестический	10,4	13	18,3	10,8	22,5	11,3	18,3	18,2	19,1	12,5	40
Пеонический и гиперпеонич.	6,6	5,5	5,2	6,9	9,8	15,1	3,8	9,1	9,5	2,5	--
Тип окончания	Окончания фразовых компонентов %										
Мужское	27,3	27,8	33	23,5	34,6	37,8	26	50	35,7	35	40
Женское	41,2	42,6	41,8	51	42,9	39,6	45	40,9	40,5	55	40
Дактилическое	26	24,1	21,7	21,6	21,8	22,6	26,7	9,1	21,4	10	10
Гипердактилич.	5,5	5,5	3,5	3,9	0,7	--	2,3	--	2,4	--	10

Таблица 3

**Распределение синтагменных, межфразовых и фразовых зачинов и окончаний
в разговорах Егора Глумова (в %)**

	Зачины											
	Хореические			Ямбические			Анапестические			Пеонические и г/п		
	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф
<i>Реплики Глумова, обращенные</i>												
к матери	35,6	46,8	42,8	33,3	32,9	28,6	26,5	16,5	25,7	4,6	3,8	2,9
к Мамаеву	35,1	46,8	29,3	48,2	27,7	43,9	21,1	19,1	19,5	7,6	6,4	7,3
к Крутицкому	28,2	37,3	28,6	37,8	28,8	42,8	20,7	20,3	--	13,3	13,6	28,6
к Городулину	35,7	43,2	45,5	33,7	37,9	27,3	14,3	13,5	4,5	16,3	5,4	22,7
к Мамаевой	37	48,4	30,4	38,9	35,3	42	19,7	13	20,3	4,4	3,3	7,3
к Курчаеву и Голутвину	33,9	37,7	25	38,4	34,1	50	21,4	23,5	25	4,3	4,7	--
Последний монолог	38,2	51,9	25	35,4	25	52,3	18,1	21,2	13,6	8,3	1,9	9,1
Наедине с собой	41	53,2	36,4	34	31,2	36,4	18,1	15,6	22,7	6,9	--	4,5
Все реплики	35,7	47,6	48,4	36,4	31,9	34,6	20,7	16,7	10,4	7,2	3,8	6,6

	Окончания											
	Мужские			Женские			Дактилические			Гипердактилические		
	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф
<i>Реплики Глумова, обращенные</i>												
к матери	29,3	25,3	14,3	44,2	48,1	54,3	21,3	20,3	22,8	5,2	6,3	8,6
к Мамаеву	28,6	25,5	36,6	41,6	45,7	39	27,1	27,7	22	2,7	1,1	2,4
к Крутицкому	18,5	13,6	19	28,9	27,1	28,6	47,4	55,9	38,1	5,2	3,4	14,3
к Городулину	29,6	24,3	27,3	47,9	48,7	50	18,4	21,6	9,1	4,1	5,4	13,6
к Мамаевой	29,8	28,1	43,5	44,8	45,1	26,1	22,3	22,9	27,5	3,1	3,9	2,9
к Курчаеву и Голутвину	37,1	31,8	37,5	48,2	50,6	50	16	15,3	--	2,7	2,3	12,5
Последний монолог	55,3	38,5	27,3	39,6	38,5	34,1	20,1	21,1	34,1	3	1,9	4,5
Наедине с собой	33,3	40,2	36,4	35,4	29,9	22,7	27,8	27,3	36,4	3,5	2,6	4,5
Все реплики	30,2	26,7	27,3	41,9	44,9	41,2	24,4	25,3	26	3,5	3,1	5,5

Сокращения в таблице: синт. – синтагмы; МФ – межфразовые (зачины, окончания); ф – фразовые компоненты.

**Распределение синтагменных, межфразовых и фразовых зачинов и окончаний
в разговорах Глафиры Климовны Глумовой (в %)**

	Зачины											
	Хореические			Ямбические			Анапестические			Пеонические и г/п		
	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф
Реплики Глумовой, обращенные												
к сыну	30,9	29,2	40	42,9	33,3	60	11,9	16,7	--	14,3	20,8	--
к Мамаевой	38,1	37,3	43,9	30,3	32,8	17,1	22,6	23,9	24,4	9	6	14,6
Все реплики	36,4	35,7	50	34,2	34,8	31,5	20,2	20,5	13	9,2	8,9	5,5

	Окончания											
	Мужские			Женские			Дактилические			Гипердактилические		
	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф	синт.	мф	ф
Реплики Глумовой, обращенные												
к сыну	47,6	45,8	20	33,3	37,5	20	16,7	12,5	40	2,4	4,2	20
к Мамаевой	34,2	29,8	29,3	39,3	40,3	41,4	21,3	22,4	24,4	5,2	7,5	4,9
Все реплики	37,7	33	27,8	41	42	42,6	20,6	18,8	24,1	4,4	6,2	5,5

Библиографический список

1. *Гиришман М.М.* Ритм художественной прозы и целостность прозаического литературного произведения: дисс. ... д-ра филол. наук. – Донецк, 1975. – 362 л. – Прилож. 118 л.
2. *Гиришман М.М.* Ритм художественной прозы. – М.: Советский писатель, 1982. – 368 с.
3. *Островский А.Н.* На всякого мудреца доволь-

но простоты // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1950. – Т. 5. – С. 105–176.

4. *Томашевский Б.В.* Ритм прозы («Пиковая дама») // Томашевский Б.В. О стихе: статьи. – М.; Л.: Прибой, 1929.

5. *Черемисина Н.В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. – М.: Русский язык, 1982.

РУССКАЯ КРИТИКА 1860-Х ГОДОВ О ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЁТ»¹

В статье впервые представлено многообразие отзывов критиков 1860-х годов об одной из самых трагических пьес Островского, привлечены малоизвестные отзывы А.Н. Баженова, В.А. Крылова, Б.Н. Эдельсона, А.Н. Никитенко, ряда безымянных рецензентов. Приведённые отзывы отражают состояние критики в 1860-е годы, когда существовало очевидное противостояние и полемика между, с одной стороны, критикой радикальной, представленной так называемыми «прогрессистами», верными традициям Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова: А.С. Герасимов, П.А. Бибииков, Д.И. Писарев и др. Они принижали дарование Островского, навязывали ему представления о его герое Лёве Краснове как «самодуре», во всём зависящем от «тёмного царства», утверждали, что драматург из пьесы в пьесу перетаскивает персонажей одного и того же типа, требовали от него признания равенства мужчины и женщины. С другой стороны – критика почвенническая (Н.Н. Страхов, А.А. Григорьев) стремилась доказать величие Островского как создателя народного театра, понять его нравственную и эстетическую позицию, истолковывать смысл его пьесы с точки зрения особенностей национального жизненного уклада, видела в Лёве Краснове противоречивый, трагический характер героя, противопоставившего себя родной ему мещанской среде. Ещё одна точка зрения представлена в статьях сторонника эстетической критики П.В. Анненкова, открывшего в пьесе отражение всего драматизма сложившейся жизненной ситуации в России, обусловленной очевидным противостоянием дворянской и народной культуры.

Ключевые слова: А.Н. Островский, литературная критика, самодур, страстная натура, трагедия, «мир коренной русской жизни», «мир проходимцев», культура героев.

После «критической бури», разразившейся в критике по поводу драмы А.Н. Островского «Гроза», пьеса «Грех да беда на кого не живёт» привлекла внимание не слишком многих рецензентов. Притом большинство из них признавало: «Новая пьеса г. Островского принадлежит... к лучшим произведениям последней эпохи его драматического творчества» [14, с. 99]; одним из общих мест в отзывах стало и утверждение: «Нет, не дожидаться нам от г. Островского нового слова!» [7, с. 94]. Отрицательную оценку драме дали Д.И. Писарев [16, с. 36–37] и Б.Н. Эдельсон, характеризовавший пьесу «фальшивой по замыслу» [4, с. 20]. Автор объёмной статьи в газете «Очерки» утверждал, что «драма г. Островского, не имея под собой действительной почвы, принимает вид чисто фантастический...» [12, с. 217]. Критики искали и находили в тематике и героях пьесы сходство с более ранними произведениями драматурга. Автор заметки в газете «Голос» писал: «...Пьеса не говорит нового слова, но повторяет то, что было в “Грозе”»; лица героев взяты из разных пьес: Таня – Авдотья Максимовна, Жмигулина – Арина Федотовна, «Краснов живо напоминает Бородину, только женившегося и более строгого к жене, чем к невесте», другие лица «тоже знакомы» [7, с. 94]. То же убеждение высказал и автор «Пёстрых заметок» в журнале «Библиотека для чтения» [2, с. 219].

Разноречивых оценок удостоились главные герои пьесы: Лёв Краснов, его жена Татьяна, Афоня, старик Архип. К трактовке образа Краснова критики подошли с разных сторон. Благожелательный в отношении к творчеству Островского, начинающий драматург В.А. Крылов [17, с. 102], близ-

кий прогрессистам П.А. Бибииков [1, с. 145], автор «Заметок свистуна» в журнале «Развлечение» [13, с. 122], Е.И. Утин [5, с. 322] и ряд других критиков не скрывают того, что подходят к оценке пьесы с позиций Н.А. Добролюбова, и называют героя самодуром. Однако большинство рецензентов сходится и в том, что образ Краснова – это новый характер в творчестве драматурга, характер противоречивый и трагический, возвышающийся над той пошлой средой, из которой вышел. Автор статьи в журнале «Иллюстрация» увидел в Краснове «личность, полную святых прекрасных задатков», «смысл пьесы – в борьбе Краснова с тёмным царством...» [8, с. 71]. Рецензент газеты «Театральные афиши и антракт» А.Н. Баженов о Краснове высказывается следующим образом: «Таких прекрасных преступников мы находим только у Шекспира» [19, с. 4]. Автор статьи в журнале «Библиотека для чтения» пишет, что «Краснова нужно, конечно, считать положительным лицом драмы» [3, с. 1–13]. В связи с присуждением Островскому Уваровской премии о пьесе и образе главного героя 3 мая 1863 г. на заседании комиссии Академии наук высказался А.В. Никитенко: «Краснов – выражение способности русского человека к сильному и глубокому чувству под грубою внешнею корою. Злодеяние, им совершённое, есть несчастное дело горячей натуры и нагло оскорблённого чувства. Оно ужасно, но не отвратительно» [11, с. 19].

Заметим, что, высказывая подобного рода суждения, критики разного толка признают в необразованном мещанине самостоятельно мыслящую личность, способную противопоставить себя той среде, которой она принадлежит. Более того, образ Краснова становится для критики основанием

для обращения к актуальным для начала 1860-х годов проблемам социального и нравственного противостояния разных сословий. В февральском номере журнала «Библиотека для чтения» появилась статья о пьесе, автор которой подробно анализирует характеры её героев, ставя их в прямую зависимость от той среды: «В новой драме Островского перед читателем являются люди, вышедшие из двух разнородных слоёв общества: мещанского и приказного. Первый слой полон самодурства, грубости, слепой и безотчётной веры в законность обычая и обряда. Второй слой отличается качествами не более привлекательными: пустое, ни на чём не основанное чванство, хитрость, готовность к обману – вот его характеристические черты, и хотя он стоит несколько выше предыдущего в умственном развитии, но всё-таки оно в нём ничтожно жалко» [3, с. 1–13]. А.Н. Баженов выскажется ещё более категорично: «Сколько в этих мещанах прочных нравственных задатков, сколько в них светлых сторон, приятно удерживающих глаз; сколько в Бабаеве нравственной гнили и пустоты» [19, с. 4]. Любопытно в связи с этим заметить, что симпатии рецензентов однозначно на стороне Краснова, «русская натура» его оценивается как «здоровая, сильная, первобытная», которая, войдя «в соприкосновение с существом другой, но испорченной среды нашего общества... раздражается от этого неожиданного соприкосновения глубоким потрясением и взрывом...» [11, с. 15].

Близкий идеям почвенников Н.Н. Страхов в объёмной эмоциональной статье говорит о столкновении в драме двух миров: «с одной стороны, коренного крепкого мира русского купечества, с другой – так называемого мира проходимцев, мира полуобразованных людей, которые так или иначе приходят в столкновение с крепкою почвою народной жизни». В этом столкновении Страхов видит источник трагического конфликта пьесы: оно «способно переходить в борьбу и следовательно порождать драму и трагедию». В представлении Страхова, такое столкновение – результат трагического жизненного противоречия. Задавшись вопросом: «Кто же виноват в преступлении?» – критик отвечает на него: «Очевидно, вина его лежит на непримиримом разладе жизни, на его странном раздвоении: этого разлада жизнь не выносит и мстит за него громовым, разрушительным ударом». При этом Страхов разделяет позицию драматурга, которому «мил и дорог мир коренной русской жизни, он симпатизирует Красновым и Архипам и в них одних находит светлые черты» [6, с. 200–202]. Указывая на противопоставление в пьесе двух миров – мира народного и мира полуобразованных «проходимцев», – Страхов включается в полемику в критике по этому поводу, спровоцированную в 1853 году отзывом П.Н. Кудрявцева на пьесу «Не в свои сани не садись», после которого

за предпочтение героев необразованных образованным драматурга резко осудили Н.С. Назаров, Н.Г. Чернышевский, Н.Ф. Павлов и др.

Отзвуки этой полемики слышатся в статье рецензента «Книжного вестника», повторившего утверждение, уже высказывавшееся в критике по поводу комедии «Не в свои сани не садись»: «Цель автора выказать настоящую несостоятельность браков между лицами разных сословий» [9, с. 45]. Сотрудник «Русского слова» прогрессист А.С. Гиероглифов по-своему развивает идеи своих предшественников, называя героев драмы жертвами «своих патриархальных убеждений», упрекая Краснова в отсутствии разумного начала, в том, что он действует «без всякой... практической цели, без всякой пользы для себя». По мнению критика, если бы в пьесе действовали нигилисты, то муж не предпринял бы «принудительных мер, а тем более мести... желание жены разойтись с мужем также ни в коем случае не встретило бы препятствия со стороны нигилиста», и оба были бы удовлетворены «и нравственно и фактически» [15, с. 38–44].

Н.Н. Страхова глубоко возмутили тенденциозные трактовки драмы критикой, которая, по его мнению, «вовсе не понимает Островского». Размышляя по поводу инсинуаций Гиероглифова о «нигилизме» Краснова, отвечая ряду других критиков, Страхов говорит, что «по своему образу мыслей, по своим суждениям наша критика всего более сходится с г-жою Жмигулиной... принадлежит к миру проходимцев; глазами проходимцев она смотрит на драмы Островского, ушами проходимцев их слушает и разумом проходимцев их судит. Она видит в этих драмах, в этих Красновых, Архипах и пр. одно тёмное царство и похваливает автора за верность изображения». Критик убеждён: «Краснов именно отличается тем, что всё время действует от себя...». Отстаивая право героя на личностное самосознание, Страхов сходится с Островским, видевшим в народной среде героиню и героев с горячим сердцем. В соответствии с авторским замыслом критик истолковывает и особенно дорогой ему образ старика Архипа: «...Фигура Архипа насквозь проникнута светом. Архип произносит приговор... <...> Как могущественно и ясно выступает здесь идея суда Божия!». Утверждая, что «у нашей критики глаза на затылке», Страхов восхищается смелостью Островского: «...Ничего-таки, решительно ничего не боится этот человек! ...Есть же смелые люди!». По мнению критика, именно благодаря своей позиции, драматург «занял наконец в глазах публики высокое и непоколебимое положение» [6, с. 208, 204–205, 199].

Как и Страхов, разделявший идеи почвенников, всегда симпатизировавший Островскому А.А. Григорьев говорит о «заматеревшей тупой вражде» к драматургу в журналах и прежде всего – в «Оте-

чественных записках». Критик возмущён отношением к пьесе ряда критиков, особенно статьёй Гиероглифова. В одном из своих обзоров Григорьев восклицает: «Но как по поводу “Грех да беда” придти могла мысль о любви и нигилизме?» [23, с. 184]. Сам он стремится объяснить образ Краснова народной культурой, указывая на то, что это «натура страстная и даровитая, сделавшаяся в своём быту натурой исключительною, а с другой стороны – натура вовсе не добрая, в обычном смысле этого слова. Он такой человек, который любит не в меру, зато и раздражается не в меру же, около которого в минуты раздражения, по его же признаниям старику-деду, “близко окаянный ходит”... Он совсем не таков, каковы другие люди его среды» [22, с. 228].

Григорьев обращает внимание на художественные достоинства пьесы: строгий отбор действующих лиц, глубину конфликта, развитие действия по законам трагического жанра: «Кровавая же развязка тут вовсе не случайность, а роковая необходимость, обусловленная русскою, но исключительно натурой героя – и потому-то это трагедия, а не простая уголовщина» [22, с. 184]. В другой статье Григорьев разовьёт эту мысль: «Что-то общее, связующее, коренное – семейное и народное парит над отдельным трагическим фактом – и не впечатление уголовного дела, а высокое, художественное впечатление трагедии, выносите вы из представления...» [24, с. 201].

Объективный и заинтересованный анализ пьесы дал в своих отзывах о ней П.В. Анненков. О его отношении к драме ещё до её публикации А.Н. Островский 20 декабря 1862 г. сообщал С.С. Кошерову: «Когда я прочёл пьесу, Анненков сказал: “За эту пьесу не надо ни хвалить, ни благодарить, а надо поздравлять автора”» [10, т. 11, с. 163]. Первая статья П.В. Анненкова о драме появилась в газете «Санкт-Петербургские ведомости» сразу после её премьеры. Возможно, она стала ответом на ироничный отзыв И.С. Тургенева, который писал П.В. Анненкову от 16 февраля 1863 г. из Парижа: «...Я, разумеется, тотчас с жадностью прочёл драму Островского. Я понимаю, что она должна иметь большой успех на сцене: но мне, кроме Афони и Архипа, – мотивы показались знакомыми. О языке говорить нечего – сцены есть прекрасные (сцена между Афоней и Архипом на берегу реки – прелесть) – но неужели Островский не может отделаться от Бабаевых, бойких девиц и т. д.?» [21, с. 157–158].

В своей статье Анненков стремится выявить замысел Островского и говорит о «высоком художественном правосудии, с каким автор относится к главным действующим лицам своей драмы. <...> Все симпатии его, видимо, на стороне благородного мещанина Краснова: он бережёт и поддерживает его до конца, покидая его только в послед-

нее мгновение, в минуту самовольной расправы, подсказанной неодолимой страстью. <...> Пьеса г. Островского показывает нам мещанина, берегающего под грубой внешностью нежнейшее сердце, удивительную деликатность чувства и поражённого страшною болезнью Отелло – ревностью» [18, с. 177].

Анненков обращает внимание на непреодолимые культурные различия между представителями дворянства и мещанства [см. об этом: 20, с. 103–104]. Видимо, стремясь акцентировать эти различия, Анненков называет Татьяну дворянкой, хотя текст пьесы не даёт таких оснований. О Татьяне в ней сказано: «Не из барского рода взята, а из приказного» [10, т. 2, с. 411]. Вслед за автором, Анненков отдаёт предпочтение представителям мещанской среды: «Жена Краснова (по определению критика “дворянка-приживалка”. – Н.Е.) стоит неизмеримо ниже своего мужа...». Её сестра – тип «разбитной и пошлой приживалки», помысл её «дико-порочен по натуре своей». Критик обращает внимание на сцену обмана жены мужем, считая, что она «принадлежит к числу образцовых сцен русской драмы вообще» [18, с. 177–178]. При всём том, по мнению Анненкова, как истинный поэт Островский стремится оправдать и Татьяну.

Критик видит, в какие сложные отношения со средой поставлен автором главный герой: «Краснов возвышается до тонкости чувства и благородства помыслов, которые могли бы сделать честь весьма развитому человеку. <...> Надо сказать откровенно, Краснов убил жену за собственную ошибку в выборе жены <...> за ограниченность воспитания, за испорченность среды, в которой она выросла». В отличие от Краснова, дворянин Бабаев охарактеризован Анненковым без тени уважения, как тип «человека, который готов принимать животные свои инстинкты за порождение высокой цивилизации и чуть не за глубокие мысли» [18, с. 177–178].

Несколькими месяцами позже, в связи с просьбой комиссии по присуждению Уваровской премии дать отзыв на драму Островского, Анненков вновь выскажет своё мнение о ней. Как и Страхов, Григорьев, Анненков не соглашается с критиками, относившими Краснова к типу самодура, он видит в этом образе отражение особой разновидности народного характера и говорит, что Островский показал «в лице мещанина Краснова блестящую высокую сторону тех самых сильных натур, *кряжевых* (курсив автора. – Н.Е.) личностей... которые доселе были у него только первообразами “самодурства” и занимались насилием и гнётом всего окружающего». В качестве свидетельства величия пьесы критик приводит следующий аргумент: публика делит сострадание между Красновым и «ничтожным существом, вызвавшим его

преступление (делёж, которого, вероятно, и сам автор не ожидал), доказывает, сколько сторон самых неожиданных может скрывать в себе всякое истинно художественное произведение». Как и Страхов, среди всех персонажей пьесы Анненков выделяет «величавое лицо слепого деда Архипа... <...> Он представляет собой как бы олицетворённую совесть народа... именно он обнажает порок и преступление и служит живой моральной поверкой всего происходящего вокруг». Самой сильной стороной пьесы критик считает сторону «драматическую» [11, с. 33–38].

Закljučая, хотелось бы отметить многообразие мнений о пьесе «Грех да беда», целый ряд из которых свидетельствует о значительности для критиков авторитета Добролюбова, но и стремлении преодолеть тенденциозность его оценок произведений Островского, отстаивать право героя из мещанской среды на личностное самосознание. Очевидно также, что своей объективностью в отношении к драматургу, желанием понять и верно истолковать его позицию отличаются отзывы Н.Н. Страхова, А.А. Григорьева, П.В. Анненкова. Именно эти авторы стремились защитить Островского как от радикально настроенной, так и от либеральной критики, навязывавшей драматургу собственные, как правило стереотипные, представления о его драме и творчестве в целом. Для Страхова, Григорьева и Анненкова актуальной в пьесе оказывается проблема столкновения образованного меньшинства и необразованного большинства населения России, которая истолковывается ими не просто как нравственная или социальная, но как проблема противостояния двух культур. Важно, что глубине понимания конфликта и характеров пьесы, особенностей её жанра, художественных достоинств трём названным критикам не мешает различие их эстетических позиций: Страхов и Григорьев судят пьесу с позиций позднего славянофильства, Анненков ищет в ней художественное начало, видит в Островском писателя, отстаивающего общечеловеческие нравственные ценности.

Примечание

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-04-00113а.

Библиографический список

1. Бибииков П.А. Эпизод из тёмного царства. (Разбор комедии Островского «Грех да беда на кого не живёт») (Статья 1863 г.) // Критические эпизоды. – СПб., 1865. – С. 138–152.
2. Библиотека для чтения. – 1863. – Т. 175. Янв.
3. Библиотека для чтения. – 1863. – Т. 175. Февр.
4. Библиотека для чтения. – 1864. – № 1. Янв.
5. Вестник Европы. – 1869. – № 1. Янв.
6. Время. – 1863. – № 2. Февр.
7. Голос. – 1863. – № 24. – 27 янв.
8. Иллюстрация. – 1863. – № 255. – 31 янв.
9. Книжный вестник. – 1863. – № 3. – 15 февр.
10. Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. – М., 1973–1980.
11. Отчёт о шестом присуждении наград гр. Уварова. 25 сент. 1863 года. – СПб., 1863.
12. Очерки. – 1863. – № 55. – 26 февр.
13. Развлечение. – 1863. – № 8. – 23 февр.
14. Русский инвалид. – 1863. – № 22. – 27 янв.
15. Русское слово. – 1863. – № 1. Янв.
16. Русское слово. – 1864. Март.
17. Санкт-Петербургские ведомости. – 1863. – № 25. – 30 янв.
18. Санкт-Петербургские ведомости. – 1863. – № 43. – 23 февр.
19. Театральные афиши и антракт. – 1864. – 16 февр.
20. Тихомиров В.В. Противостояние двух культур в пьесах А.Н. Островского 1850-х – начала 60-х годов // Щелыковские чтения 2013. – Кострома, 2014. – С. 101–112.
21. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Письма. – Т. 5. – М.: Наука, 1988.
22. Эпоха. – 1864. – № 3. Март.
23. Якорь. – 1863. – № 10. – 11 мая.
24. Якорь. – 1863. – № 11. – 18 мая.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ПОЭМЕ Н.М. МИНСКОГО «ГЕФСИМАНСКАЯ НОЧЬ» (1884)

В статье рассматриваются способы драматизации лирики 1880-х – 1890-х годов на примере творчества одного из крупнейших представителей переходной эпохи – Н.М. Минского. Интерес к драматическим приемам не только был продиктован евангельским сюжетом, но и отражает поиски индивидуально-авторской манеры в интерпретации материала. Разработка аудиовизуальных способов персонификации лирического образа (выражение глаз, взгляд, приемы телесности, интонирование и природно-звуковое сопровождение и др.), внимание к речевому и жестовому проявлению персонажа, актуализация поэтики масок и игровых элементов насыщают лирическое произведение драматизмом и служат основой для создания переходной жанровой формы. Лирико-драматическая метаструктура, вбирающая жанровые признаки мистерии и романтической поэмы, становится формой жанрово-родового симбиоза, благодаря которому субъективно-лирический план обретает способы сценического выражения, а театрально-игровые элементы и образы (к примеру, образ Искусителя) оказываются сращенными с принципами романтической поэзии.

Образная система поэмы Минского, построенная на бинарной основе, отражает духовные противоречия эпохи 1880-х – 1890-х гг. Театрально-образное представление и множественная вариативность воплощение демонической силы в произведении Минского свидетельствует о расширении лирического пространства, о трансформации субъектно-объектных отношений.

Ключевые слова: персонификация лирического образа, драматизация лирики, евангельский сюжет.

Евангельский сюжет об искушении Христа, взятый Н.М. Минским (Вилениным) за основу в поэме «Гефсиманская ночь» (1884) [1], обретает статус метасюжета переходной эпохи, диагностирующего ее духовно-нравственные проблемы, литературные тенденции, культурно-исторический сдвиг. Минский одним из первых в русской поэзии переходного этапа 1880-х – 1890-х годов собирает в едином художественном пространстве узаконенные русскими классиками золотого века темы и подвергает их испытанию под воздействием духовно-опустошительных идей и идеалов нового времени. С этой точки зрения, отказ от первоначального названия произведения («Искушение») также проясняет художественный замысел автора: сквозь призму евангельского сюжета отразить драматические противоречия художественного сознания литературной эпохи 1880-х – 1890-х годов.

Своеобразие авторской интерпретации сюжета, вызвавшее в свое время неприятие со стороны православного духовенства, было обусловлено во многом характерными для переходной эпохи художественно-эстетическими сдвигами, среди которых важное место занимает и создание метаструктур на лирико-драматической основе, способных синтезировать новые литературные тенденции в их сложном, порой противоречивом, соотношении. Евангельский сюжет направлял поэтическую интуицию Минского к каноническим формам – театральной мистерии и романтической поэме, обозначая тем самым и зону особого внимания к театрально-литературному канону. Индивидуально-авторская интерпретация сюжета, обусловленная творческой программой поэта-«умника», неизбежно проявлялась в освобождении от кано-

нов. В этой связи новая метаструктура, базируясь на литературных образцах, представляла их в неожиданном, порой парадоксальном варианте.

Образ Гефсиманской ночи, зафиксированный в названии произведения, актуализирует культурологический подтекст, важный для поэта переходного времени 1880-х – 1890-х годов, с точки зрения смены литературных традиций. Как известно, культурологическая семантика образа ночи многопланова; учитывая это, Минский предлагает разные варианты ее творческой интерпретации. Христианское значение образа реализуется с помощью аудиовизуальных средств и цветочной эмблематики – приемов, характерных для русской литературной традиции:

И спящий мир в тот час прекрасен был и тих.

Бледнея, месяц плыл по голубой пустыне.

Бессонный ключ, звеня, тишь ночи нарушал,

И где-то мирт расцвел, и бальзамин дышал (с. 116).

Но очевидно и другое. В своем намерении соединить неоромантические принципы искусства с христианской философией Минский вскрывал художественные каноны, вследствие чего, с одной стороны, обретал желаемое пространство для творческих экспериментов, а с другой – разрушал сформированную литературными предшественниками традицию особого отношения к евангельскому тексту. В силу этих причин образ Христа в поэме Минского утрачивает евангельскую каноничность. Подобно романтическому герою, Он на время сливается с миром ночной природы, обретает ее осязаемость. Литературность образа маркируется через переименования: «Он», «горестный учитель», «друг людей», «друг мира», «Скорбевший» – заменяют имя Христа.

Исследователь С.В. Сапожков в ряде своих работ обосновал доминанты художественного миро-

видения Минского и поэтов его круга (К.М. Фофанова, К.Н. Льдова и др.). Характерная для этих авторов «Осколочность» поэтической картины мира ...и будет декларацией воинствующей свободы художника от «научных» стандартов, которыми сковывает его вдохновение Природа» [2, с. 10]. Логическим продолжением эстетической программы поэтов-неоромантиков становится, по мысли С.В. Сапожкова, такой структурный принцип образной организации, как «принцип бинарности, двуединства. Именно он провоцирует устремленность семантики лирического образа к парадоксу. Элементы, составляющие противоречие, не разрешаются в «синтез», а взаимно уничтожаются, формируя представление о конечной цели художественного познания как тупике, безысходности, великом «ничто»» [2, с. 11].

Приверженность неоромантическим принципам Минский демонстрирует и в разработке образов-антиподов. Так, ночь в силу природной амбивалентности не только обладает христианской сакральностью, но и сохраняет энергетические токи демонической стихии. Последнее получает объемное расширение благодаря ряду театральных приемов. Исследовательница Л.П. Щенникова провела наблюдение за использованием принципа «зрелищности как магистрального, структурирующего этот поэтический текст» [3, с. 136], что послужило одним из оснований для соотнесения произведения Минского с жанром мистерии. Продолжая наблюдения, заметим, что Минский использует и такой постановочный элемент средневековой мистерии, как смена сценических площадок, необходимый для раздвижения пространственных координат. Возможные пространственно-ситуативные перемещения подкрепляются и такими особенностями формы романтической поэмы, как эпизодичность, отрывочность. При этом в авторской интерпретации евангельского сюжета возникают особого рода связки между этими постановочными фрагментами. Такой функцией наделен герой поэмы – «злой дух», «злой гений», демон. В его органике сладострастие и чувственность абсолютизированы. Он является порождением самой природы, продолжением ее темных сил, низменных стихий. И эта связь «злого гения» с природным миром также узаконивает его в правах героя. Механизм персонификации понятийного образа подобен тому, как природный гедонизм трансформируется в искусительный образ:

И голос женщины, печальный и зовущий,
Запел под лепет струн, и разбудил он вдруг
И воздух дремлющий, и сонных маслин кущи,
И звезды, и луну, всю ночь, весь мир вокруг.
И мир, отдавшись весь тем звукам, полным яда,
Казалось, трепетал и страстно вторил им... (с. 117).

Персонификация «злого духа» является очевидным звеном демонической природной цепи. Искусительная маска, одна из первых демониче-

ских масок в Библейской истории, напоминающая о первородном грехе человека, становится способом вызова обществу, семье, Церкви, культуре и литературе, и риторического осуждения за веротступничество в переходный период.

Амбивалентность образа природы определяет контрастное построение всей образной системы поэмы. При этом именно по отношению к Христу природный мир демонстрирует свою разноплановость. Так, природа то поворачивается спасительной красотой, то дарует молитвенное уединение и целительный отдых. Одновременно непостоянство, изоморфизм природной стихии, подобные низменным порокам человечества, становятся началом искушений Христа. Образ спасительной природной красоты травестируется в низменный образ сладострастия («И шепота любви был полон темный сад»). Вся полнота образно-игрового воплощения злого духа также раскрывается в отношении Христа и на фоне Христа. Игра контрастов в визуально-образном и звуковом представлении героев-оппонентов создает драматическое напряжение:

Он видел, он постиг, как страждет друг вселенной,
И мрачным торжеством глаза его зажглись... (с. 118).

И стал молиться сам. Но только слезный взор
Он поднял вверх, согнув дрожащие колени,
Как снова выступил из мрака злобный гений,
И крылья черные над плачущим простер,
И слезы высушил своим дыханьем льдыстым,
И чистый слух язвил злоречием нечистым (с. 119).

Сосредоточенность поэта на таких визуальных знаках, как выражение глаз и поза, соответствует одновременно христианской и демонической эмблематике образов. При этом очевидная незначительность внешней проявленности Христа, как и его участие в противостоянии демону, обусловленное внутренней сосредоточенностью, молитвенным состоянием, не исключает образ из динамического поля. Последнее литературное имя этого героя – Скорбевший – служит ярким показателем его внутреннего развития. Внешняя активность демонического образа, подкрепленная и визуальными символами, поддерживает динамику поэтического текста и направляет сюжетное действие. Однако основной формой самопрезентации героев является речевое высказывание.

Немногословность Христа обусловлена сакральностью Слова. В ситуации уединения молитвенное общение с Творцом восстанавливает внутренние силы и защищает от демонических наступлений. На этом фоне речевое самовыражение злого духа представлено особенно пышно. Как искусный оратор, он использует широкий спектр приемов речевого воздействия на слушателя, превращает свои монологи в драматические сцены, в которых человеческие пороки разоблачаются наглядно и безапелляционно.

Искусительно-сладострастная речь злого духа закономерно опирается на романтическую эстетику. Разработанная представителями этого направления система речевого общения (риторические обращения, императивы, риторические восклицания и вопросы, психологические паузы, намеки и недомолвки) и речевого воздействия (анафора, повторы, синтаксический параллелизм) в устах злого искусителя вызваны намерением достичь расположения, доверия Христа и снять романтическую завесу с тех переживаний, которые были опоэтизированы литературной традицией:

Изведай все: мученья страсти,
Объятий вечно новый рай,
И месть, и зависть испытаний,
И упоенье гордой власти.

...

Тогда реши: пустой ли звук
Тщета грехов и заблуждений,
И можно ль отказаться вдруг

От раз вкушенных наслаждений (с. 118–119).

Маска искусителя формирует игровое пространство, участником, да и режиссером которого может быть тот, кто сам искушен. И действительно, в этой инвективе злой дух демонстрирует удивительную осведомленность о романтических традициях и владение романтической стилистикой. Игра романтическими образами в их устойчиво-клишированных вариантах создает эффект иронического самоотстранения субъекта от предмета изображения. В дальнейшем эта травестийная функция злого духа сменяется откровенно-взыскательными декламациями о порочности человеческой толпы. Риторическая убедительность этой инвективы подкрепляется намеком на сопричастность злого духа к судьбе человечества:

Нет, ты вернись в толпу со мной,
Ты сам сперва в потоке грязном
Исчезни мутною волной (с. 118).

Игровое поле искусителя заметно расширяется. Являясь порождением природной стихии, пройдя школу игрового поведения (общения, убеждения, режиссуры) в романтическую эпоху, злой гений находит себя в тайных страстях и порочных помыслах людей. Именно поэтому в последующих инвективах субъективный план повествования, насыщенный романтической эстетикой, сменяется созданием персонажного ряда как вариативно-образного представления злого духа. В такой его персонификации задействованы механизмы ролевой лирики: каждый персонаж – «другой человек», представленный в определенной жизненной ситуации, со своей судьбой. Важный для лирико-драматической поэмы субъективный план повествования получает формальное выражение как видения («Смотри, – коварный дух сказал, – / Встают виденья дней грядущих» (с. 119)), сценографом, постановщиком, комментатором которых является демон.

Обращение поэтов переходного времени к жанровой форме видения согласуется с прогностическим характером эпохи. В напряженной атмосфере разочарования в прошлом и ожидания будущего жанр видения отражает поиски идеала, духовных основ, укрепляющих человека на перепутье.

В устах «коварного духа» форма видения сохраняет травестийную функцию. В общении с Христом искуситель использует форму пророческого предсказания, претендуя тем самым на место Спасителя и незаконно расширяя границы своих злодеяний. Одновременно с помощью этой формы злой дух мог поразить воображение Христа.

Поэтика формы видения неизбежно требовала усиления визуального компонента. В этой связи описательности подвергаются место действия («пиршественный зал», «площадь шумная. Трибуна», «храм»), персонажи, их поведение.

Нетрудно заметить, что портретная характеристика участников действия минимизирована и обезличена. Так, седой старик в сцене отравления под маской Морфея намеренно скрывает глаза, выражающие его истинное состояние, чтобы стать пособием сыновних злодеяний:

Вот засыпает он. Не верь!
Прикрыв зрачки, как хищный зверь,
Он смотрит с злобой беспокойной,
Как сын его, отца достойный,
Радужно потчует гостей... (с. 119–120).

В сцене казни «старик бесстрастный» под маской мертвеца («В его лице кровинки нет, / Недвижим взор сухой и властный» (с. 120)) идет на костер инквизиции. Маска символизирует преднамеренность событий и волю толпы, ждущую зрелищ. При этом освобождение от маски превращается в нерв драматического события, ибо невольно притягивает взор толпы. Преображение героя перед смертью, с именем Христа на устах, сопровождается прежде всего восстановлением лица:

Но ты на старца погляди!
Не сводит огненного взора
С огня, дыханье затаив.
Он молод стал, он стал красив,
Молитву шепчет... (с. 121).

Отсутствие портретного описания в представлении «оратора славного» сразу переносит акцент на его словесно-речевую характеристику.

В интерпретации демона травестированный образ оратора знаменует переходную эпоху, раскрепощающую человека, в том числе и от христианских канонов, традиций, идеалов. Пресыщенный пафосом свободы оратор разрушает сакральность Слова, вследствие чего его выступление превращается в упоительно-сладострастное словоблудие. Сценическому воплощению образа способствует включение в игровое поле зрительской толпы, которая своим вниманием стимулирует деятельность оратора и поддерживает его имидж.

Рассматриваемая инвектива продолжает монологическое размышление демона о зрительской толпе: о ее вкусах, нравах, пристрастиях – и слушает сценической иллюстрацией к ней:

Я вижу: нрав толпы глубоко ты постиг.
Да, жаждет и она не правды, не святыни,
Но правды идолов, святыни алтарей (с. 122).

Образ толпы, развращенной языческим безумием, поработанной «блещущим тельцом», стремящейся к ярким впечатлениям и образам в искусстве, очевидно, сублимирует и сценические театральные переживания Минского. В сценической интерпретации образ порочной толпы не только является полноправным участником действия, но и законодателем вкуса, учредителем идолов.

В ситуации духовного перепутья деканонизации подвергаются основы литературы, искусства. Евангельский сюжет, спроецированный в литературное пространство переходной эпохи, актуализирует один из узловых для будущего развития мотивов – мотив поэта и толпы. Смена художественных ориентиров, прежде всего свобода толпы в художественном самоопределении, с позиции Минского, сопровождалась вероотступничеством, утратой духовных идеалов. Сквозь призму евангельского сюжета поэт переходного времени делает вызов современной ему литературе в определении духовных и творческих координат, в следовании канонам золотого века или их творческого трансформирования.

Через трагический образ «оратора славного» подвергается испытанию традиционное в классической литературе представление о поэте как пророке, глашатая Божественных заповедей. Деромантизация образа в устах искусителя, связанная с десакрализацией поэтического Слова, вторжение законов театрального искусства в поэтическое творчество (развитие искусства сценической декламации), подчиняющее поэзию вкусам толпы, являются драматическими знаками переходного времени в предназначении заката золотого века русской литературы.

Изоморфность злого гения проявляется в способности разоблачать человечество, обнажать его пошлость и пустоту, ради которого и готовится жертва Христа, а также, десакрализуя Слово, разрушить связь, общение Христа с людьми.

Финал лирико-драматического произведения Минского заметно романтизирован. Скорбь Христа, вызванная дьявольскими искушениями, приобретает Вселенский масштаб. Мистерияльный сюжет борьбы Добра и Зла мифологизируется. Козни Демона обрекают на страдания не только Христа, но и весь горный мир:

И сам господь скорбел, сокрывшись в туче черной,
Толпились ангелы, тоской омрачены (с. 124).

В метапространстве, разрастающемся по вертикальной оси, четкое обозначение получают сферы Божественного проявления и дьявольской стихии.

Христос, как посланник небес, преодолевает свою скорбь, укрепляется в жертвенной идее благодаря сошествию Ангела и его песне.

Отметим, что духовная помощь, ниспосланная Христу с небес, предваряется восстановлением тишины. В художественной системе этого произведения образ тишины обрамляет действие, придает ему целостность и завершенность. Одновременно с этим тишина противопоставлена искусительному слову демона и потому целительна для Христа. Для сакрализации образа важны его небесное происхождение («И там, на небесах, в сомненьях жизни горней, / Настало царство тишины» (с. 124)) и персонифицированное представление (Господь, ангелы). Небесная тишина, как и песня ангела, воспринятые Христом, обозначают предначертанность его земного пути. Именно в обстановке сакральной тишины Христос слышит поступь своей земной судьбы:

И чу! Им слышен звук шагов,
К ним звон оружия долетает (с. 125).

Междометие «чу!», с одной стороны, является словесным обозначением границы между небесной и земной сферами, с другой стороны, усиливает драматизм повествования, ибо предваряет следующий, еще более напряженный сюжет земной жизни Христа, связанный с предательством Иуды.

Значимые для всей поэмы аудиовизуальные способы образного мировидения сохраняют свою функцию и в заключительной части. По-прежнему персонажи небесной иерархии наделены средствами визуальной выразительности:

Когда, по скорби многой
Друг мира поднял взор, уже стоял пред ним
С очами, полными надежды и испуга,
Безгрешной красотой сиявший серафим (с. 124).

В визуальном облике ангела, как и в жестовом поведении Христа, фиксируется их духовная сущность. На этом фоне появление демонического персонажа – Иуды – визуально маркируется приемом маски:

И вот – с улыбкой на устах
Из мрака крадется Иуда...

Улыбка Иуды не только дополняет визуальные предзнаменования близящейся трагедии, но и визуально соотносится с персонажным рядом порочной толпы, обрисованной в масочной манере.

Итак, евангельский сюжет об искушении Христа в поэзии Минского не только утрачивает свою каноничность, но и трансформируется в метасюжет, сквозь призму которого духовные противоречия 1880-х – 1890-х годов обретают рельефность художественного представления. Усилению последнего способствуют и драматические элементы, такие как актуализация визуальных и звуковых образов, монологического высказывания и жестового появления персонажей. Многоликость, вариативность образного проявления в соединении с поэтикой масок закрепляет игровое пространство, которое, однако,

в эпоху 80-90-х годов XIX века остается сферой демонического изъятия. Сохраняющаяся в поэме Минского логосность образа Христа можно рассматривать как духовно-эстетический, стержневой противовес творческим сдвигам переходной эпохи.

Библиографический список

1. Минский Н.М. Гефсиманская ночь // Поэты 1880–1890-х / вступ. ст. и общ. ред. Г.А. Бялого; сост., подг. текста, биографические справки и примеч. Л.К. Долгополова и Л.А. Николаевой. – Л.:

Сов. писатель, 1972. – С.116–125. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в скобках страницы.

2. Сапожков С.В. Русская поэзия 1880–1890-х годов в свете системного анализа: от С.Я. Надсона к К.К. Случевскому (течения, кружки, стили): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1999.

3. Щенникова Л.П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 456 с.

УДК 821.161.1.09"18"

Андреева Валерия Геннадьевна

кандидат филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

lanfra87@mail.ru

«ЧУЖИЕ ГРЕХИ» А.К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА И РУССКИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ РОМАН

В статье речь идет о творчестве А.К. Шеллера-Михайлова в целом, рассматривается его роман «Чужие грехи» (1880) в контексте литературного процесса второй половины XIX века, в соотношении с темами и проблемами, поднятыми в русских классических романах. Автор статьи считает, что Шеллер-Михайлов при создании своих сложных в жанровом определении романов ориентировался не только на произведения писателей демократического направления (М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, Н.Г. Чернышевского), но и на шедевры классиков (Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова). Опираясь на русский эпический роман, творчески осваивая многие его особенности, в условиях калейдоскопичности русской действительности, очень быстрых изменений в экономической, политической жизни, в состоянии классов, психологии людей, Шеллер-Михайлов смог актуализировать вечные проблемы, возникающие в изменившейся действительности. В художественных текстах Шеллера-Михайлова значительную роль играют реминисценции и аллюзии, однако они подчеркивают не подражательность всего творчества писателя, а его стремление вовлечь в орбиту своего художественного движения множество проблем русской жизни и решений этих проблем, предложенных классиками.

По мнению автора статьи, для литературного процесса XIX века характерно существование особого художественного пространства, находящегося над мирами отдельных произведений.

Ключевые слова: Шеллер-Михайлов, русский роман, эпический роман, художественный мир, жанровые характеристики романа, реминисценции.

Творчество Александра Константиновича Шеллера-Михайлова (1838–1900) является ныне незаслуженно забытым. Между тем, во второй половине XIX века романы писателя были популярны и вызвали весьма разноречивые реакции: от однозначного одобрения до порицания и упреков в подражании писателям первого ряда. А.К. Шеллер-Михайлов является автором ряда романов и повестей о «новых людях», которыми, по мнению автора, оказываются простые и честные труженики, стремящиеся к самосовершенствованию и посильному преобразению окружающего.

На самом деле, литературные достижения Шеллера-Михайлова не могут быть поставлены в один ряд с находками и открытиями выдающихся писателей, однако его многочисленные романы верно и правдиво воспроизводят различные стороны русской жизни второй половины XIX века. «Обращаясь в своем творчестве к темам, сквозным для русской литературы XIX века, Шеллер шел по стопам своих великих современников: он не осуществил некоего прорыва в художественной трактовке этих

тем, а, скорее, закрепил скачок, совершенный в области романа», – отмечает Е.Н. Жучкова [1]. Она считает, что «в решении онтологических проблем, которые были весьма значимы для Шеллера, ему не удалось достичь глобального уровня художественного обобщения, свойственного классикам», что «он апеллировал не столько к общечеловеческому опыту, сколько к нравственным и интеллектуальным запросам своих современников, не ставя при этом задач философского обобщения и не выходя на проблемы мирового масштаба» [1].

С исследовательницей можно согласиться, но при условии определенных оговорок, несколько реабилитирующих писателя. Дело в том, что после емких и точных обобщений, сделанных мастерами слова первого ряда, русским писателям-демократам, наблюдавшим за текущей жизнью в многообразии ее проявлений, было все сложнее создавать концентрированные образы и типы. Помимо способности к новаторству и гениальным прозрениям, укладывающимся в особую литературную форму, необходим был своеобразный жизненный контекст, вызывающий указанные выше обобщения.

Во-первых, к 1880-м годам выдающимися романистами уже достаточно полно и подробно рассмотрен круг остро стоящих тем и вопросов, требовавших как философских умозаключений, так и типических образов. Во-вторых, к этому времени ситуация в литературе значительно меняется: в условиях калейдоскопичности русской действительности, очень быстрых изменений в экономической, политической жизни, в состоянии классов, положении и психологии людей, на фоне прежней актуальности онтологических вопросов появляется огромное количество быстроисчезающих образов и явлений, требовавших запечатления в русской литературе.

В 1870–1880-х годах центростремительные силы, лежавшие в основе архитектоники и смысла реалистических романов, трансформируются в центробежные. Смысловое ядро романа теперь уже не просто окружено уровнями с определенным количеством положительных и отрицательных героев, значительно усложняется структура романа, кроме того, в нем большую роль играет ассоциативная связь с предшествующими произведениями, которая вместе с новыми смысловыми доминантами обрастает огромным количеством значимых, но не крупных и не запоминающихся художественных элементов.

В это время продолжает процветать эпический роман – вершинная форма русской реалистической литературы XIX века, еще большее значение приобретает аккумулированная память жанра, активнее начинают использоваться не скрытые, а явные реминисценции и аллюзии.

Однако, несмотря на указанное желание русских писателей отобразить жизнь во всей ее полноте, наполнить художественные миры массой различных героев, иногда только мелькающих на страницах романа, общий смысл художественного произведения не сводится у русских романистов к сумме описанных явлений, персонажей, событий. «В противоположность замыслу “Человеческой комедии”, колоссальные размеры замысла “Мертвых душ” и их дворцовое величие определялись отнюдь не исчерпывающей полнотой аналитического изображения русской жизни, а величием авторского прозрения в ее “подлом настоящем” прекрасного будущего и силою социального воздействия его художественного прообраза на “русского человека”», – заметила Е.Н. Купреянова [2, с. 300].

Примечательно, что Е.Н. Купреянова в приведенном нами выше отрывке говорит о прозрении прекрасного, то есть фактически стремлении к идеалу, которое является одной из характерных и отличительных особенностей русской классической литературы и реалистического романа в частности. Художественные миры всех русских романов XIX века, даже самых беспросветных, все-таки

или представляют читателю идеал человека и жизни, или указывают на них, хотя бы от противного.

Рассуждая об отличительных чертах творчества Шеллера-Михайлова, А. Скабичевский говорит о стремлении писателя к созданию положительных, идеальных типов, которые при этом живы, а не схематичны, и о его удивительном оптимизме: «Более же всего привлекают романы Шеллера именно страстью автора рисовать положительные типы, идеальные светлые личности», которые «имеют то еще преимущество, что они вставлены в рамки современной нам жизни, живут и действуют в той обстановке, в которой мы сами живем, что облегчает нам возможность подражать им» [5, с. 31].

Скабичевский затрагивает в данном случае одну из важнейших особенностей русской литературы – ее стремление к изменению и преобразению жизни. Русские писатели XIX века, осознавая и чувствуя божественную природу слова, понимали всю силу его воздействия на человека. Не способное решительно, кардинально и быстро изменить окружающую действительность, художественное слово является благодатным средством преобразования воспринимающих его умов и сердец.

Примечательно, что по отношению к романам Шеллера-Михайлова Скабичевский говорит об образах героев, живых и близких читателю. На самом деле, характерными чертами произведений Шеллера-Михайлова, в том числе и романа «Чужие грехи» (1880), являются жизненность выбранных автором конфликтов, ясность и непосредственность описаний действий и чувств героев, объяснение читателю всех недомолвок и тех основ, которыми руководствуются персонажи. Галерея образов, созданных Шеллером-Михайловым, немыслима без опоры на героев художественных миров писателей первого ряда. И в стремлении сказать в литературе свое, новое слово, создать целый амфитеатр новых действующих лиц, писатель не мог не опираться на достижения своих предшественников. В отечественном литературоведении закрепились тенденции рассмотрения романов Шеллера-Михайлова как демократических романов о новых людях, однако неверно будет думать, что писатель опирался исключительно на произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова. Вне всякого сомнения, в такой же степени Шеллер-Михайлов ориентировался и на творчество Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова. На примере творчества Шеллера-Михайлова можно очень хорошо пронаблюдать за тем глобальным творческим освоением, без которого был бы немыслим русский эпический роман XIX века, за перетеканием тем и образов из одного художественного произведения в другое.

Здесь вновь уместно вернуться к проблеме исчерпанности тем и повторяемости сюжетов. Русские писатели-реалисты второго, третьего ряда,

с одной стороны, подготовили появление шедевров русской литературы, освоив значительный пласт необходимых для художественного скачка тем, образов, мотивов, с другой стороны, писатели, создававшие свои произведения уже после появления ключевых романов Толстого, Достоевского, Гончарова, Тургенева не могли не опираться на их находки. Однако при всей многогранности шедевров вышеперечисленных писателей, у их последователей получалось сказать свое слово в литературе, изменяющаяся действительность и новый взгляд на мир давали возможность нового видения. П.В. Палиевский, рассуждая о «проклятых вопросах» заметил, что их перечисление не вызывает особой сложности, что «трудность состоит в том, чтобы показать, как у великого писателя они поднимаются вновь, оживают, из пустой абстракции опять становятся насущным делом и, – что, может быть, самое трудное, – благодаря этому делу в чем-то продвигаются вперед» [3, с. 11].

По нашему мнению, для литературного процесса XIX века характерно существование особого художественного пространства, находящегося над мирами отдельных произведений. «Цельный образ мирового и всечеловеческого бытия всегда сопровождает в русской литературе личные искания героев и служит пространством, в котором разыгрывается их судьба. Как бы один наследуемый и видоизменяемый символ “всеединства” проходит от Толстого через Достоевского к Чехову», – пишет И.Б. Роднянская [4, с. 215]. Указанный исследовательницей символ всеединства – это один из показателей той глобальной литературной общности, о которой мы говорим, но, как раз наиболее важный и содержащий глубинный смысл. Согласно убеждениям большинства русских писателей, единство Божественных законов и высшего промысла, определяющих весь ход жизни, обуславливают часто невидимую и не прозреваемую людьми связь всех явлений и событий. Русские писатели, в меру своих сил и своего таланта, улавливали эти высшие сцепления, и сознательно, и бессознательно реализуя их в собственных художественных мирах. Миры произведений оказывались, таким образом, и отдельными подобиями мира реального, и его продолжениями, соприкасающимися и объединяющимися в один духовный феномен.

Более того, Шеллер-Михайлов подсказывал читателю о существовании интертекстуальных связей своих романов с произведениями предшественников и с помощью названий. Так, роман «Господа Обносковы» Шеллера-Михайлова перекликается как с романом «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина, так и с романом «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, своеобразные диалогические отношения в трактовке сходных жизненных явлений можно увидеть в романе «Над обрывом» Шеллера-Михайлова и в романе «Обрыв» И.А. Гончарова.

Роман «Чужие грехи» тематически соотносим сразу с несколькими произведениями Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Реминисценции и аллюзии играют в художественных текстах Шеллера-Михайлова значительную роль, однако они подчеркивают не подражательность всего творчества писателя, а, скорее, его стремление вовлечь в орбиту своего художественного движения множество проблем русской жизни и решений этих проблем, предложенных классиками. Как отмечает Е.Н. Жучкова, «разнообразные формы интертекстуальности, возникающие в романной прозе Шеллера, приводят к диалогу различных культур, творческих систем и философско-этических позиций. Внедряясь в текст, реминисценции, упоминания и цитаты расширяют границы его смыслового поля, вносят нечто новое и в восприятие прецедентного текста, свидетельствуют о типологическом родстве творчества русских писателей XIX века, о единстве их духовных и нравственных поисков» [1].

Роман «Чужие грехи» с точки зрения жанровой принадлежности, скорее всего, стоит отнести к семейному, социально-психологическому роману. С одной стороны, художественный мир романа предельно прост и понятен: основы и причины действий героев хоть и не всегда кажутся читателю достаточными, но они реалистичны. С другой стороны, в художественном мире произведения мы видим реализацию и отголоски сразу нескольких жанровых разновидностей романа: семейного, социально-психологического, романа воспитания, романа о «новых людях», несмотря на внешнюю простоту, однолинейность сюжета, размышления нескольких его центральных героев складываются к финалу в сложную дилемму. «Примиришься – и живешь; не примиришься – и умирай! <...> Не все только могут примириться, иные требований слишком много предъявляют жизни. Кто хочет жить, тот должен быть снисходителен. Тоже люди не ангелы, жизнь не рай, чтобы требовать только совершенства и не допускать никаких компромиссов. Нужно делать уступки. Худой мир все же лучше доброй ссоры!» – рассуждает учитель Петр Иванович [6]. Но рассматриваемая проблема трансформируется в его голове не только по отношению к прошлому и судьбе его воспитанника, она связана с будущим, это тот насущный вопрос, ответ на который дает себе каждый из людей, живущих в обществе и встречающихся со злом и несправедливостью: «Ну, вот, например, ты до какого предела будешь уступать?».

Нужно признать, что жанровая классификация, в основе которой лежат тематический, идейный признаки, не позволит нам однозначно причислить роман «Чужие грехи» к тому или иному типу, он оказывается насыщенным актуальными для своего времени вопросами. Весь смысл романа отнюдь

не сводится к изображению нового героя, которым в романе является учитель Петр Иванович, смысловая глубина «Чужих грехов» намного глубже. Кратко остановимся на сюжете романа, чтобы перейти к основным его проблемным моментам и принципам построения.

В самом начале романа мы видим, как рушится вполне благополучная внешне семья. Евгения Александровна Хрюмина, мать двоих детей, изменяет мужу, а в день его приезда, беременная от другого мужчины, тайно сбегает к любовнику. Далее автор показывает бессмысленность сложившегося и разрушившегося на глазах у читателей семейного союза, основой которого было даже не увлечение, а «интрижка»: «Но помнили и она, и он одно то, что они завязали интрижку, он от скуки, она потому, что очень любила романы» [6]. Но самое страшное заключается в том, что ни отец, ни мать не думают о будущем детей и фактически бросают их, сбывая старой тетке, в прошлом – фрейлине, а в настоящем – горбатой, но умной и доброй старухе Олимпиаде Платоновне Дикаго. На протяжении всего романа Шеллер-Михайлов показывает нам, как растут дети, какие психологические травмы им наносит жизнь и каждая встреча с родителями, даже мысли о них. Доброе, радужное и чуткое отношение тети и ее компаньонки, мудрое воспитание учителя и самой Олимпиады Дикаго – женщины сердобольной, но толковой и рассудительной – не могут, как показывает автор, уберечь детей от тяжелых кризисов: вне нормальной семьи, в условиях постоянной тревоги за родителей и боли за них, дети оказываются беззащитными от пагубных влияний действительности.

Примечательным в контексте романа оказывается то, что наибольшее зло своему сыну причиняет мать: юный Евгений оказывается перед необходимостью смирения и примирения с полным нравственным ничтожеством. В ситуации, когда освободиться от такого будущего не представляется возможным, Женя кончает жизнь самоубийством. Шеллер-Михайлов показывает читателю, что согласиться с образом жизни матери и ее нового мужа Евгению не позволяют те семена добра и правды, простой трудовой жизни, о которой он узнал от учителя Петра Ивановича. Значим эпитет, которым наделяет Женя таких людей, как его отец и мать – «праздношатающиеся».

В романе «Чужие грехи» мы открываем ряд проблем, поднятых до Шеллера-Михайлова классиками русской литературы и подробно рассмотренных ими. Но Шеллер-Михайлов не просто подражает классикам и заимствует указанные темы, в его художественном мире мы встречаемся с уникальным, жизненно полным и точным сплетением и взаимодополнением тем. В первую очередь, можно говорить о детской теме в романе «Чужие грехи», столь популярной у Толстого и Достоевского. Во многом

вслед за Толстым Шеллер-Михайлов показывает стадии взросления героя и его сомнения, создает образы серьезных и старательных молодых людей и примеры развращенных вольной жизнью и пошлостью юных циников. Заслуга Шеллера-Михайлова заключается в его умении показать все происходящее в романе как бы с двух позиций: с нейтральной, объективной точки зрения и с точки зрения восприятия нервного и расстроенного мальчика. В этом писатель также отчасти следует за Толстым и восприятием мира в его трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», но в романе «Чужие грехи» важно, что иной взгляд на события приводит ребенка, а после молодого человека к трагическому исходу.

Как показывает автор, одной из причин гибели Жени оказывается его болезненная впечатлительность, вынесенная еще из детства. Замирающая в подмосковном имении старухи Дикаго, эта нездоровая восприимчивость, готовность доводить все до крайности воскресает с новой силой после смерти Олимпиады Платоновны, с которой словно умирает все лучшее, что было в жизни мальчика.

Поднимает писатель и мотив отщепенства, возмездия; значимо название романа: чужие грехи ложатся непосильной ношей на молодых брата и сестру, причем на Евгения – в большей степени, он как бы мучается и за Ольгу. Автор показывает, что само время несколько по-иному течет для Евгения: он настолько серьезен, так живо и горячо переживает все происходящее за других людей, что как бы исчерпывает свои человеческие ресурсы. Поразительно, как умело сочетает в одном описании героя автор улыбку ребенка и усталую надломленную душу: «Он действительно закрыл глаза и погрузился в забытье. Софья заботливо приловила ему подушку, накинула на его ноги плед. Он, не открывая глаз, *улыбнулся ласковой улыбкой ребенка* в ответ на ее заботы. Она грустно покачала головой, вздохнула и начала бесцельно смотреть в окно. А кругом расстились поля, мелькали деревушки, везде уже шла усиленная работа, весенняя жизнь вступала, в свои права. <...> Казалось, здесь все – каждая травка, каждая птичка, каждый человек – все пробудилось, все ожило, все надеялось. Евгений следил за этим пробуждением к жизни природы и людей, и словно зависть зашевелилась в его душе. Только в ней, в этой *надломленной, усталой душе* не было ни пробуждения, ни радости, ни надежды» (курсив мой – В.А.) [6].

Во-вторых, образ семьи Хрюминых, вне всякого сомнения, ассоциируется у читателей с образами случайных семейств, так точно описанных полемизировавшим с Толстым Достоевским в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы», в «Дневнике писателя». Словно по одному из сюжетов Достоевского или С.Н. Терпигорева (вспомним его книгу «Матери» – второй из томов «Оскудения») (1881)

Евгения Хрюмина становится особенно интересным «товаром» для мужчин. Шеллер-Михайлов показывает всю низость клубной жизни, которой увлекается Хрюмина, и пошлость, лежащую в основе отношений к женщине. Автор не приводит много примеров, но читателю достаточно увидеть образ самой героини, которая клеветает на брошенного мужа, и отношение к ней мужчин: «Он не спускал с нее глаз и, кажется, как оценщик, соображал ее цену на рынке столичной распущенности и столичного разврата» [8].

В романе «Чужие грехи» автор пытается показать читателю, как сложно молодому поколению пробиться к свободной и праведной жизни в мире. Причем эти убеждения выражают и доказывают абсолютно все герои романа, как положительные, так и отрицательные: одни из них как раз пытаются построить новую жизнь, другие являются сознательными или бессознательными преградами на пути первых.

Очень интересная линия, выстроенная Шеллером-Михайловым в романе, связана с общением учителя и его воспитанника, их идейными и человеческими взаимоотношениями. Показывая двух духовно богатых, честных людей, Шеллер подчеркивает, что Женя по уровню развития и глубине мыслей и чувств даже обгоняет своего учителя, который именно под влиянием своего воспитанника задумывается о многих жизненных вопросах. Но Петр Иванович – человек из народа, и эта его народная основа нередко помогает ему в преодолении трудностей, делает его уверенным, способным пренебрегать мелочами.

По мнению автора, для нормальной жизни человеку необходим своеобразный боевой дух, способный в нужную минуту помочь справиться и с самим собой, и с обстоятельствами. Это в романе подтверждает еще одна фигура – Марья Всеволодовна, жена брата Олимпиады Дикаго. Как кажется читателю на первый взгляд, ее появление в романе эпизодично и не несет значительного содержательного смысла. Однако на самом деле эта фигура появляется в романе не случайно: указанная героиня приносит с собою в художественный мир историю еще одного случайного семейства, упоминание о еще одной трагедии, образец странной и нужной только самой Марье Всеволодовне выдержанности и непоколебимости, наконец, мысль о вымирании и исчезновении дворянской семьи. Очень важно, что в романе приезд указанной героини и события, которыми он окружен, автором логически не связываются с историей взаимоотношений Жени и Оли с родителями.

Коротко остановимся на перечисленных моментах и проявим их. Марья Всеволодовна приезжает в имение Сансуси, где находится фамильный склеп семьи Дикаго, хоронит своего сына, погибшего на дуэли. И благодаря некоторым упомина-

ниям о кончине молодого человека, о его отце, всю жизнь изменявшем матери, о самой Марье Всеволодовне, сделавшей из себя великую мученицу и страдальцу, читатель понимает всю случайность этого семейства, эгоистическую сущность людей, не способных жить для близких. Примечательно, что уже после трагедии, которая случается в романе с Женей, читатель мысленно возвращается к образу Марьи Всеволодовны и вспоминает о гибели ее сына, приблизившей закат всего рода. Читатель романа видит, что Марья Всеволодовна все свои деятельные силы направляет на создание собственного образа, считая себя незаслуженно испытывающей страдания: «С течением времени она даже начала внутренне гордиться собой и испытывать чувство блаженного наслаждения, когда ей удавалось в трудных случаях жизни сохранить чувство долга и такта. В этих случаях она походила на бойца, одержавшего трудную победу, на изобретателя, разрешившего тяжелую задачу». Между тем, Марья Всеволодовна оказывается не истинной христианкой, терпеливо переносящей невзгоды, а приспособленкой и эгоисткой, не случайно Петр Иванович прозывает ее каркающей вороной. История семьи, рассказанная автором, позволяет читателю понять, что Марья Всеволодовна и сама оказалась заложницей света и поведения мужа, но ее стараниями жизнь семьи стала искусственной: «Она, спасая благосостояние детей, заставила мужа перевести на ее имя все его капиталы, все его имения. Она довела его, наконец, до того, что он стал бояться ее, что он потуплял глаза и опускал голову перед холодным взглядом ее сощуренных глаз, что он не смел переступить порога ее спальни. Она так увлеклась этим делом, так гордилась своей силой в этой борьбе, так горячо верила, что она совершает великий подвиг честной женщины, честной жены, честной матери, что, может быть, она почувствовала бы себя даже несчастной, если бы вдруг все пошло гладко и ровно, если бы у нее внезапно не стало поводов удивляться самой себе и вызывать удивление других своим подвижничеством» [6].

В «Чужих грехах» Шеллер-Михайлов показывает, как Олимпиада Дикаго пытается отгородиться вместе с детьми от окружающего мира. Такая вынужденная изоляция, в которую герои были поставлены самой жизнью, не может привести, по мнению автора, ни к чему хорошему. Маленькому кружку, состоящему из самой Дикаго, ее компаньонки Софьи, учителя и детей, практически загроможденному от мира на время в имении Сансуси, в течение долгого времени не прожить, и потому, что это не семья, и потому, что изоляция от внешнего мира не может их спасти. Личность у русских писателей не мыслима в отрыве от мира, а настоящая семья является одной из ступеней и основ для дальнейшего сближения личности с миром, для ее

бесстрашного познания окружающей действительности. Там, где этой настоящей семьи нет, как в романе «Чужие грехи», нормальное и здоровое приобщение героя к жизни общемировой, вселенской просто немыслимо.

И все-таки роман «Чужие грехи», несмотря на ряд смертей, увиденных читателем, несмотря на разрушенные надежды героев и изображенные сложности, заканчивается очень светло, даже радостно: мы наблюдаем за рождением еще одной молодой семьи, сердечного союза Петра Ивановича и Ольги, с жизнью которых писатель связывает надежды на будущее. Сложно сказать, является ли приукрашенный радостный финал своеобразным ходом писателя, позволяющим ему оттенить все прошедшие события. Скорее всего, в продолжение размышлений героя о примирении, этот финал показывает нам выбор Петра Ивановича: «Что было дальше: это уже не интересно для посторонних, так как дальше началась идиллия примирения, любви, поцелуев, семейного счастья и восторгов» [6]. Неизвестно, чем и в какой степени пришлось пожертвовать Петру Ивановичу, неизвестно, насколько долгим окажется единение молодой семьи с Евгенией Александровной и ее новым мужем, однако в основе примирения лежит мысль о мире, в котором только и возможно, по мысли писателя, процветание семьи и благополучие детей.

Таким образом, мы видим, что мастерство Шеллера-Михайлова и его опора на достижения и образы классиков позволили в одном романе с довольно незначительным количеством действующ-

щих лиц поднять множество ключевых вопросов, волновавших общественность второй половины XIX века. Сочетание в произведении сразу нескольких знаменательных для русской литературы тем, стремление художественного мира к полноте потребовало от автора обращения к синтетической, смешанной жанровой характеристике романа, которая еще более способствует установлению параллелей с романами современников автора.

Библиографический список

1. Жучкова Е.Н. Романы А.К. Шеллера-Михайлова 1860–80-х годов: Поэтика жанра: дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2005. – 222 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/romany-ak-shellera-mikhailova-1860-80-kh-godov-poetika-zhanra> (дата обращения: 31.01.2015)
2. Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. – Л.: Наука, 1976. – 416 с.
3. Палиевский П.В. Русские классики. – М.: Худ. лит., 1987. – 239 с.
4. Роднянская И.Б. Художник в поисках истины. – М.: Современник, 1989. – 384 с.
5. Скабичевский А. Александр Константинович Шеллер // Шеллер А.К. Полн. собр. соч. Т. 1. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1904. – С. 5–32.
6. Шеллер-Михайлов А.К. Чужие грехи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shellermihajlow_a_k/text_1880_chuzhie_grehi_oldorfo.shtml (дата обращения 31.01.2015).

Чекалов Кирилл Александрович

доктор филологических наук

Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького

ktchekalov@mail.ru

«ПАДУЧАЯ ЗВЕЗДА» ЛИДИИ РОСТОПЧИНОЙ: ГЕНЕАЛОГИЯ РОМАННОГО СЮЖЕТА¹

Статья представляет собой первое в литературоведческой науке исследование романа «Падучая звезда», принадлежащего перу забытой русско-французской писательницы, внучки Фёдора Васильевича Ростопчина и племянницы графини де Сегюр Лидии Андреевны Ростопчиной (1838–1915). Роман был напечатан в журнале «Русский вестник» в 1886 году и ни разу не переиздавался; выполненная позднее автором его сценическая переработка так и не была поставлена в России. В основу сюжета положена трагическая судьба выступавшей в Париже театральной актрисы Юлии Николаевны Фейгиной (1859–1882), самоубийство которой имело большой резонанс как во Франции, так и в России. Реальные факты трансформированы в романе с учетом характерных для беллетристики штампов (включая тоpos «русской красавицы» и образ Италии как воплощенной гармонии). В то же время «Падучая звезда» насыщается автобиографическими мотивами, что характерно и для других произведений писательницы. Особое место в романе занимает ностальгическая картина Санкт-Петербурга (северная столица России была хорошо знакома Лидии Ростопчиной). Публикация статьи приурочена к столетию со дня кончины писательницы.

Ключевые слова: Л.А. Ростопчина, «Падучая звезда», роман, театр, сказка, портрет, город, тоpos.

В 2015 году исполняется сто лет со дня кончины русско-французской писательницы Лидии Андреевны Ростопчиной (1838–1915), которая приходилась внучкой московскому генерал-губернатору Федору Васильевичу Ростопчину и племянницей – основоположнику современной детской литературы графине де Сегюр (урожденной Софье Фёдоровне Ростопчиной). Творчество «графини Лидии», как ее нередко именовали, явственным образом тяготеет к массовой литературе и при этом достаточно разнообразно с точки зрения жанровых и повествовательных моделей. Лидия Андреевна пробовала себя не только как прозаик, но и как драматург; она чрезвычайно активно стремилась пристроить свои пьесы в парижских и российских театрах. Увы, не всегда эти старания увенчивались успехом.

В числе наиболее примечательных сочинений Лидии Ростопчиной – русскоязычный роман «Падучая звезда», печатавшийся в «Русском вестнике» в 1886 году; отдельным изданием книга никогда не выходила. По-видимому, примерно десять лет спустя после публикации романа «графиня Лидия» положила его в основу франкоязычной пьесы, первоначально именовавшейся «Maroussia», а почти перед самой премьерой (первая постановка на парижской любительской сцене состоялась, очевидно, в январе 1904 г.) вернувшей себе исходное название – L'Étoile filante. Лидия Андреевна приложила немало усилий к тому, чтобы пьеса была поставлена на российской сцене, а именно – в петербургском Михайловском театре. Однако по решению управляющего императорскими театрами В.А. Теляковского пьесу отвергли.

Сюжет романа и пьесы был основан на хорошо знакомом публике трагическом случае, попавшем даже в энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Судьба пытавшейся сделать себе имя на парижской сцене актрисы Юлии Николаевны Фейгиной (1859–1882)

после ее самоубийства обросла легендами; «дочь зажиточных родителей, проживающих в одной из южных губерний», она «не имела себе равных во всем, что касается спорта, плавала как рыба, охотилась на кабанов и волков и в то же время знала толк в живописи и сочиняла стихи» [6, с. 3]. Ее намерение во что бы то ни стало сделаться актрисой вызвало негодование отца; покинув Россию, Фейгина при поддержке дяди училась в Брюссельской консерватории, а затем перебралась – без гроша в кармане – в Париж. Счастливое стечение обстоятельств и помощь известного виолончелиста Серве, а затем и протекция со стороны самого Александра Дюма-сына позволили ей попасть в труппу Комеди-Франсез, где Юлия дебютировала в небольшой роли Калекапри в комедии Альфреда де Мюссе «Веретено Барберины», причем некоторые французские газеты принялись зубоскалить по поводу ее ужасающего акцента. Зато красота Фейгиной пленила известного светского льва герцога де Морни, довольно быстро обольстившего ее. Обстоятельства кончины Юлии известны больше, чем причины ее самоубийства (несчастливая любовь или же несбывшиеся надежды на скорую и блестящую карьеру?). Вот как описывает эти обстоятельства обозреватель русского журнала «Дело» Виктор Жаклар, выступавший под псевдонимом «Жика́»: «Морни велел приготовить себе ванну в своей уборной и влез в нее. Ванна была поставлена так, что он сидел спиной к надкаминному зеркалу. Она подошла к зеркалу, и он думал, что она надевает шляпку. Она наклонилась к нему и поцеловала в лоб. “Доброго вечера”, – сказала она. В ту же минуту раздался выстрел» [3, с. 93].

В романе (и пьесе) «графини Лидии» Юлия Фейгина превращается в Марусю Подольскую, а ее возлюбленный – в герцога Казимира де Сиксто. Однако в своей переписке Лидия Андреевна иногда заменяет название «Маруся» на «Фейги-

ну», а также именует ее возлюбленного «де Морни». При сохранении общей канвы этой, по выражению одного из журналистов, «драмы из жизни полусвета» [1, с. 215], Ростопчина осуществляет ряд весьма примечательных корректив и трансформаций. Сказанное относится и к образам главных персонажей, и к весьма определенной тенденции в трактовке описанных событий, и, наконец, к отдельным деталям.

Действие романа, в полном соответствии с хронологией короткой жизни Фейгиной, происходит на рубеже 1870-х – 1880-х годов. Рано потерявшая мать, Маруся Подольская, страстно увлеченная сценой и влюбленная в искусство, живет со своей бабушкой, бывшей малороссийской помещицей Клавдией Васильевной Крупенской, на берегах Невы. (Кстати, появление этой фамилии в «Падучей звезде» явилось одним из препятствий к постановке одноименной пьесы в Петербурге: Александр Дмитриевич Крупенский занимал ответственные посты в дирекции Императорских театров.) Указан и более точный адрес: петербургская Коломна, «квартирка в мезонине» напротив церкви Михаила Архангела. Перед нами важная с точки зрения развертывания романной концепции замена: Маруся – петербурженка, тогда как Фейгина родилась в Клину. Подобная корректура позволяет «графине Лидии» едва ли не единственный раз в своем творчестве достаточно подробно артикулировать «петербургский текст», знакомый ей отнюдь не только по литературным источникам. При этом трактовка данного текста подчас полемична по отношению к, несомненно, известным автору сочинениям Гоголя и Достоевского.

Так, для петербургских сцен романа Ростопчиной вовсе не характерен свойственный автору «Преступления и наказания» тревожный колорит – его сменяет поэтическое, проникнутое ностальгией воспоминание о «граде Петровом». Совсем не случайно действие происходит зимой; этот сезон под пером «графини Лидии» придает особую красоту северной столице. Приведем цитату, относящуюся к прогулке по ночному Петербургу Маруси с влюбленным в нее художником Бондаренко. Они стоят на Николаевском мосту через Неву и любуются городом:

«Слегка морозная зимняя ночь окутала столицу своею освежающею прелестью; луна сияла за облаками и разливала мягкий матовый свет, который ложился как скатерть по белоснежной поверхности недавно выпавшего снега, ярко освещая крыши домов и громадный купол Исаакиевского собора. Направо и налево тянулись длинные ряды зажженных фонарей, их дрожащее пламя мутно просвечивало в серебряном сиянии холодного воздуха и уходило в неизмеримую даль. На Английской набережной почти везде блестели ряды освещенных окон, и толпившиеся огни карет напоминали, что свет-

ская жизнь богатой части столичного населения только что начиналась» [7, с. 190].

Перед нами несколько сказочный образ города, овеянный несомненной ностальгией автора по России. Специфическая «призрачность и театральность», которые Ю.М. Лотман и многие другие исследователи считают важной особенностью «петербургского текста» [4, с. 326], в приведенном фрагменте присутствуют в полной мере. Не случайно присутствие в ростопчинском описании и освещенных окон – этих, по слову В.Н. Топорова, «горящих окон-очей» Петербурга, одновременно и притягивающих к себе взоры зрителей, и «контролирующих» своим взглядом прохожих [10, с. 674].

Лев Львович Подольский, находящийся под каблуком злобной и бездушной мачехи Маруси, категорически запрещает дочери делать сценическую карьеру в Петербурге. И тогда Маруся со своей бабушкой и прислугой Дуняшей почти волшебным образом перебираются с берегов Невы на берега Сены (как показывает анализ других сочинений писательницы, сказочные элементы вообще свойственны поэтике Лидии Ростопчиной). Интересно, что их парижское жилье овеяно патриархальностью; «доосмановский» Париж оказывается уютным и приятным для глаза. Вот как выглядит вид из окна, демонстрируемый Марусей прибывшему к ней в гости Бондаренко:

«Она открыла ставни и показала вид действительно редкий для Парижа, вид, где был простор глазу и воображению, где расстилась ширь небесная, зеленели деревья и кусты. Правда, что налево возвышалась пятиэтажная стена соседнего дома по Ваграмскому проспекту, но она вся была занята балкончиками с цветами и представляла приятное зрелище. Направо, в отдалении, живописно лепились невысокие домики, обитаемые небогатым людом, но горшки с геранью, этой розою бедных, везде украшали окошки и ютились кое-где на крышах, превращая их в маленькое подобие Вавилонских садов <...> Глаз Викентия представилась таким образом картина, которую он совсем не ожидал встретить в центре Парижа; это скорее походило на окраины какого-нибудь провинциального города» [7, с. 681].

Надо сказать, «графиня Лидия» в данном случае не слишком грешит против истины: проспект Ваграм в середине XIX века еще сохранял в некоторых своих участках вполне провинциальный вид.

По мысли «графини Лидии», утрата пресловутой патриархальности и приобщение к насыщенному пороком Парижу чреваты многочисленными невзгодами. Ростопчина не жалеет сатирических красок в изображении столичной околотеатральной публики, не щадя при этом ни французов, ни «русских парижанцев»: «разряженные представительницы великосветского порока», «табор падших, совращенных с пути, праздных, бесполезных

и опасных, вся эта вызолоченная и надушенная сволочь» [7, с. 79]. В составе упомянутого табора – сластолюбивый купец Тит Титыч Патрикеев (явно навеянный известным персонажем А.Н. Островского), прожигающая жизнь на модных курортах подруга Маруси Марина Дюран (урожденная Талыщева), директор театра Виаль и «парижский Алкивиад» герцог де Сиксто.

Как и в других своих произведениях, «графиня Лидия» уделяет большое внимание портретированию главных героев, хотя всякий раз при этом впадает в традиционные беллетристические штампы. Сказанное в первую очередь относится к Марусе, которая в романе идеализирована как внешне, так и внутренне. Внешность Маруси во многом соответствует традиционному представлению о русской красавице, хотя и с некоторыми коррективами: «Большие, карие глаза ее глядели вдаль, в них горел огонь и трепетала молодая, только что проснувшаяся жизнь. Тонкие ноздри, признак впечатлительности и страстности, сильно вздрагивали; большой рот, немного резкого очертания, был полуоткрыт и показывал ряд маленьких и ослепительно белых зубов. Лицо Маруси было совершенно круглое с прямым профилем и удивительно подвижным выражением, напоминавшим бесконечное разнообразие игры теней на капризных волнах Средиземного моря» [7, с. 186].

Если по поводу внешности герцога де Морни пресса иронизировала («как такая красивая женщина могла до самозабвения полюбить де Морни, некрасивого и по наружности, и по своему нравственному уровню?») [5, с. 2], то под пером Лидии Андреевны герцог де Сиксто выглядит весьма импозантно: «Перед ней <...> стоял высокий и стройный тридцатилетний мужчина с бледным, немного продолговатым лицом и большими карими глазами, которые глядели устало; густые курчавые от природы волосы отличались тем темно-золотистым оттенком, что иногда встречается у венецианских старинных мастеров в сочетании с совсем черною бородою» [7, с. 95].

По верному замечанию А.М. Грачевой, Италия в русской беллетристике «рубежа двух столетий» – «расхожий символ гармонии» [1, с. 561]. Но у Ростопчиной тоpos соединяется с автобиографическим началом. Надо сказать, что Лидия Андреевна явно унаследовала от своего отца – собравшего исключительно ценную коллекцию живописи и скульптуры, которая очень скоро оказалась полностью распылена, – любовь к западноевропейскому, и в особенности итальянскому, старому искусству; сама она не раз бывала в Италии и восторгалась ею; аллюзии, подобные приведенным выше, встречаются во многих ее сочинениях.

На свой лад усваивает Ростопчина и привычку старых мастеров запечатлевать себя в общей массе персонажей своих картин. Так, описывая в «Падучей

звезде» «русский Париж» и нередко опуская имена тех или иных вполне конкретных, хорошо известных ее современникам персонажей, она мельком упоминает и себя саму: «рядом с ней видно было подвижное татарское лицо русской графини, внучки знаменитого поджигателя» [7, с. 553]. Известно, что Федор Васильевич Ростопчин неоднократно афишировал свое татарское происхождение, а репутация поджигателя Москвы надолго за ним закрепилась (хотя новейшие исследования как будто бы опровергают ее).

Присутствуют в романе и некоторые «вкусовые» детали, отражающие эстетические пристрастия автора. Так, очень подробно описан концерт Антона Рубинштейна в парижском клубе на Тильзитской улице (правда, тут есть хронологическая неточность: как раз в 1882 году Рубинштейн в Париже не гастролировал), причем Ростопчина не скупится на похвалы в адрес музыканта: «казалось, что до Рубинштейна артистам недоступен был язык Моцарта, Шопена, Шумана и Бетховена, и все знаменитые исполнители лишь по-детски лепетали на нем» [7, с. 531]. Между тем в автобиографической сказке-притче «Крестница фей», которую Лидия Андреевна включила в самое известное из своих сочинений – «Семейная хроника» (французское издание вышло в 1909 году, русское – в 1912), писательница также отдает дань этому своему увлечению. Среди фей, окруживших колыбель новорожденной Лидии, – Фея Музыки, которая пророчит малышке: «ты будешь боготворить Бетховена и преклоняться перед Рубинштейном» [8, с. 188]. Добавим, что, по некоторым сведениям, Рубинштейн принял определенное участие в судьбе Фейгиной; возможно, именно он представил ее Дюма-сыну [3, с. 90], а тот – директору «Комеди Франсез» Эмилю Перрену.

Не устояв перед искусным и опытным соблазнителем, Маруся Подольская «как будто отреклась от себя самой», но зато обрела желанную благосклонность со стороны света; принесла свое природное дарование в жертву той поверхностной манере игры, что в ходу у парижских актеров – снискала признание со стороны зрителей. Между тем герцог, пренебрегая искренней любовью Маруси, женится на знатной польской красавице; Маруся же в отчаянии кончает с собой. Интересно, что пресловутый эпизод с ванной из романа выпадает – в кульминационный момент Сиксто лишь собирается принять ванну, но так и не делает этого. Ростопчина вполне сознательно устраняет деталь, которая могла бы снизить сентиментальный накал повествования.

Большинство писавших о самоубийстве Фейгиной обозревателей – как отечественных, так и французских – сходились в том, что актриса страдала психическим расстройством (которое выразилось, в частности, в ее суицидных склонностях, проявившихся еще в детском возрасте). Ничего по-

добного нет в романе «Падучая звезда»; в крайнем случае перед нами «нервная и взволнованная особа», но никакого намека на психопатологию в романе содержится. Столь же решительно отвергается Ростопчиной и сама возможность отсутствия у Фейгиной подлинного сценического таланта (на этот счет мнения журналистов расходились). В ее интерпретации история Маруси – это романтическая по своей сути трагедия высокого таланта, столкнувшегося с житейской прозой и ставшего жертвой низменных страстей; как и в романе Золя «Нана», Париж у Ростопчиной «возносит и убивает» [9, с. 299]. Таким образом, «Падучая звезда» представляет собой интересный образец адресованного широкой аудитории «театрального романа», преобразующего нашумевший случай из светской хроники в сентиментальное, мелодраматическое повествование, проникнутое искренней ностальгией по России и одновременно насыщенное беллетристическими штампами.

Примечание

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-24-08001 «Русская франкофония (XVIII – начало XX века)».

Библиографический список

1. Всемирная иллюстрация. – 1882. – № 716 (25 сентября). – С. 215.
2. Грачева А.М. Русская беллетристика 1900–1910-х годов: идеи и жанровые формы // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 543–587.
3. Жика. Вороны. Политическая и общественная хроника // Дело. – 1882. – № 10. – С. 78–100.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.
5. Новое время. – 1882. – № 2343. – С. 2.
6. Новое время. – 1882. – № 2154. – С. 3.
7. Ростопчина Л.А. Падучая звезда // Русский вестник. – М., 1886. – Т. 185. – С. 166–219; 670–737. Т. 186. – С. 69–120; 525–591.
8. Ростопчина Л.А. Семейная хроника / пер. с франц. А.Ф. Грейтман. – М.: Тривант, 2011. – 240 с.
9. Рубан А.А. Функциональные особенности образа Парижа во французской литературе конца XIX – первой четверти XX века. – Брянск: Курсив, 2014. – 546 с.
10. Топоров В.Н. Петербургский текст. – СПб.: Искусство-СПб, 2003. – 616 с.

Дефье Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
defye56@mail.ru

ХУДОЖНИК И ИСТОРИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И ОЦЕНКАХ В. РОЗАНОВА

В статье предпринята попытка раскрыть проблему эстетического понимания истории и личности художника в русской литературно-художественной традиции и работе В. Розанова «О понимании». Стремление отстоять суверенность и приоритет эстетического чувства, которое Розанов считал необходимым условием подлинного понимания истории и литературы, было присуще русскому художественному сознанию еще в XVIII веке и в немалой степени питалось убежденностью немецкой философско-эстетической мысли в преимуществах чувственного познания в понимании истории и искусства. Преемственность и развитие возможностей художника в опыте эстетического переживания приблизиться к познанию основ исторического бытия было неоднократно продемонстрировано русскими поэтами и писателями. Исследуя достижения русской философско-психологической поэтической традиции, с учетом герменевтического опыта немецкой эстетики и античных представлений об иррациональной сущности поэзии, Розанов создал русскую версию эстетического «понимания» истории. Его концепция понимания имела гносеологический характер и заключалась в восприятии истории как духовного творчества, доступного только чувственному познанию, обладателем которого мог быть историк-художник, способный достичь духовной сопричастности историческому явлению и изобразить обретенную эстетическую идентичность в тождественной ей поэтической форме.

Ключевые слова: художник, В. Розанов, восприятие, чувство, самопознание, переживание, сопричастность, истина, понимание, история, философская эстетика, герменевтика, идентичность, изображение, метод.

Тему художника и искусства русская литература осваивает вот уже более двух столетий. При неизменном интересе к ней как сфере общественного служения, особой степени напряжения у русских писателей она достигала при осмыслении соответствий между требованиями общественности и внутренним духовным беспокойством, настойчиво уводящим художника к самопознанию и поиску индивидуального пути в искусстве. Реакция литературы на эту проблематику формировала статус художника, его притязания на роль, соответствующую как эстетическим, так и общественным приоритетам. Собственно, из драматических стремлений «вписать» себя в общественно-исторический контекст, сохранив при этом суверенность эстетического чувства и достоинства, и складывались литературная история русского художественного сознания, и, в ее рамках, национальная версия темы художника и искусства.

Чтобы преодолеть исторически отведенную роль «писать по указу» [8, с. 113], русской литературе пришлось долго и терпеливо воспитывать у общества уважение к таланту и доказывать его право на собственное восприятие бытия. Эта «воспитательная» работа постепенно вызвала непосредственный интерес к личности художника и к тому, что можно было бы назвать самосознанием литературы, что является ее ментальным центром и скрывается за кроковым словесных орнаментов и стилей.

Как объект самостоятельного изображения, тема художника и искусства прочно заняла свое место в русской литературе начала XIX века. В то же время на ее развитие существенно повлияли открытия немецкой философско-эстетической мысли, с опорой на античную традицию, восстановив-

шей возможность понимания смысла искусства вне жизненных зависимостей и право художника на истинное познание в свободном эстетическом творчестве. Восприняв в западноевропейской поэзии глубочайший интерес к проблеме творческой индивидуальности, русская литература устами Жуковского, Венивитинова, Вл. Одоевского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева и др. заговорила о поэте как о мистике-провидце, в глубине собственного «я» постигающего тайну творческих устремлений, но бессильного перед их неизъяснимостью.

Творческая рефлексия русских поэтов по поводу источника, цели и «трагической невыразимости» вдохновения («Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя?»), стремление добаться до «неведомого родника» «святой прелести» и «силы благодатной» обратили русскую литературу к самопознанию, открывающему возможность правдой чувства осознавать свое творческое устройство и предназначение в незримых связях со *всеобщим*. Под «всеобщим» уже к тому времени понимался не свод внешних рассудочных правил и понятий – их навязчивость как раз и вызвала отторжение, – а счастливое слияние с творческим духом мироздания, отрывшегося во внутреннем эстетическом опыте [3, с. 281]. Философская эстетика стремилась донести мысль о том, что искусство и художник не могут быть объяснены только на том основании, что четко и обоснованно детерминированы жизненными обстоятельствами и вписаны во взаимосвязи с другими видами деятельности. Куда существеннее было показать завораживающую искру частного эстетического чувства, открывающего родство и гармонию с мирозданием. В русском художественном сознании так же, как

в европейском, крепла убежденность, что только в соотношении индивидуального опыта художника с универсумом, в «чудный миг» отражения второго в первом, обнаруживается способность внезапно, «искрой Божьей изнутри» постичь «уникальность истинного». По мере своего развития эта способность постепенно становится главным предметом рефлексии и мерой эстетической ценности литературы. К примеру, зазвучавшие в «Фаусте» опорные мотивы отповеди рационализму (*«Где нет нутра, там не поможешь потом, / Таким усильям медный грош»*) и сакрализация творчества (*«Вселенная во весь объем / Доступна только провиденью»*) отождествились в русской поэзии устойчивым противостоянием художника профанному сознанию, жаждой внутренней свободы и «всеведения», следованием «божью велению» взять «посох свой дорожный» и посвятить «божественный глагол» предвечным целям творчества.

Обратив свой взор к познанию провиденциального феномена поэтического творчества, русская литература искала ему поэтические аналогии в разных формах: в прямых утверждениях, лирических монологах и диалогах, в изображениях художественных произведений, экфрасисе, в художниках-персонажах. Еще Тредиаковский указывал: «По сему, что поэт есть творитель, еще не наследует, что он лживец, ибо поэтическое вымышление бывает по разуму так – как вещь могла и должна была быть».

Осознавая свой онтологический статус, художник создавал себе *прибежище* внутри жанровых форм, расширял и наполнял его своим духовным временем и пространством, «свивал» свой мир, в котором традиционное «духовное беспокойство» удовлетворялось возможностью прозрения и «вертикального» творчества. Свою вертикаль «верха» и «низа» он обретал в мистике духовных откровений и в них приходил к «узрению» своей герметической идентичности «божественным природы красотам» и источнику творчества в себе самом. Для художественного сознания ценность этой внутренней пульсации живого чувства состояла в его совершенной свободе от каких-либо внешних целевых установок, в *самоцели* (*«по всякой прихоти скитаться здесь и там»*), никак не связанной с рассудочным целеполаганием искусства. Важно то, что внутреннее «самодвижение» происходило в «своем» духовно свободном пространстве, которое находило выражение как внутри традиционных жанров, так и в литературных формах нового художественного «покроя».

Немецкую литературу созерцание этого живого «самодвижения» привело к специфической жанровой модификации романа – к *kunstlerroman*(у), созданному йенскими романтиками, чтобы показать, как высвобождающееся и крепнущее эстетическое чувство художника превращается в инстру-

мент художественного познания. Немецкий роман о художнике доказывал, что в портретируемой индивидуальной чувственности движение к истине может быть раскрыто с большей проникновенностью и убедительностью, чем в рассудочном изложении [7]. Речь, конечно, шла не о торжестве безрассудной и безответственной субъективности, попирающей точность и достоверность научного опыта, а о субъективной способности художника воспитать в себе индивидуальное чувство прекрасного и его внутренней, целомудренной правотой пригласить к сопереживанию читателя.

Русская литература не создала своего жанра о художнике, но мысль о способности творца в субъективном чувственном опыте постигать истину не менее глубоко и достоверно, чем это делает ученый силой логического мышления, оказалась для нее очень плодотворной. Этот подход к познанию возможностей художника и искусства распространился и на историю, поскольку история, воспринимаемая материалистически, как этапное развитие стран, народов или биографий, в своем стремлении выяснить причинно-следственные связи исторических событий, не объясняла сокровенного – гения духовных движений. Он принадлежал разноречивым домыслам историков, которые толковали его сообразно мере их таланта и склонности к домыслам. В то время как история, явленная в искусстве, внутренним зрением художника в исторически частном прозревала всеобщее, становилась объективацией мучительных борений человеческого духа, выведенных из плена материальных зависимостей в вечное, вневременное.

Сближение русской литературы с немецкой философской эстетикой в поисках «живого знания» с особой очевидностью проявилось в период формирования русского модернистского художественного сознания. Выношенная поколениями философов и эстетиков идея о перспективности субъективно-эстетического метода познания [6], способного пробудить «живое» восприятие личности художника, искусства и истории, легла в основу творчества многих русских художников от символизма и авангарда рубежа XIX–XX веков до «перевальцев» и «обериутов» 1920-х – 1930-х годов [5, с. 108].

К середине 1880-х годов в фундаментальных работах В. Дильтея «Введение в науки о духе» и В. Розанова «О понимании» была обоснована мысль о принципиальной важности чувственного познания для подлинного постижения феномена одушевленности искусства и о необходимости не объяснения, но *«понимания»* художественного творчества. Оба мыслителя актуализировали значение интуиции и в качестве обязательного условия «понимания» назвали необходимость для познающего развить в себе такую способность к чувственному восприятию, чтобы в «опыте пе-

реживания» достичь внутренней идентичности автору и художественному произведению. Позже Г.-Г. Гадамер, развивая проблему понимания, называет эту степень восприятия «эстетической неразличимостью» [3, с. 295], когда даже репродуцированное искусство сохраняется эстетическое тождество оригиналу. Искусство, как и жизнь, имеет герменевтическую структуру и предполагает движение к единому смысловому центру. В. Дильтей писал о необходимости движения к центру «жизненных единств», к пониманию общего духовного источника искусства, к раскрытию сопричастности ему художественного сознания, которое, изображая «частную» жизнь человечества и его деяний, двигается от части к целому, образно раскрывает этот источник. Задача герменевтики в искусстве состояла у Дильтея в том, чтобы продвигаться к пониманию того, из чего произошло произведение. Причем движение в понимании должно протекать свободно, подобно тому, как в свободном пространстве «самодвижения» художник направляется к источнику своего творчества, ибо правила в созерцании устанавливает сам созерцатель.

В России типологически сходную концепцию понимания развивал В. Розанов. Во-первых, он устанавливал прямую зависимость понимания от чувственного опыта человека. «<...> Никакое понимание не может быть образовано без предварительного чувственного впечатления; ничто не может появиться в сознании, пока не появилось что-либо в ощущении. Поэтому без этого внешнего впечатления *нет предмета для понимания*» [9, с. 34] (курсив мой. – О.Д.). Пониманию, таким образом, предшествует органическое предощущение присутствия недостающего уже «где-то», инстинктивное душевное движение ему навстречу, и внезапный проблеск идеи, которая, найдя эстетическое согласие в чувственном восприятии, обнаружит «предмет для понимания», устремит разум к познанию его смысла. Поэтическую опору своим выводам о трансцендентном бытии источника творчества, к которому стремится художник, Розанов находил в русской литературе многократно. Достаточно вспомнить пространственные статьи о Лермонтове «Концы и начала, “божественное” и “демоническое”, боги и демоны» и «“Демон” Лермонтова и его древние родичи», в которых провиденциальный дар поэта Розанов роднит с античными верованиями в духовную предопределенность жизни и творчества человека. В «О понимании» он приводит две первые строки из стихотворения А.К. Толстого «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!», в котором поэт использовал эстетическую способность античного метра передавать присущее древним умение обретать истину за пределами материального мира:

*Тщетно, художник, ты мнишь, что творений
своих ты создатель!*

*Вечно носились они над землею, незримые оку-
<...>*

Приведем еще несколько строк, в которых угаданный А.К. Толстым иррациональный источник творчества оказывается доступен только художнику, владеющему встречным чувством сопричастности и способному во внутреннем опыте переживания создать художественную аналогию всеобщего:

*Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть
и слышать,*

*Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье,
лишь слово,*

*Целое с ним вовлекает создание в наш мир
удивленный.*

Розанов затаил эти строки, потому что представшее в них образное чаяние художника, обладающего даром взрастить в «черте», «созвучье», «слове» «целое создание», – это и его собственное ожидание, предчувствие такой способности в себе самом. И вовсе не случайно, что именно это свойство литературного таланта он будет с особым вниманием рассматривать в XV главе («О творимом, или о формах жизни») своего первого философского исследования.

Розанов столь же убежденно обосновывал необходимость самостоятельного движения к пониманию, поскольку определяющим его мотивом является естественная потребность в истине, истекающая из глубин человеческой души: «Цели не придуманы человеком, но вложены в природу его» [9, с. 632]. Мысль о предопределенности заложенной в человеке цели понимания влекла к уяснению того, что цель эта могла осуществляться только внутри человека, во внутренне независимом рецептивном движении и пространстве. Если это независимое движение к цели и испытывает влияние уже известного культурного опыта понимания, то настолько, чтобы усвоить его традицию и преодолеть его заблуждения. Главное – неизбывная тяга к истине, реализуемая в индивидуальном внутреннем опыте. По воле ли человека осуществляется понимание, вопреки ли ей, оно происходит потому, что не может не происходить. Понимание прорастает в человеке естественно и кругообразно, и попытки управлять этим процессом извне в конечном счете бесперспективны, потому что уведут от истины. «<...> отношение *Понимания* к жизни и разнообразным формам, под которыми является последняя: к религии, государству, искусству и пр. – есть отношение свободное. Ни *Понимание* не управляется ими, ни они – пониманием и обоюдное влияние их хоть и возможно, однако не носит в себе никакой внутренней необходимости, не вытекает ни из их природы, ни из природы его». И далее: «<...> оно свободно извне, потому что необходимо внутри себя» [9, с. 631].

Наряду с Дильтеем, Розанов считал, что понимание неизбежно ведет к единому духовному

«центру», из которого исходят и куда возвращаются пути познания. Поэтому свою науку понимания он тоже называл наукой о духе и создал «Учение о Духе» [9, с. 372], как создателе творимых культурных форм, и в их числе главного, что занимало обоих философов, – истории и искусства.

Доказывая мысль о том, что «*дух* – <...> одно в человеке, что изменялось и что, следовательно, имеет историю», Розанов увидел историю как «*изображение, понимание и оценку генезиса духа в его творчестве*» (курсив мой. – О.Д.) [9, с. 602].

Известное утверждение Гете о том, что «историк должен быть поэтом», основывалось на его недовольстве исторической наукой, неспособной, по его мнению, к эстетически сопричастному изложению прошлого. Последующая традиция философской герменевтики от Шлейермахера до Гадамера и Гессе научно и художественно обосновала требование к историку «развивать у себя своего рода органы чувств» (В. Дильтей) для эстетического овладения общественно-историческим опытом прошлого. В романе Г. Гессе «Игра в бисер» обитатели «Педагогической провинции», оппонирующие друг другу интерпретаторы истории Тегуляриус и Кнехт предлагают ее «материалистическое» и «идеалистическое» понимание. У первого история предстает как «предмет совершенно недостойный изучения», поскольку представляет собой «бесконечный, бездарный отчет о насилии», «дурацкую грызню честолюбцев за власть и карьеристов за место под солнцем», где «искусства и религии – ложные фасады, так называемые идеологии, прикрывавшие занятое голодом и жратвой человечество» [4, с. 266]. Второй видит в истории «свершение в области духа», «выход человека из ничтожества своих инстинктов и своей косности совсем в другую плоскость, в сферу вневременную, освобожденную от времени, божественную, совершенно неисторическую и антиисторическую» [4, с. 267]. Тегуляриус объективировал историю как материальный сюжет человеческих деяний, Кнехт рассматривал ее как объективацию духа, его тоски по чистоте и гармонии, пережитую и переданную человеческим гением в произведениях искусства. Мировая история, понятая как история алчности, и изображенная история духовных движений предстала у Гессе в двух сообщающихся интерпретациях: как нечто недостойное художника, и как возложенное на него бремя – в муках и страданиях сохранять чистоту помыслов и блюсти чистоту духовного источника. Для подлинного понимания истории Гессе заставлял своего героя вживаться в ее эпохи, изнутри проникаться их духовными интенциями и принимать облики и характеры ее представителей, чтобы в конкретных, подчас трагически прожитых судьбах пронаблюдать и почувствовать «единство рода человеческого» в его неизменном, свыше заданном движении к духовному творчеству.

Русскую версию эстетического понимания истории и искусства как «духовного творчества» мы найдем полувеком ранее у Розанова сначала в «О понимании», а позже во множестве литературно-критических и художественно-публицистических произведений, начиная со статьи «Место христианства в истории» вплоть до «Уединенного» и «Возрождающегося Египта», где автор-философ постепенно превратился в историка и художника в одном лице. «Существенны идеи, которые прошли некогда через сознание человека, стремления, которые овладевали им в различное время, чувства, которые пережил он; второстепенны же дела его. Их значение ограничивается тем, насколько в них выразилось, что думал, и что чувствовал, и чего желал человек. Отсюда ясно, история не есть история дел, *rerum gestarum description* (описание деяний), чем она всегда была по преимуществу, но история внутренней жизни человека. Этим отделением существенного от несущественного определяется и метод истории; он есть *психологический*» (курсив авт.). В каждом явлении жизни искать явление духа и через это познавать его; и познанное в духе обратно вносить в явления жизни, чтобы осветить и понять их, – вот приемы, которые одни могут быть истинно плодотворны в истории» [9, с. 603].

Указанные Розановым метод и приемы – это подступы к созданию инструментария для изучения герменевтического опыта, который он начал исследовать еще на студенческой скамье. Основывая свои наблюдения и выводы на традиции изучения чувственного познания от античных до известных ему современных философов, Розанов понял, что этот метод в герметическом виде изначально существовал внутри самого человека. И продолжает действовать в нем независимо от того, хочет он этого или нет. Чтобы открыть и осознать его извечную «работу», человеку должно *понять* «вложенные в него цели». Тогда «понимание» как привычный мыслительный процесс превратится в «Понимание» как онтологическую данность, влекущую к стоящему за ней универсальному знанию. Для этого Розанов разделил эти понятия и выделил «Понимание» курсивом. Впоследствии курсив станет его особым психолингвистическим знаком, указывающим на скрытый духовный смысл раскрываемого им предмета или явления.

Розановское понимание литературного творчества базируется на учениях о поэзии Платона и Аристотеля. Их оппозиции и постулаты: «вдохновение – искусство» у Платона, его убежденность в иррациональности поэзии; «поэтическое подобие – описание» у Аристотеля, где подобие представляет большую познавательную ценность, поскольку дает «радость узнавания», – предстают в «О понимании» в диалектике типа и характера, художественности и поэзии. Характер изображает поэзия, тип принадлежит «наблюда-

тельной» художественности. Тип и художественность понимаются Розановым как формы внешнего объединяющего свойства, по преимуществу завершённые и сосредоточенные на сохранении и поэтизации уже проявленного и воплощенного в акте творчества. Характер и поэзия – напротив, как живые и непосредственные проявления духа, изменяющиеся, динамичные, внутренне независимые от объединяющих форм и потому неизменно вступающие в конфликт с типом и художественностью. Соответственно Розанов расценивает поэта и художника: творчество поэта исходит из души, у художника – складывается из наблюдений, поэтизируется и затем «возвышается над жизнью». «Художественная литература – опозтизированная жизнь», поэзия – вторая жизнь над тою, которая есть, и источник ее – в духе поэта» [9, с. 459]. Художественную литературу создает «наблюдатель», поэзию – «психолог», воспроизводящий не наблюдаемую действительность, а переживания, исходящие из родника собственной души. Цель «художника-психолога» [9, с. 462] – открыть внешнее в самопознании, увидеть проявление собственного духа в окружающих предметах. Первый художник типизирует характер, второй – его создает. В типе, при всем совершенстве его выполнения у «большого художника», Розанов видит внутреннюю недосказанность, поскольку, с его точки зрения, не всегда ясно прорисованы черты, выражающие его внутреннее движение. У «художника-психолога», создающего характер, Розанов фиксирует внутреннее пространство, в котором происходит творческий акт, который, в свою очередь, совершается в свободном движении творческого поиска. Характер в этом случае пишется не «с натуры», диктующей свои правила и свою форму, а непринужденно из себя, так, как он угадывается, схватывается внутренним чувством художника. В этом случае характер и вообще изображаемый предмет оказываются одухотворенными, поскольку их внешнее бытие проникнуто и оживлено душевным чувством, исходящим из общего духовного источника.

Розанов старается сохранять пиетет к исследуемым типам, но в его восприятии «художника-психолога» отчетливо проступает личная чувственная заинтересованность. Он невольно демонстрирует внутреннюю сопричастность раскрываемому типу, которая становится эстетическим фактом. Для иллюстрации познавательных возможностей избранного эстетического субъекта Розанов использует примеры из произведений Лермонтова и Достоевского, в которых, как и в случае со стихотворением А.К. Толстого, находит цитату, вызвавшую в нем ощущение внутренней сопричастности, распознает в ней родственную ему рефлексирующую провиденциальность, которую затем эстетически идентифицирует в самом себе и оценивает с точки зрения глубины достигнутых и потенциально возможных

смыслов. Особую ценность для Розанова представляет способность «художника-психолога» духовно рассредоточиваться и проявляться как в противоположных характерах, так и в противоположностях духовных движений внутри каждого. Этим наблюдением Розанов в известной степени предвосхитил теорию М. Бахтина о «вненаходимости» автора, способного, воплотившись в героя, пережить его внутреннюю жизнь как душу и при этом остаться жить в общем первоисточнике – в духе. «Внутреннюю жизнь другого, – писал М. Бахтин, – я переживаю как душу, в себе самом я живу в духе. Душа – это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от я)» [2, с. 99]. Психологическая традиция русской литературы научила Розанова ценить в художнике умение схватывать едва мелькнувшую в сонме жизненных крайностей черту, содержащую искру истины, чтобы затем, эстетически пестуя ее в себе, взращивая и развивая, исполнить себя радостью понимания Целого.

Метод эстетического понимания истории как воплощающегося духовного творчества и художника, способного в самопознании отразить его движение и закономерности, Розанов будет использовать во всем разнообразии своих интерпретаций мировой и русской культуры.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Метафизика: пер. с греч. П.Д. Перлова и В.В. Розанова. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
2. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
4. *Гессе Г.* Игра в бисер: пер. с нем. С. Апта. – М.: АСТ, 2011. – 260 с.
5. *Кандинский В.* О духовном в искусстве. – М.: Архимед, 1992. – 108 с.
6. *Коптелова Н.Г.* Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д.С. Мережковского (1880–1917 гг.). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 344 с.
7. *Новалис*. Фрагменты. «Поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/novalis.pdf> (дата обращения: 23.12.2014).
8. *Панченко А.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // Проблемы литературного развития России первой трети XVIII века. Сб. «XVIII век». Вып. 9. – Л.: Наука, 1974. – 355 с.
9. *Розанов В.* О понимании // Сочинения Василия Васильевича Розанова / под ред. В.Г. Сукача. – М.: Танаис, 1996. – 804 с.

КНЯЗЬ МЫШКИН КАК НОВЫЙ ТИП ТРАГИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО (к вопросу о рецепции романа Ф.М. Достоевского «Идиот» в критике Серебряного века)

В статье получает развитие тема специфики интерпретации образа князя Мышкина в критике Серебряного века. Определяющим для нас является утверждение, что идея трансцендентальной личности в философии Серебряного века явилась базовой для наиболее значимых концептов эпохи, имея весомое основание и в активно воспринятой русскими мыслителями западной, и в отечественной культуре. Потому, подчёркивая новаторство Достоевского в создании литературного героя нового типа личности, многие исследователи делают акцент на той стороне творчества писателя, которая оказалась особенно востребованной критикой Серебряного века. Однако главные герои романа «Идиот», и особенно фигура князя Мышкина, часто вызвали недоумение или откровенное раздражение мыслителей порубежной эпохи. В мирозерцании Д.С. Мережковского, которое можно определить как трагически сориентированное, образ главного героя романа занимает особое место и получает детальную разработку. Более того, в силу психологической и метафизической новизны представленного типа личности, Мышкин был назван критиком новым типом трагического героя. Поскольку в последнее время в литературоведении присутствует повышенный интерес к проблеме соотношения художественных реалий произведений Достоевского с мировоззренческими концептами Серебряного века, нам кажется важным обратить внимание на место главного героя романа «Идиот» в философии трагедии одного из крупнейших мыслителей эпохи.

Ключевые слова: восприятие и интерпретация, трагический герой, трагическое действие, трагический конфликт, эротическое переживание, античная и христианская культура.

Общеизвестным суждением на сегодняшний день является то, что Ф.М. Достоевский стал новатором в создании нового типа личности (психологически разомкнутый герой, представленный в предельно напряжённом состоянии душевных сил, выражающего идею «подпольного» человека или «сверхчеловека»), которая оказалась особенно востребованной в философии Серебряного века. В целом, ожидания читателя порубежной эпохи были обусловлены потребностью соотнести психологическую глубину зарождающегося типа личности, осознающей себя в контексте исторического и бытийного пространства, с трагической ситуацией современности. По справедливому замечанию О.А. Богдановой, «пафос неприятия “мещанской”, “серединной” культуры охватывает практически весь спектр литературных направлений Серебряного века: от символиста Мережковского с его “Грядущим хаомом” до реалиста А.М. Горького с его “Заметками о мещанстве”» [1, с. 59]. Трагически осознающие современную действительность религиозные мыслители исследователи не могли обойти вниманием образ князя Мышкина, восприняв его или в качестве антипода трагическому герою (например, Л. Шестов), или как образ трагического героя «нового» типа.

Поскольку в последние годы в отечественном литературоведении присутствует повышенный интерес к проблеме соотношения художественных реалий произведений Достоевского с мировоззренческими концептами Серебряного века¹, нам кажется важным обратить внимание на место главного героя романа «Идиот» в философии тра-

гедии одного из крупнейших мыслителей эпохи – Д.С. Мережковского.

Для Мережковского в восприятии трагического базовыми понятиями являлись категории состояния внутри эротического переживания: страсть – сострадание, вождение – непосиживание (милосердие), инстинктивное – осознанное. В статье «О новом значении древней трагедии» (1893) критик так определяет своё понимание трагического: «Слово “любовь” на русском и всех новых европейских языках имеет двойное значение: первый смысл – древний, языческий: любовь – страсть, плотское вождение, Эрос, тяготение пола к полу. Второй смысл – уже новый, христианский: любовь – милосердие, сострадание, всепрощение, любовь девственная или кажущаяся противоположной страсти. Первая любовь, страстная и жестокая, воплощена в одном из двух главных, реально и мистически действующих лиц трагедии – в лице богини Афродиты; вторая, девственная и милосердная – в Артемиде. <...> Между Афродитой и Артемидой, между этими двумя противоположными божествами, происходит вся человеческая трагедия»² [4, с. 547–554].

В рамках такого осмысления человеческой трагедии образ князя Мышкина воспринимается философом центральной фигурой трагического действия и видится в свете неминуемой катастрофы. Потому уже в названной статье Мережковского, посвящённой постановке «Ипполита» на Александринской сцене, в один ряд с героем Эврипида критик ставит героев Достоевского – кн. Мышкина и Алёшу Карамазова: «Трагический вопрос, поставленный в “Ипполите”, нам, русским, особенно

близок потому, что и в нашей русской литературе, наиболее новой, вещей из всех европейских литератур, с небывалою силою поднят этот же самый вопрос. Бесстрашнее, чем кто-либо, сопоставил Достоевский языческую злую любовь, жестокое сладострастие с целомудренной и милосердною любовью христианскою или, как он сам выражался, “идеал Мадонны с идеалом содомским”. Все главные его герои или сладострастники, или девственники. Один из них, мудрец для самого Достоевского, “идиот” для толпы, князь Мышкин, говорит о себе почти словами Ипполита: “Я ведь совсем женщин не знаю”. И Достоевский определяет его теми же стихами о “Бедном рыцаре”, которые, мы сейчас видели, так подходят Ипполиту» [4, с. 551–552].

Здесь князь Мышкин не только включается в ряд предшествовавших ему благородных героев с изначально заданным трагическим осознанием действительности, но в перспективе выделяется из их круга (античного Ипполита, средневекового «Бедного рыцаря») как герой нового типа, актуализировавший в своей душе трагический конфликт эротического переживания и ставший средоточием противоречий, которые должен примирить. «Так же, как Ипполит, вся древность погибла, потому что не имела силы “распутать узел роковой”, разрешить противоречие Афродиты и Артемиды, – пишет Мережковский. – Или рождающая, но жестокая Афродита, или милосердная, но бесплодная Артемида. А между тем оба начала божественны, потому что одинаково необходимы для бытия мира. Как же их соединить? <...> Предчувствие последнего соединения этих двух начал дано в христианстве. Но это именно только смутное предчувствие, только видение, не достигающее, не воплощающее» [4, с. 553–554]. В образе князя Мышкина предчувствуется и видится попытка подойти к вековой проблеме вплотную, чтобы в рамках душевно усвоенной христианской системы ценностей по-новому осмыслить неразрешимое противоречие.

Размышления критика о трагической природе творчества Достоевского и особенностях преломления трагического конфликта в романе «Идиот», названном Мережковским «одним из прекраснейших и глубочайших» созданий [5, с. 60] писателя, находят своё развитие в широко известной работе «Л. Толстой и Достоевский» (1901).

Здесь образ Мышкина обретает более сложное звучание. Прежде всего герой «Идиота» осмысливается как личность в предельном своём состоянии (то есть личность трагическая) и ставится критиком в один ряд с известными бунтарями Достоевского. В данном случае базовыми контрверсами для определения трагедии становятся категории душевного состояния героя: животное, природное, стихийное – преодолённое, осознанное, духов-

ное: «У Достоевского всюду – человеческая личность, доводимая до своих последних пределов, <...> всюду – борьба героической воли: со стихией нравственного долга и совести – в Раскольникове; со стихией сладострастия, утончённого, сознательного – в Свидригайлове и Версिलове; первобытного, бессознательного – в Рогожине; со стихией народа, государства, политики – в Петре Верховенском, Ставрогине, Шатове; наконец, со стихией метафизических и религиозных тайн – в Иване Карамазове, в князе Мышкине, в Кириллове. <...> В этом смысле и христианская покорность Идиота, Алёши, старца Зосимы есть неодолимое сопротивление окружающему их языческому, нехристианскому, антихристову миру, покорность Божией, но не человеческой воле, то есть обратная форма “своеволия”, ибо ведь и мученик, умирающий за *своё* исповедание, за *свою* истину, за *своего* Бога, есть тоже герой: он утверждает свою внутреннюю свободу против внешнего насилия – он “заявляет своеволие”» [5, с. 107–108].

Культивируя в герое личностные качества и тем самым включая его в круг трагического действия, Мережковский в то же время чувствует в образе Мышкина, воспринимаемого под знаком «свято-сти» [5, с. 51, 108, 116], его инородность этому действию, способность выйти за пределы трагедии и, соответственно, в перспективе преодолеть её.

Источник этой метафизической способности героя видится в «священной болезни», «унаследованной» им у автора романа. Таким образом, по мысли А. Долинина, из всех отечественных критиков именно Мережковский «начинает с того, что устанавливает, в первую же голову, тесную органическую связь между личной жизнью писателя и его творчеством, проводя, таким образом, те соединяющие линии, те крепкие, хоть и невидимые, нити, что всегда существуют между конечной вершиной и конечным основанием: миропониманием и мироощущением» [2, с. 322].

В понимании критика Серебряного века, именно эпилепсия становится исключительным основанием для восприятия Мышкиным новой, христианской, системы координат. Глубинное усвоение человеческой душой идеи конечности земного пребывания и возможности инобытия должно базироваться на сверхчувственном опыте преодоления дисгармоничного ощущения действительности. Именно этот опыт, по мысли Мережковского, получает человек, страдающий эпилепсией, когда сквозь муки и боль его душа прорывается к источнику «высшего или, по крайней мере, не всем доступного бытия» [5, с. 116]. Именно этот опыт позволяет герою «Идиота» осознавать и оценивать действительность вне круга привычных понятий, расширяя возможности окружающих его людей в их рефлексии душевных переживаний и реагировании на жизненные ситуации. Таким образом,

князь Мышкин, оставаясь трагическим героем в борьбе «со стихиями метафизических и религиозных тайн», обретает статус героя, причастного инобытию, знающего чувство преодоления трагического разлада.

Но именно болезненный недуг вводит в интерпретацию образа князя двойственный подтекст, позволяя критику сблизить феномен «святого» Мышкина с «извергом Смердяковым» [5, с. 51], «мерзавцем» и «развратником» Свидригайловым» [5, с. 116] и особенно – с нигилистом Кирилловым. «Парадоксальное сближение столь разных героев, предложенное автором исследования, действительно имеет глубокие основания, – замечает в своей монографии о критике Мережковского Н.Г. Коптелова. – <...> Духовное “двойничество” Мышкина и Кириллова, одинаково чувствующих Апокалипсис, <...> отражается в “паразитических совпадениях”, которые критик выявляет в речи персонажей» [3, с. 172–173].

Более того, двойственный подтекст Мережковский улавливает в религиозном мирозерцании самого Достоевского, преимущественно находящегося на грани двух миров и раздираемого противоборством полярных идей, что художественно воплотилось в двойственной диалектике Мышкина – Кириллова. Оба героя, подверженные эпилепсии, знают миг высочайшей гармонии, переживаемый ими как откровение, на основании которого они и создают свою философию: «в сущности, Кириллов только доводит до крайнего вывода диалектику князя Мышкина; тот говорит: “За этот момент можно отдать человеку всю жизнь”. Кириллов продолжает и кончает: “За этот момент можно отдать жизнь всего человечества”. Впрочем, и князь Мышкин иногда приближается, по-видимому, к этому для него страшному, но, кажется, неизбежному острию диалектики. “В этот момент, – говорит он как-то Рогожину в Москве, во время их тамошних сходов, – мне как-то становилось понятно необычайное слово о том, что *времени больше не будет*”. “Серьёзно, разумеется, он не стал бы спорить, – неожиданно и робко заключает Достоевский. – В выводе его, то есть в оценке этой минуты, без сомнения, заключалась ошибка”. Какая же собственно ошибка? – спрашивает Мережковский. – “Отупение, душевный мрак, идиотизм стояли перед ним ярким последствием этих высочайших минут”. Но только ли перед ним, от рождения “идиотом”, или вообще перед каждым человеком, перед всем человечеством? И уничтожает ли окончательно эта “ошибка в выводе” значение всей диалектики? Вот вопрос, на который Достоевский не хочет или не может ответить. А ведь этот вопрос коренится в самом сердце его собственной, да и *всей* христианской культуры» [5, с. 117–118].

Однако, уловив в подтексте произведений («Идиота» и «Бесов») авторскую недосказан-

ность и, по определению Н.Г. Коптеловой, «разрыв между религиозным сознанием и художественным “ясновидением”» Достоевского [3, с. 183], Мережковский видит в них не духовную капитуляцию писателя перед лицом открывшейся трагедии, а изначальную раздвоенность его душевного пространства, принципиальную невозможность окончательной самоидентификации личности. Потому и герой «Идиота» воспринимается как подсознательное отображение писателем его желаемого и принимаемого им собственного «я». Мережковский видит в этом образе истинно ощущаемое и переживаемое писателем проявление бытия. Причём того бытия, к которому тот стремится, не имея сил обрести окончательно, поскольку иная его ипостась, выраженная в образе Кириллова, заключает в себе не менее истинно ощущаемые и переживаемые проявления бытия нежелаемого.

Уловленная Мережковским трагическая раздвоенность автора «Идиота», нашедшая выражение в романе, позволила ему не только всерьёз воспринять образ князя Мышкина, поставив его в пару с бунтарём Кирилловым, но и соотнести обоих героев с трагической фигурой Ф. Ницше³, который «подобно Идиоту и Кириллову, находит в боли родов, в болезни своей – “минуты высшей гармонии”, источник “высшего бытия”; в смерти человеческого находит первые молнии, проблески “сверхчеловеческого”» [5, с. 119].

Дальнейшее развитие получает и высказанная ранее Мережковским идея о генетическом родстве образа Мышкина рыцарской культуре: «Идиот Достоевского – западноевропейский, феодальный, средневековый Бедный рыцарь, переведённый на русский, то есть на будущий всемирный язык» [5, с. 248].

Критик намеренно включает героя Достоевского в культурно-исторический контекст, подчёркивая уже не столько болезненно-инобытийную исключительность образа князя, сколько его сопричастность исторической действительности, поскольку «бездомный бродяга, нищий, “идиот” – князь Мышкин всё-таки “русский исконный князь” и не отрекается от своего княжества, от своего рыцарства» [5, с. 249–250].

В отличие от современников Достоевского, преимущественно уловивших в образе Мышкина воплощение гуманистической идеи любви к ближнему, уравнивающей людей, Мережковский акцентирует внимание на духовном аристократизме князя, утверждая, что идея духовной иерархии есть одна из главных составляющих христианского догмата и основа рыцарской культуры: «Но равенство, равноценность человеческих личностей в Боге есть только *один из полюсов* учения Христова: все равны в Боге, потому что все могут и должны быть равны; когда-то были, когда-нибудь будут равны – но пока ещё не равны; <...> все могут взойти на высшую

ступень — тут равенство; но не все ещё взойшли, и тот, кто взойдёт, будет выше тех, кто отстанет, — тут уже неравенство. “Много званых” — опять равенство; “мало избранных” — неравенство; мы приняли только часть этого слова, *двойственного, как все слова Христа*; <...> Но в том-то и дело, что учение Христово не есть <...> только упразднение всех старых благородных “аристократических” ценностей, а есть “переоценка этих ценностей”, неизмеримо более дерзновенная и окончательная, кажущаяся доньше более “антихристовой”, чем переоценка “антихриста” Ницше <...>. Рыцарство, не в историческом действии, а религиозном созерцании своём, было очень раннее и очень смутное, но всё же подлинное предчувствие этой неминуемой христианской переоценки всех благородных дохристианских ценностей. <...> Рыцарство не исполнило своей задачи, потому что стремилось к ней слишком рано и бессознательно, — но задача была истинная; это всё ещё в значительной мере и наша задача: освятить не освящённое или недостаточно освящённое церковью, с церковной точки зрения, всё ещё слишком светское, языческое; освятить не одну часть, а *всю* жизнь, не один полюс, а оба, не только *не-я*, отречение личности, но и *я*, утверждение личности в сознании личного достоинства, чести, в древней героической воинствующей любви к родине <...> и в новой вне-брачной, вне-семейной любви к женщине. От кровного “звания” к этому духовному “призванию” и устремилось рыцарство войною с неверными <...> и служением “Даме сердца” <...>. В этом же смысле и князь Мышкин, хотя и “бедный”, всё-таки подлинный рыцарь — в высшей степени народен, потому что в высшей степени благороден...» [5, с. 248–249].

И, согласно концепции Мережковского, именно в силу своего благородства князь обречён на разрешение трагического конфликта, неразрешимого для эврипидовского Ипполита и для пушкинского Бедного рыцаря, который «так и не понял главного в любви своей <...>. Ему казалось, что он любит только духом, “чистым духом”, отвлечённым созерцанием; но он любил и духом, и кровью — до крови: недаром же кровью своею начертал имя таинственной Возлюбленной; всё-таки кровью хотел запечатлеть свой духовный союз с Нею» [5, с. 251]. А главным основанием для осознания князем глубины эротического конфликта является его болезнь, возникающая «не от скудости, а от какого-то оргийного избытка жизненной силы. Это — особая, “священная болезнь”, источник не только “низшего”, но и “высшего бытия”; это — узкая, опасная стезя над пропастью, переход от низшего, грубого, животного — к новому, высшему, может быть, “сверхчеловеческому” здоровью. У самого Идиота не хватит сил для перехода, он погибнет; но переход всё-таки должен совершиться» [5, с. 251].

В образе Мышкина критик улавливает воплощение одной из ключевых идей мирозерцания Достоевского о возможностях изменения человеческой природы, звучащей и в высказываниях Кириллова (роман «Бесы»), и в черновых набросках писателя: «Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку» [3, с. 184]; «Свет фаворский: откажется человек от питания, от крови — злаки» [4, с. 246]. Но перспектива этого изменения видится критику только в сфере разрешения эротического противостояния равновеликих сил. Этот небывалый по масштабу конфликт и должен если не разрешить, то осознать как проблему для разрешения «“колоссальное лицо” христианское», «подлинный рыцарь», «“реалист”», конечно, в особом, высшем смысле» князь Мышкин.

«И вакханка, “бесноватая” Настасья Филипповна, <...> любит Идиота так же, как девственница Аглая; они соперничают из-за него: вся трагедия становится трагедией любви, потому что и он любит их, любит обеих вместе, и вакханку, и девственницу — “двумя разными любовью”. Комический Дон Кихот превращается в трагического Дон Жуана: в совершенной тишине этого, как будто мёртвого, на самом деле только спящего пола что-то есть, от чего пробуждается “насекомое в ангелах”; какая-то загадочная прелесть, какой-то неодолимый соблазн притягивает к нему женщин, как “магнит железо”, так что могучий самец, сладострастный паук Рогожин, перед этим, как будто бесполом серафимом, чувствует себя жалким соперником в глазах женщин: они окружают “идиота”, больного, юродивого; они следуют за ним, служат ему, готовы умереть за него, как за учителя» [5, с. 251]. В сознании Мережковского именно магнетическое состояние «спящего пола» не только делает Мышкина сверхжеланным для женщин, но и роднит его с магнетической силой Христа: «И в грядущих веках покающаяся блудница Мария Египетская, и св. Екатерина Сиенская, и св. Тереза, и бесчисленные другие “служили Ему”, следовали за Ним, умирали за Него, любили, “невесты невестные”, Жениха своего, до мученической крови, до кровавых язв на теле. Для нас это самая тёмная, не “вмещённая” сторона христианства» [5, с. 252].

Таким образом, князь Мышкин безусловно понимается критиком не только как трагический герой, но и как новый тип трагического героя, обладающий духовным потенциалом для осознания, а, значит, в перспективе и для разрешения ранее неразрешимого конфликта, обеспечивающего человеку возможность перехода на новый духовный уровень. И, как истинно трагический герой, «он погибнет; но переход всё-таки должен совершиться».

Однако противоречивость восприятия образа князя не снимается пониманием глобальности

решаемых героем задач. Мережковский всё время держит себя на грани в утверждении или отрицании абсолютной значимости этого образа, не давая ему окончательной оценки. Ключевая характеристика, данная критиком Мышкину, заключается, на наш взгляд, в утверждении, что он «сумасшедший, одержимый бесом, конечно, только в глазах “мира сего”, мудрость которого есть “безумие пред Господом”, а не в глазах самого Достоевского» [5, с. 118]. Здесь герой представлен в соотношении с тремя системами измерений (мир сторонних людей, мир Бога, мир автора), в каждой из которых он занимает подобающее место.

Примечания

¹ См. об этом: *Исупов К.Г.* Компетентное присутствие (Достоевский и «серебряный век») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. – СПб.: Наука, 2000. – С. 3–27; Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. – М.: ИМЛИ РАН, 2007; *Богданова О.А.* Под созвездием Достоевского. Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы / Ин-т мировой литературы А.М. Горького РАН. – М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. – 312 с.; *Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского* / отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи: сост. Е.А. Тахо-Годи. – М.: Водолей, 2013. – 592 с.

² Мысль о том, что эротическое переживания есть основа любой трагедии звучит, в частности, и при обращении критика к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Он пишет: «Фру-Фру, как женщина, любит власть господина своего и, как Анна,

будет покорна этой страшной и сладостной власти – даже до смерти, до последнего взгляда. И над обеими совершится неизбежное злодеяние любви, вечная трагедия, детская игра смертельного эроса» [5, с. 93].

³ Заметим, что пристрастие Мережковского к подобному рода аналогиям зачастую вызывало неприятие в среде учёных. Так, А. Долинин называл их «самыми чудовищными сближениями», результатом мыслительной «эквилибристики» [2, с. 333].

Библиографический список

1. *Богданова О.А.* Под созвездием Достоевского. Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы / Ин-т мировой литературы А.М. Горького РАН. – М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. – 312 с.
2. *Долинин А.* Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 1. – М.: Мир, 1914. – С. 295–356.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 11. – Л.: Наука, 1976.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 15. – Л.: Наука, 1980.
5. *Коптелова Н.Г.* Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д.С. Мережковского (1880–1917 гг.). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 343 с.
6. *Мережковский Д.С.* О новом значении древней трагедии // Мережковский Д.С. Эстетика и критика: в 2 т. – Т. 1. – М.: Искусство, 1994. – С. 547–554.
7. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Изд-во «Республика», 1995. – 624 с.

МОТИВЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОЧЕРКЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «СЛОВО О РОДИНЕ» (Статья первая)

В статье осуществляется попытка раскрыть жанрово-стилистическое своеобразие духовной публицистики Б.К. Зайцева, показать значение произведений древнерусской литературы и наследия русской классики XIX века в очерке Зайцева «Слово о Родине». По мнению автора статьи, самым заглавием очерка Зайцев определял себя в русской литературе как писателя, наследующего традиции древнерусской книжности. В сознании русских писателей начала XX века большевистская власть воспринималась как второе татаро-монгольское нашествие, от которого они пытались защитить верующую, православную Россию. Автор статьи рассматривает признаки разных жанров, свойственных прозе Зайцева и одновременно характерных для произведений древнерусской литературы, остававшихся на явлении жанрового универсализма, характерного для обоих рассматриваемых в статье временных эпох. Зайцев создаёт новый вариант древнерусского монументального стиля, одновременно размышляет о легендарных временах Руси времен Владимира I Великого, золотом веке русской классической литературы и культуры начала XX столетия. Автор статьи рассуждает в целом о публицистике Зайцева, ее тематике, проблематике, анализирует ее прогнозируемое и реальное воздействие на читателя.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, «Слово о полку Игореве», Владимир Святой, Пушкин, «Поэт», «Памятник», «Пророк», святые Борис и Глеб.

Очерк Б.К. Зайцева «Слово о Родине» был опубликован в газете «Возрождение» 24 июня 1938 года, в номере 4137 [2, с. 509]. Своё произведение в жанре духовной публицистики Зайцев посвятил 950-летию Крещения Руси, отмечавшемуся в 1938 году не только православной частью русской эмиграции, но и всей христианской общественностью мира. Самым заглавием очерка Зайцев определил своё ранговое положение в истории отечественной словесности: в качестве писателя, наследующего духовно-нравственные традиции древнерусской книжности Киевской Руси. Само название очерка незамедлительно вызывало в сознании всех современников Зайцева, имевших за плечами гимназию и университет, ассоциации с двумя известными шедеврами литературы Древней Руси – «Словом о полку Игореве» и «Словом о погибели Русской земли». Второй памятник литературы Древней Руси идейно и психологически входил в резонанс с представлениями не только Зайцева, но и А. Ремизова, И. Бунина, И. Шмелёва, остро переживавших катастрофическое обрушение исторической российской государственности в начале XX века. В сознании этих писателей власть большевиков воспринималась как новое татаро-монгольское нашествие, вторжение в пределы Руси иноплеменных полчищ, варварски уничтожавших святыни, культуру, православную христианскую цивилизацию.

Иван Ильин, Иван Бунин, Борис Зайцев были очевидцами и – каждый по-своему – участниками последней битвы защитников старой, православной России с новыми вандалами во время известных событий в Москве, осенью 1917 года. Варварский обстрел соборов Кремля из тяжелых орудий, языческий, с явным антихристианским уклоном, обряд похорон красногвардейцев-рабо-

чих и солдат – под кремлёвской стеной, ужаснувший верующих жителей Москвы, – эти действия новой власти не могли не вызвать у будущих писателей-эмигрантов определённых историко-культурных ассоциаций. Они резонно полагали, что их Родина испытывает трагедию, сходную с той, которую некогда испытала Владимиро-Суздальская Русь в 1237 году. В «Повести о разорении Рязани Батыем» почти натуралистически описаны жестокость, зверства, множественные убийства мирного населения, поругание храмов и монастырей, разрушение городов. Мотивами летописных памятников XIII века, «повестей» и «слов» о нашествии безжалостных завоевателей-разрушителей Отечества овеяны известные произведения Русской Смуты начала XX века («Окаянные дни» И. Бунина, «Слово о погибели Русской земли» А. Ремизова, «Солнце мёртвых» И. Шмелёва).

Очерк Зайцева не мог не всколыхнуть бурю воспоминаний о не столь давних трагических событиях в Отечестве. Зайцев явно находился под впечатлением от «Слова о погибели Русской земли», когда писал о благодатной жизни своего поколения в Отечестве, покинутом из-за переворота большевиков. Однако при внимательном чтении очерка Зайцева определяются не только мотивы древнерусских произведений, но и всего наследия великой русской классической литературы XIX века. Есть основания пристально рассмотреть жанрово-стилистическое своеобразие, композицию, идейное содержание «Слова о Родине».

Все, кто внимательно читал «Слово о Родине», не могли не отметить воздействие на стиль автора древнерусской литературы XI–XII веков. Зайцев упоминает «Слово о полку Игореве» – шедевр литературы Древней Руси конца XII века, чудом сохранившийся в списке XVI века в Спасско-Ярос-

лавском монастыре в те печальные, трагические времена, когда «Азия затопила средневековые наше» [2, с. 8].

В своё время Н.В. Гоголь, для того чтобы яснее представить себе Русь, обозреть мысленным взором её города и селения с чиновным, помещичьим, дворянским, крестьянским, мещанским и купеческим людом, должен был отъехать в далёкую, прекрасную Италию. И вот, в 30-х годах XIX-го столетия другой писатель, навсегда покинувший Россию, но сердцем привязанный к ней, понял, что даёт русскому художнику для всестороннего и глубокого постижения Родины позиция «со стороны», вне пределов любимого Отечества: «Уже говорилось, что древняя наша духовная культура с чужбины нам кажется и величественней, и значительнее, и старше. Но не одна древняя. И на девятнадцатый век – иной угол зрения. Пушкины и Толстые не только очаровательное наше домашнее, отцы и деды, земляки по московским и тульским губерниям, вскормившие и вспоившие нашу юность, охранявшие её, подобно домашним ларам. Они выступили теперь на международном сквозняке. И в нём ещё выросли. Слово их оказалось не местным, а в русской одежде “всеобщим”, на весь мир сказанным, и настолько “своим”, ни на что не похожим» [2, с. 9–10].

С огромной исторической высоты обозревает Зайцев отечественную историю, и это обстоятельство даёт писателю понять особую, неисчерпаемую мудрость и взвешенность в оценках исторических событий и их последствий для многих поколений соотечественников и – шире – Родины и Вселенной. Русские и татары, и многие другие племена и языки слились в единый социокультурный этнос и создали великую культуру и великую державу. Это тем более примечательно: ведь автор «Слова о Родине» пережил катастрофу обрушения исторической государственности в 1917 году, стал вместе с многими соотечественниками изгнанником, не нужным никому в чужой стране человеком, нежелательным элементом. И потому не мог не обратиться мысленно к довольно известному произведению Древней Руси.

Зайцев прямо не называет «Слово о погибели Русской земли», но первые же строки «Слова о Родине» овеяны тем же горьким чувством грусти, тоски о невозвратной, некогда цветущей Отчизне. В «Слове о погибели», в первой его, лирической, части, исчислены дивной красоты пейзажи, грады, сады монастырские, целительные, почитаемые народом источники, грозная и талантливая аристократия. Заклучая этот блистательный перечень богатств и красот Земли Русской, безымянный средневековый автор называет главную причину этого изобилия и процветания – правоверную веру христианскую. Этими древнерусскими мотивами «Слова о погибели» пронизано всё «Слово о Родине»

Зайцева – от начала и до конца. В начале определяется интонация плача о потерянном рае – России старой, с тысячелетним богатым наследием: «В России мы некогда жили, дышали её воздухом, любовались её лесами, полями, водами, чувствовали себя в своём народе. Нечёсаный, сермяжный мужик был всё-таки родной, как и интеллигент российский – врач, учитель и инженер...» [2, с. 5]. На первый взгляд, есть ощущение тематического и лексического схождения между двумя «Словами...» – древнерусским и зайцевским. Но тут же возникает противоречащее древнерусскому памятнику направление мысли автора, подкреплённое лексикой, более принятой в художественных текстах литературы XIX–XX веков: «поля, воды» и «сермяжный мужик», а затем «интеллигент» с перечнем профессий в духе чеховских рассказов, повестей, пьес. И над всем этим социокультурным ландшафтом доминирует всеохватывающее словосимвол: Родина. Если учесть важное для понимания специфики эстетического метода Зайцева – публициста обстоятельство, то наиболее близким источником в данном случае окажется стихотворение М.Ю. Лермонтова «Родина» (1841). Именно там поэт раскрывает новое для читателей понимание Родины, заключающееся не в официальных свидетельствах державного величия, и даже не в гигантских размерах лесов, полей и рек. Теперь Родина – это крестьянская Россия с её пейзажем, строениями, хозяйственными и жилыми, – и бытовыми реалиями жизни «пьяных мужичков» [3, с. 324]. «Сермяжный мужик» Зайцева – родня лермонтовским «пьяным мужичкам». «Поля, леса, воды» в «Слове...» Зайцева – оттуда же. Следовательно, автор «Слова о Родине» создаёт оригинальный стиль: в чём-то повторяющий стиль «Слова о полку Игореве». Зайцев, «свивая славы оба полы сего времени» [1, с. 28.], создаёт новый вариант древнерусского монументального стиля. Писатель одновременно размышляет о легендарных временах Руси времен Владимира I Великого, золотом веке русской классической литературы и культуры начала XX столетия. Далее Зайцев, обращаясь к себе и тем «интеллигентам», которые разделили с ним горькую участь вынужденной эмиграции, гонимых исторической судьбой сынов старой России, делает важное, горестное для эмигрантов признание. В чём? В легкомыслии гражданском, историко-культурном, в безответственной нелюбви к Родине: «Никак нельзя сказать, чтобы у нас, у просвещённого слоя, воспитывалось тогда чувство России. Скорее – считалось оно само не вполне уместным. Нам всегда ставили в пример Запад. Мы читали и знали о Западе больше, чем о России, и относились к нему почтительнее. К России же так себе, запанибрата. Мы Россию даже мало знали. Многие из нас так и не побывали в Киеве, не видали Кавказа, Урала, Сибири. Случалось,

лучше знали древности, музеи Рима, Флоренции, чем Московский Кремль» [2, с. 5]. За этот недопустимый, инфантильный взгляд на сокровища культурные и духовные Отечества «интеллигенты» всех поколений рубежа XIX–XX веков заплатили сломанными судьбами, исковерканными жизнями. Период детской веры в то, что родители вечны, Родина вечна, завершился, как и бывает во взрослой и суровой жизни, неожиданной смертью старших. Судьба внезапно осиротевших, никому не нужных детей – вечных чужестранцев и скитальцев бесприютных, обрушилась на поколение Зайцева, Бунина, Шмелёва всей своей тяжестью. Все они по-разному и в разные годы эмигрантской своей эпопеи написали об этой страшной беде. Так, после «Окаянных дней» И. Бунина, И. Шмелёв опубликовал в 1927 г. в Париже статью под красноречивым заглавием: «Как нам быть?» По справедливому суждению А.М. Любомудрова, Шмелёв, как, впрочем, и Бунин в «Окаянных днях», в разрушении российской государственности обвинил образованный слой русского общества: «Истоки русской катастрофы 1917 года он видит в отсутствии национально воспитанной, сильной русской интеллигенции, крепкого национального ядра. Представители русского образованного слоя, по мысли Шмелёва, занимались самооплёвыванием, завидовали европейской истории, западным революциям, но упускали из виду «первейший из идеалов – идеал Родины, знание своей почвы» [6, с. 91–92].

В 1938 году в очерке «Слово о Родине» Зайцев не только не повторит, апеллируя к бесценному наследию тысячелетней российской культуры, эти мысли И. Шмелёва, но и введёт в текст своего очерка шмелёвское слово «ядро», характеризующее представление окончательно разочаровавшейся в западничестве, патриотически настроенной части русской эмиграции. Такого рода декларации в публицистике Шмелёва и Зайцева призывала писателей-эмигрантов служить будущей, духовно крепкой России. И вот теперь, в юбилейном для всех православных патриотов России 1938 году, Зайцев в своём «Слове о Родине» попытался дать внятный ответ на вопрос: что нам теперь делать? Прежде всего, Зайцев, оглядываясь на прожитые в счастливой России годы, подводит неутешительный итог этой жизни: Родину он и его поколение не знали, не хотели знать и устремляли жадные взоры на Запад. Достаточно прочесть внимательно некоторые рассказы Зайцева 1900-х годов – «Чёрные ветры» и «Студент Бенедиктов», письма, где он высказывается о цивилизованной прекрасной Италии и стране скифов – России. И вот теперь, в 1938 году, наступило пусть и запоздалое, но все-таки прозрение.

Что же надлежит совершить русскому интеллектуалу-эмигранту в нынешних обстоятельствах, по мнению Зайцева. Во-первых, покаяться всена-

родно, в печати в грехе небратолюбия и гордыни по отношению к собственному народу, «сермяжному мужику». Когда-то великий знаток и певец крестьянской Руси Н.А. Некрасов призывал русскую интеллигенцию в стихотворении «Железная дорога»: «Благослови же работу народную и научись мужика уважать». К несчастью, призыв услышали очень немногие. И вот, оказавшись «в стороне» от России, выкинутые этим самым мужиком на обочину мировой цивилизации, вчерашние западники прозрели. И обратили взоры свои к Родине в стремлении узнать её заново, поглубже, поосновательнее, чем прежде. На юру европейской цивилизации, злыми ветрами нужды, одиночества, тоски по Отечеству, Зайцев принял решение покаяться в грехах прошлого и попытаться вернуть себе духовные и культурные ценности Родины, любимой и прекрасной.

Далее автор «Слова о Родине», как бы приглашая читателей совершить познавательную экскурсию в прошлое Отчизны, даёт яркий аналитический обзор наиболее замечательных и ценных по всем стандартам мировой культуры достижений Руси-России за более чем тысячелетнюю историю её развития: «Нынешний год для России в некотором смысле юбилейный, он уже назван Владимирским: девятьсот пятьдесят лет Крещения Руси.

Князь Владимир Святой – нечто и поэтически-легендарное, и сказочное, и школьное, но вместе – и совсем уже История, началась настоящая, большая История России – под солнечным светом, при солнце! Каков был в действительности этот Владимир, через толщу веков сказать трудно, осталось всё же дуновение вольности и широты, широкошумности и света – света самое главное! <...> Некие черты поэта были во Владимире. Стороной художественной, видимо, уязвило его и христианство: в свете принято христианство не столь для “порядка”, “устоев”, нравов, сколько за его внутренне светлый, музыкальный дух. Россия с тем вместе возведена ко вселенскому» [2, с. 6–7].

Этот фрагмент нуждается в отдельном комментарии. Повествуя далее о колоссальных по масштабам и глубине последствиях Крещения Руси для отечественного искусства, исчисляя шедевры зодчества (храмы, монастыри), живописи (Дионисий, Андрей Рублев и т. п. [2, с. 7]), Зайцев на свой лад перелагает «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Он, сам поэт в прозе, находит ещё одно, очевидное, свидетельство плодотворных следствий принятия предками-славянами новой веры: расцвет искусства! Без христианства не было бы в Отечестве поэзии, литературы XIX века, Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Чехова. И Владимир Святой, по мнению Зайцева, – первый поэт Руси-России, великий художник на троне, создавший свой шедевр: христианскую Русь. Зайцев демонстрирует здесь особого рода талант –

интуитивного понимания далёких, глубинных явлений древнерусской отечественной и культурной жизни. И потому его «Слово о Родине» напитано аллюзиями, точными по существу самих древних текстов. Вряд ли Зайцев перечитывал специально «Повесть временных лет». Но творческий энтузиазм, художественную натуру Владимира Святого писатель неосознанно выразил в следующем фрагменте в восторженной похвале обновленной духовно, охваченной жаждой слепого поиска и созидания Руси эпохи Владимира: «Молодая страна! Молодая культура!» [2, с. 8]. Эмоционально-психологическое состояние автора этих строк, как эхо, созвучно восторженно-благоговейным словам Владимира Святого: «Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: “Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны”» [7, с. 133].

В «Слове о Родине» фрагмент, посвященный Владимиру Святому, имеет достаточно выраженные признаки похвального слова князю. Такого рода жанровые явления были распространенными в древнерусской литературе: от «Слова о полку Игореве» до похвалы рязанским и муромским князьям в третьей, заключительной, части «Повести о разорении Рязани Батыем». Но в данном фрагменте Зайцев создавал своё похвальное «Слово» о Владимире, который, благодаря духовной одарённости своей, кардинально изменил исторические судьбы славян, русских и всех прочих народов, живших в пределах Киевской Руси. В древнерусской литературе есть только одно произведение, содержащее обстоятельную похвалу князю Владимиру за его грандиозный по масштабам и следствиям подвиг христианского просвещения своего народа. Это «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. Зайцев ясно испытал сильное влияние «Слова» Иллариона, полностью разделяя высокие оценки, данные митрополитом Владимиру I Великому. В оценках Иллариона князь Владимир предстаёт человеком, наделенным даром нравственной и эстетической интуиции, способным улавливать духовную ценность учения Христа на расстоянии – временном и пространственном. Так, Д.С. Лихачёв обращает внимание на похвалу Иллариона, касающуюся духовной мудрости и нравственно-религиозной зоркости Владимира: «...Он уверовал в Христа, не видя его, он неустанно творил милостыню; он очистил свои прежние грехи этой милостыней; он крестил Русь – сильный и славный народ – и тем самым равен Константи-

ну, крестившему греков» [5, с. 14]. Все дальнейшие рассуждения Иллариона, исчислявшего достоинства и заслуги Владимира, вполне близки мыслям автора «Слова о Родине». Так, концепция Иллариона о включении в состав Руси всех народов и племён, объединенных защитой и покровительством христианской веры, Зайцев трансформирует в отдельный фрагмент об уникальном свойстве России соединять творческие усилия разноликих народов.

Д.С. Лихачёв справедливо заметил в своё время: «Следуя за великими болгарскими просветителями – Кириллом и Мефодием, Илларион излагает учение о равноправности всех народов, свою теорию всемирной истории как постепенного и равного приобщения всех народов к культуре христианства».

Широкий универсализм характерен для произведения Иллариона. История Руси и её крещение изображены Илларионом как логическое следствие развития мировых событий <...>.

Таким образом, всё «Слово» Иллариона от начала до конца представляет собой стройное и органическое развитие единой патриотической мысли. И замечательно, что эта патриотическая мысль Иллариона отнюдь не отличается национальной ограниченностью. Илларион всё время подчеркивает, что русский народ только часть человечества» [5, с. 15].

Продолжение следует

Библиографический список

1. Воинские повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1985. – 495 с.
2. Зайцев Б.К. Сочинения: в 3 т. – Т. 2. – М.: ТЕРРА, 1993.
3. Лермонтов М.Ю. Собр. Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1969.
4. Лебедев Ю.В. Православная традиция в русской литературе XIX века. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 428 с.
5. Лихачёв Д.С. Великое наследие. – М.: Современник, 1975. – 160 с.
6. Любомудров А.М. Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв в жизни и творчестве. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2012. – 160 с.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало Русской литературы. XI – начало XII века. – М.: Худож. лит., 1978. – 413 с.
8. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 9. – М.: Худож. лит., 1969.
9. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 3. – М.: Худож. лит., 1968.

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ПОВЕСТИ ЮРИЯ ФЕЛЬЗЕНА «ОБМАН»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В данной статье ставится вопрос о литературных истоках и специфике прозы писателя русского зарубежья Юрия Фельзена (псевдоним Николая Бернгардовича Фрейденштейна). Доказывается, что творчество Фельзена представляет собой сложный сплав традиций русского психологического романа и художественных открытий модернизма.

Повесть Фельзена «Обман» (1930) рассматривается в статье как часть большого прозаического цикла под названием «Повторение пройденного». Особое внимание в исследовании уделяется проблеме жанровой природы этой повести. Подчеркивается, что форму повествования в «Обмане» сложно определить однозначно: это и дневник, и письма, и внутренний монолог. Показывается, что по своей жанровой специфике (роман в письмах) и особенностям сюжетной организации повесть Фельзена близка «Бедным людям» Ф.М. Достоевского. В то же время присутствие дневникового начала позволяет сопоставить «Обман» с повестью «Княжна Мери» из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В статье прослеживается и момент сюжетной переклички: у Лермонтова герой-мужчина мучает героиню, играет её любовью и рефлексиирует по этому поводу. В повести «Обман» всё происходит ровно наоборот: герой-мужчина становится «жертвой», игрушкой в руках женщины, а героиня приобретает демонические черты мучительницы.

В исследовании очерчиваются генетические связи психологической прозы Фельзена с традициями Л.Н. Толстого. Утверждается, что, прежде всего, Юрий Фельзен наследует от Толстого приём «диалектики души», который становится стилиевой доминантой в повести «Обман».

Новаторство Фельзена в статье оценивается как результат его творческой ориентации на художественные искания М. Пруста.

В статье делается вывод о том, что выявленные особенности прозы Фельзена дают возможность говорить о нём как о самобытном и талантливом писателе русского зарубежья.

Ключевые слова: генезис, Ю. Фельзен, М. Пруст, психологический роман, эмигрантская литература, типология, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский.

Юрий Фельзен (настоящее имя – Николай Бернгардович Фрейденштейн) – русский писатель-эмигрант, автор романов, рассказов и повестей, литературный критик. Художественные произведения Фельзена были напечатаны при его жизни лишь в 1930-х годах: повесть «Обман» и роман «Счастье» вышли отдельными книгами, а остальное оказалось рассеянным по эмигрантской периодике. До сих пор в полном объёме художественное наследие писателя ещё не издано. Этим объясняется недостаточная изученность творчества Юрия Фельзена отечественными и зарубежными литературоведами. Исследователи рассматривают творчество Фельзена лишь как часть литературного процесса русского зарубежья, как фон, на котором яснее просматриваются индивидуальности других писателей-эмигрантов (такой подход, например, реализуется в книге И. Каспэ «Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы» [3]). Иногда учёные посвящают небольшие статьи отдельным произведениям (в качестве примера можно привести статью К. Соливетти «“Письма о Лермонтове” Юрия Фельзена: к выбору коммуникативной стратегии» [5]). До сих пор не существует работ, осмысляющих художественное творчество Ю. Фельзена в целом, что и определяет актуальность нашего исследования. Главной целью данной статьи является предварительная постановка вопроса о природе творчества Фельзена, предполагающая выявление

его генетических и типологических связей с русской классической литературой и с современной ему прозой.

Наряду с Г.И. Газдановым и Г.С. Евангуловым, Фельзен развивал «прустианскую» линию в русской литературе. Но, кроме новейших писательских техник, вроде «потока сознания», в прозе Юрия Фельзена можно найти генетическое и типологическое родство с русской классической литературой, на которой Фельзен был воспитан.

Повесть Ю. Фельзена «Обман» является первой частью так называемого «романа с писателем» под названием «Повторение пройденного». Упоминания об этом предварительном названии можно найти в воспоминаниях В.В. Вейдле, Г.В. Адамовича, В.С. Яновского. Это цикл произведений, включавший в себя повесть «Обман», романы «Счастье» и «Письма о Лермонтове», а также рассказы «Пробуждение», «Композиция», «Повторение пройденного» и др. К сожалению, Фельзену не удалось довести свой замысел до конца, поскольку в 1943 году он был арестован и, предположительно, убит в газовых камерах Освенцима.

Повествование в «Обмане» ведётся от первого лица. Главный герой – безымянный молодой малообеспеченный эмигрант, свои письма и дневники он адресует Елене Владимировне Герд, или, как он ласково к ней обращается, – Лёле: «Я даже боюсь этой неумоляющей легкости, нарочно задерживаюсь на чем-нибудь мне трудном и, с при-

дирками, упорно ищу неуловимые словесные разрешения и кажущиеся единственно-верными и точными, но никакой искусственностью нельзя заменить внутренне-естественного напора, я нахожу необходимые слова и продолжаю торопливо записывать, точно в погоне за всем тем, что иначе потеряется и забудется: очевидно, прилежная дневниковая работа, как и всякая другая, станет ремеслом от напряжения и времени, и в ней уже не будет трудности или новизны, страсти утаивать и такой длящейся тайной записанное возвышать перед собою» [7, т. 1, с. 137]. Очень сложно определить форму этого повествования: это и внутренний монолог, и дневник, и неотправленные письма, в которых главный герой пытается как можно точнее описать и постичь как окружающую его реальность, так и воплотить в слове все возникающие в его сознании чувства (прежде всего, чувства, связанные с Лёлей.) Именно эта неопределённость и сложность жанровой природы повести «Обман» позволяет нам соотнести её текст с произведениями классической русской литературы, в особенности с психологической прозой.

С жанрово-типологической точки зрения повесть «Обман», первое крупное произведение Фельзена, которое иногда называют романом, близко к другому дебютному небольшому роману – к «Бедным людям» Ф.М. Достоевского. Присутствуют не только черты типологического сходства, но и перекличка сюжетов: и в том, и в другом произведении главный герой – мужчина, который пишет девушке. Но если в романе Достоевского Варенька Добросёлова отвечает на письма Макара Девушкина, что создаёт ощущение диалога, то в повести Фельзена все чувства и все мысли героя остаются при нём, единственный их реальный адресат – это читатель: «Я перестану думать о благожелательной любящей женщине, которая одна удостоится прочесть и понять, нет, предвижу читателя, равнодушного, беспристрастного, и, конечно, предвижу его презрительное недоумение: ведь стараясь добросовестно, без плутовства, что-то свое изобразить, я как бы это свое предаю – выискиваю в нем дурное, обычно людьми скрываемое (часто и от себя), и невольно стыжусь выигрышного» [7, т. 1, с. 137].

С другой стороны, если рассматривать текст повести как дневник, то само собой приходит сравнение с романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а точнее с главой (повестью) «Княжна Мери». И в том, и в другом произведении в дневниковой форме герои пытаются разобраться в своих противоречивых переживаниях, понять, что их притягивает в личности их избранниц. Если сравнить два фрагмента, то видно, что и герой Лермонтова, и герой Фельзена пытаются разгадать тайну женственности и красоты, любуясь внешним обликом героинь. Лермонтов: «Ботинки *couleurpice* стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так

мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору» [4, т. 6, с. 278–279]. Фельзен: «...у неё необыкновенно бледное (словно перепудренное) лицо и глаза, похожие на кукольные – из-за сине-фарфорового оттенка и длинных, тяжело и плавно опускающихся ресниц – и неожиданно-милая, после всей этой как бы искусственной неподвижности, дрожащая, прищуренная усмешка» [7, т. 1, с. 65]. В обоих произведениях главные герои исследуют природу своего чувства к героине. Именно здесь происходит смещение акцентов, выявляется момент полемического диалога. В «Герое нашего времени» Печорин размышляет над тем, зачем ему любовь княжны Мери, зачем он мучает её, словно вампир. В «Обмане» же происходит всё с точностью до наоборот: здесь роль «вампира», который играет чувствами героя, берёт на себя его возлюбленная – Лёля. Герой Фельзена оказывается противоположным герою Лермонтова, он словно исследует чувство с позиции княжны Мери: пытается понять, что его влечёт к Лёле, почему он терпит все её выходки и измены.

В области психологического изображения Фельзен сближается с другим великим писателем – Львом Николаевичем Толстым. Характеристика, данная прозе Толстого Н.Г. Чернышевским в статье «Детство и отрочество. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого», подходит и к произведениям Фельзена: «Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует, изменяясь, по всей цепи воспоминаний; как мысль, рождённая первым ощущением, ведёт к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грёзы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексией о настоящем» [8, т. 3, с. 426]. По сути дела, Чернышевский говорит о доминировании в психологическом изображении Толстого приёма «диалектики души». Но если такая сложная, изображающая текучее, меняющееся чувство, форма повествования у Толстого всего лишь компонент структуры целостного литературного произведения, то у Фельзена этот приём распространяется на всю повесть и на все последующие романы и становится главенствующим. Именно стремление изобразить, как зарождаются чувства, мысли, ощущения, становится одним из главных намерений Фельзена: «У меня возникло желание язвительно ее спросить “ну, как же вы теперь, согрелись”, уколоть, показать,

что вижу и знаю, однако я побоялся неловкости, несвоевременности выступления и – в который раз – по-слабому промолчал. Боль еще не появилась, только предвиденье её длительности, её безмерной силы и неумолимости, какого-то соответствия её тому, что сегодня происходит или может произойти, и с каждым новым ударом я всё удивленнее себя спрашивал, до чего же эта боль дойдет, сколько же я перенесу, а пока – до боли – лишь безрассудно-весело опьянялся, как опьяняются люди разрастающимся шумом оркестра, перекрикивающим осмысленную мелодию, или громкими, разрушительными событиями, или же собственной возможной гибелью – кому-то, неизвестному и во всем виновному, назло» [7, т. 1, с. 141].

Событий как таковых в повести «Обман», как и в других произведениях, входящих в «роман с писателем», мало. Обо всех уже произошедших событиях мы узнаём через призму рефлексии главного героя, которая часто смещает акценты, делая из незначительного события значительное. Больше внимания уделяется мелким подробностям отношений с Лёлей, которая является центром повествовательного космоса в «Обмане».

Каждый эпизод, связанный с Лёлей или с тем, какое чувство она вызвала, скрупулёзно фиксируется и запоминается, регистрируются каждая обида, радость, разочарование. Главный герой словно хочет законсервировать все события своей эмоциональной жизни внутри этого текста-дневника-письма.

Стиль самой повести характеризуется избыточностью прилагательных, причастных и деепричастных оборотов; синтаксис «ветвист» и многомерен. От читателя требуется много внимания, чтобы точно следить за мыслью героя. Эта особенность фельзеновской прозы сближает её, как уже говорилось, с циклом романов М. Пруста в «Поисках утраченного времени», аналогично которым задумывался цикл «Повторение пройденного».

Оценки прустовского влияния на творчество Фельзена расходятся. Ю. Терапиано писал: «Следуя манере письма Пруста, Фельзен порой злоупотреблял длиннейшими периодами, нагромождением эпитетов, утомительно-подробными описаниями» [6, с. 130]. Эта оценка современного Фельзену критика рассматривала его прозу с точки зрения удобства для чтения, а не с точки зрения художественной ценности. Нам гораздо ближе оценка современного исследователя А. Закуренько: «Следует заметить, что Рассказчик постоянно использует существительные, словно столбы, вокруг которых натянута сетка из прилагательных-эпитетов (парных, тройных и т.д.), которые заполняют и онтологически укрепляют пространство речи, – отсюда игра теней на внутренней территории» [2].

Нельзя сказать, что Фельзен слепо подражал Прусту, эпигонски копировал его манеру, стиль письма, напротив: Фельзен очень глубоко прочув-

ствовал и понял прозу Пруста, воспринял её как большое литературное открытие, поэтому говорить о подражании здесь довольно сложно. Вот что пишет Фельзен в своей статье «О Прусте и Джойсе»: «По-моему, безоговорочное преимущество, победа и очарование Пруста в том, что он говорит о задевающем, отыскивает для каждого данного положения или персонажа отчетливую “психологическую линию” и с упрямой, железной последовательностью ее проводит через оправданно-длинные свои фразы. Ведь бывают не только отвлеченные мысли, но и мысли душевно-сердечные – о наших чувствах, о непосредственной человеческой деятельности. Их не строят, они подсказываются изнутри и, органически связанные с неуловимой текучей нашей жизнью, “обрастают”, и огромная трудность и суметь их высвободить и показать – достаточно бережно, не умертвив и не порывая их связи с живой жизнью. И вот, мне кажется, одна из целей прустовского творчества – ради жизненности содействовать “обрастанию” и ради ясности самую мысль называть» [7, т. 2, с. 218].

Ещё одна особенность творчества Фельзена состоит в том, что его литературный цикл «Повторение пройденного» включает в себя не только три крупных произведения, но и россыпь рассказов-сателлитов, не связанных прямо с основным сюжетом. Это позволяет нам говорить о прозаических текстах Фельзена как о сложном и крупном художественно-эстетическом единстве – метаромане или метатексте. Если романы и повесть – это крупные мазки масштабного художественного полотна, то рассказы становятся уточняющими штрихами, развивающими небольшие сюжетные и идейные линии. Подобный способ соединения произведений встречается и у современников Фельзена (В.В. Набоков с его «кочующими» предметами и персонажами, У. Фолкнер и его Йокнапатофская сага) и у авторов более младшего поколения («Повести о Глассах» Д.Д. Сэлинджера).

Подводя итог, можно сказать, что у Фельзена, как и у многих писателей-эмигрантов, видна тенденция к дневниковой, мемуарной прозе. Но она реализована не в документальной, а в художественной, в образно-сконструированной форме. Как точно подчёркивает Л.Я. Гинзбург, «литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой» [1, с. 9]. Повесть Фельзена «Обман» была своего рода попыткой зафиксировать воспоминания и чувства мира внутреннего, чтобы оградиться и защититься от ужасов мира внешнего.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977. – 450 с.
2. Закуренько А.Ю. Трилогия Ю. Фельзена «Обман», «Счастье», «Письма о Лермонтове» и рассказ

«Перемены» // Топос: литературно-философский журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/4278> (дата обращения: 14.10.14).

3. Каспэ И.М. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 192 с.

4. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Воскресенье, 2000–2002.

5. Соливетти К. «Письма о Лермонтове» Юрия

Фельзена: автор как персонаж // Соливетти К. Автор и его зеркала. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 209–229.

6. Терапиано Ю.К. Встречи. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 206 с.

7. Фельзен Ю. Собр. соч.: в 2 т. / сост., подг. текста, вст. статья и примеч. Л. Ливака. – М.: Водолей, 2012.

8. Чернышевский Н.Г. Детство и отрочество. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого // Полн. собр. соч.: в 15 т. – М.: Гослитиздат, 1939–1953.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассмотрены возможности семиотических методов в лингвокультурологических исследованиях. Указана специфика объективации знаний, их кодирования. Освещены виды культурных кодов. Продемонстрированы возможности объединения языковых единиц в лингвосемиотические ряды. Показаны возможности анализа единиц разной семиотической природы. Характер информации определяет специфику структурно-семантической категоризации. Каждый культурный страт (тип культуры) имеет свои преимущественные формы вербальной репрезентации.

Способы номинации могут указывать на степень развития языкового сознания. Результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, отражающие системы ценностей, действующие культурные коды.

Культурные аспекты репрезентации проявляются в том, как воплотился в знак тот или иной смысл. Культурная маркированность языковой категоризации отражается в том, как он интерпретирован в языке. Эти процессы находят своё воплощение в значении и значимости языковой единицы – способах хранения культурной информации в русском языке.

Культура с точки зрения своих репрезентаций аспектуализируется, то есть делится на ряды. Творения разных языков культуры могут группироваться по признаку общего ментального содержания в семиотические ряды.

Общее содержание, лежащее в основе семиотического ряда, организуется культурным кодом. Культурный код – это своего рода матрица, определяющая способ мышления и обозначения. Код культуры направляет, определяет содержание и формы репрезентаций.

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Культурный код можно определить по базовому образу в результате обобщения внутренних форм отношений косвенных номинаций. Вербальная разновидность семиотического ряда называется лингвосемиотическим рядом.

Ключевые слова: культурный код, семиотический ряд, текст культуры, симболический язык, тезаурус культуры.

Процессы категоризации протекают не только в концептуальной сфере, но и в области номинации. Последний вид категоризации называют структурно-семантическим. Результатами структурно-семантической категоризации являются различные по структуре воспроизводимые единицы: слова, фразеологизмы, паремии, афоризмы. Характер информации определяет специфику структурно-семантической категоризации. Каждый культурный страт (тип культуры) имеет свои преимущественные формы вербальной репрезентации. Так, концептуальная система народной культуры отражается преимущественно пословицами и фразеологизмами, элитарная – афоризмами и т. п. А.В. Кравченко по этому поводу отмечает: «...Разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определённые аспекты концептуальной картины мира, или знания о мире» [2, с. 6].

Способы номинации могут указывать на степень развития языкового сознания. Так, на ранних этапах развития производства наиболее активны способы непрямого косвенного номинации (в частности, метафоризации) и внутреннего заимствования, которые отражают работу наивного сознания, на более поздних – составной терминологизации, являющейся следствием классификационности научного сознания. Ср.: *ямочки, конюшки* (объективируют представления ремесленника о деталях

гармоники) / *слуховая настройка сточенных язычков* (вербализует уровни классификации: *настройка сточенных язычков слуховая vs. машинная*).

Широкое использование прямой нерасчленённой номинации определяется когнитивной универсальностью данного способа. С одной стороны, данный способ объективирует неактуальные для лингвокультурной общности смыслы, с другой – наиболее актуальные, отражающие этапы классификации. Ср.: *станок для ввинчивания опок; трудовое соглашение / молот рубильный, битильный, сварильный, разымальный, выправляльный*.

Специфика вербализации тех или иных смыслов, структурирующих концепт, имеет когнитивную основу. С. Шаумян отмечает: «...Средства выражения и то, что они выражают, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Никакое значение не существует отдельно от структуры знака» [8, с. 160].

Таким образом, результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, отражающие системы ценностей, действующие культурные коды. Если процессы языковой репрезентации связаны с выражением смысла, внедрением его в «тело» того или иного знака, то процессы категоризации – с его «размещением», «языковой пропиской» (сравнение В.Н. Телия), включением в языковую систему. Культурные аспекты репрезентации проявляются в том, как воплотился в знак (обозначен) тот или иной смысл. Культурная маркированность языковой категори-

зации отражается в том, как он интерпретирован в языке. Эти процессы находят своё воплощение в значении и значимости языковой единицы – способах хранения культурной информации в русском языке. Например, в немецком языке обычная и лекарственная трава находят представление разными словами: *Gras / Kraut*, то же касается обозначения мужского и женского костюма: *Anzug / Kostum*.

Выше мы говорили о размытости объёма (экстенционала) концепта культуры. Размытость экстенциональной характеристики проявляется в отсутствии чётких границ его содержания и отчасти находит своё выражение в том, что концепт относится к тому типу ментальных единиц, который имеет множество репрезентаций в разных языках культуры (живописи, музыке, танце, естественном языке и др.). Так, для репрезентации концепта «Труд» используются различные средства естественного языка – слова, фразеологизмы, пословицы: *страда; золотые руки; кто с агротехникой дружит – об урожае не тужит* и др., язык живописи (картины А.Г. Венецианова «На пашне. Весна», «На жатве. Лето»; А.Е. Архипова «Прачки»; и др.), кино (кинофильмы «Свинарка и пастух», «Высота», «Крестьяне» и др.).

Культура с точки зрения своих репрезентаций аспектуализируется, то есть членится на ряды. Эти ряды выделяются на основе семиотического подхода, сущность которого состоит в том, что культура (концепты культуры) может репрезентироваться разными семиотическими средствами. Творения разных языков культуры – живописи, музыки, кино и, главное, естественного языка – могут группироваться по признаку общего ментального содержания в семиотические ряды.

Общее содержание, лежащее в основе семиотического ряда, организуется культурным кодом. Культурный код в семиотике культуры определяется как «система означивания, то есть сформированная стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов» [1, с. 61–62]. Эти механизмы используются в двух процессах: 1) при образовании смыслов; 2) при их репрезентации (выражении). Таким образом, культурный код – это своего рода матрица, определяющая способ мышления и обозначения. Код культуры направляет, определяет содержание и формы репрезентаций. Его можно представить как сетку, которую культура «набрасывает» на окружающий мир.

М.Л. Ковшова указывает на то, что культурный код «означает соответствие между планом выражения и планом содержания знака; кодом задаётся значимость знака, а интерпретатор эту значимость определяет, “расшифровывает”, то есть понимает знак. Код, по метонимии, обозначает класс знаков и правила их “прочтения” интерпретатором, которые, в свою очередь, обусловлены той или иной культурой, в которой они будут про-

чтены, тем или иным культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора и т. п. Код вырабатывается и осуществляет свою функцию в культуре» [4, с. 30].

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Так, в культуре известны биоморфный, фетишный, анимический, акциональный и другие виды культурных кодов, которые восходят к ранним формам религии. Культурный код можно определить по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций. Так, базовым образом антропоморфного культурного кода будет «человек», фетишного – «предмет», биоморфного – «растение» / «животное», анимического – «природная стихия», акционального – «действие», и т. д. Надо отметить, что акциональный код нередко отражает ритуальные действия, то есть те, что совершаются по строго установленному порядку, традиционным способом и в определённое время. Например, на концептуальном уровне биоморфный код находит своё отражение в базовом образе домашнего или дикого животного, насекомого. Это выражается номинациями типа: *тянуть воз; укатили сивку крутые горки; мал муравей, да горы ворочает*; в литературных образах басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей», повести Л.Н. Толстого «Холстомер», сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Коняга» и др. А внутренняя форма устойчивой единицы *перемывать косточки* соотносится с акциональным кодом и указывает на ритуальное действие вторичного захоронения для снятия заклатья с умершего нераскаявшегося грешника, чья вина распространяется на живых родственников. Чтобы снять заклатье, косточки мыли и снова перезахоранивали.

Количество культурных кодов невелико, и разнообразие культур обусловлено комбинацией, трансформацией известных культурных кодов. В.В. Красных отмечает, что набор кодов культуры для человечества универсален. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [3, с. 232]. Так, знания о вместилище человеческой души в языках одинаково выражаются антропоморфным кодом. Однако в индоевропейских языках избирается образ сердца, в африканских – селезёнки, тюркских – печени.

В зависимости от принципа (синхронического или диахронического), положенного в основу выделения семиотических рядов, среди них можно увидеть три типа:

- 1) ряды, которые выделяются на одном временном срезе, – парадигмы, стили эпохи;
- 2) ряды, которые отражают эволюцию концепта от эпохи к эпохе, – эволюционные ряды;

3) ряды, которые выделяются по принципу панхронии, то есть без учёта хронологического фактора, – ментальные изоглоссы [6, с. 21–36].

Рассмотрим семиотические ряды разных типов.

Культурные парадигмы выделяются на одном временном срезе.

Например, неологизмы, появившиеся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, формируют культурную парадигму «перестройки». Можно говорить о стилях мышления, которые находят своё отражение в научных принципах и методах. Например, для середины и начала XX в. был характерен структурализм, для конца XX в. и начала XXI в. – антропоцентризм. Эпохи организуются в первую очередь идеологами, благодаря которым и становится возможным отделить одну эпоху от другой. Например, идеологами ампира являются следующие: образец государственности – Римская империя; сильное государство определяется военной мощью. Всё это нашло отражение в использовании элементов римского искусства, военной эстетики и т. д. Иллюстрацией может послужить бюст Петра I, выполненный Б.К. Растрелли, портрет Петра III, созданный А.П. Антроповым, и др.

Эволюционные ряды реконструируются на диахроническом срезе. Они показывают становление и развитие концепта, эволюцию сознания, динамику культурных установок, идеологием, стереотипов. Указанная динамика представляет собой эволюционный семиотический процесс.

Эволюционный семиотический ряд можно показать на примере эволюции изображения человеческого лица.

Своеобразный эволюционный семиотический ряд представляет динамика семантической структуры многозначного слова. Так, если раньше слово *работа* указывало на то, что трудовая деятельность связана с рабством, то современные значения показывают, что работа понимается как одна из целенаправленных человеческих практик, служащих созданию материальных и духовных ценностей.

Тот или иной культурный код проявляется и в ментальных изоглоссах: те или иные тождественные смыслы находят своё выражение в разные промежутки времени и в разных культурах. Причём эти процессы носят непредсказуемый характер. Примером могут быть пьеса Д. Кейджа «4.33» (пианист 4 минуты 33 секунды сидит за роялем и ничего не играет), картина «Чёрный квадрат» К. Малевича, «Поэма конца» В. Гнедова (не имела слов).

В разное время и в разных культурах становятся социально значимыми мысли философов, писателей, общественных деятелей. Здесь мы имеем в виду мудрые мысли, ставшие в нашей культуре афоризмами. Творцами этих изречений являются люди, жившие в разные эпохи, имевшие разные взгляды. Однако между ними существует связь, проявляющаяся в том, что они понимали что-

либо одинаково. Ср.: «Труд – отец удовольствия» (Стендаль, XIX в.); «Сознание плодотворности труда есть одно из самых лучших удовольствий» (французский писатель-моралист Л. де Клапье Во-венарг, XVIII в.); «Без труда нет наслаждения» (немецкий мыслитель А. Бебель, конец XIX – начало XX в.).

Таким образом, культура существует по определённым законам, которые вскрываются через анализ знаковых систем.

Лингвистическую разновидность семиотического ряда будем называть лингвосемиотическим рядом: *как вол; как лошадь; кляча; коняга; в одной упряжке; тянуть лямку; похвала клячу, да в соху; вола зовут не пиво пить, а хотят на нём воду возить* и др. Разновидностью эволюционных лингвосемиотических рядов можно считать, например, историческую динамику семем, составляющих семантическую структуру многозначного слова. Лингвосемиотические ряды в синхронном аспекте (парадигмы эпохи) могут быть представлены, например, синонимическим рядом.

Лингвосемиотический ряд может соотноситься с одним или несколькими культурными кодами. Так, паремии: *бобы не грибы, не посеяв, не взойдут / масло само не родится* – имеют тождественное денотативно-сигнификативное содержание ‘чтобы получить результат, нужно потрудиться’, но восходят к разным кодам культуры – биоморфному и антропоморфному соответственно. Ср. также: *заржаветь у дела* (фетишный код) / *завалиться за делом* (акциональный код); *короче насесть, легче везть* (акциональный код) / *каково руки родят, таково плеча носят* (антропоморфный код) и др.

Помимо категоризирующей, также важнейшими функциями лингвосемиотического ряда являются: связующая (осуществление связи языка и культуры); кумулятивная (хранение культурной информации в языке); моделирующе-гносеологическая (отражение и определение сценариев поведения человека в культурном пространстве).

Симболярный культуры – это совокупность знаков различных семиотических систем, обладающих культурной семантикой. Так, совокупность репрезентаций концепта «Любовь» образует его культурный симболярный.

Единицы культурного симболярия появляются и функционируют в том или ином культурном тексте – знаковом пространстве, неоднородном или однородном по своей семиотической природе. Для понятия культурного текста безразличен факт лингвистической выраженности. В.Н. Телия отмечает: «Текст культуры – любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет... место культурномаркированная деятельность...» [7, с. 20]. Культурный текст является полем презентации концепта культуры. Для культурного текста безразличен факт лингвистической

выраженности. Так, картина Тициана «Любовь божественная и любовь земная», трактат Стендаля «О любви», скульптуры Афродиты, иконы Богоматери и подобное представляют собой культурные тексты, репрезентируемые одним из языков культуры – языком скульптуры, живописи, естественным языком. Более сложную природу имеют такие культурные тексты, как кино, драматическая постановка, опера, обряд и пр. Для их презентации используются два и более языков культуры. Например, обряд шествия с плугом (авсень) репрезентируется системой артефактов (искусственно созданных предметов), магических действий, пением заклинательных песен. Перед Святками имитировали процесс пахания земли, при этом заклинали плуг, пели засевающие песни («*На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, Боже, жито пшеницу и лукавую пашиницу*»), поскольку русский крестьянин верил не столько в силу орудия, сколько в силу заклинания, которое могло заставить орудие делать то, что надо. Для выдуманного посева собирали зёрна со всех дворов. Считалось, что такая «подготовка» к посеву обеспечит хороший урожай.

Культура часто отождествляется с текстом. Для этого есть определённые основания. Культура, как и текст, представляет собой комплекс информации. Культура, как и текст, характеризуются структурой. (Структура культуры проявляется в её внутреннем единстве, иерархии ценностей, противопоставленности одной культуры другой.) Отношения культуры с другими культурами часто сопоставляются с отношениями интертекстуальности, то есть связи одного текста с другими текстами. Отношения культура – некультура аналогичны оппозиции текст – внетекстовая деятельность. При этом упускается из виду одно из важных обстоятельств: культура, в отличие от текста, не имеет ясно обозначенных границ. При многообразии сходств правильное было бы говорить о привативных (отношение части и целого) связях культуры и текста. Текст всегда составляющая культуры. Это выражается в том, что текст нуждается во внешнем факторе: в авторе, читателе, другом тексте. Иначе текст исключается из культуры и перестаёт существовать.

Текст культуры играет ту или иную социальную роль, которая выражается в способности обслуживать определённые потребности создающего текст коллектива.

Текст целостен и идиоматичен. Эти его признаки особенно ярко подчёркивает явление текста в тексте, то есть явление, когда ««обломок» текста, вырванный из своих естественных смысловых связей, механически вносится в другое смысловое пространство» [5, с. 66]. Здесь он может «играть роль смыслового катализатора, менять характер основного смысла, остаться незамеченным» [5, с. 66]. Текст в тексте отражает переключение из одной семиотической системы в другую, созда-

ёт мощный импульс для генерирования смысла. Изменение способа кодирования повышает условность текста, подчёркивает его границы. Примером текста в тексте могут быть многообразные цитаты в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Другие тексты могут вводиться в текст фрагментарно. В этом случае предполагается, что адресат развернёт эти зёрна в тексты. Такие «включения» могут читаться и как однородные с окружающим их текстом, и как разнородные с ним» [5, с. 72].

В каких отношениях находятся симболярий культуры и текст культуры? Понятия *симболярий культуры* и *текст культуры* являются смежными. И культурный симболярий, и культурный текст представляют собой совокупность культурно маркированных знаков. Однако симболярий культуры включает в себя парадигматический аспект этой совокупности (перечни культурно маркированных знаков), а текст культуры – синтагматический, функциональный.

Систематизация отношений между смыслами, репрезентированными единицами культурного текста, приводит к получению тезауруса культуры. Тезаурус культуры – это упорядоченное представление содержания текста. Тезаурус культуры по отношению к текстам культуры является неким инвариантом, конструктом, представляющим собой абстрактную модель действительности. В этом смысле понятие тезауруса культуры совпадает с понятием *концептуальной картины мира*. Можно сказать, что тезаурус культуры – это структурированная картина мира. Тезаурус культуры включает в себя не только объективную модель мира, но и ту или иную аксиологическую иерархию. Так, представление тезауруса концепта «Жизнь» связано:

- 1) с собиранием единиц разных языков, текстов, которые его репрезентируют;
- 2) с определением их смысловых аспектов;
- 3) со систематизацией этих смысловых отношений как тождественных, привативных, эквивалентных, актуальных, неактуальных и др.

Культурные тексты и образуемые ими тезаурусы определяют как *вторичные моделирующие знаковые системы*. Так, литературную модель романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», художественный мир этого романа семиологии определяют как вторичную моделирующую знаковую систему. Вторичными эти системы называются потому, что материалом для них служит естественный язык или средства другого языка, которым они пользуются. Эти системы являются искусственно созданными. Они отличаются от системы естественного языка и строятся по его образу и подобию.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 392 с.

2. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 3–12.

3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.

4. Ковшова М.Л. Культурный код как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования // Знание. Язык. Культура: материалы междунар. науч. конференции «Славянские языки и культура». – Тула: Петровская Гора, 2007. – С. 30–33.

5. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2000. – 704 с.

6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Академ. проект, 2001. – 990 с.

7. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 13–24.

8. Шаумян С. О понятии языкового знака // Язык и культура. Факты и ценности: к 70-летию Ю.С. Степанова / под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2001. – С. 149–163.

УДК 811.161.1

Третьякова Ирина Юрьевна

доктор филологических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
trirfr@mail.ru

ИЗОМОРФИЗМ КАК ФАКТОР ОККАЗИОНАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Исследование посвящено выявлению особенностей окказионального преобразования русских пословиц. Предполагается, что пословицы к окказиональным трансформациям, активность преобразовательных процессов обусловлены спецификой семантики и структуры паремий. Одним из факторов, влияющих на окказиональные изменения пословиц, является изоморфизм значения и формы языковых единиц. Описание подобного изоморфизма пословичных выражений даётся в сопоставлении с изоморфизмом значения и формы фразеологических единиц, более полно представленного в работах по изучению семантической структуры фразеологизмов. Именно фразеологические единицы, характеризующиеся изоморфизмом, функционируя в речи, частотно подвергаются разнообразным индивидуально-авторским преобразованиям семантики и структуры. Анализ внутренней организации устойчивых фраз позволил определить специфику изоморфизма пословичных выражений и влияние особенностей внутреннего и внешнего плана на преобразовательный потенциал паремий. Репрезентация элементов значения пословиц компонентами грамматической структуры имеет особенности. Пословичные компоненты эксплицируют элементы общего значения паремий; изоморфизм значения и формы может проявляться на основе метафорических и метонимических, а также системных парадигматических связей компонентов и репрезентируемых ими элементов значения паремии; компоненты паремии могут репрезентировать только фразеологически связанное значение. Пословицы с изоморфизмом значения и формы чаще подвергаются окказиональным трансформациям посредством таких приёмов окказионального преобразования, как сегментация, ролевая инверсия, контаминация, изменение синтаксической модели паремии. Однако окказиональные преобразования пословиц, характеризующиеся изоморфизмом значения и формы, менее частотны в сравнении с активными процессами трансформаций изоморфных фразеологических единиц, что обусловлено семантической и грамматической законченностью, смысловой и структурной самодостаточностью пословиц. Изучение семантики и структуры русских пословиц позволяет определить особенности трансформационных процессов паремий, способствует выявлению преобразовательного потенциала русских пословиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы, пословицы, окказиональные фразеологизмы, окказиональные трансформации фразеологизмов, изоморфизм значения и формы, трансформации пословиц.

Окказиональные преобразования фразеологических единиц в текстах различных стилей и жанров – явление частотное, так как фразеологические единицы (далее – ФЕ) – в силу специфики их семантики и структуры – являются ярким средством выразительности авторских интенций.

Трансформации фразеологизмов в речи привлекают внимание учёных не один десяток лет, и вместе с тем исследование процессов окказиональной модификации фразеологизмов остаётся актуальным, так как после традиционного описания трансформаций ФЕ фразеологи обратились к более глубинному исследованию окказиональных преобразований устойчивых знаков в различ-

ных аспектах: коммуникативном, лингвокультурологическом, дискурсивном, когнитивном.

Большим вкладом в разработку проблем семантики, структуры и функционирования ФЕ явились труды профессора А.М. Мелерович, в которых затрагиваются вопросы влияния внутренней организации фразеологизмов на их функционирование, на процессы окказионального преобразования фразеологических знаков. Одним из важных факторов, актуализирующих окказиональные трансформации фразеологических единиц, А.М. Мелерович называет изоморфизм значения и формы ФЕ, при котором отдельные компоненты грамматической структуры репрезентируют отдельные смысловые значения фразеологизма: *заваривать кашу* – ‘затевать

сложное, хлопотное дело': *заваривать* = 'затевать', *кашу* = 'сложное, хлопотное дело' [7, с. 195–196].

Следует сразу заметить, что проблему изоморфизма значения фразеологического знака затрагивали многие учёные-фразеологи [1; 3; 5]. Этот вопрос рассматривался на начальном этапе становления фразеологии как науки – в рамках определения специфики фразеологического значения, в частности обсуждения неделимости фразеологического значения, невыводимости значения ФЕ из суммы значений компонентов. Изоморфизм значения и формы ФЕ, о котором пишет А.М. Мелерович, проявляется не в складывании значения фразеологизма из значений отдельных компонентов, а в разложении общего значения ФЕ на элементы смысла. При таком подходе к изоморфизму компоненты фразеологизма наделяются значениями фразеологически связанными (см. пример выше).

ФЕ, обладающие изоморфизмом значения и формы, имеют более активный преобразовательный потенциал; компоненты фразеологизмов, репрезентирующие элементы фразеологического значения, подвергаются таким приёмам окказионального преобразования фразеологических единиц, как сегментация (вычленение отдельных компонентов фразеологизма, репрезентирующих элементы фразеологического значения: *кот, купленный в мешке*), ролевая инверсия (перестановка компонентов, находящихся в оппозиции в рамках ФЕ: *делать из слона муху*), контаминация (перекрещивание, наложение двух ФЕ: *возводить мосты и воздушные замки*) и др. Изоморфизм значения и формы ФЕ активизирует трансформации фразеологизмов, обусловленные авторскими интенциями, связанными с экспликацией фразеологического значения: *буря в стакане воды* ('большое волнение, споры, конфликты по ничтожному поводу, из-за которых ничего не изменится') – *большая буря в ничтожном стакане воды*; *мерить на свой аршин* ('судить о ком-либо, исходя из своих субъективных представлений, взглядов, критериев') – *судить по своей мерке* (см. подробнее в [9; 10]).

Окказиональным преобразованиям в речи не менее активно подвергаются и русские пословицы – устойчивые единицы со структурой предложения, так же, как и собственно фразеологизмы, воспроизводимые в речи. Научный интерес вызывает вопрос о факторах, влияющих на активность преобразовательных процессов русских пословиц (далее – РП). Свойствен ли пословицам изоморфизм значения и формы? Есть ли специфика в определении изоморфизма в РП? Наблюдается ли увеличение окказионального потенциала РП в сравнении с ФЕ? Рассмотрим эти вопросы, прибегнув к исследованию изоморфизма пословиц в сопоставительном (с изоморфизмом ФЕ) аспекте.

Как известно, пословицы имеют ряд существенных отличий от собственно фразеологизмов.

Г. Пермяков, охарактеризовав фразеологизмы как «знаки вещей», увидел их принципиальное различие с пословицами, назвав последние «знаками ситуаций или отношений между вещами». По мнению учёного, «...паремии ...обладают такой организацией, которая обеспечивает их семантическую самостоятельность, независимость от контекста, их афористическую силу и эстетическую привлекательность» [8, с. 132].

Определение изоморфизма паремий связано – так же, как и при определении изоморфизма ФЕ – с построением дефиниции. И если у ФЕ дефиниция – это, как правило, сочетание слов, грамматически максимально приближенное к соответствующей грамматической модели фразеологизма, то у паремии дефиниция – суждение без метафоризации. Ср.: ФЕ *стреляный воробей* ('бывалый, опытный, много претерпевший в жизни человек'); *выбиться в люди* ('добиться, достигнуть прочного положения в обществе, жизненных успехов, благополучия') – и паремии *волков бояться – в лес не ходить* ('если страшиться настоящих трудностей, не стоит браться за дело'), *чем дальше в лес, тем больше дров* ('чем дальше развиваются события, тем больше возникает трудностей'). Однако, несмотря на грамматические различия, и устойчивые словосочетания, и устойчивые предложения проявляют сходство в членении значения на составляющие семантические элементы, репрезентирующиеся компонентами устойчивых единиц. *И волки сыты, и овцы целы* – 'и сильные, жестокие удовлетворены, и слабые, кроткие не пострадали': *волки* = 'сильные, жестокие'; *овцы* = 'слабые, кроткие'; *сыты* = 'удовлетворены'; *целы* = 'не пострадали'. *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* – 'если начал дело, не ссылайся на свои неумение, некомпетентность': *взялся* = 'начал', *гуж* = 'дело', *не говори* = 'не ссылайся', *не дюж* = 'неумение, некомпетентность'.

Следует заметить, что репрезентация элементов значения пословиц компонентами грамматической структуры имеет особенности.

1. Пословичные компоненты эксплицируют элементы общего значения паремий.

Чем дальше в лес, тем больше дров – 'чем дальше развиваются события, тем больше возникает трудностей': *дальше* = 'дальше', *больше* = 'больше'.

2. Актуализируется значение, ассоциативно (метафорически, метонимически) связывается говорящими с лексемой – свободным аналогом пословичного компонента (по сути, актуализируются деривационные связи компонента со словом свободного употребления). *И волки сыты, и овцы целы* – 'и сильные, жестокие удовлетворены, и слабые, кроткие не пострадали': *волки* – звери сильные, жестокие, коварные, злые, агрессивные; *овцы* – животные слабые, кроткие. *Одна голова хорошо, а две лучше* – 'один думающий человек хорошо, а несколько – лучше': *голова* = 'человек'.

3. Пословичные компоненты репрезентируют элементы значения на основе актуализации деривационной связи со свободной лексемой-аналогом, при этом происходит актуализация деривационных связей компонента с его свободным аналогом на основе системных парадигматических (синонимических, антонимических, гиперо-гипонимических и др.) связей.

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало – ‘чем бы человек ни занимался, лишь бы не страдал’: *дитя* = ‘человек’, *плакало* = ‘страдал’.

4. Компонент репрезентирует значение без актуализации деривационных связей: компонент паремии не имеет общих элементов значения со свободной лексемой-аналогом.

Первый блин комом – ‘первый опыт неудачен’: *блин* = ‘опыт’, *комом* = ‘неудачен’. Ср. значение свободных лексем: *блин* – ‘толстая лепёшка из кислого жидкого теста, испечённая на сковороде, на жару’; *комом* (наречие) от *ком* – ‘уплотнённый округлый кусок чего-нибудь мягкого, рыхлого’.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе – ‘лучше получить немного, но доступного, чем стремиться обладать чем-либо большим, лучшим, но труднодостижимым’, где *синица* = ‘немногое, но доступное’, *журавль* – ‘большое, лучшее, но труднодоступное’. (Схожий изоморфизм значения и формы – но фразеологической единицы – описывает А.М. Мелерович в [7, с. 196], анализируя семантику и структуру фразеологизма *заварить кашу*, где *каша* = ‘сложное, хлопотное дело’.)

О наличии изоморфизма, например, в пословице *лучше синица в руках, чем журавль в небе* свидетельствует большое количество трансформаций, демонстрирующих репрезентацию компонентами пословицы отдельных элементов значения: «Что ж, осторожность специалистов можно понять. Давно известно, что *синица в клетке* имеет по сравнению с *журавлём в небе* определённые преимущества. Но, с другой стороны, сосредоточившись только на “*синицах*”, мы можем, чего доброго, вовсе упустить интерес к “*журавлям*”, даже к тем из них, которые спустились с неба на грешную землю и сами просятся в руки» («Литературная газета», 02.02.1977); «И, вопреки уверениям моей матери и Юлии, я никогда не соглашусь с тем, что *лучше синица в руке, чем журавль в небе*. И когда мать назвала Володю Пятого, который предложил мне руку и сердце, *синицей, которая лучше недостижимого журавля*, я возмутилась. ...Когда он пожелал узнать, из-за чего я поссорилась с мамой, – и я ему ответила, он только усмехнулся: “*Синица так синица, я в журавли не рвусь*”» (Д. Краминов. Сумерки в полдень). «Дело непростое. Кое-кто рассуждал *про журавля в небе*, отдавая предпочтение *синице в руках*. Ведь реконструкция замышлялась широкая, с захватом всех звеньев производства» («Правда», 22.08.1976); «*Журавль мечты* или

синица будней?» (заголовок статьи, «Правда», 25.10.1981). Компоненты пословицы *журавль* и *синица* в значении пословицы репрезентируют семы, противоположные по смыслу, причём такая противопоставленность элементов значения проявляется именно в рамках паремии. В свободном употреблении лексемы *журавль* и *синица* связаны лишь на уровне тематической группы «Птицы» и более никаких связей не проявляют. С позиции лингвокультурологии образы журавля и синицы также не сопоставляются. Синица и журавль не являются символами чего-либо. *Журавль* не относится к числу типичных русских мифологических образов, не выступает как стереотипный образ, слово может использоваться для характеристики человека – подчёркивать длинные ноги и специфическую походку человека. Синица не относится к числу типичных русских мифологических образов, не выступает как стереотипный образ, слово не используется для характеристики человека [9]. Таким образом, можно утверждать, что именно в рамках паремии компоненты *журавль* и *синица* находятся в смысловой оппозиции, образы журавля и синицы обретают особое, символическое значение.

Проверкой наличия / отсутствия изоморфизма могут стать трансформации паремий посредством приёмов сегментации и изменения синтаксической модели. *На безрыбье и рак рыба* – ‘без хорошего и плохое принимается за хорошее’: *безрыбье* = ‘без хорошего’, *рак* = ‘плохое’, *рыба* = ‘хорошее’. «Нужно было отважиться написать объяснительную. Никто ничего подобного никогда не делал. *Раком на безрыбье* определили Петрова: он, по крайней мере, не ругался матом и говорил вполне прилично» (журнал «Крокодил», №3, 1985). *Лес рубят – щепки летят* – ‘когда выполняется большое трудное дело, бывают мелкие погрешности, ошибки’: *лес* = ‘большое трудное дело’, *щепки* = ‘погрешности, ошибки’. «Страна ничего не жалеет для самых горячих точек нашей экономики. Но эта щедрость оборачивается на местах иной раз купеческим разгулом, полнейшим пренебрежением в экономике бережливости. “Молодецкий размах”, от которого иногда *щепок больше, чем леса*, имеет не только экономический, но и технический стимул» (газета «Правда», 20.01.1987).

Следует заметить, что окказиональные преобразования пословиц, характеризующихся изоморфизмом значения и формы, менее частотны, чем трансформации фразеологизмов. Причина, думается, кроется в семантических, грамматических и функциональных особенностях паремий. В отличие от ФЕ, которые встраиваются в предложение, пословицы встраиваются в текст. Каждый компонент в структуре предложения тесно связан грамматически и синтаксически с компонентами всего предложения как устойчивой единицы. Вместе с тем такая организация паремий актуализиру-

ет специфический вид индивидуально-авторских афоризмов (антипословиц): *баба с возу – два сапога пара, чем дальше в лес – тем толще партизаны* и под. (см. в [2]).

Большая часть пословиц не обладает изоморфизмом значения и формы. Такие паремии сложно истолковать посредством грамматически сходных дефиниций. В.П. Жуков замечает, что приходится довольствоваться контекстуально-ситуативной характеристикой употребления паремий [4, с. 14]. *Волка ноги кормят* – ‘чтобы прокормиться, надо искать, добывать, а не сидеть на одном месте’. *Выше лба уши не растут* – ‘всему есть свой предел: говорится о чём-либо неосуществимом, невозможном или о ком-либо, чьё спокойствие, возможности ограничены’. Окациональные трансформации таких паремий, тем не менее, происходят и даже могут быть частотными, однако на частотность процессов преобразования РП в этих случаях будут оказывать влияние другие факторы.

Изучение семантики и структуры русских пословиц как факторов, обуславливающих окациональные преобразования устойчивых знаков, позволяет определить особенности трансформационных процессов паремий и – в конечном счёте – способствует выявлению преобразовательного потенциала каждой русской пословицы.

Библиографический список

1. *Архангельский Л.В.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1964. – 313 с.

2. *Вальтер Х., Мокинеко В.М.* Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.

3. *Гвоздарёв Ю.А.* Основы русского фразеобразования. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1977. – 184 с.

4. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.

5. *Литвин Ф.А.* Отношение слова и компонента фразеологизма в структурно-семантической модели // Вопросы фразеологии – V. Ч. 1. Труды Самаркандского университета. Новая серия. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1972. – Вып. 219. – С. 156–162.

6. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

7. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

8. *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). – М.: Наука, 1970. – 240 с.

9. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И.С. Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

10. *Третьякова И.Ю.* Окациональные фразеологизмы и контекст // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 161–163.

11. *Третьякова И.Ю.* Окациональная фразеология: монография / под науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.

Казачук Ирина Георгиевна
доктор филологических наук, профессор
Челябинский государственный педагогический университет
avis1389@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВИДОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ ОТНОШЕНИЯ

В настоящей статье рассматривается один из важных и сложных вопросов грамматической теории – вопрос о видовой корреляции процессуальных единиц, а именно процессуальных фразеологизмов определенной семантики. Традиционно морфологические категории изучались и продолжают изучаться на лексическом материале в рамках грамматики словоформ, но в языке существует и другой тип номинативных единиц – фразеологизмы, которые так же, как и лексемы, характеризуются категориальным значением, системой форм и набором определенных морфологических категорий, причем последние в силу раздельнооформленности единиц, обладают по сравнению с лексемами определенной спецификой.

Предметом исследования послужили процессуальные фразеологизмы семантической категории отношения. На большом фактическом материале анализируется сложное взаимодействие грамматического значения форм вида сверхсловных номинативных единиц, их фразеологического значения и ближайшего контекста, определяется характер и особенности функционирования вида фразеологизмов с семантикой взаимоотношения, владения, социальных и межличностных отношений.

Особенности функционирования категории вида процессуальных фразеологизмов предопределены прежде всего особенностями индивидуального фразеологического значения. Кроме того, специфика видовой корреляции процессуального фразеологизма может поддерживаться конструктивным фактором, а именно способностью или неспособностью глагольного компонента к формированию видовой пары.

Ключевые слова: процессуальный фразеологизм, морфологическая категория, вид, видовая корреляция, несовершенный вид, совершенный вид, семантическая категория, семантика отношения.

Вид является специфической морфологической категорией процессуальных единиц, которая, в отличие от других категорий, таких как лицо, время, наклонение, охватывает все типы форм процессуальных единиц – личные, инфинитивные, причастные, деепричастные. Ни одна процессуальная единица не стоит вне категории вида.

Вид и время относятся к категориям количества, они обозначают развертывающееся, развивающееся во времени и пространстве свойство. Время делит действие, представленное глаголом или процессуальным фразеологизмом, при помощи момента речи на три отрезка, а вид присущ действию в целом, в какой бы форме ни употреблялась процессуальная единица. Вид придает процессуальной единице значение стремления к внутреннему пределу или значение достигнутого предела, то есть значение количественной определенности.

Теория вида в отечественном языкознании имеет длительную историю развития и изучения. Современная аспектология, по мнению Ф.И. Никоновой, характеризуется, с одной стороны, высокой научной абстракцией и строгой последовательной систематизацией всех ее центральных и периферийных звеньев, с другой стороны, наличием спорных проблем и различных точек зрения, которые обеспечивают дальнейшее развитие теории вида [8, с. 13]. В сфере внимания исследователей находятся как общие вопросы теории вида, видовая система в целом, так и частные случаи функционирования этой категории, отдельные звенья видовой системы.

Традиционно грамматические категории изучались и изучаются на лексическом материале, не

смотря на то что в языке существует и другой тип номинативных единиц – фразеологизмы.

С начала 60-х годов прошлого столетия начинают появляться работы, посвященные исследованию функционирования категории вида фразеологизмов, называемых глагольными, позже – процессуальными, обозначающих, как и глаголы, различные процессы. В этих работах отразилось стремление исследователей выявить специфику проявления данной категории у процессуальных фразеологизмов, определить и сформулировать тенденции и закономерности видового функционирования фразеологических единиц.

В первых исследованиях по категории вида фразеологизмов основной причиной видовой ограниченности называется семантическая. В.П. Жуков отмечал: «...Всякого рода ограничения в выборе форм в конечном итоге обусловлены особенностями семантики фразеологизмов» [3, с. 7]. Эта мысль получила дальнейшее развитие в исследованиях А.Н. Тихонова, Н.П. Ильченко, О.Г. Сальниковой, Р.В. Семенковой, Ф.И. Никоновой, Л.Н. Корниловой и др.

Исследуя категорию вида процессуальных фразеологизмов со значением отношения, мы исходили из того положения, что индивидуальное лексическое значение глаголов или фразеологическое значение процессуальных фразеологизмов и грамматическое значение вида теснейшим образом связаны, более того, характер значения процессуальных единиц предопределяет у них особенности функционирования вида. По мнению В.А. Лебединской, общее видовое значение непосредственно включено в индивидуальное фразео-

логическое значение, слитно с ним, трудно выделить из него [6, с. 63].

Видовую корреляцию мы определяем как способность фразеологической единицы при тождестве ее индивидуального фразеологического значения принимать формы противоположных видов, различаясь при этом только грамматически, а именно грамматическим значением вида. И, соответственно, видовой парой мы считаем формы одной и той же фразеологической единицы, различающиеся грамматическим значением вида: *вставать/встать на защиту кого-л.*; *наставлять/наставить на путь истинный кого-л.*; *обращать/обратить в свою веру кого-л.* и под.

В самом общем виде семантика отношения (взаимная связь различных величин, предметов, действий) не предполагает стремления к достижению внутреннего предела, следовательно, ограничивает функционирование категории вида у процессуальных фразеологизмов, имеющих значение отношения. Однако более глубокое и детальное изучение семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов категории отношения позволяет сделать иные выводы.

Семантическое объединение фразеологизмов со значением отношения, которое мы, вслед за А.М. Чепасовой [9, с. 14], называем семантической категорией, структурировано, оно представлено субкатегориями, группами и подгруппами. Как уже было сказано выше, любая процессуальная фразеологическая единица в любой форме обладает категорией вида, но далеко не каждая способна к видовой корреляции. На примере некоторых субкатегорий и групп мы покажем особенности функционирования категории вида процессуальных фразеологизмов со значением отношения.

Наиболее представленными в языке среди единиц с семантикой отношения являются субкатегории социальных и межличностных отношений. В этих субкатегориях объединяются процессуальные фразеологизмы, которые дают названия различным проявлениям человеческого поведения и деятельности, вызванным фактами общения и взаимодействия людей.

Субкатегория социальных отношений представлена группами фразеологизмов, обозначающих различные виды социальных отношений: победы и поражения, подчинения, управления, влияния, помощи, защиты и др. Абсолютное большинство групп названной субкатегории включает в свой состав и коррелятивные по виду, и одновидовые, некоррелятивные единицы. Это объясняется сложностью структуры значений фразеологизмов, проявляющейся в сочетании сем отношения и действия, многозначностью, условиями контекста, в котором реализуются индивидуальные значения единиц.

Так, в группе процессуальных фразеологизмов защиты имеются единицы, формирующие видо-

вую пару. В них семантика отношения сопряжена с семантикой действия, переходящего на объект и стремящегося к какому-либо изменению, достижению результата: *поднимать/поднять голос за кого-, что-л.* — 'решительно высказываться/высказаться в защиту кого-, чего-л. против кого-, чего-л.'; *вставать/встать на сторону кого-, чего-л.* — 'присоединяясь к чьему-л. мнению, разделяя образ мыслей, чьи-л. действия, поступки, вступаться/вступить за кого-л.; защищать/защитить кого-л.'. С другой стороны, в этой группе присутствуют единицы, обозначающие данную разновидность отношений без указания на возможный предел, то есть как постоянно протекающий процесс, не характеризующийся какими-либо изменениями, развитием: *стоять на страже чего-л.* — 'охранять, защищать что-л.'; *стоять горой за кого-л.* — 'всячески, всеми силами защищать, отстаивать кого-, что-л.'.

В группу процессуальных фразеологизмов подчинения входят единицы, обозначающие а) сам процесс подчинения, становление подчинения ('подчинять/подчинить кого-либо, делать/сделать зависимым кого-либо') и б) следствие этого процесса ('относиться к кому-либо как к подчиненному, лишенному возможности действовать самостоятельно, распоряжаться кем-либо по своему усмотрению').

Единицы с семантикой процесса подчинения, предполагающие динамику, стремление к пределу, имеют обе формы вида: *брать/взять (забирать/забрать) в руки кого-л.*; *надевать/надеть узду (хомут) на кого-л.*; *ставить/поставить на колени кого-л.* и др. Некоторые единицы, особенно с ярко выраженной оценочной экспрессией, могут иметь соотносительные формы вида, однако употребляются в речи преимущественно в форме совершенного вида. *Партию ты по-своему не свернешь, она не таким, как ты, рога обламывала и заставляла подчиняться (М. Шолохов).* *Мы белым едва обломали рога... (В. Маяковский).*

Единицы *держат в струне кого-л.*, *держат в узде кого-л.*, *держат на возжесах кого-л.*, *вить веревки из кого-л.* и под. являются одновидовыми не только потому, что глагольный компонент в них не способен к видовой корреляции, но в первую очередь потому, что их значения не предполагают изменения существующего отношения к объекту подчинения; это отношение имеет статичный характер. — *Мое правило — держать всех в струне (Д. Мамин-Сибиряк).* — *Я-то злой? Да из меня кто хочешь веревки вьет (В. Шугаев).*

Фразеологический фонд языка располагает большим количеством единиц для номинации разного рода межличностных отношений, отличающихся от социальных (общественных) эмоциональной основой. Они возникают и складываются в результате того, что у людей по отношению

друг к другу существуют определенные чувства, обусловленные психологическими особенностями личности. Эта субкатегория процессуальных фразеологизмов также неоднородна с точки зрения способности к видовой корреляции составляющих ее единиц.

Группа процессуальных фразеологизмов эмоционально-оценочного отношения, одна из самых крупных в субкатегории межличностных отношений, представлена единицами с типовой семантикой относиться к кому-л. каким-либо образом, испытывать по отношению к кому-л. какие-л. чувства, которая и обуславливает ущербность видовой парадигмы (отсутствие СВ). При передаче аспектуальной ситуации постоянного отношения реализуется постоянно-процессное значение несовершенного вида [5, с. 228].

Одновидовыми фразеологизмами несовершенного вида являются единицы, в которых значение эмоционально-оценочного отношения конкретизируется качественной семой 'с нежностью, любовью, сердечным влечением': *носить на руках кого-л., не слышать души в ком-л., не чаять души в ком-л., питать слабость к кому-л.* и др. Но ведь не так все, не так! Люблю же ее, любил, уважение всегда, мир. И на руках носил, и души не чаял! (В. Шугаев).

Одновидовыми являются фразеологизмы: а) подгруппы с семантикой 'относиться с пренебрежением к кому-либо': *воротить нос от кого-, чего-л., иметь отвращение к кому-л., не видеть в упор кого-л., не ставить в грош кого-л., не ставить ни во что кого-л.* и др., б) подгруппы с семантикой 'относиться враждебно, с неприязнью, злобой, ненавистью': *держат (иметь) сердце на кого-л., иметь (большой) зуб на кого-л., на дух не переносить кого-л., рыть (копать) яму на кого-л., точить зуб на кого-л., точить нож на кого-л.* и др.

Подгруппу одновидовых процессуальных фразеологизмов составляют единицы, имеющие значение 'относиться к кому-либо с уважением, почтением, основанном на признании чьих-либо достоинств': *иметь уважение к кому-л., питать уважение к кому-л., преклонять колени (колени) перед кем-, чем-л., склонять голову перед кем-, чем-л., стоять на коленях перед кем-, чем-л.* и др. Глаголы-компоненты в приведенных единицах являются как некоррелятивными по виду (*стоять, иметь, питать*), так и коррелятивными (*преклонять/преклонить, склонять/склонить*). Фразеологизмы, имеющие в качестве компонента коррелятивные по виду глаголы и обозначающие постоянное отношение, не формируют видовой пары. Однако такие фразеологизмы могут приобретать форму совершенного вида, сохраняя при этом значение несовершенного. Это касается замены будущего сложного времени будущим простым или составного сказуемого простым глагольным,

так как аналитические формы грамматических категорий фразеологизмов, в силу раздельноформленности последних, в речи реализуются редко.

Я сам преклоняю колена перед земцами, перед чистотой и святостью этой идеи хождения в народ (Б. Можжев) – значение 'отношусь с уважением, почтением'. *Наше время преклонит колени только перед художником, которого жизнь есть комментарий на его творения, и творения – лучшее оправдание его жизни* (В. Белинский) – значение 'будет относиться с уважением, почтением'; форма *преклонит колени* употреблена вместо *будет преклонять колени*. *Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, – тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову...* (И. Гончаров) – форма *склоню голову* употреблена вместо *стану склонять голову/буду склонять голову* и имеет значение 'стану/буду относиться к вам с почтительным уважением; преклоняться перед вами'.

Подобные случаи в глагольной лексике Н.С. Авилова считает явлением «ложной» видовой пары, так как имеет место только «чисто внешнее приращение совершенности» [1, с. 122–123] процессуальной единице.

Внешнее подобие видовой пары возникает и тогда, когда процессуальные фразеологизмы субкатегории межличностных отношений развивают значение однократности, разовости (единицы однократного способа действия). Так, фразеологизм *пропускать мимо ушей что-л.*, имеющий значение 'относиться снисходительно, терпимо к чьим-либо словам, намеренно не замечая в них ничего предосудительного, отрицательного и т.п., не реагировать, не обращать внимания на то, что сказано', является одновидовым несовершенного вида на основе семантики многоактности. *Но ты не заметил, как часто этот боец не справлялся с дыханием. Пропускал мимо ушей его фразы о сволочах и предателях* (В. Померанцев).

Форма совершенного вида *пропустить мимо ушей что-л.* отличается элементом однократности, разовости возникновения данного типа отношения ('отнестись терпимо, снисходительно к чьим-либо словам...'). Роман *пропустил мимо ушей ту толику яда, которую подпустил Евгений в свое «твое»* (Д. Евдокимов).

Многозначный фразеологизм в разных своих значениях имеет разную видовую парадигму: в первом значении она ограничивается формой несовершенного вида, во втором – формой совершенного. По этому поводу И.П. Мучник, рассматривая видовые оппозиции глагольных лексем, писал: «Во многих случаях глагол, которому присуще не одно, а несколько значений, от некоторых из них образует корреляции при помощи разных префиксов, а в других случаях он может и не входить вовсе в видовую корреляцию... Весьма редки случаи,

когда многозначный фразеологизм всеми своими значениями вмещается в одну видовую корреляцию» [7, с. 97–98].

Кроме значения однократности, разовости, фразеологизмы могут развивать значение начинательности, ограничительности, результативности, интенсивности и т.д. и входить в группы единиц какого-либо способа действия. Как и глаголы, фразеологизмы разных способов действия не составляют видовых пар в силу нетождественности значений.

Категория отношения процессуальных фразеологизмов сложна и многообразна по семантике, и это, во-первых, обуславливает неоднозначность в анализе функционирования категорий, в частности вида. Во-вторых, специфика проявления грамматических свойств связана с раздельнооформленностью фразеологических единиц, наличием в их составе обязательного компонента – глагола, утрачивающего в процессе фразеологизации свое лексическое значение и ряд грамматических значений, характерных для него в свободном употреблении. Видовые системы глагольной лексики и фразеологических единиц, хотя и строятся на общих закономерностях, тем не менее не обнаруживают полного тождества. Поэтому предметом специального изучения должно быть видовое функционирование процессуальных фразеологизмов как класса в целом и различных семантических объединений (категорий, субкатегорий, групп, подгрупп) внутри класса.

Библиографический список

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 288 с.
2. Грамматика русского языка: в 2 т. – М.: Наука, 1952–1960. – Т. 1. – 720 с.
3. Жуков В.П. Фразеологизм и слово: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Новгород, 1966. – 54 с.
4. Корнилова Л.Н. Структурно-семантические и морфологические свойства процессуальных фразеологизмов со значением становления: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2000. – 221 с.
5. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1995. – 382 с.
6. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка: учеб. пособие по спецкурсу. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
7. Мучник И.П. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 92–106.
8. Никонов Ф.И. Категория вида фразеологических единиц: дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 1978. – 226 с.
9. Чепасова А.М. Русский глагол: учеб. пособие / А.М. Чепасова, И.Г. Казачук. – Челябинск: ЧГПУ, 2002. – 387 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – Изд. 5-е. – СПб.: Вариант, 1994. – 543 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В «БАЛЬЗАМИНОВСКОЙ ТРИЛОГИИ» А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье исследуются особенности текстообразующей, характерологической, жанрообразующей функций фразеологических единиц в драматических произведениях А.Н. Островского, представляющих «бальзаминовский цикл» – «Праздничный сон – до обеда», «Свои собаки грызутся – чужая не приставай», «Зачем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»). Автор статьи считает, что фразеологизмы имеют в пьесах Островского огромное значение, так как несут значительную смысловую нагрузку и выполняют функции художественных скреп. К примеру, один из фразеологизмов, появляющийся в явлении первом в речи Бальзаминова в третьей из вышеуказанных пьес, обобщает характеристику, данную главному герою в двух предыдущих пьесах цикла, а также актуализирует внимание читателей (зрителей) на основных чертах образа главного героя.

Автор статьи показывает, как фразеологизм, находящийся в определенных композиционных частях (начале и финале пьесы), не только участвует в формировании архитектуры пьесы, но и выражает авторскую модальность. Фразеологизмы, в частности, помогают автору показать нравственную сущность героев: читатель понимает, что в трилогии Островского звучит нравственный приговор духовной нищете «маленького человека». Так, фразеологизмы в пьесах А.Н. Островского «бальзаминовского цикла» являются центром взаимодействия речевого уровня с экстралингвистическими факторами его организации, участвуя в сюжетно-композиционном построении.

Ключевые слова: фразеологические единицы, «бальзаминовская трилогия», текстообразующая функция, характерологическая функция, жанрообразующая функция, драматические произведения, пословица, ключевые единицы текста.

До настоящего времени исследования, посвященные изучению различных функций фразеологизмов в художественных текстах разной жанровой отнесенности, не утрачивают свою актуальность, так как фразеологические единицы (далее – ФЕ), являясь полифункциональным языковым средством, неким энергетическим «сгустком», позволяют проявить свои текстовые возможности в художественных произведениях по-разному в зависимости от идиостиля автора, его интенций, жанра.

Работы Н.М. Шанского [12, с. 200–218], А.М. Мелерович [1, с. 184–188; 2, с. 16–21; 3, с. 247–253; 4, с. 24–30], В.М. Мокиенко [5, с. 218–284] заложили основы в разработке данного вопроса, исследования Н.А. Николиной [6, с. 361–368], М.А. Фокиной [10, с. 391–393], И.Ю. Третьяковой [8, с. 184–187; 9, с. 22] и др. продолжили разработку данного направления во фразеологии. Так, монография М.А. Фокиной «Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков» [11, с. 378] внесла значительный вклад в разработку основных теоретических положений в изучении фразеологизмов в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Целью данной статьи является рассмотрение основных функций фразеологических единиц не только в рамках одного художественного произведения, но и в рамках нескольких художественных произведений, объединенных общностью основных героев, проблематикой, стилевым единством, то есть в рамках цикла. Материалом исследования является знаменитая «бальзаминовская трилогия» А.Н. Островского, включающая пьесы «Праздничный сон – до обеда», «Свои собаки грызутся – чужая не приставай», «Зачем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»). Сам автор не обозначал эти пьесы как цикл, так как трилогия сложилась стихийно, хотя все признаки цикла имеются. Кроме признаков, названных выше, обращает на себя внимание то, что драматическое действие в пьесах развивается по единой схеме: Бальзаминов ходит за счастьем – ищет богатую невесту. Здесь значительное место при объединении пьес в единый драматический цикл отводится ФЕ как языковому средству, которое при минимальном словесном объеме имеет максимальные текстообразующие возможности, то есть фразеологизмы здесь рассматриваются как важное средство жанрообразования в рамках драматического произведения.

Пьесы имеют похожее начало: действие в них начинается рассуждением Бальзаминовой, матери Михайло Дмитриевича Бальзаминова, о счастье ее сына. Так, в первой пьесе цикла первая картина – это монолог Бальзаминовой, в котором она дает косвенную характеристику Бальзамину: он некрасив, неумен. Здесь обращает на себя внимание использование фразеологизма *Говорят, таким-то бог счастье дает* (см. ФЕ *бог даст* как выражение надежды на благополучный исход дела, а также известные пословицы, к которым ассоциативно отсылает нас фразеологизм: *Дураку всегда счастье или Глупому счастье, а умному напасть (или не-настье)*). Данный фразеологизм становится ключевой единицей в рамках целого цикла, так как является важным полифункциональным средством драмы. Во-первых, данная ФЕ выполняет характерологическую функцию, так как участвует в создании образа Бальзаминова наряду с другими лексико-фразеологическими средствами, например, ФЕ

очень бог обидел в реплике «Умишком-то его очень бог обидел» или «А я так думаю, не прельстит он никого; разумом-то он у меня больно плох. Слово-то умных не знает». В трансформированном фразеологизме слово *дурак* заменено на указательное местоимение *такой-то*, однако в конце той же пьесы Неуеденов, обращаясь к Бальзамину, произносит: «Так докладывал я вам, что сестра у меня глупа-с. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдет, как сама...». В пьесе «Женитьба Бальзаминова» сам Бальзамино признается: «Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак», поэтому фразеологизм *Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив*, появляющийся в явлении первом в речи Бальзаминова в третьей пьесе, обобщает характеристику, данную главному герою в двух предыдущих пьесах цикла, а также актуализирует внимание читателей (зрителей) на основных чертах образа главного героя. Во-вторых, данные ключевые ФЕ *таким-то бог счастья дает* и ФЕ *Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив* становятся отправной точкой, так как в основе развития сюжета всех пьес заложена идея о подтверждении народной мудрости, нашедшей отражение в русских пословицах, которые в пьесах занимают сильные позиции, например, в качестве заголовка пьесы. Так, уже в первой пьесе автором закладывается развитие драматического действия, которое реализуется во всех пьесах цикла: Бальзаминов, как сказочный герой, ходит за своим счастьем, если в первой и второй пьесе он ходит далеко (ср.: «Оно и видно, что вам делать-то нечего; то-то вы по всей Москве и ходите» (Пионова), то в третьей – недалеко: «Я уж теперь далеко не хожу, а тут поблизости» (Бальзамино)). Образуется лексико-фразеологическое поле, в которое входят глаголы со значением «перемещения в пространстве»: *ходить, бежать, идти, шататься, гулять*, а также ФЕ *За чем пойдешь, то и найдешь, во все лопатки, нелегкая носит* и др. Здесь в ткань драматического произведения вплетается игра двойственностью значений глагола *ходить*, а также самой пословицы, выступившей названием последней пьесы цикла – «За чем пойдешь, то и найдешь». Буквальный план пословицы переносится автором в план повествования. Кроме того, фразеологизмы с компонентом *счастье* также входят в данное лексико-фразеологическое поле, так как Бальзамино не просто ходит, он ходит за счастьем. В лексико-фразеологическое поле включается значительная часть ФЕ пьес: *родится в сорочке; счастье выйдет; Говорят, и грибы искать – счастье нужно; а уж невест и подавно; Кому бог пошлет, того и счастье; В нашем деле все от счастья; А у нас все от случая, все от счастья; Кому удасться, того и счастье; Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив* и др. Следует отметить, что слово *счастье* в контексте пьесы является

синонимом слова *случай*, именно поэтому в явлении первом пьесы «Праздничный сон – до обеда» в монологе Бальзаминовой возникает мотив выбора, сомнения в непреложности истины, заключающейся в пословицах, например, «А я так думаю, не прельстит он никого», а далее «А ведь, может быть, счастлив будет. Говорят, таким-то бог счастья дает» («Праздничный сон – до обеда»); «Говорят, за чем пойдешь, то и найдешь! Видно не всегда так бывает» («Женитьба Бальзаминова»). Действительно, драматическое действие в первой и второй пьесах развивается так, что все поиски богатой невесты для главного героя оказываются напрасными, и только в третьей пьесе все решает «чистая случайность», бросая Бальзаминова в объятия скукающей и томной вдовы Белотеловой. Таким образом, фразеологизмы с компонентом *счастье* соединяют в единую драматическую линию картины трех пьес о Бальзамине, одновременно с тем выполняя данную функцию и в рамках одной пьесы. Например, ФЕ *Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив* выполняет текстообразующую функцию в рамках пьесы «Женитьба Бальзаминова»: данный фразеологизм также подвергается двойной актуализации, и его прямое значение вплетается в ткань комедии. Неумный и некрасивый Бальзамино все-таки становится «счастливым» (см.: «А вот стрелец-то подстрелил лебедь белую»; «Много он маху давал, а теперь попал – под самое правое крылышко» (Красавина)). Островский использует прием кольцевой композиции. В финале пьесы «Женитьба Бальзаминова» возникает такой диалог между матерью и сыном: «Пословица-то говорит, что “дуракам счастье”. Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем». Бальзамино: «Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно». Здесь вновь повторяются ключевые ФЕ, которые замыкают картины не только одной пьесы, но и всех трех пьес в единую цепь, при этом их прямое значение выступает на первый план.

А.И. Журавлева пишет: «Счастливая развязка в финале пьесы кажется неожиданной: целым рядом неудач злополучного жениха зритель подготовлен к очередному крушению надежд героя – и вдруг лукавая пословица, взятая в качестве заголовка, исполняется в буквальном своем значении» [7, с. 43]. В финале пьесы пословица *За чем пойдешь, то и найдешь* в речи Красавиной появляется снова, но уже на первый план здесь выдвигается метафорический ее смысл: если будешь стремиться к хорошему, хорошее и обретишь; а если будешь стремиться к дурному – дурное и получишь. Данная ФЕ, находясь в разных частях текста, в его определенных композиционных частях (начале и финале

пьесы), не только участвует в формировании композиции пьесы, но и выражает авторскую модальность: пословица «не обманывает», Бальзаминов, действительно, находит то, что искал, – это деньги, именно поэтому все богатые невесты ему кажутся красавицами. Здесь звучит нравственный приговор духовной нищете «маленького человека», происходит полное самораскрытие героя, который демонстрирует подмену истинных ценностей ложными, когда понятие счастья искажается в его сознании.

Таким образом, фразеологизмы в пьесах А.Н. Островского «бальзаминовского цикла» являются центром взаимодействия речевого уровня с экстралингвистическими факторами его организации, участвуя в сюжетно-композиционном построении.

Библиографический список

1. Мелерович А.М. Фразеология и концептосфера в художественном тексте // Структура и семантика: доклады VIII Междунар. конференции. – Т. 2. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – С. 184–188.
2. Мелерович А.М. Концептообразующее функционирование отфразеологических символов и система их фиксации в словаре «Фразеологизмы в русской речи» // Проблемы семантики языковых единиц: материалы междунар. конференции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – С. 16–21.
3. Мелерович А.М. Вербализация индивидуально-авторских концептов и отдельных признаков концептов средствами фразеологии в художественной речи // Русский язык, литература и культура в современном обществе: материалы междунар. науч. конференции. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. – С. 247–253.
4. Мелерович А.М. Номинализация фразеологических единиц в художественном тексте // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Ивановский гос. ун-т 2000. – С. 24–30.
5. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 456 с.
6. Николина Н.А. Функционирование фразеологизмов в современной поэтической речи // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): междунар. науч.-практ. конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. – М.: ООО «Издательство “Элипс”», 2008. – С. 361–368.
7. Островский А.Н. Энциклопедия. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – 660 с.
8. Третьякова И.Ю. О текстообразующей функции фразеологизмов // Семантика языковых единиц разных уровней: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. – С. 184–187.
9. Третьякова И.Ю. Типы и способы окказионального преобразования фразеологических единиц в поэтических текстах (на материале современной русской поэзии): автореф. ... канд. филол. наук. – Орел: 1993. – 22 с.
10. Фокина М.А. Авторские сентенции в концептуальной структуре художественного текста (по произведениям русской повествовательной прозы XIX–XX вв.) // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): междунар. науч.-практ. конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. – М.: ООО «Издательство “Элипс”», 2008. – С. 391–393.
11. Фокина М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков: научная монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1969. – 230 с.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ О ЛЮДЯХ СО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМИ СВОЙСТВАМИ¹

Статья посвящена изучению лексических единиц мифологических рассказов Пермского края, которые составляют основу семантического пространства народной демонологии региона. Семой, организующей данное пространство, выступает сверхъестественное. Утверждается, что лексическая система мифологических рассказов о людях со сверхъестественными свойствами составляет субпространство колдовства, знахарства и бытовой магии языкового пространства народной демонологии. Основанием для выделения этого субпространства выступает персональный признак: носителем сверхъестественной силы в нем является человек. Однако такой человек (прежде всего колдун) вступает в различные отношения с нечистой силой. Эти отношения вербализуются в текстах с разной степенью плотности и находят отражение в структуре изучаемого лексико-семантического поля. Лексика этого поля рассматривается как семантическая система, организованная на основе мотивационной доминанты опасности, исходящей от персонажа. Обнаружить закономерности внутренней организации этого поля помогает процедура идеографической классификации, состоящая в выделении смысловых участков поля, которым соответствуют те или иные лексические единицы. Первый сектор составляют семантически противопоставленные наименования тех, кто способен причинить магический вред, и тех, кто умеет этот вред нейтрализовать. Значение единиц этого сектора часто амбивалентно: люди со сверхъестественными свойствами, по мнению носителей традиционной культуры, могут использовать свои магические способности как во вред, так и во благо. Второй сектор составляют номинации злых духов, связанных с колдуном: духов-помощников колдуна; духов, вселяемых колдуном в людей и вызывающих у них болезни; духов, которые участвуют в акте учебы колдуна. Первые две категории злых духов тесно связаны между собой, что находит отражение в пересекающихся номинациях.

Ключевые слова: мифологические рассказы Пермского края, человек со сверхъестественными свойствами, колдун, знахарь, злой дух, мифологическая лексика.

1. Определение границ лексико-семантического поля колдовства, знахарства, бытовой магии

Статья посвящена исследованию лексики записанных на территории Пермского края русских мифологических рассказов, содержащих «один из ключевых и архаичных элементов славянской традиционной картины мира – мифологические представления, функционирующие в традиционной культуре» [4, с. 3]. Под мифологическим рассказом, или текстом, вслед за Е.Е. Левкиевской, мы понимаем «такой текст традиционной культуры, который, во-первых, содержит сведения о демонологических явлениях, во-вторых, содержит установку на достоверность информации (которая аттестуется как элемент реальности, в отличие от других типов текста, например сказки с их установкой на вымысел)»; в-третьих, реализует эту мифологическую информацию в виде одной из семантических моделей, закрепленных в общественной памяти, и, в-четвертых, рассматривается как текст речевого жанра, реализующийся в совокупности его жанровых вариантов (быличка, поверье, дидактическое высказывание), функционирующий в разных формах бытовой, полубрядовой и обрядовой речи и воспроизводящийся в ней в определенных тематических, языковых и ситуативных формах» [4, с. 4–5].

Языковые единицы мифологических рассказов составляют основу семантического пространства народной демонологии. Семой, организующей данное пространство, выступает сема мистиче-

ского, или сверхъестественного. Именно данный семантический признак (наряду с другим – установкой на достоверность) и выделяет мифологический текст из совокупности других фольклорных и – шире – культурных текстов.

Языковая система мифологических рассказов о людях со сверхъестественными свойствами составляет субпространство «Люди» языкового пространства народной демонологии, но она не является механической частью, а вступает в сложные и многообразные отношения с другими единицами этого общего пространства. Основанием для выделения субпространства колдовства, знахарства и бытовой магии выступает персональный признак: носителем сверхъестественной силы в этом поле является человек. Однако человек с магическими свойствами (прежде всего колдун) вступает в различные отношения с нечистой силой – демонами. И эти отношения вербализуются с той или иной степенью плотности. Наиболее подробно в языке мифологических рассказов Пермского края выражены связи колдуна со своими духами-помощниками, которые на определенном этапе превращаются во вредоносных агентов – «вселяющихся» духов, вызывающих болезни людей, и с тем видом нечистой силы, которая участвует в акте учебы колдуна. Языковые единицы, связанные с данными видами отношения колдуна и нечистой силы, мы включаем в исследуемое поле, но отчетливо понимает, что они входят одновременно и в субпространство «Демоны», демонстрируя как раз тесные отношения единиц двух субпространств, выделен-

ных нами с научной целью, но на практике выступающих общим семантическим континуумом.

Лексика изучаемого пространства не произвольно рассыпана в текстах быличек, а концентрируется в определенных композиционных местах.

Вопрос о композиции былички, как и о композиции текстов других фольклорных жанров, относится к числу сложных. К фольклорному «произведению» нельзя подходить с теми же методическими установками, что и к авторской художественной литературе. Здесь должны использоваться методики, адекватные материалу описания. И такие методики изложены в известной книге Г.И. Мальцева [5]. Фольклорный текст, даже нарративного типа (как сказка, быличка, легенда), состоит из «общих мест», соотносимых с традицией и потому его композиция часто подчинена не логике развертывания сюжета, а другой логике – логике соотнесения друг с другом тех смыслов, которые являются значениями соответствующих фрагментов текста.

Тем не менее исследователи выделяют в структуре текста былички композиционные части, ориентированные на тот или иной тип информации: «...в быличке ... строгого композиционного и содержательного единства не наблюдается. Начало и конец былички не имеют формульного вида, хотя в некоторых случаях можно говорить о более или менее устоявшихся способах оформления этих значимых композиционных текстовых позиций. Очевидно, композиционные блоки былички должны быть выделены на каком-то ином основании. Таким основанием ... может явиться соотношение рассказчика и собственно внутритекстового пространства былички» [2, с. 48]. Такие композиционные части былички С.Е. Волоскова называет субтекстами – это выполняющий определенную функцию фрагмент текста былички, обладающий характерным содержанием и тяготеющий к типизированному способу выражения этого содержания [Там же].

Исследователь выделяет к тексту быличек следующие субтексты: 1) МОС – меморатно ориентированный субтекст. Повествование в этом субтексте ведется от первого лица, то есть рассказчик является очевидцем (участником) событий. 2) ФОС – фабулатно ориентированный субтекст. Сверхъестественная история излагается без ориентации на рассказчика, функция которого заключается в передаче событийной информации другому лицу. Оба эти субтекста относятся к событийно ориентированным субтекстам, т.к. основное их содержание – изложение сверхъестественного события. 3) ЭС – эвиденциальный субтекст. Название данного субтекста связано с категорией эвиденциальности, понимаемой «как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений» [3, с. 92]. Этот субтекст, типичный для былички, не несет информации о собственно

сверхъестественном событии. Назначение этого фрагмента – рассказать слушателю о лице, от которого получены сведения об ирреальном событии, и тем самым служит средством усиления достоверности повествования. 4) ТС – субтекст, в котором представлены традиционные знания. Это изложение в тексте былички фрагмента традиционной картины мира: представление значимого (чаще всего опасного) персонажа, локуса, времени или действия, а также указание на необходимый или запрещаемый в данной ситуации тип поведения человека. В ТС рассказчик выполняет важнейшую коммуникативную функцию передачи традиционных знаний слушателю...

Ядром сюжетного повествования в быличке являются событийно ориентированные субтексты. Они представляют собой непосредственное изложение единичного сверхъестественного события» [2, с. 51–52]. Те единицы, которые выступают объектом описания в нашей работе, относятся прежде всего к событийно ориентированным субтекстам, в которых и излагается сверхъестественное событие, а также к зоне традиционных знаний (ТС).

2. Внутренняя организация

лексико-семантического поля колдовства, знахарства, бытовой магии

Мотивационной доминантой (предельно абстрактной идеей, объединяющей все элементы какого-либо семантического поля [1, с. 145]) изучаемого ЛСП является идея *опасности*, исходящей от персонажа (и всего, что с ним связано), а следовательно, от иного мира, с которым каждый персонаж так или иначе связан.

Поэтому подробно проработаны в мотивировках и номинациях признаки как опасных персонажей-людей, так и опасных персонажей-демонов. Традиция при помощи лексических средств отвечает по сути на три главных вопроса: **каков опасный персонаж, как он выглядит, чтобы можно было его узнать?** (его признаки, атрибуты и пр.), **каким образом он может причинить вред человеку** и тому, что для человека дорого или имеет хозяйственную ценность? (его функции) **как должен вести себя сам человек**, чтобы не вызывать магической агрессии со стороны опасного персонажа или противостоять ему, когда она уже состоялась? Кроме того, отвечает еще на два попутных, но связанных с ними вопроса: **каковы те люди, которые могут защитить от магической агрессии** (воздействия опасного персонажа) или **нейтрализовать вредоносное магическое воздействие** (помочь человеку в достижении других целей)? **какие действия может совершить такой человек**, чтобы защитить от магической агрессии (воздействия опасного персонажа) или **нейтрализовать вредоносное магическое воздействие** (помочь человеку в достижении других целей)?

Именно эти вопросы и определяют круг единиц изучаемого ЛСП.

С мотивом опасности связан еще один мотив – **чуждости** мифологического персонажа миру крестьянской общины (таким образом в языке быличек реализуется универсальная оппозиция традиционной культуры *свой / чужой*). Для персонажей-людей – не свой, следовательно, опасный, для персонажей-духов – не свой, значит, принадлежащий иному миру. Воплощается данный мотив прежде всего в признаковом коде. С помощью лексических единиц традиция маркирует те признаки людей, которые помогают распознать в них «знающих», то есть таких, которые обладают магическими знаниями и способны применить эти знания в том числе и с вредоносной целью.

Чтобы обнаружить закономерности внутренней организации изучаемого ЛСП, мы использовали процедуру **семантической (идеографической) классификации**, состоящей в выделении смысловых участков поля, которым соответствуют те или иные лексические единицы.

Внутри поля выделяется два основных участка: языковые единицы, обозначающие персонажей-людей со сверхъестественными свойствами и их мифологические функции и атрибуты; кроме того, в состав поля включается дополнительный сектор языковых единиц, семантически и деривационно связанный с указанным: это языковые единицы, обозначающие персонажей – злых духов, подвластных колдуну, их функции и атрибуты.

1. Сектор «Мифологический персонаж-человек».

Семой, организующей данный сектор, выступает **мотив опасности**, исходящей от человека со сверхъестественными способностями. Былички живописуют разные негативные последствия контакта колдуна с простым человеком: потеря здоровья и даже смерть героя былички (или его родственников), нарушение хозяйственных функций животных (прежде всего коров), утрата блага (урожая, способности разводить скот или домашнюю птицу) и др.

Негативные последствия воздействия колдуна снимаются, нейтрализуются знахарями или обычными людьми, владеющими традиционными знаниями своих предков. Именно потому изучаемое лексико-семантическое поле получило название – **ЛСП колдовства, знахарства, бытовой магии**.

Таким образом, первый сектор изучаемого поля составляют семантически противопоставленные наименования тех, кто способен причинить магический вред (*бесист, бесистый, ведьмать, векиша, векишица, веишица, веицица, веицица, веретник, волошебник, ерекник, еретик, еретник, икотник, икотница, кил, киолун, киловяз, колдовка, колдуха, портун, хиромант, чертист, чертистый, чудь*), и тех, кто умеет этот вред нейтрализовать (*бабка, бабушка, бормотушка, ведунья, заговоруха, заго-*

ворищица, заговорищик, лекарица, лекарка, лекарша, лекарищица, лечебница, лекарь, словарка, словеница, словница, словищица, словеник, словесник, словник, шепотунья, шептунья, шептуха, шептальничек, шептарь, шептун).

Определить состав групп можно только с опорой на мифологический текст. Но и это помогает не во всех случаях. Дело в том, что разделение людей со сверхъестественными способностями на «плохих» и «хороших» существует только как тенденция, а не железная закономерность. По мнению носителей традиционной культуры, если человек «что-то знает», то он способен направить это знание в обе стороны: использовать как во вред, так и во благо. Поэтому в составе обеих подгрупп могут оказаться единицы, совпадающие по форме, например *колдун, лекарка*: *А у лекарок лечатся от колдунов. Лекарки, которые от этих колдунов лечат, это тоже колдуны* (Б. Долды Черд.). *Колдуны людей портят. В Янидоре их до лешего было. Колдуны лечат и калечат. Есь такие, что лечат* (Купчик Черд.). *Был у нас в деревне колдун Егор Прокофьевич Ш. Коровы если потеряются, он на бумагу что-то нашепчет. На берёсте пишет кабалу, и коровы находятся. Плохого ничего не делал. Лечил народ* (Архангельское Юсвь.). *А у бати отец, мой дед, был каким-то колдуном. Он у тебя над больным местом пошепчет, что-нибудь приложит – и у тебя всё пройдёт* (Очер).

Подгруппа «Вредоносный персонаж» представлена большим количеством единиц, чем предыдущая. Об этом говорит не только число и разнообразие единиц, но и количество их дериватов (словообразовательная плотность данного участка). Кроме того, данный сектор включает несколько единиц только с одним значением – ‘причинять вред человеку’: *векиша, векишица, веицица, веицица, веишица*. Их действия направлены прежде всего на уничтожение потомства людей и животных: *Векиши и коровам вместо плода голики клали, мочало. Чтобы зацтититься, надо везде крестить. Векиши поросёнком обращались и кошками* (Дряхлы Чайк.). *Людам, говорят, они вредят сильно, векишицы-то. У женичины в положении ребёнка могут отнять, у коровы – молоко или телёнка. Родит корова – а там венник вместо телёнка* (Кашка Куед.).

Одной из ключевых характеристик вещицы выступает способность к оборотничеству: *В деревне Раздолье Еловского района жила одна бабка веицица. И вот говорили люди, что эта бабка ближе к ночи превращалась то в свинью, то в сороку и пугала молодёжь, которая вечером гуляла по деревне* (Б. Луговая Ел.).

Вещица – единственный персонаж-человек в мифологической системе Пермского края, обладающий способностью перемещаться по воздуху: *Раньше в каждой деревне колдун был. Ещё*

вещелицы летали. Время выйдет, дак у неё душа улетает. А тятя говорил, кто-то знал, так ноги наскребут, потом она без ног делается (Советная Сукс.).

2. Сектор «Мифологический персонаж – дух, связанный с колдуном» включает названия трех демонов:

- духов-помощников колдуна;
- «вселяющихся» духов, вызывающих болезни людей;
- духов, которые участвуют в акте учебы колдуна.

Идеографический анализ лексики, обозначающей первых двух персонажей в пермской мифологической традиции, позволяет сделать следующий вывод: эти персонажи представляются связанными друг с другом и могут быть обозначены как разные этапы «существования» одного и того же персонажа. Они как бы «перетекают» друг в друга. Границей между данными духами (вернее их периодами «развития») служит граница человеческого тела. Дух-помощник – это персонаж, находящийся на стадии до вселения в тело человека; «вселяющийся» («подселенный») дух – это персонаж, находящийся на других стадиях: уже внедренный в тело жертвы или покинувший его (исторгнутый со рвотой, «рожденный» и т. п.) в результате лечения. (См. описание «стадий» развития, образные воплощения и номинации этих духов по данным мифологических рассказов Пермского края в [6, 7]).

Общность персонажей проявляется в пересекающихся номинациях таких духов: *бес*, *бесёнок*, *враг*, *икота*, *икотка*, *порча*, *чёрт*, *чёртёнок*, *чёртик* – и в принадлежности колдуну, который ими распоряжается. Кстати, связь колдуна и этих духов проявляется и на уровне мотивационных отношений. В пермских говорах колдунов называют существительными *бесист*, *чертист*, *черчист*, *чертознай*, субстантивами *бесистый*, *бесастый*, *чертистый*. Много общего у персонажей и в том облике, в котором они «предстают» перед людьми: чаще насекомых или так называемых гадов. Общий энтомологический ряд таков: *бабочка*, *жук*, *комар*, *кузнечик*, *муха*. Из названий гадов представлены следующие: *жаба*, *змея*, *лягушка*, *мышь*, *червяк*.

Третья подгруппа называет демонов, которые участвуют в учебе колдуна. Такие духи чаще принимают облик животных: *собаки*, реже – *жабы*, *змеи*, *лягушки*, *свиньи*, *медведя*, *лебедя*, *глухаря*, *щуки*. Присутствует даже такая экзотическая номинация для этих демонов, как *крокодил*. По количеству и употребительности единиц эта подгруппа значительно уступает двум первым.

Таким образом, лексическая система мифологических текстов о людях со сверхъестественными свойствами включает единицы, называющие людей, магическим способом причиняющих зло или избавляющих от такого негативного магического воздействия. Сюжетно и мотивационно с названиями таких людей связаны названия злых духов, подвластных колдуну, – духов-помощников и «вселяющихся» духов. Особую подгруппу составляют названия того вида нечистой силы, с которой колдун вступает в контакт (попадает внутрь нее через пасть, проходит сквозь нее), чтобы стать колдуном. Данными группами единиц не исчерпывается рассматриваемое лексико-семантическое поле, в него входит большой корпус процессуальной и атрибутивной лексики, которая осталась за рамками данной статьи.

Примечание

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 39, грантов РГНФ № 12-34-01043a1, №13-14-59008, 13-14-59004.

Библиографический список

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
2. Волоскова С.Е. Севернорусская быличка: структура текста, языковые характеристики жанра: дис.... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 266 с.
3. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
4. Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 634 с.
5. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). – М.: Наука, 1989. – 168 с.
6. Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 3(9). – С. 18–25.
7. Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 6(12). – С. 13–17.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРМСКИЕ ПРОЗВИЩА, МОТИВИРОВАННЫЕ ЛЕКСИКОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЖИВОТНЫЕ»

Статья посвящена современным прозвищам жителей Пермского края конца XX – начала XXI века. Проанализированы антропонимы русского, а также коми-пермяцкого и татарского происхождения, мотивированные лексикой тематической группы «Животные». Определены лексико-семантические группы, актуализируемые в пермских прозвищах («Названия животных и их видов / пород», «Названия частей тела животных», «Названия детенышей животных», «Клички животных», «Названия и клички животных – персонажей фольклорных / авторских произведений», «Наименования групп животных», «Звукоподражания (имитации звуков, издаваемых животными)», «Подзывные слова»). Выделены типы и виды прозвищ: 1) с точки зрения стихийности / сознательности образования – естественные и искусственные номинации, которые предложено различать с позиций языка (в лингвистической оппозиции «норма» / «узус») и с позиций ономастики (в экстралингвистической оппозиции «свой» / «чужой»); 2) по субъекту номинации – «автопрозвища» и «аллопрозвища»; 3) по экстенсиналу – индивидуальные (семейные; социально-групповые, то есть школьные, молодежные, учительские, прозвища взрослых) и коллективные (семейные, то есть семейно-родовые, «семейно-групповые»; социально-групповые; территориальные). Выявлены факторы, определяющие языковые средства образования прозвищ данной группы: язык – источник номинации, мотивация номинации (структурная, фонетическая, лексическая, семантическая, множественная), оценочность, социальные условия, территориальные условия, темпоральные условия. По структуре выделены ядерные (формально не искаженные), переходные (производные) и периферийные (оказиональные, варваризмы) лексемы указанной тематической группы. Отмечена множественность признаков и свойств животных, мотивирующих прозвища. Обозначены перспективы исследования современных пермских прозвищ в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, современные прозвища, Пермский край, тематическая группа, «Животные».

Прозвища занимают особое место в ономастическом пространстве и антропонимическом субпространстве, которое обеспечивается историческими, культурными, социальными и иными условиями их функционирования. В понимании такого явления, как современные прозвища, мы опираемся на разработки наших предшественников [см., например: 3; 12, с. 6] и предлагаем следующую трактовку термина: современные прозвища – неофициальные, факультативные, вторичные именованья, служащие идентификации людей на основе социальных, территориальных, темпоральных, эмотивно-оценочных и иных факторов.

К настоящему времени накоплен значительный исследовательский материал: исторические [см., например, 7] и современные [см., например, 2; 4; 6; 9], социальные [см., например, словари жаргонов], политические [см., например, 13], региональные [см., например, 5; 7; 9] прозвища. Пермские прозвища исследовались слабо, спорадически. Так, исторические данные частично представлены в словаре Е.Н. Поляковой [10], отражены в кандидатской диссертации Н.В. Медведевой [8], в научных статьях пермских ономастологов; прозвища XIX в. не исследовались совсем; прозвища середины XX века затрагивались лишь в кандидатской диссертации Т.А. Сироткиной [11]; современные прозвища изучались преимущественно студентами и освещались в курсовых и дипломных работах, выполненных под руководством Е.Н. Поляковой и ее учеников: Т.А. Сироткиной, О.В. Гордеевой,

М.В. Бобровой (Богачевой). Мы задались целью начать заполнять огромную лакуну и прежде всего обратились к изучению современных прозвищ жителей Пермского края (далее также СПП) [см., например, 1].

Методами анкетирования, опроса и непосредственного наблюдения собрано более 2500 прозвищ жителей г. Перми, районных центров и сельских населенных пунктов Пермского края, представителей основных национальностей (русских, татар, коми-пермяков). В настоящей статье в различных аспектах проанализирована группа СПП, которые мотивированы лексикой, входящей в тематическую группу «Животные». Всего обнаружено и исследовано более 340 таких прозвищ.

На основе данных СПП выявлены производящие лексемы, входящие в следующие лексико-семантические группы:

1) «Названия животных и их видов / пород»: *Аллигатор, Буйвол, Гиена, Кролик, Мопс, Норка, Слон, Удав, Черепаха*, др., в том числе общие наименования, ср.: *Грызун, Зверь, Экар* (из тат. 'самец'). Преобладают наименования животных конкретных видов.

2) «Названия частей тела животных»: *Бакакуз* (из тат. 'лягушка' + 'глаз'), *Копыто, Лошадина Голова*.

3) «Названия детенышей животных»: *Бозау* (из тат. 'теленка'), *Бэрэн* (из тат. 'ягненок'), *Головастик, Куля, Лисёнок, Мамонтёнок, Медвежонок, Поросёнок, Руд Пиян* (из фам. Рудов и коми-перм. *пиян* 'детеныш').

4) «Клички животных»: *Барсик, Мурзик, Муська* (из распространенных кличек кошек), *Боря* (из распространенной клички свиней), *Бяша* (из распространенной клички овец), др.

5) «Названия и клички животных – персонажей фольклорных / авторских произведений»: *Винни Пух, Гуфи, Змей Горыныч, Лосяш, Пумба, Сивка-Бурка, Фунтик, Чебурашка*, др.

6) «Наименования групп животных»: *Зоосад, Клан Зу* (из англ. *zoo* 'зоопарк').

7) «Звукоподражания (имитации звуков, издаваемых животными)»: *Гав-Гав, Пики-вики* (из коми-перм. 'имитация мышинного писка').

8) «Подзывные слова»: *Чыс-Чыс* (из коми-перм. 'кис-кис').

Ожидаемо, что наиболее востребованы ядерные единицы (прежде всего из группы 1), в то время как переходная лексика (из групп 2–5) малоупотребительна, а периферийная (из групп 6–8) единична.

С точки зрения соотношения стихийного и сознательного в процессе образования СПП последние могут являться как естественными, так и искусственными номинациями. В предварительном плане (до специальных изысканий) наши наблюдения позволяют утверждать следующее. 1) Требуется различать языковые и ономастические естественные и искусственные номинации: стихийно возникшее прозвище может представлять собой лексему, образованную с нарушением языковых норм (ср. *Барсуня* < фам. Барсукова), и, наоборот, сознательно созданный антропоним обычно восходит к общеупотребительной лексеме (ср. *Панда* – прозвище, данное члену *Клана Зу* за круги вокруг глаз). 2) Такое положение определяется тем, что механизмы образования современных прозвищ диктуются оппозицией «свой» / «чужой» и определяются социальными условиями – в отличие от апеллативов, употребление которых определяется оппозицией «норма» / «узус»: стихийность более свойственна антропонимам в тех социальных группах, для которых противопоставление «своих» и «чужих» менее актуально (например, семейным прозвищам), сознательность – в тех группах, для которых оппозиция концептуальна и в которых прозвище, выступая маркирующим элементом, возникает с необходимостью (прежде всего в школьной и молодежной среде). 3) Как следствие, с позиций языка естественные наименования представлены только мутациями – «вторичными номинациями», и это абсолютное большинство антропонимов (ср., например, использованные наименования вымышленных персонажей *Капитанка, Кролик Роджер, Скиппи, Умка, Эму* (< *Муму*, тат.)); искусственные наименования, образованные с нарушением языковых норм (окказионализмы, варваризмы, ср. *Гиббонга, Зверяка, Мышара, Рысё, Хомка, Бэр, Фокс* и др.) малочисленны. С позиций ономастики соб-

ственно естественными единицами могут считаться относительно немногочисленные ситуативные и некоторые другие прозвища, искусственными – значительно более распространенные сознательно образованные антропонимы, в том числе метафорические или метонимические отапельлятивные. 4) Ономастические формальные критерии, которые позволили бы четко разделять прозвища по данному признаку, фактически отсутствуют.

По аналогии с этнонимической терминологией по субъекту номинации можно выделить [термины наши. – М.Б.]:

1) «автопрозвища» – «автономинации», самоназвания человека, группы лиц: *Комёнок* (автопрозвище девушки), *Клан Зу* (автопрозвище молодых людей, объединившихся в сетевой игре);

2) «аллопрозвища» – «аллономинации», прозвища, присваиваемые другому человеку, группе лиц (абсолютное большинство СПП).

По количеству и характеру объектов номинации (по экстенсиналу) собранные материалы позволяют выделить несколько групп СПП, связанных с представлениями о животных:

1) Индивидуальные – прозвища, данные одному человеку:

а) семейные – прозвища, данные человеку членами его семьи: *Грызун, Кутя, Лемминг, Медвежонок, Олень, Пантера*;

б) социально-групповые – прозвища, данные человеку в коллективе, членом которого этот человек является:

– школьные – прозвища, данные школьнику (ребенку школьного возраста) в учебном, дружеском или ином коллективе (сообществе), членом которого этот школьник (ребенок) является: фам. *Бобкова* > shk. *Бабуинос; Кенгуру* (прозвище школьника, который прыгал выше всех в классе),

– молодежные – прозвища, данные молодому человеку в учебном, дружеском или ином коллективе (сообществе), членом которого этот молодой человек является: *Белка* (данное друзьями прозвище молодого человека, который состоит в клубе исторического фехтования «Уральские белки»), *Лось* (прозвище, которое передалось от отца сыну),

– учительские – прозвища, данные школьниками и студентами учителям и преподавателям: *Кабан* (прозвище учителя, увлекающегося туризмом), *Крокодил* (прозвище учителя химии и биологии), *Мышка* (прозвище учительницы физики, очень маленького роста и худенькой, с острым носиком), *Супербизон* (прозвище учителя физкультуры, сильного, выносливого, с хорошей фигурой), и др.,

– прозвища взрослых – прозвища, данные взрослому человеку в рабочем, дружеском или ином коллективе (сообществе), членом которого этот человек является: *Конг* (прозвище, данное знакомыми волосатому мужчине с большими ушами) (Пермь), *Крот* (прозвище, данное коллегами

мужчине с плохим зрением), *Полуослик* (прозвище, данное односельчанами мужчине маленького роста, с косолапыми ногами, с неправильными пропорциями тела) (пос. Ильинский).

2) Коллективные – прозвища, данные группе лиц:
а) семейные:

– семейно-родовые – прозвища, данные всем представителям одной семьи (носящим одну фамилию) / одного рода (носящим разные фамилии): *Бараны* – прозвище членов семьи Овчинниковых; *Козлы* – семейно-родовое прозвище, указывающее на всех представителей семьи, главой которой был человек по прозвищу *Козёл*, в том числе его вышедших замуж дочерей,

– «семейно-групповые» [термин наш. – М.Б.] – прозвища, данные отдельным (нескольким) членам одной семьи: *Волчата* – дети в многодетной семье Волковых; *Звери* – «автопрозвище» старшего поколения в семье; *Козлята* – прозвище представителей молодого поколения *Козлов* (см. выше);

б) социально-групповые – прозвища, данные группе людей, объединенных по какому-либо социальному признаку (возраст, интересы, род занятий, социальные отношения и т. п.): *Белки* (прозвище двух миниатюрных, небольшого роста подружек-одноклассниц), *Зоосад* (прозвище членов трудового коллектива, среди которых есть люди с фамилией Лебедев, Шмелев, Медведев), *Мыши* (прозвище четырех девушек, проживавших в одной комнате в общежитии);

в) территориальные – прозвища, данные жителям определенной местности, какого-либо населенного пункта: *Мартышки* (прозвище жителей с. Редикор Чердынского района Пермского края), *Кенгурята* (прозвище жителей г. Кунгура Пермского края).

Выбор языковых средств для образования исследованных СПП зависит от следующих факторов:

1. Язык – источник номинации, ср.: тат. *Доя* – англ. *Кэмэл* ('верблюд'); рус. *Заяц* – коми-перм. *Кёч* – тат. *Куян*; рус. *Коза* – коми-перм. *Кёза Рая* – тат. *Кәжә*; рус. *Лис, Лиса* – англ. *Фокс*; рус. *Медведь* – коми-перм. *Ош* – тат. *Аю* – англ. *Бэр*; рус. *Мышь* – тат. *Тычкан* – англ. *Маус*; др.

2. Мотивация номинации. Анализ «фаунистических» СПП позволяет различать такие виды антропонимической мотивации:

1) структурная – такая, которая актуализирует структурные связи (сходство слогового строения, отношения производности, ассоциативную близость морфем и др.) используемой лексики, ср.: *Безумов Иван Михайлович* > *БИМ*, фам. *Ежов* > *Ёж, Ёжик*, фам. *Медведев* > *Медведь*, фам. *Порсев* (из коми-перм. *порсь* 'свинья') > *Порсь*, фам. *Черепахин* > *Черепашка*, фам. *Зайнутдинов* > *Зайка, зайка* > *Казай* (на основе метатезы; прозвище девочки, которая ходила в кофте с изображением зайца),

2) фонетическая – такая, которая актуализирует отношения звукового подобия, паронимастические отношения используемой лексики: *Олег* > *Аллигатор*, имя *Эльмарт* > *Кальмар*, фам. *Корсакова* > *Крыса*, фам. *Мощенникова* > *Мышь*, фам. *Бурдин* > *Бурундук*, фам. *Зерин* > *Зверь*, имя *Ришат* > *Ишәк* (из тат. 'осел'), фам. *Кучукбаев* > *Көчек* (из тат. 'щенок'),

3) лексическая – такая, которая актуализирует лексические связи (родо-видовые, синонимические, антонимические, омонимические, паронимические, ассоциативные отношения) используемой лексики, ср.: *Безумов Иван Михайлович* > *БИМ* > *Бим* (ср. название книги Г.Н. Троепольского «Белый Бим Чёрное ухо»), *Катя* > *Котёнок* > *Мышь* > *Грызун*, имя *Марат* > *Мартышка* > *Шимпанзе*, фам. *Свирипов* > *Зверь*,

4) семантическая – такая, которая актуализирует семантические особенности, связи используемой лексики (а) метафорические, б) метонимические отношения между значениями полисемичных слов, разных лексем), ср.: а) *Жираф* (прозвище тугодума), *Чип и Дейл* (прозвище двух неразлучных друзей); б) *Лосяш* (прозвище школьника, которому нравится персонаж мультипликационного сериала «Смешарики» с таким именем), *Фунтик* (прозвище, которое передалось от старшего брата младшему), *Чыс-Чыс* (прозвище молодого человека – большого любителя кошек),

5) множественная, или комбинаторная (структурно-семантическая, фонетико-семантическая и др.), ср.: фам. *Балуева* > *Балу* (ср. кличку медведя – персонажа «Книги джунглей» Р. Киплинга и мультсериалов «Маугли», «Чудеса на виражах»; прозвище учителя биологии, чья внешность и походка напоминали медведя); *Мэришда* (имя женщины, которая в молодости очень ярко красилась) > *Мартышка*; *Дима* (имя мальчика, который удачно имитировал рычание персонажа мультфильма «Король Лев») > *Симба*.

3. Оценочность (наличие / отсутствие оценочности, степень и качество оценки), ср.: фам. *Бобров* > шк. *Бобёр* – фам. *Боброва* > сем. *Бобрюша* (прозвище младшего ребенка – дочери), студ. *Бобриша*; фам. *Катаев* > *Кот / Киса*; *Белка* – *Белочка* – *Беличка*; *Мышь* – *Мышка*; *Бизон* – *Супербизон*; *Коза* – *Козя*; *Лошадь* – *Лошадка* – *Кляча*; др.

4. Социальные условия, ср.: шк., молод. *Заяц* – сем., шк. *Зайка* (по своим особенностям сближаются прозвища, употребляемые в семье и в младших классах, поскольку многие такие антропонимы – *Зайка, Медвежонок* и т. п. – переносятся детьми из семьи); сем. *Кутя* (из *кутя* 'щенок') – шк. *Пудель*; шк. *Лошадь Пржевальского* – взр. *Кляча*; шк. *Хомяк* – сем. *Хомячок*.

5. Территориальные условия, ср.: общерус. *лось* > *Лось* (Пермь; с. Сива; с. Большая Соснова) – диал. *сохатый* 'лось' > *Сохатый* (с. Большая Соснова;

пос. Дивья); общерус. *жаба* > **Жаба** (Пермь) – диал. *лягуша* ‘лягушка’ > **Лягуша** (с. Троельга).

6. Темпоральные условия (изменения с возрастом): **Черепаша** > **Черепашка**; **Мура** > **Мурик**.

СПП разнообразны не только лексически, но и структурно: ядро составляют номинации, восходящие к формально не искаженным лексемам, переходные группы – реальные производные лексемы русского языка, периферию – производные единицы, созданные с нарушением норм русского языка (окказионализмы и потенциальные слова, варваризмы), ср.: 1) **Артемон, Баран, Бык, Винни Пух, Волк, Гиббон, Головастик, Кот, Лошадь** и др.; 2) **Бегемотик, Бобрик, Бычок, Ёжик, Ежиха, Лисичка, Слоник** и др.; 3) **Бобро, Бэр, Гиббонга, Зверус, Зверяка, Козлушка, (Лариска-)Крыска, Мышица, Маус** и др. Первые нередко нейтральны, так как основаны на принципах языковой игры, главным образом фонетической: в таких прозвищах часто обыгрывается звуковой облик имени или фамилии их владельца. В то же время вторые и (особенно) третьи обычно эмоционально нагружены, чему способствует использование суффиксов и приставок субъективной оценки, унификсов.

«Фаунистические» прозвища чаще всего мотивированы фамилиями, именами, особенностями внешности и поведения их носителей. Обращает на себя внимание то, что изученные антропонимы могут апеллировать к представлениям об одном и том же животном, но с использованием различных языковых средств и с актуализацией разных его свойств (в частности, это может быть одно название, но данное разным людям на разных основаниях). Например, наименования, связанные с понятием «заяц», представлены следующим рядом: **Заяц, Заяц Беззубый, Зайка, Казай** (< зай-ка), **Куян** (из тат.), **Кёч** (из коми-перм.), **Кешью**. Данные СПП мотивированы различными особенностями внешности (прозвище девочки, которая носила кофту с изображением зайца; прозвище девочки с крупными и длинными передними зубами; прозвище девушки с отсутствующим передним зубом; прозвище молодого человека с большими глазами; прозвище молодого человека, имеющего внешнее сходство с зайцем), особенностями характера (прозвище трусливого человека), фамилиями их носителей (< **Зайнутдинов**, < **Зайцев**, < **Заячкауска**, < **Кочева**).

Наполнение выделенных групп вызывает особый интерес в связи с тем, что СПП способны передавать лингвокультурологическую информацию. Учет таких факторов, как частотность актуализируемой нарицательной лексики и актуализируемые признаки номинируемых объектов (иными словами, выявление наиболее востребованных названий животных и функций прозвищ от таких названий), позволяет определить ряд объектов животного мира и качеств человека, значимых для данной культурной среды.

Исследованные СПП позволяют также выйти на концептуальный уровень и говорить о наиболее значимых понятиях из сферы «Животные». Используемая в антропонимах лексика разнообразна, но отдельные единицы демонстрируют большую либо меньшую востребованность, что (при более глубоком изучении), полагаем, позволит говорить об отражении в современных русских прозвищах концептов русской культуры.

Ограниченные объемами статьи, мы не имеем возможности остановиться на лингвокультурологическом и когнитивном аспектах подробнее.

Таким образом, современные прозвища жителей Пермского края, мотивированные лексикой тематической группы «Животные», весьма разнообразны по своим формальным, содержательным и функциональным особенностям. В то же время наполнение выделенной тематической группы СПП позволяет утверждать о существовании ядерных и периферийных лексем и их объединений, актуальных для русской, и региональной в частности, языковой системы и языковой картины мира. Перспективны последующие функциональные изыскания на материале СПП, актуальные с точки зрения лингвокультурологии и когнитивистики.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00437а).

Библиографический список

1. **Боброва М.В.** О проекте «Словаря прозвищ жителей Пермского края» // Славянская диалектная лексикография. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 21–22.
2. **Вальтер Х., Мокиенко В.М.** Большой словарь русских прозвищ. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 704 с.
3. **Вальтер Х., Мокиенко В.М.** Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 52–69.
4. **Вальтер Х., Мокиенко В.М.** Словарь современных русских прозвищ: экспериментальный выпуск. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2004. – 175 с.
5. **Волкова Н.И.** Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. – Сыктывкар, 2003. – 52 с.
6. **Воронцова Ю.Б.** Словарь коллективных прозвищ. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2011. – 448 с.
7. **Кюришнова И.А.** Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозвищ Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. – 672 с.
8. **Медведева Н.В.** Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых): дис. ... канд. филолог. наук. –

Пермь, 1999. – 257 с.

9. *Неврова Т.И.* Региональный словарь личных индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области. – Орел: Картуш, 2007. – 94 с.

10. *Полякова Е.Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. – Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007. – 463 с.

11. *Сироткина Т.А.* Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном словаре (на материале

говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области): дис. ... канд. филолог. наук. – Пермь, 1999. – 269 с.

12. *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). – М., 1959. – 128 с.

13. *Шуплов А.* Кто есть Ху: мини-энциклопедия политических кличек. – М.: Политбюро, 1999. – 240 с.

УДК 821.161.1.09“18”

Фархутдинова Фения Фарвасовна

доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
fenfar@mail.ru

СИРОТЫ И СИРОТСТВО В ИЗОБРАЖЕНИИ В.И. ДАЛЯ

Выдающийся русский лексикограф В.И. Даль оставил свой след в истории русской литературы, русского просвещения и образования, этнографии и языкознания. Его художественное творчество, мало известное сегодня широкому кругу читателей, вызывало интерес современников не только сюжетно-событийной стороной, яркими и запоминающимися образами героев, этнографическими сведениями, необычным языком, но и авторскими размышлениями о проблемах русской жизни. Темой многих произведений Даля-писателя стала семья и семейные ценности, роль родителей в воспитании человека, семьянина, гражданина. Даль был убежден, что главная задача семейного воспитания – воспитание нравственности. Когда воспитатель думает исключительно о материальном обеспечении воспитанника, он искажает сущность воспитания и может погубить жизнь воспитанника – собственного ребенка или приемного.

В художественном творчестве Даля с разных позиций освещается проблема детского сиротства. Писатель показал разные виды социального сиротства детей (безродные сироты, не знающие своих родителей; осиротевшие дети, нашедшие приют в чужих семьях; воспитанники в богатых помещичьих домах) и четко обозначил сущность каждого, используя точные номинации живой народной речи (сирота, сиротка, подкидыш, приемши, воспитанница и др.). Спектр причин социального сиротства очень широк. Некоторые из них писатель называет: безответственность родителей, их неумение хозяйствовать, непонимание ими сущности воспитания; неумение подготовить детей к взрослой жизни. Но писатель не находит ответа на вопрос, почему ребенок становится сиротой при живых родителях, зато он знает, что воспитанием приемных детей-сирот в чужой семье должны заниматься только высоконравственные люди.

Ключевые слова: русская литература, нравственное воспитание, социальное сиротство, воспитание словом, точность номинаций народной речи.

Среди многих приложений-характеристик, которые чаще всего сопровождают имя В.И. Даля – лексикограф и создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», диалектолог, географ, этнограф, естествоиспытатель, врач, писатель – нет слова воспитатель. Научой о воспитании Даль не занимался, как не занимался профессионально и педагогической деятельностью, хотя и был автором двух учебников – по ботанике и зоологии. Но вот вопросы воспитания гражданина России, воспитания русака волновали его всегда.

Что такое воспитание, Даль сформулировал в своем словаре следующим образом: забота «о вещественных и нравственных потребностях малолетнего до возраста его» [2, т. II, с. 249]. Это означает, что воспитывать – это материально обеспечивать и нравственно поддерживать ребенка до его зрелости, то есть до того возраста, который наступает после 20-ти лет (о Далево периодизации возраста и возрастной «шкале» см.: [4]). Но

для Даля-человека и Даля-гражданина совершенно очевидно: воспитание не может ограничиться удовлетворением первичных потребностей человека. Поэтому лексикограф замечает, что «в высшем значении» воспитывать – это «научить, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» [2, т. II, с. 249], главным образом – «поселять» в людях «нравственные качества, развивать и укреплять их» [2, т. I, с. 200]. Именно в этом «высшем значении» слова воспитывать Даль и был воспитателем своих потенциальных читателей.

В художественном творчестве Даля исследователи отмечают «повышенный интерес к жизни русской провинции, к жизни людей из социальных низов города и деревни, разных слоев чиновничества и интеллигенции, рядового и среднего дворянства» [1, с. 238]. Такой объект изображения позволял Далю последовательно решать две главные для него задачи: показать богатство и разнообразие живого великорусского языка, в том числе местные слова и профессиональную речь, и доказать

в художественной форме свою мысль о том, что литературный язык должен формироваться на основе живой народной речи. Одновременно с этим изображение провинциальной жизни, которую он хорошо знал и мог показать в деталях, позволяло воспитывать своего читателя, то есть учить, «наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» [2, т. II, с. 249], «поселять» в людях «нравственные качества, развивать и укреплять их» [2, т. I, с. 200]. Поэтому почти всегда в центре Дальевых произведений оказываются человек и его судьба, а также те нравственные уроки, которые может извлечь из них его читатель.

Расхожая формула *бытие определяет сознание*, ставшая почти аксиомой, в произведениях Даля о провинции не всегда оказывается верной. И это очень четко проявляется при сравнении его произведений, написанных на одну и ту же тему. Покажем это на примере двух рассказов из цикла «Картины русского быта» – «Подкидыш» (1857) и «Приемыш» (1867), в которых идет речь о таком социальном явлении, как сиротство.

В своем Словаре Даль определяет слово *сирота* следующим образом: «у кого нет отца либо матери, или нет обоих, это *круглый сирота*» [2, т. 4, с. 188: словарная статья «Сирота»]. Лексикограф показывает, что в народной среде понятие *сирота* применяется к разным явлениям. Это сиротство человека, не знающего своего рода-племени (*Безродный сирота*, без близкой родни), потерявшего отца-кормильца (*На кого ты сирот покидаешь!* плач по муже). Это сиротство вдовы (*Без мужа жена всегда сирота*). Это отсутствие пригляда, ухода за тем, что составляет основу человеческого существования: дома (*Без хозяина дом сирота*), земли (*За ремеслом ходить – землю сиротить*), товара (*Без хозяина товар плачет (товар сирота)*). Сиротство – это и одиночество, бесприютность, незащищенность. Сиротой незащищенным может почувствовать себя даже взрослый и сильный человек: *Без коня казак кругом сирота (хоть плачь сирота)! Бескомандный командир сирота. Отстал – сиротой стал*. К сиротству русский человек относится с жалостью, пониманием и сочувствием, хотя иногда позволяет себе отпустить шутку: *Сиротинушка наш дедушка: ни отца, ни матери!*

В названных рассказах речь идет о детском сиротстве. Рассказ «Подкидыш» показывает беспросветную нищету, в которой прозябает семейство Семена Ивановича, не имеющего штатной должности «губернского секретаря, служащего в столе по счетной части». Бедность и даже нужда одолевают его на каждом шагу: съемная квартира из одной комнаты, тюрка на ужин и воспоминание о хорошей редьке, которую он видел нынче на базаре, но не смог купить, заношенный вицмундиришко с протертыми локтями. Скudное жалованье, скудное имущество, скудные желания и очень ма-

териальные мечты. Одного много у Семёна Ивановича – детей (их семеро). Эти дети в рассказе бесполы и безымянны. Их называют *дети, ребятишки, нахлебнички, семеро*. Живут они так, как обустроили быт их родители: в бедности и нужде («на что ни взгляни – все грязь и лохмотья») (Здесь и далее текстовые цитаты даются в современной графике, орфографии и пунктуации; тексты цитируются по: <http://www.karelia.ru/dahl/html/texts.htm>. – Ф.Ф.) Такова бытовая сторона рассказа.

Событийная же сторона более интересна. Вернувшись со службы на обед, Семен Иванович неожиданно для себя узнает, что жена родила двойню. Оба родителя воспринимают это прибавление семейства как несчастье и «горе горькое». Нахлебничков (так он называет своих малолетних детей) стало девятéro. Анна Алексеевна – жена Семена Ивановича – разгневана на мужа: он виноват, что родилась двойня. Несчастный отец пытается сказать жене своей слова утешения, припоминая сразу несколько поговорок: *Бог милостив, Он не даст пропасть с голоду, на Руси люди с голоду не умирали*. Однако сам в это утешение не верит и в глубине души надеется на то, что Господь пожалеет его и приберет одного из двойни, чем и облегчит участь многодетного отца. Анна Алексеевна не ждет милости Божьей и проявляет решительность: она требует унести обоих младенцев и подбросить их в богатые бездетные дома. Она говорит об этом совершенно спокойно, а муж, хоть и думает о том, что детей подкидывать – грех, все же не может послушаться жену: исполнительный на службе, он такой же исполнительный и дома и не в состоянии отказать в чем-нибудь своей жене. Родители готовы осиротить своих новорождённых младенцев, потому что старших детей кормить нечем, самим есть нечего и кормилицу не на что нанять.

В словаре Даля глагол *подкидывать* объясняется так: «Приносить, подкладывать тайно, подложить воровски» [2, т. III, с. 177]. Именно так – тайно и воровски с благословения матери и по ее приказу – поздним вечером Семен Иванович отправился сбывать одного из двойни, но вместо этого вернулся с двумя младенцами: хозяин богатого дома, куда хотел подбросить новорожденного многодетный отец, застал бедолагу на месте преступления и заставил взять еще одного подкидыша, которого положили на крыльцо чуть раньше. Он прикрикнул: «Э, брат! Да это вот что? Не нашел, что ли, другого места, куда щенят своих закидывать – а? Сейчас забирай их, да с глаз долой, не то я тебя...». Откупщик припугнул Семена Ивановича, что «сверх того отправит его и с щенятами в полицию, чтоб отдать под суд». Так двойня губернского секретаря Семена Ивановича превратилась в тройню.

Рассказывая эту необычную историю, Даль обращает внимание на то, что дети не приносят радости этим родителям. Почему? Их жизнь рутинна.

Семен Иванович самозабвенно трудится в палате, производя необходимые расчеты, и для него в это время всё окружающее перестает существовать. Он добросовестный исполнитель и больше всего озабочен тем, чтобы его преемник нашел все документы в полном порядке. Но о существовании подобного порядка в семейной жизни он, кажется, и не подозревает. Глава семейства, нелепый в своей внешности, в своих речах, мыслях, манерах, лишь формально является главой семьи: он полностью подчинен жене. Она, родившаяся в такой же чиновничьей семье и, по-видимому, воспитанная в таких же условиях, не умеет вести хозяйство и привыкла жить не на жалованье, а в долг.

В жизни наших героев нет помыслов о высоком. О чем они думают? О своей бедности, о службе, о мнении, которое составят о них другие, о нарядах... Да, Семен Иванович молится перед лампадкой, но молитва доставляет радость лишь потому, что лампадка красивая: Семен Иванович украсил ее разноцветными стеклышками от шкаликов. Они не приспособлены к жизни. Люди не злые и не жадные, они не умеют воспользоваться даже тем, что им Бог послал. Рождение тройни – необыкновенное событие, о котором судачит весь город. Горожане несли подарки «на зубок» тройне, а приемышу даже прислали сотенную на содержание (таких денег Семен Иванович сроду не держал в руках), однако, как замечает с горечью повествователь, деньги впрок не пошли: Семен Иванович накопил на них платков, шляпок и других тряпок для своей жены, она же ничего не умела делать в пользу своей огромной семьи.

Какой же урок есть в этом рассказе? Ребенок может стать сиротой при живых родителях. Даже осознавая греховность сбывания с рук родных детей, родители делают такой шаг, находя себе оправдание. В рассказе «Подкидыш» Бог отвел Семена Ивановича и Анну Алексеевну от этого греха, но кто-то взял такой грех на душу. Помощь деньгами не делает счастливым ни ребенка-подкидыша, ни его приемных родителей. Даль убеждает: ни получение штатного места, ни большие деньги, которые пришли с подкидышем, впрок не пошли – нищета не отступила, и все осталось на прежнем месте, потому что эти люди не умеют жить по-другому. «Правда, что природа вложила в дитя невольную любовь и привязанность к родителям, как мы это видим даже у всех, без изъятия, животных; но эта безотчетная привязанность, основанная на чувстве самохранения, длится не более того времени, как и возраст младенческий и отроческий, где существо слабое, несовершенное, чувствует бессилие своё и ищет вещественного покровительства; далее остается уже одно нравственное влияние, которого у животных нет, почему у них возмужалые дети и покидают родителей, не узнавая их вовсе впоследствии и не отличая от чужих.

И если человек унижится, в качестве родителя, до животного, ограничив связь свою с детьми своими только плотскими и вещественными отношениями, оставив нравственные в стороне, то их и не будет у сына или дочери; а возмужав, они отпадут навсегда, как отрезанный ломоть. А может ли быть иначе?» («Боярыня»).

Даль не может не показать явление во всей его полноте, поэтому тему сиротства он показывает через судьбу осиротевшего ребенка, воспитанного в чужой семье, то есть ставшего приемышем. Значение слова *приемыш* Даль толкует так: «чужое дитя, сиротка, принятый в семью, в дети» [2, т. III, с. 462]. Подкидыш чаще всего безымяннен, а приемыш обязательно получает имя. В рассказе «Приемыш» героиня имеет несколько имен, которыми называют ее те люди, под чью опеку она попадает. Ее полное имя Марионила Богдановна Значкова, а прозвище – Саксонка, Саксоночка. Дочь немки и русского солдата, помещика-однодворца, девочка рано осиротела и с младых ногтей жила у чужих людей. Вначале воспитывалась она в семье сельского священника, который сам терпел притеснения от своего зятя. Там она привыкла к мысли о своем ничтожестве и о необходимости покоряться. «Терпи!» – учил ее старый священник. А еще он убеждал сиротку: «Как станет тебе горькая обида поперек горла, да сердце начнет мутить душу, так ты зубки-то стисни, да и не пропускай ни словечка, нишкни! А мыслию ты про себя Господню молитву твори, вот сердце-то души и не одолеет! А душа-то, Марьяша, от этого все крепнет да растет, и до Бога дорастет».

Потом Марионила-Марьяша попала на воспитание к барыне Горячевой, которая наделила ее другими именами: *Мари*, *Нилочка*. Соседи Горячевой называли девушку *солдатской дочкой*. Уроки старого священника пригодились девушке в поместье Горячевой. По словам одного из положительных героев произведения – Осинина, Горячева – это «выпускная кукла, ни кровинки живой природы, с ног до головы окутана подлогом. Ханжа». Характеризуя ее дальше, Осинин рассказывает: «Горячева одна из тех женщин, которые любят и умеют окружать себя молодежью, держат воспитанниц, как вабило, но держат их под невыносимым гнетом и, наконец, расходятся с ними с шумом и бранью за неблагодарность их, а в людях говорят о таком событии скорбя, с кротостию, сложив ладони, покачивая головой, пожимая плечами, заставляя уважать себя за скромность и молчаливость свою. “Лучше я вынесу все это на себе, чем решусь, в свое оправдание, повредить доброй славе девушки, что мне до свету!” Вот эти-то слова, слышанные мною от нее однажды, заставили меня грешить день и ночь, непрестанно, и ненавидеть ее. Внешность, суетность, свет, а стало быть, ложь и обман, заменяют в этой женщине и совесть,

и правду, и, прости Господи, самого Бога...». Слова Осинина полностью подтвердились, и Марионила на себе испытала вспышки гнева новоиспеченной маман, ее показную заботливость, а потом – по возвращении в поместье сына Горячевой – девушка-приемыш стала предметом их семейных распрей.

Сирота-приемыш Марионила Богдановна, оклеветанная перед уездом своей «второй матерью» помещицей Марией Ивановной Горячевой, не сломалась под давлением обстоятельств. Уроки дедушки-священника, глубокая искренняя вера в Бога, стихи Жуковского сохранили ее «нравственную чистоту» и удержали ее «на правой стезе». Она умела сдерживать себя и принимать взвешенные решения. Именно поэтому Марионила оказалась на попечении добрых людей, которые привезли девушку в столицу, где она нашла себе настоящих родителей, с которыми оказалась в кровном родстве. Узнала девушку ее родная тетушка по Евангелию, оставленному девушке ее матерью.

В каких бы бытовых условиях ни протекало сиротство, от этого оно не меняет своей сути. Оставшийся в одиночестве ребенок требует заботы и опеки. Материальная сторона жизни сироты важна, и об этом люди помнят. Не случайно бедствующему Семену Ивановичу горожане помогают, чем могут. О деньгах для прокормления Марионины писатель нигде не упоминает. А вот в рассказе «Иван Непомнящий» (цикл «Картины из русского быта») мать Ивана Неведомского – барыня «богатая, презнатная», как говорит одна из героинь рассказа, «первого княжеского роду», красавица писаная, родила ребенка на квартире у повитухи, не проронив ни одного звука, через час после родов встала, оделась и уехала. Сопровождавший барыню ловкий молодой человек дал повитухе пятьсот рублей денег за работу и заботу, а также на кормилицу для младенца. Ребенок же был оставлен у повитухи. Время от времени барыня присылала богатое тонкое белье и дорогие игрушки для младенца, не чаще двух раз в год навещала ребенка, а года через три она пропала. Иван Неведомский рос сколько-то времени у повитухи, а потом был передан в низшее военное заведение, закончив которое, стал офицером и был послан служить на Кавказ.

Да, деньги на воспитание сироты нужны, говорит в затексте Даль, но они не определяют судьбу ребенка и его будущность. В том же рассказе «Приемыш» есть герой Степан Никитич Добрынин. Даль говорит про него следующее: он «и сам был с детства круглым сиротой, отца не знавал, мать едва помнил, вырос у дяди и служил в гвардии». Дядя Добрынина – Осинин, который знал и понимал людей, окольными путями разузнал через уездных помещиков, какова Марионила Значкова, в которую был влюблен его племянник – его названный сын. «Умный, добрый и честный, он сделал для Добрынина более, чем бы мог сделать

родной отец: он не только привел в порядок и сохранил имение, расстроенное отцом, он привязал к себе Степана и успел укоренить в нем твердую нравственность, честь и правду», – пишет Даль об Осинине. Вот что нужно осиротевшему ребенку: его опекуном должен быть нравственный человек, который взял на себя труд воспитывать, а не только заботиться о пропитании дитяти. Если в детском возрасте рядом с сиротой оказался такой человек, значит, за будущность его не надо бояться. Пример тому – Степан и Марионила.

Если же уроков нравственности ребенок не получает, то ждет его судьба Степана Ивановича, Анны Алексеевны, Христины (повесть «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета», где герой, осиротевший в сознательном возрасте, спился и умер, не достигнув и двадцати пяти лет) или Ивана Неведомского. Неведомский – «гражданин этого мира вступил на свое мирское поприще» на чужой квартире как подкидыш (тайком и воровски), а с мирского поприща исчез бесследно: после боя за кавказский аул его не оказалось ни среди живых, ни среди мертвых, ни среди плененных. Потому один из рассказчиков и говорит, удивляясь судьбе этого человека: «...Вот судьба! Явился человек на свет неизвестно откуда; прозвание дано ему неизвестно кем, и оно называет его неведомым пришельцем; под этим прозванием он служил, дослужился чинов и отличий, и само правительство не знало, кого оно жалует и награждает; и сошел он со свету как Неведомский, никому неведомо как и куда. Что скажете на это, господа, как прикажете это объяснить?»

В провинции судьба сироты на виду (не случайно же о Мариониле в уезде знали все), в столице о сироте могут и не знать. Но сиротство от этого не перестает быть сиротством. Даль не находит ответа на вопрос, почему дети становятся сиротами при живых родителях. Завершая рассказ о поручике Иване Неведомском, он возвращается к размышлениям о его матери: «Кто была мать его, эта прекрасная и богатая знатная женщина? зачем она скрыла ребенка? зачем забыла его или отказалась от него, будучи еще жива и находясь все еще в той же столице?» Нет ответа. Может быть, потому что и в столице и в провинции нравы схожи: есть подкидывающие детей и принимающие их в семью.

Даль, следуя своим целям, не может не показать, каким же должно быть воспитание детей. Двое сирот – Марионила Значкова и Степан Добрынин – росли и воспитывались в разных условиях, но их опекуны заботились о воспитании нравственности своих подопечных. Судьба соединила сирот, и они создали свою семью, в которой правильно, с точки зрения Даля, воспитывают своих детей. Завершая рассказ «Приемыш», он пишет: «...Ныне молодое поколение Добрыниных, выросшее без французских гувернанток, но под неотступным влияни-

ем родителей чистой нравственности, давно уже в тесном кругу своем пользуется заслуженным уважением, если французское произношение у них и не парижское, то сердце лежит к родине, они понимают, что на каждом человеке лежат обязанности, и не один из них не бредит буюстью и самотно-стью под личиною высших взглядов».

Воспитывать семьянина, воспитывать гражданина, воспитывать патриота, помогать бескорыстно сиротам – вот к чему призывает в своих произведениях В.И. Даль [5]. Призывы эти и сегодня не теряют своей актуальности. Как остается справедливой и актуальной мысль великого лексикографа о том, что в русском языке есть все слова для точного обозначения явлений общественной и частной жизни.

Библиографический список

1. Глухов В.И. Становление жанра повести в прозе В.И. Даля // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосозна-

ние – культура: в 2 ч. / Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 200-летию юбилею В.И. Даля. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. – Ч. I. – С. 229–239.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1955.

3. Даль В.И. Подкидыш; Приёмыш; Иван Непомнящий; Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.karelia.ru/dahl/html/texts.htm> (дата обращения: 12.01.2015).

4. Марзук Ф.А., Фархутдинова Ф.Ф. «Возрастная» лексика в словаре В.И. Даля и в современном русском языке // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. ст. – Вып. 6. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – С. 100–107.

5. Фархутдинова Ф.Ф. В.И. Даль о воспитании и образовании // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – воспитание. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – С. 24–31.

УДК 811.161; 81'28

Михайлова Любовь Петровна

кандидат филологических наук, доцент
Петрозаводский государственный университет
posnm87@bk.ru

ЛЕКСИКА С ПРИЗНАКАМИ ВНЕШНЕГО ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОСТРОМСКОЙ ГРУППЕ ГОВОРОВ

*Севернорусские говоры в течение многих столетий соприкасаются с языками прибалтийско-финских и других финно-угорских народов. В результате тесного взаимодействия языков разных структур произошел обмен сильными признаками, характерными для каждой лингвистической системы. Многие русские слова изменили свой внешний облик в сравнении с исходным состоянием. Лексические единицы, имеющие признаки влияния языков иной структуры, называем экстенциальными. В статье описывается лексика костромских и ярославских говоров, испытывавшая воздействие со стороны агглютинативных языков. В области гласных звуков отмечены переходы $o > a$, $a > o$ в разных позициях. Приведены примеры изменений согласных звуков: $b \sim v$, $z \sim d$, мены звонких и глухих звуков. При анализе экстенциальных явлений в начале слова приводятся наиболее яркие примеры упрощения консонантных сочетаний, метатезы звуков, появления протетических и эпентетических гласных. Особое внимание уделяется преобразованию лексем со значением 'полотенце для рук', имеющих исходную производящую основу **рукотер-**. В таблице приводятся сведения о разных стадиях «освобождения» от начального **р-**. Среди них имеется ярославское слово **окотёрок**, расположенное на западной окраине широкого экстенциального восточного ареала, включающего в основном Урал и Сибирь. Отсутствие начального **р-** может объясняться тюркским влиянием. Лексика Костромской группы говоров подверглась влиянию иноструктурных языков в отдельных звеньях. Ареалы явлений в большинстве случаев узкие, точечные, в некоторых случаях экстенциальные процессы коснулись целых корневых гнезд. Выводы, сделанные автором статьи, являются предварительными.*

Ключевые слова: диалектология, языковые контакты, фонетические процессы, лексикология.

В составе лексики костромских и ярославских говоров, входящих в Костромскую группу говоров севернорусского наречия, имеются так называемые экстенциальные лексические единицы, под которыми понимаются слова или их варианты, возникшие под влиянием соседней иноструктурной фонетической системы и отличающиеся от более широко распространенных слов признаками неисконного происхождения [9, с. 6].

В говорах Костромской группы своеобразно сочетаются явления ростово-суздальского и нов-

городского происхождения; надо полагать, что некоторые особенности костромских говоров, в частности поунженских, обусловлены соседством с иноязычными соседями [5, с. 313].

В определении состава модифицированных лексем, выступающих вариантами к известным словам, мы опираемся на данные СРНГ, ЯОС, а также на сведения, представленные в работах Н.С. Ганцовой [3; 4]. При подаче материала сохраняем географические пометы, использованные в источниках. Лексика распределяется в соответствии с отраженным в ней процессом.

В области **гласных** звуков наблюдается мена звуков **а** и **о**.

1. Употребление звука **а** в соответствии с обычным **о**.

1.1. Данный переход зафиксирован в позиции под ударением – **о** > **а**: **дра́ля** 'возлюбленный, возлюбленная, милый, милая (чаще – в частушках)' Ильин. Ярослав. [19, т. 4, с. 20], ср. **дро́ля** 'то же', широко известное в костромских и ярославских говорах [там же]; **вала́га** 'всякое жидкое кушанье, родовое название щей, супа, похлебки' Ярослав. [19, т. 2, с. 45], ср. **воло́га** 'то же' Солигалич. Костром., Брейт., Гавр.-Ям. Ярослав. [19, т. 3, с. 30].

1.2. Отмечается переход безударного **о** в ударный **а** как результат переноса ударения на предшествующий слог. Чаще такое явление касается первого слога: **па́дмылье** 'мыльная вода, следы мыльной воды, остающиеся после стирки, мытья' Моск., Ярослав. [14, т. 25, с. 133], 'слизь на дне посуды от мыльной воды' Ярослав. [19, т. 7, с. 76], ср. **подмы́лье** 'мыльная вода, оставшаяся после стирки, обмылки' Моск., Ярослав., Енис., 'остатки от куска мыла' Забайкал., 'самодельное мыло' Южн. Сиб., Сиб., Тобол., Новосиб. [14, т. 28, с. 69]; **па́цепка** 'цепочка' Ярослав. [14, т. 25, с. 298], ср. **поце́пка** 'цепочка; цепь' Ярослав., Влад., Вят., Волог., Арх., Беломор., Перм., Свердл. [14, т. 30, с. 369]; **са́мцы** 'обрешетины, которые кладутся на стропила крыши' Ярослав. [14, т. 36, с. 114], ср. **соме́ц**, мн. **сомцы́** 'одно из бревен, составляющих основу для стропил двускатной крыши' Арх., Волог., Калинин., Свердл. [14, т. 39, с. 314].

Аналогичное явление может происходить в первом слоге, в частности, с гласным **о** неисконного происхождения – [у >] **о** > **а**: **пала́груздь** 'съедобный гриб – груздь' Масл., Молог., Мышк., Углич. Ярослав. [19, т. 7, с. 78], ср. **полу́груздь** 1. 'гриб желтый груздь' Сок. Волог., 2. 'груздь невысокого качества, переросший груздь' Тот. Волог. [12, т. 7, с. 144].

Б.А. Серебrenников отмечает такую особенность многих языков, распространенных по северной части Евразии – от Норвегии до нижнего течения Оби, как «тенденцию к превращению разных звуков разного качества в гласный **а**. Такое явление наблюдается в саамском, ненецком, в северных диалектах мансийского языка, а также в хантыйском» [11, с. 13]. Указанная особенность могла затронуть и русские говоры, соприкасающиеся с данными языками.

2. Противоположное явление – произношение гласного **о** на месте **а** – может быть объяснено также внешним влиянием: «...Тенденция к превращению **а** в **о** в первом слоге прослеживается одновременно в татарском, чувашском и марийском языках. В марийском **а** первого слога превратилось в **о**, в чувашском в разных диалектах в **о** или **у**, а в татарском языке **а** первого слога превратилось в лабиализованное **а**» [11, с. 13].

Приведем примеры: **бб́ско** 'хорошо, красиво' Данил. Ярослав. [19, т. 2, с. 18], ср. **ба́ско** 'хорошо, приятно, славно (о внешнем виде человека, об окружающей обстановке, о погоде и пр.)' Антроп., Буйск., Игод., Солигалич. Костром., Большесел., Борисоглеб., Давыд., Данил., Любим., Пошехон., Пречист., Ростов., Рыб., Тутаев., Углич., Ярослав. [19, т. 1, с. 40]; **грб́ять** 'кричать, шуметь' Пошех. Ярослав., 'смеяться' Пошех. Ярослав. [14, т. 7, с. 155], ср. **гра́ять** 'кричать' Пошех. Ярослав., Волог., 'громко смеяться, хохотать' Арх., Каргоп. Олон., Волог., Новг., Вост. [14, т. 7, с. 119]; **обб́лка** 'небольшой воз сена, дров и т.п.' Данил. Ярослав. [19, т. 7, с. 5, 16], ср. **обáлка** 'то же' Тихв. Новг., Новг., Твер., Калинин., Ленингр., Калуж., Осташк. Твер., Волхов. Ленингр. [14, т. 21, с. 346], Любим., Мышк. Ярослав. [19, т. 7, с. 5], территориально близкое **обб́лушка** 'маленький воз' Пестов. Новг. [14, т. 22, с. 170], ср. **обáлушка** 'небольшой воз сена или дров' Стариц. Калинин. [14, т. 21, с. 347], **обалу́шка** 'то же' Рыбин. Ярослав. [19, т. 7, с. 6]; **Спо́сов день** 'в православном календаре – праздник Преображения Господня 19 авг. (6 авг. по ст. ст.), второй Спас, Спасов день' Ярослав. [14, т. 40, с. 242], ср. **Спа́сов день** 'в православном календаре – второй из трех праздников Христа Спасителя 19 авг.' Кирил. Новг., Пошех., Молог. Ярослав., Онеж., Пинеж. Арх. [14, т. 40, с. 120]; **зало́вок** 'полка около печи' Ярослав., Соликам. Перм. [14, т. 10, с. 213], ср. **зала́вок** 'лавка у стены, примыкающей к печи, используемаястряпухами вместо стола и шкафа' Бежецк., Кашин. Твер., Твер., Моск., Смол., Саратов., Пенз., Куйбыш., Волог., Влад., Новг., Петерб., Новосибир., Перм., Вят. [14, т. 10, с. 189].

Однако следует иметь в виду, что явление перехода **а** > **о** распространено по территории русских говоров довольно широко, например: **во́рить** – Байм. Башкир.; **бб́ло** – Вин., Мез. Арх., **пошо́ва** – Тихв., Пск., Твер., Олон., Пуд., Арх., **комно́тка** – Кунгур. Перм., **во́рвар** – Част. Перм., **заво́лина** – Остр. Пск. и т.п. Многие подобные лексические единицы представлены в работе [9]. Надо полагать, список слов, отражающих лексикализацию данного процесса, может быть пополнен, что даст возможность уточнить ареал явления и расширить поиск его истоков.

В области **согласных** звуков выделим следующие особенности экстенциального характера.

1. Мена звуков **в** ~ **б**: **битв́ина** 'тонкий березовый или ивовый прут, которым скрепляют (связывают) парные кольца в жердяной изгороди' Буйск., Галич. Костром. [19, т. 1, с. 60], ср. **витв́ина** 'прут, тонкая палочка' Кирил. Новг., «витые прутья для тына» Костром. [14, т. 4, с. 298]; **ботру́на** 'смесь сена и соломы, используемая как корм скоту' Антроп. Костром. [19, т. 2, с. 19], ср. **во́тра** 'мякина, остающаяся после молотбы' Буйск., Галич. Костром., Арх., Слобод., Орл. Вят., **во́трина** 'то же'

Вельск., Кадн., Тотем. Волог., Опоч. Пск., Пушк. Пск., Белозер. Новг., Пск., Смол. [14, т. 5, с. 160–161]; **бред** ‘вред’ Костром. Костром., **брeдá** ‘вред’ Буйск. Костром., Вят. [14, т. 3, с. 170], ср. *врeд* и *врeдá* ‘вред, порча, ущерб, убыток’ Пск., Влад., Яросл., Костром., Волог., Вят., Онеж., Шенк. Арх., Петерб., Кирил., Черепов. Новг., Твер., Моск., Калуж., Смол., Тул., Орл., Курск., Тамб., Дон., Перм., Том., Тобол., Забайк., *врeдá* ‘то же’ Тихв. Новг., Холмог. Арх., *врeдá* ‘то же’ Касим. Ряз., Корсун. Симб., Ставроп. Самар., Бирск. Уфим. [14, т. 5, с. 189]; **побредить** ‘повредить, ранить’ Буйск., Галич. Костром. [14, т. 27, с. 205].

2. Мена **б** ~ **г**: **гару́здить** ‘плохо (толсто и неровно) прясть’ Пошех. Яросл., Нейск. Костром. [19, т. 3, с. 70], **нагару́здить** ‘плохо что-л. сделать’, ‘плохо (толсто и неровно) напирать’ Пошех. Яросл. [19, т. 6, с. 88]. ср. *бору́здить* ‘?’ (в иллюстрации речь о небрежном движении) Шенк. Арх. [АОС т. 2, с. 86], *бору́здинка* ‘морщинка’ Онеж. Арх. [14, т. 3, с. 120], *буру́здить* ‘неумело, неловко грести (веслом)’ Медв. Карел. [СРГК т. 1, с. 143].

3. Мена **г** ~ **д**: **гля́ мо́дили** ‘для порядка’ Шунг. Костром. [3, с. 61], **гля́ча** ‘зачем, с какой целью’ Парфен. Костром., Брейт., Мышк., Пошехон., Ростов. Яросл. [19, т. 3, с. 81; 14, т. 6, с. 233], **гля́-ча** ‘для чего’ Пск., Осташк. Твер., Ростов. Яросл. [14, т. 6, с. 226], ср. *для́ча* ‘зачем’ Ростов. Яросл. [19, т. 44, с. 6]; **дроздо́к** ‘пучок лука, выросший из одной луковицы’ Костром., Нерехт. Костром., Тутаяв. Яросл. [19, т. 3, с. 109], ср. *гроздо́чек* ‘то же’ Рыбин. Яросл. [19, т. 3, с. 109]. Лексема образована от **дрозд** в том же значении Любим. Яросл. и представляет собой модификацию более широко известного слова *грозд* ‘то же’ Любим., Первомайск. Яросл. [19, т. 3, с. 109].

4. Мена согласных, различающихся **звонкостью** и **глухостью** [**d** ~ **t**]. Данное явление также носит экстенциальный характер: «В современном финно-угорском языкознании считается принятым, что в абсолютном начале слова не было звонких согласных, а были только глухие» [7, с. 125].

4.1. Отмечается **глухой** согласный на месте звонкого: **пато́г** ‘ударная часть цепа’ Ростов., Рязанц. Яросл., Аньков., Ильин.-Хован. Иван., ‘валек для выколачивания белья при стирке’ Данил. Яросл. [19, т. 7, с. 77], ‘палка’ Гряз. Волог. [СВГ т. 7, с. 15], ‘бато́г, палка’ б. м. [14, т. 25, с. 273], **пато́к** ‘короткая часть цепа, било’ Молоков. Калинин. [14, т. 25, с. 273], ср. *бато́г* ‘палка’ Волог., Арх., Олон., Новг., Смол., Тамб. [14, т. 2, с. 144]; **конобо́ббель** ‘ягода голубика’ Борисоглеб., Гавр.-Ям., Переслав., Ростов., Серед., Толбух. Яросл., Аньков. Иван. [19, т. 5, с. 59], ср. *гонобо́бель* ‘голубика’ [15, т. 3, с. 254], ср. также в псковских говорах **конобо́ль** ‘то же’ Аш., Остр., Сл. Пск. при более широко распространенном *гонобо́ль* ‘то же’ Гд., Дн., Кр., Нев., Н.-Рж., Остр., Пыт., Сер., Сош. Пск. [10, т. 7, с. 80].

В некоторых словах данный процесс сочетается с другими: с метатезой звуков первого слога после начального звука — **ttat-** > **tatt-**: **колта́ть** ‘глотать’ Яросл., Вост., Курск., Зап.-Брян., Орл. и **колто́к** ‘глоток’ Зап.-Брян. [14, т. 14, с. 195–196], ср. *глота́ть*, *глото́к*; с меной **г** ~ **д**: **кля́** ‘для’ Яросл. [14, т. 13, с. 328], см. **гля́** [< **для**] в п. 3.

4.2. Гиперкорректное употребление **звонкого** согласного в соответствии с обычным глухим согласным: **ба́хтать** ‘пахтать, сбивать масло’ Кинеш. Костром. [14, т. 2, с. 158], ср. *на́хтать* ‘взбивать (сметану, сливки и т.п.) мутовкой, рогаткой’ Галич. Костром., Черепов. Новг., Кадн. Волог., Никол. Самар. [14, т. 25, с. 296]; **бузато́й стручо́к** ‘созревший стручок’ Шунг. Костром. [3, с. 60], ср. *пуза-тый*; **гижо́й** ‘один за другим, гуськом, вереницей’ Брейт., Мышк., Пошехон. Яросл., ‘непрерывно, обильно’ Углич. Яросл. [19, т. 3, с. 74], ср. *кижо́й* ‘вереницей, друг за другом’ Пошехон. Яросл., *кижа́* ‘вереница (людей, животных и пр.)’ Пошехон. Яросл. [19, т. 3, с. 29]. Это явление, вероятно, вызвано сопротивлением русской диалектной системы такой особенности прибалтийско-финских языков, как отсутствие начальных звонких согласных *b, g, d* [6, с. 26]. Заметим, что такая мена представлена не только в начале слова: **пауды́** мн. ‘овод’ Костром. Костром. [19, т. 7, с. 84], ср. *соби́р. паута́* ‘овод’ Большесел. Яросл. [там же].

В области **анлаута** исследуемая лексика демонстрирует явления, обусловленные такой особенностью агглютинативных языков, как отсутствие сочетаний согласных в данной позиции: «В начале слова в финно-угорском языке-основе стоял только один согласный (или один гласный). Такое положение в общем сохранилось и в современных финно-угорских языках» [7, с. 119].

Стремление говорящего освободиться от начального сочетания согласных проявляется четырьмя способами, представленными в разных русских говорах. Обратим особое внимание на лексические единицы, бытующие на описываемой территории.

1. **Упрощение** двухкомпонентного сочетания до одного звука: **tt-** > **t-**. Слово **ра́йник** в костромских говорах имеет значение ‘большой, обширный лес’, в забайкальских — ‘огороженное место для телят’ [14, т. 34, с. 86]. Семантически и географически более близко к костромскому родственное слово **ра́йка** ‘молодой лес, поросль’, ‘густой лес, чаща’, ‘лес (любой)’ Выт. Волог., которое в вытегорских говорах имеет также значение ‘просека’ [13, т. 5, с. 391]. Последний семантический вариант лексемы **ра́йка**, как и ‘дыра’ Север., Олон. [14, т. 34, с. 86], отчетливо сохраняет сему ‘граница, край’, проявляющуюся и у слова **ра́йник** в говорах Забайкалья. Модификациями слова **ра́йка** являются **ра́ека**, **ра́яка**, **ра́ек**, бытующие также в вытегорских говорах с отмеченной семантикой [13, т. 5,

с. 391]. Суффикс **-к-** с его вариантами объясняется заимствованием из карел. *rajakko* 'раскорчеванный участок' [17, т. 3, с. 432], образованного от *raja* 'граница, рубеж; предел' (< слав. *край*) с помощью суффикса *-kko*, и, следовательно, все эти слова имеют исходный славянский корень [2, с. 188]. Видимо, первоначальным значением слова *rajakko* было 'участок, имеющий границы' или 'пограничный участок'. На севернорусской территории группа слов с обновленным корнем (**рай-** < **край-**), используемых для обозначения лесного участка на месте запущенной подсеки, не без влияния прибалтийско-финских языков приобрела специфические семантические компоненты и, будучи формально противопоставленной лексике с корнем **край-**, пополнилась новообразованиями, к которым, в частности, относится и лексема **ра́йник**. Важно отметить, что в говорах других территорий известно слово **край** 'опушка леса' Смол., Калуж., Новг., Новосиб., 'лес' Жиздр. Калуж. [14, т. 15, с. 163].

2. **Метатеза** гласного и согласного в анлауте по формуле **ttat-** > **tatt-**: **куртиться** 'завиваться, скручиваться (о шерсти)' Яросл. [14, т. 16, с. 146], ср. *кру́титься* 'соединяясь, свиваться, скручиваться' Кр. Пск. [ПОС т. 16, с. 249]; **горба́рка** 'вид телеги, у которой вместо ровного настила (полка) – ящик с наклонными наружу стенками' Ростов. Яросл. [19, т. 3, с. 69], ср. *граба́рка* 'тачка, повозка для перевозки земли' Курск., Моск. [14, т. 7, с. 102], 'дроги для перевозки бревен с устройством, позволяющим удлинять их' Большесел., Некоуз. Яросл. [19, т. 3, с. 103]; **кропотли́вый** 'кропотливый' Рыб. Яросл. [14, т. 14, с. 372], ср. *кропотли́вый*.

3. **Эпентеза**, то есть появление вставного гласного в консонантном анлауте, **tt-** > **tat-**. Яркий пример данного явления в лексике Костромской группы говоров – преобразование слов с корнем **груст-**: **гару́ститься** 'грустить, печалиться, быть в угнетенном состоянии' Борисоглеб., Гавр.-Ям., Первомайск., Переслав. Яросл., Ильин.-Хован. Иван., Нерехт. Костром. [19, т. 3, с. 70]; **гору́стить** 'досаждать чем-л.; наводить на кого-л. уныние, грусть', **гору́ститься** 'печалиться, унывать, грустить', **гору́стный** 'грустный, скучный', **гору́стно** 'грустно, скучно', **гору́сть** 'грусть' Ростов. Яросл. [14, т. 7, с. 72]; **сгоросту́ться** 'взгрустнуть' Кинеш. Костром., Костром., **сгороу́ститься** 'загрустить' Костром. [14, т. 37, с. 39]; ср. *грусть*. Ср. также преобразование вышеуказанного слова *граба́рка*: **гараба́рка** 'то же, что горба́рка' Переслав., Рязанц. Яросл. [19, т. 3, с. 69].

4. Возникновение **протетического** гласного связано с упрощением трехкомпонентной консонантной группы: **ttt-** > **tt-** > **att-**. Начало данного процесса естественно для русской речи, а протеза, как результат стремления говорящего освободиться от сочетания согласных в анлауте, представляет собой, на наш взгляд, явление экстенциального характера.

Примером может служить слово **оздава́льничка** 'женщина, сопровождающая невесту в баню, подающая пар' Ветл. Костром. [14, т. 23, с. 86], ср. *вздава́ть* 'плескать воду на банную каменку' Кади. Волог., Смол. [14, т. 4, с. 258]. Вполне возможно, что слово **оздава́льничка** могло образоваться от лексемы **сдава́ть** 'плескать воду на раскаленную каменку в бане, поддавая пару', известной костромским и некоторым другим говорам [14, т. 37, с. 50]. В любом случае собиратель отразил в записи реальное произношение слова. Следовательно, ориентируясь на засвидетельствованные данные, предполагаем два решения: 1. **взд-** > **зд-** > **озд-**, 2. **сд-** (в произношении **зд-**) > **осд** (**озд-**). Однако, если иметь в виду, что глагол **сдава́ть** в указанном значении возник на базе глагола **вздава́ть**, с соответствующими фонетическими преобразованиями, что повлекло за собой формальную замену приставки **вз-** приставкой **с-**, то объективно правильным следует считать первый путь модификации. Аналогично появляется и протеза **и-**: **издыма́ть** 'поднимать' Галич. Костром. [14, т. 12, с. 132], ср. *вздыма́ть*.

При изучении вопроса о внешнем влиянии на облик русского слова показательными являются лексемы, **начинающиеся с плавного р-**. На территории изучаемых говоров отмечается, в частности, мена начального плавного **р-** ~ **ј-**: **ебро́** 'ребро в теле человека или животного' Аньков., Ильин.-Хован. Иван., Борисоглеб., Некоуз., Переслав., Ростов., Углич. Яросл., Костром. [19, т. 4, с. 32], 'ребро' Молог., Ростов. Яросл., Белозер. [14, т. 8, с. 311], ср. *ребро́*. Вариант **ёбро** 'ребро' известен в ареале, частично совпадающем с первой модифицированной лексемой, – Ильин.-Хован. Иван., Брейт., Борисоглеб., Бурмак., Некрас., Ростов., Рыбинск., Углич., Яросл. Яросл. [19, т. 4, с. 32]. Производные имеют узкую зону бытования: **ёбрышко** 'ребро' Ростов. Яросл., **ебрачо́к** 'узкий край какого-либо предмета, ребро' Ильин.-Хован. Иван. [19, т. 4, с. 32].

Отсутствие начального **р-** может быть объяснено такой особенностью звукового строя агглютинативных языков, оказывающих влияние на русский язык в контактных зонах, как противопоставленность использования сонантов в начале корня: «...Слог, начинающийся с согласного R, не может быть началом корня» [8, с. 347]. Среди общих черт, характеризующих консонантную систему тюркских языков, отмечаются следующие: «Обычны ограничения на встречаемость согласных фонем в позиции начала слова, тенденции к ослаблению начальной позиции, ограничения на сочетаемость фонем. В начале исконного тюркского слова не встречаются l, n, λ [> š], ř [> z]» [16, с. 158]. Предположение о влиянии структурных особенностей слов тюркских языков на внешний облик некоторых лексем русских говоров впервые высказал Ф.П. Филин,

Диалектные слова с основой рукотер- и их экстенциальные варианты

РУКОТЕР [НИК], РУКОТЁР [КА], [ОК]			
Рукотёр , с. Арх., Влад., Вят., Нижегород., Перм., Ср. Урал., Курган., Тобол., Новосиб., Алт., Том., Кемер. -ник , с. Вят., Ярослав., Волог., Олон., Арх., Сев-Двин., Ленингр., Новг., Перм., Свердл., Ср. Урал., Курган., Тобол., Оренб., Нарым., Новосиб., Алт., Том., Кемер., Енис., Хакас., Краснояр., Иркут., Забайкалье, Бурят. -ка , с. Медв., Кондоп., Кем., Пуд. Карел., Карг. Арх., Уст., Чаг. Волог.			
I	II	III	IV
1. Рукотельник Крестец. Новг., Волог., Свердл., Башк. АССР, Новосиб. Рукотельничек К.-Г., Нюкс., Тарн. Волог. Рукотельница Любим. Яросл. 1а. Рукотейник Павлодар	1. Лукотёрник Енис. Енис., Краснояр., Иркут. 1а. Лукотёрник Том., Кемер., Свердл., Кабан. Бурят 1б. Локутёрник Черемх. Иркут.	1. Укотёрник Кемер. 1а. Укотёрник Алт. 1б. Укутёрник Амур. 1в. Окутёрник Шенк. Арх., Слобод. Вят., Перм. Укотельник [геогр.?]	1. Котёрник Нгр. Вят.
2. Рукодельник В.-У. Волог.	2. Лукотёрок Таборин. Свердл.	2. Окотёрок Углич. Яросл. ----- 3. Укотóрок Чаг. Волог.	2. Котельник Урж. Вят. 2а. Кутельник Богуч. Краснояр.
3. [Раскутёрник] Волог. Волог., Вохом. Костром.		4. Укотёрка Уст. Волог.	
		5. Укотёрт Богд. Свердл. Укутерат Пышм. Свердл.	

отмечавший наличие протетического гласного перед звуками р, л в словах типа **арепейник** [< **репейник**], что характерно и для заимствований в тюркских языках [18, с. 31–32].

В связи с этим интерес представляет группа диалектных слов с исходной сложной основой **рукотер-** 'полотенце для рук'. В этом значении в Костромской группе говоров широко распространены лексемы, образованные от основы **утир-**: **утирка**, **утиральник** и др. [4, с. 122; 19, т. 10, с. 22]. Обратим внимание на необычные слова **окотёрок** Углич. Яросл. [19, т. 7, с. 42] и территориально близкое, несколько отличающееся фонетически **укотóрок** Чаг. Волог. [СРГК, т. 6, с. 599], которые входят в общую семантическую группу (см. таблицу 1).

Материал таблицы показывает, что значительная часть модифицированных лексем отражает такие нерегулярные явления, как мену **р-** и **л-**, их утрату в анлауте и усечение первого слога. Подчеркнем, что основной ареал подобных вариантов – говоры Сибири и Урала, что свидетельствует,

возможно, о тюркском влиянии, затронувшем и костромские говоры.

Итак, в составе лексической системы говоров Костромской группы представлены исконно русские слова, испытавшие влияние иноструктурных языков. Некоторые из них в пределах Костромской группы имеют узкий, чаще точечный ареал (**драля**, **самцы**, **оздавальничка** и др.), другие относительно широко распространены (**горуст-**). Обнаруживается четкая связь с говорами Вологодской группы, а также с псковскими, новгородскими, тверскими говорами. Проанализированный нами материал составляет малую долю массива экстенциальных лексических единиц, бытующих на описываемой территории. Внимание к другим видам явлений и процессов экстенциального характера позволит уточнить предварительно сделанные нами выводы.

Примечание

Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприя-

тий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

Библиографический список

1. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. – Вып. 1–15. – М.: Изд-во Московского ун-та; Наука, 1980–2013 (продолжающееся издание).
2. Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань, 1890. – Т. 8, вып. 1. – 303 с.
3. Ганцовская Н.С. Костромское народное слово. – Кострома, 2003. – 215 с.
4. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова / отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.
5. Захарова К.Ф. Костромская группа говоров // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. – М.: Наука, 1970. – С. 290–313.
6. Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). – М.: Наука, 1975. – С. 5–122.
7. Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – С. 108–213.
8. Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. – М., 2003. – 395 с.
9. Михайлова Л.П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. – Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: ООО «Вариант», 2013. – 352 с.
10. Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–24. – Л.; СПб., 1967–2013 (продолжающееся издание).
11. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М.: Наука, 1968. – 127 с.
12. Словарь вологодских говоров / ред. Т.Г. Паникаровская; Л.Ю. Зорина. – Вып. 1–12. – Вологда: Русь, 1983–2007.
13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994–2005.
14. Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–46. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013 [СРНГ] (продолжающееся издание).
15. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. – М.; Л., 1948–1965.
16. Тенишев Э.Р., Поцелуевский Е.А., Дыбо А.В. Тюркские языки // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия: в 3 т. / Ин-т языкознания. – Т. 3. – М.: Наука, 2005. – С. 154–168.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–4. – М.: Изд-во «Прогресс», 1964–1973.
18. Филин Ф.П. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования) / ред. Ф.П. Филин. – М.; Л., 1966. – С. 27–34.
19. Ярославский областной словарь / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. – Вып. 1–10. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991 [ЯОС].

ОБОЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ В СЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена исследованию диалектной интерпретации понятия «время» в лексике периферийных славянских говоров. Одним из способов исследования является анализ полисемичных лексем, значения которых указывают на взаимосвязь различных фрагментов концептосферы и логосферы. В обозначении времени на славянской языковой территории отмечаются сложные ассоциативные связи с различными фрагментами других смысловых сфер. Очень существенным для интерпретации времени является восприятие времени как поры, подходящей ситуации для какой-либо деятельности. Важным свойством содержания понятия «время» является его связь с пространством. Причем временное пространство – это не просто линейная протяженность, а сложное понятие, которое обладает еще и метафорическим переосмыслением. Иногда диалектный контекст позволяет, в духе А.А. Потебни, вернуть первоначальный образ, положенный в основу наименования. Другой гранью славянских диалектных обозначений времени, помимо их многозначности, является функция распределения жизни человека по определенным циклам. При этом само понятие «время», помимо указания на периодизацию жизненного цикла и его воплощение, означает и границы бытия вообще, реального мира и реальной жизни. Таким образом, согласно диалектным наименованиям, время для носителей славянских говоров – особая система меры, это понятие, кристаллизующее и синтезирующее в себе ощущения от самых разных сторон жизни человека, проявляющиеся в структуре многозначного слова.

Ключевые слова: понятие «время» в диалекте, периферийные ареалы, полисемия, концептосфера и логосфера.

Время является одной из важнейших категорий в системе мировосприятия человека. Обычно время воспринимают как некую шкалу измерения происходящих процессов. Однако семантика диалектных лексем представляет гораздо более сложную интерпретацию времени. В процессе языковой/диалектной номинации те или иные обозначения фиксируют представления и понятия человека. Результатом этой фиксации являются не только линейные языковые единицы, но и определенные семантические феномены, в частности особые способы семантической мотивации наименования. При этом реализуется и сохраняется традиционная система образов языка/диалекта, его метафорический код.

Для характеристики данного аспекта номинации особую значимость представляет исследование диалектных данных, поскольку диалект представляет собой более естественное по сравнению с литературным языком явление. В этом отношении невозможно переоценить роль диалектных словарей. Речь прежде всего об иллюстративном материале, о цитатах, содержащихся в словарях, которые дают возможность оценить контекст и, как следствие, увидеть структуру значения лексемы во всем ее богатстве и сложности, обнаружить семантические оттенки, цепочки и сдвиги, ведущие от значения к значению и связывающие их.

При выборе материала для изучения необходимо учитывать и ареальный аспект существования диалекта. Традиционно считается, что периферийные диалектные зоны более консервативны и лучше сохраняют наиболее архаичные языковые черты, в том числе и лексические, которые, в свою очередь, передают глубинные семантические архетипы. Такими диалектами на территории Славии, с точки зрения расположения ареалов их распро-

странения, являются северославянские говоры: кашубские, нижнелужицкие, польские, северо-западные белорусские и ярославские, а также говоры Юга Славии – словенские, родопские болгарские.

Славянская диалектная хрономимия представляет собой очень объемное и в количественном, и в качественном отношении культурно-языковое явление. Несмотря на ее разносторонний характер, можно выделить некоторые особенности славянского восприятия времени, запечатленного в диалектах.

Многогранно само родовое понятие «время». В обозначении времени на славянской языковой территории отмечаются сложные ассоциативные связи с различными фрагментами других смысловых сфер. Так, в нижнелужицких говорах отмечены лексемы со следующими значениями: *cera* 'время жизни' и вместе с этим 'канавка, незамерзающая часть водоема с быстрым течением' [7, вып. 1, с. 118–119], *doba* 'удобное время, пора' и 'мера, степень' [7, вып. 1, с. 174–175], *gód(a)* 'время' и 'случай, повод' [7, вып. 1, с. 287], *chyla* 'некоторое количество времени' и 'минутка, досуг' [7, вып. 1, с. 510], *dowor* 'свободное время' и *dowogaś* 'допахать' [7, вып. 1, с. 194], *zachod* 'прошлое' и 'заход солнца' [7, вып. 2, с. 1012] (последний пример затрагивает очень значимую тему о смысле и взаимосвязи настоящего, прошлого и будущего в славянских языках, поскольку заход солнца является символом конца дня, а не его начала). В северо-западных белорусских говорах небольшой промежуток времени называется, как мелочь: *макульня* – 'мелочь, мелкая вещь' и 'минута': *не заснула ни на макулинку* [2, вып. 3, с. 17]. В болгарских говорах подобную взаимосвязь представляют такие наименования, как *мейдан* 'время' и 'возможность' [6, с. 206], *ава* 'время' и 'обстоятельство', 'настрое-

ние' [3, с. 201]. В ярославских говорах в значениях 'время, период' и 'смерть' зафиксирована лексема *выход* [4; 3, с. 60] (*выход*: 1) 'время, период' (*я не прежнёва выходу*); 2) 'смерть'). Здесь приведенное слово обозначает время, скорее, как пору, что очень характерно для славянского языкового сознания. Аналогичный способ семантической мотивации встречается, кроме того, в наименовании весны среди хрононимов в других регионах Славии, а также на неславянской языковой территории. В словенских говорах отмечена лексема *viležej* 'весна' и 'восход солнца' [8; 2, 769]. В южнонемецких диалектах для обозначения весны используется лексема *hinauswärts* [10, с. 92] с использованием того же образа «выхода» природы.

Восприятие времени как поры, подходящей ситуации для чего-либо в ярославских и других славянских говорах, если не доминирует, то является очень существенным для его интерпретации (*корова на времени* – 'в последний период перед отелом' [4; 6, с. 76], *невремя* – 'некогда' [4; 6, с. 127]; для сравнения – *безвремче* 'преждевременно оплодотворенный скот' в болгарских родопских говорах [3, с. 155]). На основании анализа языковых (диалектных) данных можно сделать вывод, что время – это категория, синтезирующая, составляющая в единое целое отдельные фрагменты целостного мироощущения. В частности, в говорах Ярославской области хрононимы, с одной стороны, активно используются для обозначения самых разных понятий, не связанных с исчислением или характеристикой времени, например, *с неделю ростом* – 'об очень высоком человеке' [4; 9, с. 5], с другой – различные явления жизни человека становятся семантической основой наименований отрезков времени: *месяц хват* 'месяц, когда женятся' [4; 6, с. 44], *месяц кай* 'месяц, когда каются после женитьбы, якобы разочаровавшись друг в друге' [4; 6, с. 44].

Лингвистический аспект исследования восприятия времени носителями диалекта во многом определяется ответами на вопрос, каким образом оно отражается в лексике. Особую значимость в данном отношении представляют диалектные номинативные единицы, так как именно в говорах весьма наглядно выявляются утраченные в литературном языке способы семантической мотивации наименований (например, принцип номинации периода времени, состоящего из дня и ночи, как их «стыка»: *сутки* – 'угол между голбцем и стеной (возле печи)', – *сапоги поставлю в сутки* [4; 9, с. 89]) и, главное, сохраняется традиционная система образов языка. В первую очередь представляет интерес изучение диалектной интерпретации самого родового понятия «время» в диалектах, с точки зрения образа, положенного в основу наименования. Интерпретировать и формулировать значение можно исходя из контекста, в частности, значение

лексем *час* в выражении *Бог часу не дает* (например, *картофель копать*) [4; 10, с. 48] – 'нет времени что-либо сделать'. Здесь время представлено в одной из своих граней – поры, периода, подходящего для того или иного вида деятельности.

Важным свойством содержания понятия «время» является его связь с пространством. Причем пространство – это не просто линейная протяженность (например, в северо-западных белорусских говорах: *намало* 'на короткое время' [2, вып. 3, с. 160]), а сложное понятие, которое, помимо объемных физических характеристик, обладает еще и метафорическим переосмыслением. Иногда диалектный контекст позволяет, в духе А.А. Потебни, вернуть первоначальный образ, положенный в основу наименования, в частности образ времени как переворачивающегося, вращающегося: *перавернуцца – уступиць у новы перыяд жыцця; як на васьмую дзясятку перавернуцца, так и усе* [2, вып. 3, с. 484]. Диалектное время может «стягиваться»: *сцягнуць врэмя* – 'быць доўгі час перашкодай': *яго жонка дваццаць гадоў хварэла, сцягнула мужыку врэмя* [2, вып. 5, с. 46]. Пространственные характеристики ярко проявляются, например, в ярославских говорах при передаче временного значения 'очень давно' с помощью устойчивого словосочетания *по край свету* [4, вып. 8, с. 11]. Аналогичный образ отмечен в польских загожанских говорах: *jak świat światem* – 'od dawna, od niepamiętnych czasów, zawsze' ('давно, с незапамятных времен, всегда') [5, с. 52]. Отмечено также использование других повторяющихся образов, например образа куска как малого или большого количества времени. В кашубских говорах небольшой отрезок времени именуется *štek čase* [9, с. 200], то есть как кусок времени. Причем в данном примере в значении 'кусочек' использовано заимствование из немецкого языка (*Stueck*). В северо-западных белорусских этот образ также встречается, но уже в значении 'много времени': *имат гадоў жыла адна; чатэрэ часа – имат часу, цёмно* [2, вып. 5, с. 486–487].

Другой гранью славянских диалектных обозначений времени, помимо их многозначности, является функция распределения жизни человека по определенным циклам, в частности: *прытар* 'время страды' [2, вып. 4, с. 152], *укопки* 'праздник в день окончания выкапывания картофеля' [2, вып. 5, с. 198] в северо-западных белорусских говорах; *fajerant* 'конец работы, перерыв в работе, отдых' в польских говорах [5, с. 35]. Прямое указание на важность указанной функции подобных хрононимов содержит следующая белорусская цитата – *гэта была у жытнім жніве, у гаўсяным жніве, гэты была у бульбакопя – калісці так вызначалі час, людзі не зналі чыслы* [2, вып. 5, с. 442–443]. При этом само понятие «время», помимо указания на периодизацию жизненного цикла и его воплощение, означает и границы бытия вообще, реального

мира и реальной жизни: *па часе* – ‘позна’ (здесь ‘поздно’ истолковывается как ‘после времени’), *па часе стали лечыць* [2, вып. 3, с. 269].

Еще одной характерной особенностью народного восприятия времени, запечатленного в диалекте, является отсутствие прерывности и линейной последовательности между прошлым, настоящим и будущим: в ярославских говорах, в частности, лексема *напреди* обладает значениями как ‘в будущем’, так и ‘сперва, сначала’ (то есть фактически – в прошлом) [4, вып. 6, с. 108]. Подобное семантическое явление наблюдается и в северо-западных белорусских говорах: *дзедушка умер перадам* (вперед, то есть – раньше) или *цяпер и на гаспадарках не так кепско, як уярот* (буквально – ‘впереди’, но на самом деле – ‘сзади, в прошлом’). Аналогично в том же диалектном ареале: *уярот па-беларуску и па-польску размаўлялі* [2, вып. 5, с. 215–216] но, с другой стороны, *тое ж было два лет устэч* (назад) [2, 5, с. 237], в данном случае значение ‘раньше, давно’ передается лексемами со значением то ‘впереди’, то ‘сзади’ – *уярот* и *устэч*. Нижнелужицкое *dawetko*, обладающее значениями ‘прежде, недавно, доньше’ и ‘только что’, наглядно демонстрирует процесс постепенного «перерастания» прошлого в настоящее [7; 1, с. 161]. Подобный «синтез» времен в рамках значения одной лексемы характерен и для немецкого диалектного материала: *allweil* ‘всегда’ и наряду с этим значением – ‘ныне, в настоящее время’ [10, с. 36].

Если говорить о лингвогеографическом аспекте, то можно отметить некоторые семантические ареалы. Один из них связан с обозначением утра. Довольно обширный ареал охватывает наименование этого времени суток как периода, предшествующего дню, дневному свету: *надоднік* [2, вып. 3, с. 139], *дасвету* (*усё дасвету парабіла*), *прададнем* [2, вып. 4, с. 72] ‘время до рассвета’ в северо-западных белорусских говорах. У лужичан зафиксировано выражение *do dña* в значении ‘рано утром’ [7, вып. 1, с. 173], в польских загожанских говорах *dnieć* – *świtać, rozwidniać się* [5, с. 25], *do dnia* – ‘рассвет, время около четырех часов утра’ [5, с. 25]. Здесь возникает значимый вопрос о границах ночи и дня, а также зимы и весны, весны как утра года. В кашубских говорах ‘ранняя весна’ – буквально ‘быстро заканчивающаяся зима’: *réxlō zéta* [9, с. 181]; отметим, что весна в кашубских говорах обозначается как производное от корня со значением ‘зима’: *zimk* «весна» [9, с. 270], *poezimk* «вторая половина весны» [9, с. 159]. Другой северо-западнославянский ареал представляют обозначения утра, в которых его признаком в говорах являются темнота, сумерки, серый цвет природы. *На цемачку – досвиткам устала на цемачку* [2, вып. 5, с. 346], *ша(э)рая гадзина – змрок, прыцёмки, шараць – виднэца, наступаць пра ранак и ззяркац-*

ца [2, вып. 5, с. 462]; эта изосема продолжается на южнонемецкой диалектной территории – *grauen* (буквально: становиться серым) ‘рассветать’ [10, с. 80]. В восточнославянских ярославских говорах утро характеризуется белым цветом – *бело* [4, вып. 1, с. 49], подобная мотивация для утра, но уже после наступления рассвета, встречается и в польских говорах: *grali do biolego rana* (играли до «белого», то есть до позднего, утра) [5, с. 237]. Таким образом, раннее утро у северо-западных славян – это сумерки и, скорее, окончание ночи, чем наступление дня.

Для восточнославянских говоров, в свою очередь, характерно восприятие времени как поры, подходящей как для определенных событий, происходящих помимо воли человека, так и для различных видов хозяйственной деятельности. Это можно наблюдать на примере производных от существительного *пора*: *неупорны* – ‘тот, кто появился на свет раньше срока’: *памерло дзиця, неупорно был; каму прышло врэмя – умирая, а не будзя пара – паздаравя, умирая не стары, а паравы* [2, вып. 5, с. 208].

Характерной чертой ярославских говоров на общеславянском фоне является отсутствия заимствований в обозначениях времени и сопутствующих явлений. В севернославянских и южнославянских диалектах они довольно широко представлены: *uplĕn* – «водпуск, адпачынак» в северо-западных белорусских говорах [2, вып. 5, с. 224]; названия вербного воскресенья *balabnica* (от немецкого *Palmsonntag*) [7, вып. 1, с. 12] и Троицы *biře* (от древневерхненемецкого *fira* «праздник») [7, вып. 1, с. 35] в нижнелужицких говорах; наименование Пасхи (из немецкого *Ostern*) – *jastry* в нижнелужицких [7, вып. 1, с. 534] и *jastre* в кашубских говорах (от немецкого *Ostern*) [9, с. 61], кашубское *šteńa* «час» из немецкого *Stunde* [9, с. 211].

Лексические заимствования также представляют интерес в семантическом плане, поскольку заимствование может быть обусловлено «слабостью» языковой/диалектной репрезентации определенного фрагмента понятийного поля, то есть особенностями семантической сферы языка/диалекта в целом. Так, среди различных заимствований в славянской хрононимии обращает на себя внимание тот факт, что чаще других в обозначениях интервалов времени иноязычным является наименование астрономического часа: *ōro* в словенских резьянских говорах из итальянского [1, с. 10], *saxam* в болгарских говорах из турецкого [3, с. 516], *šteńa* – в кашубских говорах из немецкого *Stunde* [9, с. 211]. Допустимо предположение, что наименование именно этого отрезка времени представляет собой «слабое» семантическое пространство в славянской диалектной логосфере. Этому явлению существует естественное экстралингвистическое объяснение: выделение в сутках часов –

гораздо более позднее явление, чем языковая сегментация дня и ночи, рассвета и заката, поэтому здесь открываются более широкие возможности для иноязычного влияния.

Интересно привнесение в хрононимию этнических мотивационных признаков. Так, в польских говорах отмечено выражение *ruski miesiąc* в значении 'неоправданно долгое для выполнения определенной деятельности время' (*znowu będziesz to robił ruski miesiąc* – снова будешь делать это русский месяц) [5, с. 157]. Об устойчивости этого оборота свидетельствует наличие народной этимологии, объясняющей большую длительность русского месяца тем, что, в соответствии с юлианским календарем, он заканчивается позже григорианского, католического.

Таким образом, согласно диалектным наименованиям, время для носителей славянских говоров – особая система меры, это понятие, кристаллизующее и синтезирующее в себе ощущения от самых разных сторон жизни человека, проявляющиеся в структуре многозначного слова.

Библиографический список

1. Бодуэн-де-Куртенэ И.А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895. – 238 с.

2. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.

3. Стойчев Т. Родопски речник. Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга V. – София: Българска академия на науките. Институт за български език, 1970.

4. Ярославский областной словарь: учеб. пособие: в 10 вып. – Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1981–1991.

5. Kobylińska J. Słownik gwary gorczańskiej (zagórzeńskiej). – Kraków: Wydawnictwo Naukowe AP, 2001. – 223 s.

6. Koseska-Toszeva V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. – Wrocław: Ossolineum, 1972. – 134 s.

7. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Вып. I. – Петроград: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. – 992 с.

8. Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Вып. I–II. – Ljubljana, 1894–1895.

9. Ramult S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. – Krakow: Nakładem Akademii umiejętności, 1893. – 323 с.

10. Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. – 224 с.

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В НОВГОРОДСКИХ ГРАМОТАХ XI–XV ВЕКОВ

В статье рассматривается вопрос о нетипичных для древнерусской словообразовательной системы способах словопроизводства в новгородских берестяных грамотах и официально-деловых документах Великого Новгорода XI–XV веков. В качестве объекта исследования выступают существительные с единичными по продуктивности суффиксами, которые в новгородских грамотах XI–XV веков приобретают индивидуальное значение, контрастирующее по своей функциональности с общей древнерусской словообразовательной ситуацией. Основным способом словообразования, меняющим отношения между производным и производящим, становится неморфологический, а именно лексико-семантический способ, который с течением времени преобразовывал лексическое значение слова и менял его грамматический статус. Помимо лексико-семантического, в новгородских грамотах XI–XV веков использовались и традиционные морфологические способы словопроизводства, самым распространенным из которых является суффиксация, обладающая также индивидуальными признаками в отдельном северо-западном древнерусском регионе. Исследование единичных примеров производных суффиксальных существительных сопровождается лексико-семантическим и структурно-грамматическим анализом слов, входящих в один словообразовательный тип. Выявленные индивидуальные особенности окказионального словообразования существительных в новгородских грамотах XI–XV веков дают общее представление о характере словообразовательной системы Великого Новгорода XI–XV веков и дополняют сведения о всей древнерусской словообразовательной и грамматической традиции этого периода.

Ключевые слова: окказиональное словообразование, новгородские берестяные грамоты, официально-деловые грамоты Великого Новгорода XI–XV веков, лексико-семантическое словообразование, суффиксация.

Анализ словообразования существительных в новгородских памятниках письменности выявил некоторые интересные примеры, которые заставляют задуматься об индивидуальных особенностях древненовгородского диалекта на словообразовательном уровне.

Так, существительное «людьщикъ» обозначает реалию пространственно-географической сферы и служит наименованием определенного рода дороги. Оно является отыменным производным, в качестве мотивирующего имеет существительное «люди» или собирательное «людие» (людье). Уникальность существительного «людьщикъ» состоит в том, что оно имеет значение конкретной предметности, тогда как суффикс -щик, присоединяясь к производящим именным основам, указывал на лицо мужского пола, названное по отношению к мотивирующему (сборщикъ, праведьщикъ и т.д.). Примечательно, что в новгородских берестяных грамотах не зафиксировано ни одного производного с суффиксом -щик(-щик) с личным значением и, наоборот, засвидетельствовано производное «людьщикъ» с конкретно-предметным значением. Возможно, данная черта присуща древненовгородскому диалекту. В данном случае суффикс -щик(-щик), являющийся результатом переразложения двух суффиксов -ськ (-ск) и -ик, указывает на предмет, предназначенный для того, кого обозначает мотивирующее существительное.

Немаловажен и тот факт, что существительное «людьщикъ» имеет приименный адъективный атрибут – «княжь» (княжеский), который подчеркивает функциональную принадлежность определяемого слова. То, что это свободное, а не

топонимически связанное словосочетание, доказывают примеры из официально-деловых грамот Великого Новгорода XI–XIV вв. Так, в «Данной Антония Римлянина Антониеву монастырю» (не позднее 1147 г.) находим: «А обводъ тои земли от Волхова Виткою ручьемъ вверхъ, да на Лющикъ, да Лющикомъ ко кресту, а от креста да на коровеи погонь...» [1, с. 159]. Упоминание «людьщика» содержится и в «Рядной Федора Акинфовича» (уже, правда, XV в.): «...с каменои граници да в улицю межи полъ черезъ лющикъ на осиновою границю, с осиновою граници на березовую границю» [1, с. 180].

Не исключено, однако, и то, что существительное «людьщикъ» имело непосредственно мотивирующую основу – прилагательное «людьский», при такой мотивации надо выделять суффикс -ик, а не -щик. Кстати, в новгородских берестяных грамотах много относительных прилагательных с суффиксом -ськ (-ск), в том числе функционирующих в качестве топонимов: Череньское, Еремкинское, Десятьское, Городечьское, Которьский.

Не менее интересна словообразовательная интрига слова **лошакъ** (например: «Хотя подо мною что останѣтъся, или лошакъ или оружье, то все даю святому Георгию» (Гр. №105)). Точное лексическое значение существительного **лошакъ** в древненовгородском диалекте помогает установить другое одноструктурное слово **уныакъ** (металлический шлем с острием наверху, шишак).

Существительные с суффиксом -ак (**лошакъ**, **уныакъ**) – это слова мужского рода, обозначают предмет воинских доспехов (**уныакъ**) и название живого существа (**лошакъ**).

Без сомнения, оба слова являются отыменными производными и в качестве производящих имеют имена существительные: **лоша** – **лошакъ**, **ѹнѹа** – **ѹнѹакъ**. При этом, как легко заметить, изменяется грамматический род производного при сравнении с производящим, что делает словообразование с суффиксом -ак почти уникальным среди других отыменных (отсубстантивных) способов, когда в большинстве случаев преобладала тенденция к сохранению грамматического рода производящего производным. Оба существительных являются производными на 1-й ступени словообразования.

Достаточно прозрачное значение суффикса -ак в словоформе «**ѹнѹакъ**» контрастирует, на первый взгляд, с затемненным и спорным значением данного словообразовательного форманта в слове «**лошакъ**». Из контекста выходит, что «**ѹнѹакъ**» – это существительное, обозначающее предмет (заметим, употребляемый в военной сфере), содержащий в себе в малых размерах то, что называется мотивирующее слово. Возможно, не столько значение суффикса -ак в производном «**ѹнѹакъ**», сколько сфера употребления и функциональная принадлежность этого слова способны помочь при истолковании спорного значения существительного «**лошакъ**». Свою гипотезу значения этого слова дал и обосновал, например, А.А. Зализняк [2, с. 418]. К выдвинутому им предположению, на наш взгляд, уместно добавить следующее: «**лошакъ**» – это не просто молодой конь, это молодой здоровый конь, способный принимать участие в боевых действиях, состоять на военной службе, иными словами, это отборный конь. Подтверждением такой интерпретации служит не только единственное одноструктурное существительное «**ѹнѹакъ**» из военной сферы, но и другие производные с другими суффиксами, сфера употребления которых ограничена какими-либо одними рамками: например, существительные с суффиксами -ищ (веретище, клетище, портище – все слова являются наименованиями видов ткани), слова с суффиксом -ен(ь) (пряслень, гребень – предметы домашнего обихода).

Справедливость выдвинутого положения подтверждает и контекст, которым оказывается окружено существительное «**лошакъ**» в берестяной грамоте №69 (конец XIII века). Перевод этой грамоты выглядит следующим образом: «От Терентия к Михалю. Пришлите лошака (коня) с Яковцем – поедет Савина дружина. Угличские корабли замерзли в Ярославле. Так что ты посылай до Углича, и как раз там дружина». Трудно вообразить, чтобы в военной сфере в каком-либо качестве использовали животное, являющееся помесью жеребца и ослицы.

Словообразовательное же значение слова «**лошакъ**» может быть представлено как «существительное, обозначающее молодое животное, ко-

торое отличается по силе и выносливости от того, что называется мотивирующее».

Если выдвинутые положения принять за истинные, то пара производных «**лошакъ** – **ѹнѹакъ**» свидетельствует о возможности их объединения в один словообразовательный тип, который характеризуется разницей мотивирующих и мотивированных, различными словообразовательными значениями форманта, но общностью сферы употребления и функционирования, то есть словообразовательную модель с суффиксом -ак, выделенную в новгородских берестяных грамотах, можно охарактеризовать как функционально-семантическую.

Двумя другими существительными с неординарной словообразовательной судьбой являются «**сирота**» и «**староста**».

Существительное «**сирота**» (крестьянин) отмечается в новгородских берестяных грамотах начиная с XIV века: **за сироти** (Гр. 59, 10–30-е гг. XIV века), **за нашего сиротѹ** (Гр. 5, 40-е гг. XIV века), **сиротѣ** (Гр. 31, 40–60-е гг. XIV века), **сироте** (Гр. 694, 60–90-е гг. XIV века), **по сиротахъ** (Гр. 283, 70–80-е гг. XIV века), **сироти** (Гр. 178, конец XIV века), **ѿ всих сиротѣ** (Гр. 370, конец XIV века).

Принято считать, что существительное «**сирота**» является суффиксальным производным от основы прилагательного «**сирѣ**», «**сирѣин**» (одинокый, безродный), то есть носит отыменный характер (см. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка).

Следует отметить, что в кругу сохранившихся в современном русском языке существительных «**сирота**» является единственным словом, называющим лицо по признаку, остальные существительные с названным формантом имеют отвлеченное или собирательное значение (ср.: красота, темнота, беднота). На первый взгляд, может показаться, что перед нами уникальная, единичная словообразовательная модель, давшая как следствие нетипичное с лексико-морфологической точки зрения производное. Однако, по нашему предположению, конкретное значение лица существительного «**сирота**» можно считать вторичным, производным от отвлеченно-собирательного значения слова, называвшего некогда совокупное множество одиноких, не входивших в общину земледельцев. К тому же собирательные существительные на -а, как свидетельствуют новгородские берестяные грамоты, были весьма распространенным явлением в древнерусском языке, например: **господа** (Гр. 502, 49), **корѣла** (Гр. 590), **литва** (Гр. 590). Примечательно и то, что от отвлеченно-собирательного существительного «**сирота**» не засвидетельствовано в памятниках производное-сингулятив с суффиксом -ин, как это произошло со словами «**господа** – **господинѣ**, **корѣла** – **корѣлинѣ**», аналогично «**сирота** – **сиротинѣ**». Это объясняется,

вероятно, наличием прежде всего отвлеченного значения в слове «сирота», указывавшего на качественный признак, что, конечно, создавало трудности для словопроизводства существительных с сингулятивным значением лица. Отмечаемое в современном русском языке слово «сиротина» (см.: А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка) является производным от существительного «сирота» со значением «ребенок, оставшийся без одного или двух родителей» и имеет модификационно-оценочное значение.

Существительное «староста» засвидетельствовано в новгородских берестяных грамотах с середины XIII века: **ко старость** (Гр. 676, 50–90-е гг. XII века), **Ѹ старостѣ** (Гр. 220, 60–70-е гг. XIII века).

Оно, по данным этимологических словарей, считается суффиксальным производным от основы прилагательного «старъ», «старъин». Если проанализированное выше существительное «сирота» является уникальным по своему значению в сравнении с остальными производными с тем же суффиксом, то слово «староста», похоже, вовсе лишено однотипных по морфолого-словообразовательной структуре производных, если не считать сохранившегося в современном русском языке слова «короста». Членимость и производность существительного «староста» настолько очевидна, что возникают сомнения по поводу единичности и уникальности использованной словообразовательной модели. Дело здесь, очевидно, заключается в том, что некогда «староста» обозначало некое совокупное число старых, опытных, уважаемых людей (старейшин) и было не конкретным, а отвлеченно-собирательным существительным, как и «господа, корѣла, литва», а также «сирота». Суффикс **-ост' (ъ)** для обозначения отвлеченных качеств, признаков и состояний, как известно, был весьма продуктивен, он и использовался для образования слова «староста», которое, чтобы выражать значение собирательного множества, было оформлено по образцу других собирательных на **-а**: **господа, корѣла, литва** и т.д.

Дальнейшая судьба существительного «староста» складывалась, вероятно, так же, как и судьба слова «сирота», а именно: из отвлеченно-собирательного оно постепенно, с течением времени, из-за происходивших реорганизаций в древнерусском обществе превратилось в конкретное. Возможно, этому способствовало то, что вместо совета старейшин функцию управления стал выполнять один человек, и тогда проявилось типичное для лексики явление переноса по функции (метафора) или обозначение вместо целого его части (синекдоха). В любом случае существительное «староста», равно как и «сирота» со значением лица, появилось в результате действия лексико-семантических, а не словообразовательных законов.

Не совсем типичны словообразовательная мотивация и вытекающие из нее словообразовательные значения в группе существительных, представляющих собой термины родства.

Слова этой группы встречаются как в новгородских берестяных грамотах, так и в официально-деловых грамотах Великого Новгорода. В берестяных грамотах отмечены: **дѣвка** – **дѣвкъѸ** (Бер. гр. 155); **дѣткы** – **дѣткъѣ** (Бер. гр. 474); **матка** – **матоко** (Гр. 227); **невѣстка** – **нѣвѣстокою** (Бер. гр. 487); **паровокъ** – **паровъоу** (Бер. гр. 735), **паровокъѸ** (Бер. гр. 624); **пасынокъ** – **пасынке** (Бер. гр. 415); **тетка** – **къ теткъѣ** (Бер. гр. 635), **ко тѣтоке** (Бер. гр. 646).

Существительные с суффиксом **-ък (-ок/к)** – это слова мужского и женского родов, причем они сохраняют грамматический род, присущий производящему слову. Исключением из этого правила является, пожалуй, словоформа «дѣткы», имевшая в качестве производящего слово среднего рода «дѣти». Во всяком случае в грамотах не засвидетельствована форма единственного числа этого слова, поэтому о грамматическом роде можно судить лишь в сравнении с современным «детка» – женского рода, хотя в говорах могло бы быть и, скажем, **дѣткъо** (ср. дитятко), по аналогии с остальными производными с суффиксом **-ък (-ок/к)**, которые последовательно сохраняли грамматический род производящего. Существительное «дѣткы» примечательно еще и тем, что оно вмещает в одной форме не только грамматическое значение множественного числа, но и значение собирательности, поэтому вполне может быть отнесено к конкретно-собирательным.

Отношения производного и производящего в словообразовательных парах таковы, что суффикс **-ък (-ок/к)** в производных указывает не на уменьшительную модифицированность, как может показаться на первый взгляд, а на определенную степень отчужденности, отдаленности для говорящего по сравнению с тем, что обозначает производящее: «невѣстка» – это жена сына или брата, то есть не прямая, а опосредованная родственная связь; «тетка» – это первоначально, очевидно, не сестра отца или матери, а жена родного дяди либо двоюродная тетя; «матка», скорее всего, приемная мать, мачеха. На такое же значение вынужденной чужеродности указывает и существительное «пасынокъ», префиксально-суффиксальное производное от существительного «сынъ». Заметно сниженный социальный статус и разговорно-просторечную маркированность, по сравнению со своим производящим, имеет существительное «дѣвка» (ср.: **дѣва**). Модификацию опосредованной удаленности от производящего имеет и префиксально-суффиксальное существительное «паровокъ» – юноша, молодой человек, находящийся в переходном возрасте от детства (**роба** – «ребенок») к юношеству, отрочеству.

По аналогии с другими производными существительное «дѣткы», совмещающее значение множественности и собирательности, обозначает, очевидно, совокупность всех имеющих у родителей детей (и родных, и, может быть, приемных).

Наличие модификационного значения опосредованной удаленности не препятствовало развитию модификационного уменьшительного значения у слов с суффиксом *-ък* (*-ок/к*), поскольку одно значение обусловлено другим: удаленность неизбежно приводит к уменьшительности. У некоторых слов значение опосредованной удаленности перестало ощущаться носителями языка, и возобладало значение уменьшительной модификации, что неизбежно привело к сниженной стилистической окраске и маркированности при нивелировании значений производного и производящего.

В новгородских деловых грамотах [1], помимо отмеченных, встречается словоформа «братанъ»: «А з братомъ моимъ з Григорьємъ моя половина сынѹ моему цыста по роздѣлѹ грамотѣ, а Федору посаднику и его братаномъ другая половина» (Дел. гр. №110).

В данном случае «братанъ» – это брат неродного по крови человека, поскольку составитель завещания так называет братьев посадника Фе-

дора, тогда как родного последовательно именуется не иначе, как только братом. Следовательно, «братанъ» – это неродной, чужой, чей-либо брат вообще, а значение суффикса *-ан* приобретает словообразовательную антонимичность: *братъ* – *братанъ* (не свой, а чужой брат).

Как свидетельствуют данные примеры из новгородских берестяных грамот XI–XIV вв., термины родства в узусно-диалектном функционировании приобретают самостоятельные словообразовательные значения. Использование тех или иных словообразовательных аффиксов зависит от степени освоенности праславянского наследия в данном регионе, от меры воздействия инославянских грамматических и словообразовательных традиций на древненовгородский диалект, от степени интегрированности узусного словообразования существительных в древнерусский словообразовательный процесс.

Библиографический список

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 408 с.
2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ ЯЗЫКА

В статье обобщаются основные результаты исследования грамматических свойств фразеологической единицы в русской фразеологической науке и обосновывается положение о том, что фразеология должна описываться не только как часть словарного состава языка, но и как особая область его грамматики. Необходимость такого описания определяется тем, что фразеологическая единица в грамматическом строе языка проявляет себя несколько иначе, чем слово, что обусловлено спецификой формы и содержания слова и фразеологизма как особых единиц языка. Это свидетельствует о том, что единый для языка грамматический строй по-разному проявляется в лексической и фразеологической системах.

Обзор научных исследований, посвященных описанию грамматических свойств фразеологизмов, показывает отчетливо выраженное своеобразие грамматики фразеологической единицы как в целом, так и во всех ее звеньях: в системе лексико-грамматических разрядов фразеологических единиц, которая не обнаруживает полной соотносительности с системой частей речи, в наборе и проявлении грамматических категорий и синтаксических моделей фразеологических сочетаний у единиц разных разрядов, в специфике деривационных процессов в сфере фразеологии и т. д. Вместе с тем, прослеживается и соотносительность фразеологизма и слова в указанном аспекте: можно совершенно определенно говорить о морфологии слова и морфологии фразеологической единицы, синтаксисе слова и синтаксисе фразеологической единицы, словообразовании и «фразеобразовании» (фразеологической деривации). Общий вывод автора: фразеологическая единица обнаруживает свое присутствие в языковой системе во всех ее звеньях и на всех уровнях, подчиняясь общим законам языка и сохраняя свое своеобразие.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, части речи, лексико-грамматические разряды фразеологизмов, фразеологическая деривация, синтаксическая модель, словосочетание, фразеологическое сочетание, трансформация фразеологизмов.

Признание фразеологической единицы (далее ФЕ) особой единицей языка и фразеологии как особой науки естественным образом поставило вопрос о месте фразеологии в системе языка и фразеологической науки в кругу других лингвистических дисциплин. Еще до утверждения фразеологии как науки ФЕ («выражения», «речения») считались составной частью словарного состава языка. Фразеология включалась в лексикон и описывалась уже в первых толковых словарях слов, а мысль о соотносительности определенной части слов и устойчивых выражений на основе их образности и иносказательности последовательно проводится в сборнике М.И. Михельсона [6]. Мысль о соотносительности фразеологии с лексикой по разным признакам и возможности их взаимодействия высказывалась и в научных исследованиях еще в «дофразеологический» период [8].

Соотносительность ФЕ со словами по ряду признаков послужила основанием для изучения фразеологии в рамках лексикологии (в том числе и в учебных курсах). Однако с расширением и углублением представлений о ФЕ во фразеологии и фразеографии открывались все новые аспекты и направления исследования. Сейчас можно констатировать, что в познании ФЕ отечественная фразеология продвинулась настолько, что полученные ею результаты требуют внимания и теоретического осмысления с позиции смежных дисциплин. Это касается прежде всего оценки грамматистами результатов исследования фразеологами грамматических свойств ФЕ, так как до сих пор грамматиче-

ский строй языка описывается только на материале слова, хотя считается доказанным, что ФЕ (речь идет об идиоматике языка) обладает грамматическим значением, имеет тот или иной набор грамматических категорий и соответствующие формы их выражения, является членом предложения, вступает в определенные связи и отношения со словами по законам лексической и грамматической сочетаемости этих единиц и т. д.

Целью данной статьи является обоснование положения о том, что описание грамматического строя языка должно осуществляться не только на материале слова, но и на материале ФЕ. Необходимость такого описания грамматики языка диктуется результатами исследований грамматических свойств ФЕ, которые проводились в рамках фразеологии как науки. Эти исследования показывают, что единый для языка грамматический строй в сфере фразеологии проявляется несколько иначе, по-своему, в соответствии со спецификой формы, содержания и функционального назначения ФЕ как особой единицы языка.

Исследование грамматических свойств ФЕ составляет особое направление во фразеологии. В поле внимания отечественных фразеологов были такие кардинальные проблемы, как особенности грамматического значения ФЕ и способы его выражения, лексико-грамматические классы (лексико-грамматические разряды) ФЕ и соотношение их с частями речи слов, состав грамматических категорий и формы их выражения у ФЕ разных разрядов и др. Исследования фразеологического состава русского языка в этом направлении были

плодотворными, они заслуживают особого обзора. Здесь же мы укажем на наиболее важные в рамках обсуждаемой темы пункты.

Основным в грамматической характеристике ФЕ является вопрос о лексико-грамматических разрядах фразеологизмов, «частеречной» принадлежности фразеологизмов. Важность этой проблемы определяется тем, что от точного определения принадлежности ФЕ к тому или иному лексико-грамматическому разряду зависит точность характеристики ее семантических, морфологических свойств и особенностей ее употребления в речи. Вопрос о лексико-грамматических разрядах ФЕ широко обсуждался во фразеологической науке: велись поиски критериев дифференциации ФЕ по разрядам, определялось количество таких разрядов в языке, объем единиц в каждом разряде, формальные, семантические и грамматические особенности единиц каждого разряда и т. д. На основании совокупности таких признаков, как общность значения ФЕ ряда, наличие у них одинакового набора грамматических категорий, однотипность их отношений и связей со словами в строе предложения, и с учетом степени значимости каждого из названных признаков для лексико-грамматической характеристики ФЕ, в русском языке были выделены несколько лексико-грамматических разрядов фразеологизмов (подробнее см. [10]).

Именные ФЕ: *козел отпущения, ни рыба ни мясо, краугольный камень, буря в стакане воды, ахиллесова пята, содом и гоморра, избивание младенцев* и др. Они объединяются в один разряд общим значением предметности (могут обозначать лицо и не-лицо, в том числе конкретные предметы и абстрактные понятия, отрезок времени, место, пространство, состояние, действие и т. д.), наличием у них грамматических категорий рода, числа и падежа и соответствующих форм выражения их связей и отношений со словами.

Адъективные ФЕ: *легкий на подъем, не лыком шит, как огурчик, средней руки, не от мира сего, под мухой, нечист на руку, кровь с молоком, на седьмом небе, себе на уме* и др. Адъективные ФЕ имеют общее значение непроецессуального признака предмета (качественной характеристики лица или не-лица и качественного состояния), грамматические категории рода и числа, сочетаются с существительными и заменяющими их местоимениями, употребляются, как правило, в позиции именной части сказуемого или несогласованного определения к существительному.

Адвербиальные ФЕ: *под рукой, по уши, сломая голову, рука об руку, на каждом шагу, в пух и прах, как баран на новые ворота, на авось, скрепя сердце, во все лопатки, под занавес* и др. Адвербиальные ФЕ объединены общим значением качественной характеристики действия или степени качественной характеристики лица или пред-

мета. Адвербиальные фразеологизмы сочетаются с глаголами и прилагательными.

Глагольные ФЕ: *брать быка за рога, сматывать удочки, выходить сухим из воды, вешать нос, заткнуть за пояс кого, шевелить мозгами, наломать дров, забывать дорогу к кому* и др. Глагольные ФЕ объединены общим значением процессуального признака, грамматическими категориями вида, времени, лица, наклонения и др., а также формами выражения их связей и отношений со словами, которые закрепляются за глагольным компонентом.

Глагольно-пропозиционные ФЕ: *душа уходит в пятки у кого, руки не доходят у кого до чего, песок сыплется из кого, медведь на ухо наступил кому, не все дома у кого, креста нет на ком, светлая голова у кого, пустой карман у кого, конь еще не валялся у кого, где, каша в голове у кого* и др. Они объединены общим значением состояния (динамичного или статичного), грамматическими категориями вида и времени, обязательными связями со словами.

Предикативно-оценочные (адвербиально-предикативные, по А.И. Молоткову) ФЕ: *по плечу кому что, на руку кому что, до лампочки кому что, по душе кому кто, что, всё равно кому что, не указ кому кто, что, по карману кому что* и др. Их объединяет общее значение оценки лица, предмета или действия, обязательная сочетаемость с существительными, заменяющими их местоимениями и инфинитивом, неизменяемость.

Местоименные (проместоименные, по А.И. Молоткову) ФЕ: *кому только не лень, стар и млад, ни кола ни двора, ни аза в глаза, ни один чёрт, ни черта, каждая собака, ваш брат, ни зги не видно* и др. Они объединены общим значением указания на лицо и совокупность лиц или предметов. В сочетании со словами они выступают как заместители некоторых личных, определительных и отрицательных местоимений.

Неопределенно-количественные фразеологические единицы: *кот наплакал кого, чего, хоть пруд пруди кого, чего, разливанное море чего, чертова пропасть чего, как собак нерезаных кого, денег куры не клюют, непочатый край чего, раз-два и обчелся кого, чего* и др. Эти ФЕ объединяет общее значение неопределенного количества, они сочетаются с существительными или заменяющими их местоимениями, которыми они управляют.

Модальные ФЕ: *как на грех, держи карман шире, слуга покорный, чёрта с два, как пить дать, чёрт знает, боже упаси, опять двадцать пять, к чёртовой бабушке, ради бога, хоть караул кричи* и др. Их объединяет общность значения: они служат для выражения того или иного отношения говорящего к сообщаемому (уверенность/неуверенность, согласие/несогласие, одобрение/неодобрение и т. д.). Такие единицы употребляют-

ся обычно в качестве вводных конструкций или отдельных предложений.

Междометные ФЕ: *ай да ну, божье мой, вот так клюква, ёлки-палки, чёрт возьми, слава богу, ну и ну, вот те и на* и др. Они так же, как и междометия, служат для непосредственного выражения различных эмоциональных реакций говорящего (восторга, восхищения, досады, огорчения, испуга и т. д.), синтаксически не связаны со словами и функционируют как вводные элементы предложения или как эквиваленты предложений.

Выделение лексико-грамматических разрядов ФЕ позволило установить и степень их соотносительности с частями речи. С этой точки зрения все разряды ФЕ можно разделить на три группы: 1) разряды, которые в целом соотносятся с частями речи (именные с существительными, глагольные с глаголами, адвербиальные с наречиями, модальные с модальными словами, междометные с междометиями); 2) разряды, которые соотносятся с частями речи лишь частично (адъективные – только с качественными прилагательными, местоименные – только с отдельными разрядами местоимений); 3) разряды, которые не соотносятся ни с какими частями речи (глагольно-пропозиционные, неопределенно-количественные, предикативно-оценочные). Установлены и свои отличия (иногда существенные) у ФЕ в составе и проявлении грамматических категорий и т. д. Это указывает на то, что ФЕ может и должна стать объектом исследования морфологии как раздела грамматики.

Проблемы синтаксиса ФЕ во фразеологической науке первоначально ограничивались вопросами, связанными с отграничением ФЕ от слов окружения (М.Т. Тагиев), описанием синтаксических моделей, по которым созданы ФЕ (Н.М. Шанский и др.), и синтаксической функции фразеологизмов (В.П. Жуков). В 90-е годы XX века вопрос о синтаксисе ФЕ как особого раздела грамматики был поставлен специально: «Синтаксис фразеологической единицы как раздел грамматики – это учение о связях и отношениях фразеологической единицы со словами в строе предложения. Структурная организация этих связей и отношений предполагает реальные семантические и грамматические отношения категориально разных единиц языка между собой в границах конкретных фразеологических сочетаний, которые разграничиваются по синтаксическим моделям» [5, с. 1]. Возможность таких отношений и связей между словом и ФЕ обусловлена наличием у них общих признаков – лексического и грамматического значений, а также отнесенностью ФЕ к определенным лексико-грамматическим разрядам, а слов – к частям речи. Слова и фразеологизмы, вступая друг с другом в отношения и связи по законам лексической и грамматической сочетаемости этих единиц языка, «образуют предикативные и непредикатив-

ные фразеологические сочетания, организованные по определенным синтаксическим моделям, количество и разнообразие которых представлено по-разному в каждом лексико-грамматическом разряде фразеологических единиц и в каждой части речи» [5, с. 1–2]. В исследовании Т.Н. Ляховой описаны синтаксические модели связей ФЕ разных лексико-грамматических разрядов со словами в предложении в сопоставлении их с синтаксическими моделями слов разных частей речи. Так, указывается, что именные единицы используют общие с именами существительными синтаксические модели, но основной для именных фразеологизмов является функция сказуемого, а употребление в роли других членов предложения имеет значительные ограничения. Наиболее типичными для именных фразеологизмов являются модели: 1) подл. (сущ., мест. в И. п.) + состав. имен. сказ. (гл-св. + имен. фраз. ед. в И., Тв. п.); пропущ. подл. (сущ., мест. в И. п.) + состав. имен. сказ. (имен. фраз. ед. в И. п.); 3) сказ. (глагол.) + доп. (имен. фраз. ед. в косв. п.). У адъективных фразеологизмов доминирующей является предикативная модель, причем из них только одна – подл. (одуш. и неодуш. сущ., личн. мест. в И. п.) + сост. имен. сказ. (гл-св. + адъект. фраз. ед., имеющая формы выражения связи со словами) – совпадает с единственной у имени прилагательного моделью. Другие предикативные модели адъективных единиц сопоставимы с моделью глагольных фразеологизмов и глаголов (вариант подл. (одуш. сущ., личн. мест. в И. п.) + прост. сказ. (адъект. фраз. ед., имеющая формы выражения связи со словами)), а также с моделью адвербиальных фразеологизмов и наречий (вариант подл. (одуш. и неодуш. сущ., личн. мест. в И. п.) + состав. имен. сказ. (гл-св. + адъект. фраз. ед., не имеющая форм выражения связи со словами)). Для синтаксиса глагольно-пропозиционных ФЕ, не имеющих соответствия в системе частей речи, характерны две модели связи со словами: предикативный компонент предложения (субъект состояния – сущ., мест. в косв. п.) + предикативный компонент предложения (глагол-пропоз. фраз. ед.) и предикативный компонент предложения (субъект состояния – сущ., мест. в косв. п.) + предикативный компонент предложения (глагол-пропоз. фраз. ед.) + распространитель (объект или обстоятельство – сущ. В косв. п., инф., наречие). См. подробнее: [5, с. 5–15].

В исследовании Т.Н. Ляховой формулируется ряд положений, которые имеют особое значение для обсуждаемой нами темы. В языке наряду с моделями словосочетаний (слово+слово), существуют модели с ФЕ (слово+ФЕ., ФЕ+слово, слово+ФЕ+слово). Модели, представляющие собой сочетания слов с ФЕ, Т.Н. Ляхова предлагает называть «фразеологическими сочетаниями». Своеобразие фразеологии проявляется в том, что

связи и отношения ФЕ и слова в строе предложения могут реализовываться по-разному: ФЕ одного лексико-грамматического разряда могут использовать однотипные для одной части синтаксические модели, а могут использовать неоднотипные модели, свойственные разным частям речи. Отмечается и связь используемых ФЕ моделей со степенью соотносительности лексико-грамматических разрядов фразеологизмов с частями речи [5, с. 15–16].

В рамках фразеологии проводились исследования, которые по тематике соотносимы с тематикой особого раздела в грамматике – словообразования, изучающего структуру слова, способы и средства, используемые для образования новых слов и т. д. Более того, уже в 60–70-е годы XX века предлагалось в рамках фразеологической науки выделить особый раздел (лингвистическую дисциплину), который был обозначен, по аналогии с термином «словообразование», как «фразообразование». Содержанием этого раздела является «учение о внутренней структуре фразеологических единиц, о типах фразеологических единиц по структуре, об отношениях между родственными фразеологическими единицами и их компонентами, а также учение о типах образования фразеологических единиц в русском языке» [2, с. 11]. Описание деривационной базы фразеологизмов, способов фразообразования, фразообразовательных процессов и т. д. [2] показывает, с одной стороны, известный параллелизм между словообразованием и фразообразованием (ср. использование терминов «фразообразовательный тип», «фразообразовательная модель», фразообразовательный способ» и др.), и на специфику «фразообразования», связанную со своеобразием ФЕ как особой единицы языка. Можно сказать, что в настоящее время «фразообразование» и в рамках фразеологии является наименее изученной областью. Это находит отражение и в терминологии, в том числе и базовой, ср. содержание используемых во фразеологической науке терминов «фразообразование», «фразеологизация», «фразеологическая деривация», «грамматическая деривация» и др. (см. также [1]). Языковой материал, касающийся деривационных отношений в сфере фразеологии, и научный комментарий к нему содержится в целом ряде разных по тематике работ (работы некоторых авторов даны в списке литературы; см. также: словарь «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко (1997), «Лексико-фразеологический словарь русского языка» А.В. Жукова (2003), «Словарь отфразеологической лексики современного русского языка» М.А. Алексеенко, Т.П. Белосудовой, О.И. Литвинниковой (2003) и др.). Этот материал указывает на необходимость специального изучения фразеологической деривации, ее соотношения с деривацией лексической, в том числе

и процессов взаимодействия (образования ФЕ на базе слов и слов на основе фразеологизмов).

Основные результаты исследования грамматических свойств ФЕ в рамках фразеологической науки можно представить в виде нескольких положений.

ФЕ как особая единица языка обладает не только лексическим (фразеологическим), но и грамматическим значением, определенным набором грамматических категорий и соответствующими формами их выражения. В строе предложения ФЕ вступает в отношения и связи со словами по законам лексической и грамматической сочетаемости этих единиц языка. Законами языка определяются и правила образования фразеологизмов, их парадигматических форм, а также возможности словообразования на базе ФЕ и фразообразования на базе слов.

Наблюдается отчетливо выраженное своеобразие грамматики ФЕ как в целом, так и во всех ее звеньях: в системе лексико-грамматических разрядов ФЕ, которая не обнаруживает полной соотносительности с системой частей речи, в наборе и проявлении грамматических категорий и синтаксических моделей фразеолексических сочетаний у единиц разных разрядов, в специфике деривационных процессов в сфере фразеологии и т. д., что обусловлено особенностями формы, содержания и функционального назначения ФЕ как особой единицы языка, не тождественной ни слову, с которым она употребляется в речи, ни словосочетанию, к которому она генетически восходит.

Вместе с тем очевидна и соотносительность фразеологизма и слова в указанном аспекте: мы можем совершенно определенно говорить о морфологии слова и морфологии ФЕ, синтаксисе слова и синтаксисе ФЕ, словообразовании и «фразообразовании» (фразеологической деривации). Можно с уверенностью утверждать, что ФЕ обнаруживает свое присутствие в языковой системе во всех ее звеньях и на всех уровнях, подчиняясь общим законам языка и сохраняя свое своеобразие. (См., например, об особенностях интонационного оформления и акцентологии фразеологической единицы [4, 7].)

Сопоставление результатов изучения грамматических свойств слова и ФЕ приводит к выводу о том, что единый для языка грамматический строй по-разному проявляется в лексической и фразеологической системах. Соответственно, описание грамматического строя языка не должно ограничиваться только исследованием грамматических возможностей слова: включение в эту область фразеологии не только расширит и углубит наши представления об особенностях грамматического строя языка, но и позволит глубже проникнуть в категориальную сущность фразеологической единицы и слова как особых единиц языка.

Библиографический список

1. Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологической терминологии. – München: Verlag Otto Sagner, 1993. – 136 с.
2. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. – Ростов-на-Дону: Ростов. ун-т, 1977. – 184 с.
3. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
4. Курникова Н.В. Интонационно маркированные фразеологические единицы в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2003. – 20 с.
5. Ляхова Т.Н. Синтаксис фразеологической единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 16 с.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. – СПб., 1902–1903.
7. Найдина Т.Е. Акцентология фразеологической единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995. – 17 с.
8. Срезневский И.И. Замечания об образовании слов из выражений // Записки Императорской Академии наук. – СПб., 1873. – Т. 22.
9. Третьякова И.Ю. Окациональная фразеология. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
10. Хуснутдинов А.А. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. – 64 с.
11. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск, 1983. – 92 с.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

УДК 81'271

Иванов Дмитрий Игоревич
кандидат филологических наук, доцент
Ивановский государственный университет
ivan610@yandex.ru

Артикуляционный компонент синтетической языковой личности

Под синтетической языковой личностью (СЯЛ) мы понимаем специфическую разновидность личности дискурсивной, обладающей сложной формальной структурой, которая включает в себя четыре основных компонента. В рамках логоцентрической модели СЯЛ все субъектные срезы, реализуемых в пространстве артикуляционного компонента СЯЛ, необходимо рассматривать системно, как единый, целостный когнитивно-прагматический артикуляционный комплекс. Это связано с тем, что все они имеют единый источник порождения (первичного автора-исполнителя) и, соответственно, развиваются в рамках определённой когнитивно-прагматической программы СЯЛ, реализуемой на уровне отдельной рок-композиции или комплекса рок-композиций. Отдельно следует сказать о том, что субъектную составляющую и ролевой компонент можно рассматривать как своеобразную «речевую маску» СЯЛ или как перевоплощенную языковую личность. В контексте данного исследования мы уходим от узкого, лингвистического понимания артикуляции как специфической работы органов речи, направленной на производство звуков и рассматриваем её как своеобразную зону когнитивно-прагматических операций, направленных на формирование и реализацию специфических характеристик СЯЛ. Данные характеристики формируются на базе активизации системы артикуляционных концептуальных кодов. В неё входят тембровые, ритмические, фонетические и интонационные концептуальные единицы, совокупность которых образует своеобразную, индивидуально-авторскую манеру исполнения, которая зачастую становится «визитной карточкой» СЯЛ, то есть частью её имиджа.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, артикуляционный компонент, русская рок-культура, когнитивно-прагматическая программа.

Под синтетической языковой личностью (СЯЛ) мы понимаем специфическую разновидность личности дискурсивной, обладающей сложной формальной структурой, которая включает в себя четыре основных компонента: а) вербальный; б) артикуляционный; в) музыкальный; г) имиджевый. В рамках данного материала мы рассмотрим когнитивно-прагматические особенности артикуляционного компонента СЯЛ. В данном контексте необходимо отметить, что в пространстве синтетического рок-текста «артикуляционный субтекст в субъектном срезе имеет следующие составляющие: *тембровую* (принадлежащую первичному автору), *субъектную* (литерическому субъекту), *ролевую* (ролевому герою) <...> *Тембровая составляющая*, указывающая на первичного автора, точнее на «первичного ис-

полнителя», присутствует всегда <...> *субъектная составляющая* артикуляционного субтекста – некое «выражение», которое не образует субъекта, а лишь указывает на него. Артикуляционно эксплицированный *ролевой компонент* представляет собой более артистичное образование: здесь исполнитель говорит от лица персонажа, вживается в некоего «другого» [1, с. 300–301].

Укажем, что в рамках логоцентрической модели СЯЛ все три обозначенных выше субъектных среза, реализуемых в пространстве артикуляционного компонента СЯЛ, необходимо рассматривать системно, как единый, целостный когнитивно-прагматический артикуляционный комплекс. Это связано с тем, что все они имеют единый источник порождения (первичного автора-исполнителя) и, соответственно, развиваются в рамках опре-

делённой когнитивно-прагматической программы СЯЛ, реализуемой на уровне отдельной рок-композиции или комплекса рок-композиций.

Отдельно следует сказать о том, что субъектную составляющую и ролевой компонент можно рассматривать как своеобразную «речевую маску» СЯЛ или как перевоплощенную языковую личность: «В основе формирования “речевой маски” и перевоплощённой языковой личности лежит осознаваемый синтез своей и чужой речи, но её доля, цели и мотивы её использования, а также глубина психологического перевоплощения при этом различны» [2, с. 8 – 9]. Подчеркнём, что перевоплощенная языковая личность представляет собой частную разновидность СЯЛ, актуализированную, прежде всего, во время концертного выступления или в рамках клипов / фильмов с участием рок-музыкантов.

Укажем, что в контексте данного исследования мы уходим от узкого, лингвистического понимания артикуляции как «специфической работы органов речи, направленной на производство звуков» [3, с. 49] и рассматриваем её как своеобразную зону когнитивно-прагматических операций, направленных на формирование и реализацию специфических характеристик СЯЛ.

Данные характеристики формируются на базе активизации системы артикуляционных концептуальных кодов. В неё входят тембровые, ритмические, фонетические и интонационные концептуальные единицы, совокупность которых образует своеобразную, индивидуально-авторскую манеру исполнения, которая зачастую становится «визитной карточкой» СЯЛ, то есть частью её имиджа.

Этот факт указывает на особое двойственное положение системы артикуляционных концептуальных кодов в структуре СЯЛ. Она одновременно является частью артикуляционного и имиджевого компонентов. Заметим, что актуализация одной и той же концептуальной системы в рамках различных компонентов обусловлена целостностью когнитивно-прагматического уровня СЯЛ и спецификой реализации её общей когнитивно-прагматической программы (КПП). Процесс «перевода» системы артикуляционных концептуальных кодов (с сохранением её базовых характеристик) в пространство имиджевого компонента в рамках логоцентрической модели СЯЛ является необходимым условием успешной реализации определённой части КПП.

Укажем, что в рамках индивидуальной когнитивно-прагматической программы СЯЛ создаётся особый благоприятный фон и комплекс предпосылок для потенциальной реализации подобного «перевода», а сам «перевод» осуществляется под воздействием когнитивно-прагматических интенций воспринимающего сознания слушателя-зрителя, которое, попадая в мощное корреляционное поле,

становится носителем и источником распространения той или иной КПП СЯЛ.

В основе успешного «перевода» системы артикуляционных концептуальных кодов в поле имиджевых концептуальных единиц лежит процесс условного отождествления индивидуально-авторской манеры исполнения и личности рок-поэта, точнее её сценического образа, который лежит в основе КПП (для В. Цоя – это «герой», для А. Башлачева – «поэт», для М. Науменко – «звезда рок-н-ролла»).

Причем индивидуально-авторская манера исполнения рассматривается воспринимающим сознанием как зона максимальной концентрации когнитивно-прагматических усилий СЯЛ, в которой формируется адаптированный для восприятия (за счет расстановки смысловых, интонационных и некоторых других акцентов) «очищенный» когнитивный продукт.

В итоге индивидуально-авторская манера исполнения наделяется прецедентными свойствами и занимает своё место в структуре имиджевого компонента СЯЛ. Примеров формирования прецедентной артикуляции в русской рок-культуре достаточно много. Здесь можно назвать таких рок-исполнителей, как В. Цой, Б. Гребенщиков, Ю. Шевчук и т. д.

Далее необходимо сказать о том, что когнитивно-прагматические свойства артикуляционного компонента, обусловлены тем, что «артикуляция обладает смыслопорождающими особенностями: речевой акустический образ слова приходит на ступень лексической идентификации уже утяжелённым разного рода информацией. Причём эта информация может быть как качественной, так и количественной (имеется в виду распадение одного звукообраза на два разноплановых лексических значения...). Как раз этот дополнительный смысл (около- и невербальный) и является *уточняющим* по отношению и к абстрактному вербальному субтексту, и к абстрактному поэтическому тексту» [1, с. 77].

Важно, что в рамках логоцентрической модели СЯЛ артикуляционная когнитивно-прагматическая зона, вписана в общую КПП СЯЛ, наделена её свойствами и развивается по её принципам. Причем процесс формирования отдельных артикуляционных концептуальных кодов полностью контролируется свойствами центрального, смысло- и системообразующего вербального компонента СЯЛ. Другими словами, когнитивные (идейно-тематические, смысловые) и прагматические (целевые, мотивационные) установки СЯЛ, актуализованные в пространстве вербального компонента, определяют специфику всей артикуляционной концептуальной системы.

Особое внимание необходимо обратить на то, что в пространстве «классического» рок-дискурса

на базе общих, типовых для контркультурной эпохи когнитивно-прагматических характеристик вербального компонента СЯЛ формируется система специфических артикуляционных моделей. Подчеркнем, что подбор той или иной модели для конкретной рок-композиции обусловлен содержанием вербального компонента и общей когнитивно-прагматической направленностью индивидуальной КПП моделирования СЯЛ.

Укажем, что артикуляционная модель обладает сложной структурой. Она состоит из совокупности тембровых, ритмических, фонетико-интонационных концептуальных кодов. Причем когнитивно-прагматические характеристики этих кодов определяют общие принципы трансляции, семантическую валентность и качественные особенности тональности акустических звукообразов. Кроме того, они обуславливают специфику расстановки смысловых, ритмических и интонационных акцентов, упрощающих восприятие и дешифровку вербального компонента, и выступают в качестве базовых единиц формирования особого ассоциативно-интерпретационного поля (СЯЛ – слушатель-зритель).

На наш взгляд, в пространстве контркультурной эпохи русского рока формируется три базовых артикуляционных модели: 1) героическая; 2) ритуально-гипнотическая; 3) исповедально-молитвенная.

Принципиальным является тот факт, что процесс использования той или иной артикуляционной модели в рамках конкретной рок-композиции / комплекса рок-композиций обусловлен стремлением рок-поэта воплотить определенную «сценическую маску», актуализация которой является частью общей КПП СЯЛ. В рамках логоцентрической модели СЯЛ «сценическая маска» не просто приписывается рок-поэту, а отождествляется с ним, становится неотъемлемой частью его личности. В результате отождествления личности рок-поэта и его «сценического перевоплощения» грань между «естественной» артикуляцией личности и её артистическим ролевым перевоплощением полностью стирается. Соответственно, ролевая артикуляционная модель начинает занимать доминирующее положение и «замещает» артикуляцию естественную. Отметим, что в данном контексте речь идёт не о вытеснении, а о генетическом сращении артикуляционных моделей. Таким образом, к каждой артикуляционной модели «приписана»

определённая «ролевая маска», которую условно можно назвать когнитивной сценической инкарнацией СЯЛ.

Итак, актуализация героической модели артикуляции приводит к воплощению на сцене героической инкарнации СЯЛ. На базе ритуально-гипнотической модели формируется такие инкарнации СЯЛ, как новый пророк, шаман. Исповедально-молитвенная модель артикуляции лежит в основе сценического перевоплощения СЯЛ в героя-романтика, переживающего экзистенциальный духовный кризис, потерявшего смысл существования, осознавшего бессельность бунта, но сохранившего надежду на возрождение через обращение к национальным, исконно русским, фольклорным христианским традициям.

Отдельно необходимо сказать о том, что существует два основных варианта реализации представленных моделей в пространстве конкретной рок-композиции. Сущность первого варианта сводится к тому, что весь вербальный компонент исполняется с помощью одной артикуляционной модели, за которой четко просматривается когнитивная сценическая инкарнация СЯЛ. Таких примеров в русской рок-культуре достаточно много. Интерес вызывают рок-композиции, в которых вербальный компонент исполняется с помощью смешения или «наложения» одной артикуляционной модели на другую. Особый статус данных композиций определяется тем, что в них одновременно проявляются несколько когнитивных сценических инкарнаций СЯЛ. Причем в рамках логоцентрической модели СЯЛ процесс синтеза нескольких «сценических масок» в пространстве конкретной рок-композиции / определённого рок-альбома основан не на механическом объединении, а принципе генетического взаимодействия.

Библиографический список

1. Гавриков В.А. Русская песенная поэзия XX века как текст. – Брянск: ООО «Брянское СРП ВОГ», 2011. – 634 с.
2. Косинова Е.В. Лингвопрагматические особенности перевоплощенной языковой личности (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 36 с.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Изд. 2-е. – М.: «Просвещение», 1976. – 498 с.

ДХАРМАШАСТРА ЯДЖНАВАЛКЬИ КАК ИСТОЧНИК НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

В статье освещаются вопросы нормативно-правового регулирования общественных отношений в Древней Индии, складывающихся в брачно-семейной, гражданско-правовой, процессуальной и уголовной сфере на примере одного из самых авторитетных древнеиндийских памятников – дхармашастры Яджнавалкьи – трактата, содержащего религиозные, этические и правовые предписания. С точки зрения ряда учёных, по объёму правового материала, а также качеству его изложения из всех дошедших до нас древнеиндийских дхармашастр выделяется именно дхармашастра Яджнавалкьи, составление которой относят ко II веку н.э. На основе общеправового диалектического метода, общенаучного системного метода, метода сравнительного анализа, синтеза, а также частного-правовых формально-юридического, историко-правового методов и метода толкования права, автором делается вывод о наличии довольно развитых норм правового характера в Древней Индии в исследуемый период. В частности, тщательнейшим образом регламентировались вопросы заключения брака путём установления требований к супругам, их прав и обязанностей, различных форм брака и их гражданско-правовых последствий, прописывались требования к оформлению юридических документов, к статусу свидетелей в судебном процессе, перечислялись основания недействительности сделок и порядок уплаты долгов, а также различные виды преступлений и наказаний за них, устанавливался принцип непосредственности в исследовании доказательств. Фиксировались порядок подачи искового заявления в суд, требования к судьям, предусматривалась возможность пересмотра судебного решения и др. В целом, дхармашастра Яджнавалкьи демонстрирует пример нормативного регулирования общественных отношений в неравноправном обществе – обществе, разделённом на варны, где на первый план выдвигаются интересы варны жрецов-брахманов.

Ключевые слова: Древняя Индия, дхармашастры, Яджнавалкья, варна, брачно-семейные отношения, судопроизводство, договоры.

Государственно-правовая история Индии не теряет своей актуальности для российской юридической науки на протяжении уже более 150 лет. Современные учёные обращаются к анализу древних ведических и постведических текстов, изучают историю религиозной, философско-правовой мысли индусских мудрецов, ученых, философов [4; 5; 6; 11].

Важнейшими источниками, освещающими вопросы нормативно-правового регулирования общественных отношений в древней Индии, выступают дхармашастры – религиозно-философские сборники наставлений этического характера, призванные регламентировать поведение каждого благочестивого индийца. В них описываются обязанности членов каждой из варн и в связи с этим затрагиваются вопросы их профессиональной деятельности, права, ритуально-обрядовая сторона жизни. Как указывает известный отечественный историк А.М. Самозванцев, «поскольку указаниями дхармашастр руководствовались в средневековой Индии при отправлении судопроизводства, ценность их как источников увеличивается, и, следовательно, должно возрасти наше доверие к этим памятникам» [9, с. 7].

Одним из наиболее известных памятников индийской литературы указанного жанра является дхармашастра Яджнавалкьи, составление которой относят ко II веку н.э. [8, с. 11]. Её неоднократно комментировали – вплоть до рубежа Средневе-

ковья и Нового времени. Один из комментариев, а именно комментарий Митакшары, получил во время британского господства в Индии статус квазиюридического и использовался при отправлении правосудия в англо-индийских судах.

Широкое признание дхармашастры Яджнавалкьи объясняется качеством работы составителя. В литературе отмечается высокая степень однородности материала дхармашастры, несмотря на то, что в его основу были положены различные источники, умеренный тон, лаконичный стиль и строгость изложения тем [13, р. 74].

Авторство исследуемой дхармашастры приписывается божественному мудрецу (риши) Яджнавалкье, имя которого фигурирует среди имен мудрецов ведических времен, таких как Ману, Атри, Вишну, и др. (I. 4.) [7].

Композиционно дхармашастра представлена тремя книгами: первая посвящена религиозным обрядам, вторая – вопросам отправления правосудия, третья рассматривает различные виды грехов и порядок их искупления.

С точки зрения нормативно-правового регулирования общественных отношений, особый интерес представляют вторая и частично первая книги дхармашастры Яджнавалкьи.

Ряд положений первой книги посвящен вопросам регулирования брачно-семейных отношений. Изложение норм, касающихся данных отношений, начинается с требований, предъявляемых к буду-

щим супругам. Так, женщина из варны брахманов или кшатриев должна была происходить из благородной семьи, быть младше своего супруга, обладать хорошим здоровьем. Кроме того, предъявлялось требование к наличию братьев у будущей супруги, поскольку в их отсутствие она приобретала статус «путрики», то есть единственной дочери, выдаваемой замуж с условием, что её дети продолжают род не её мужа, а отца. Порицалась женитьба между родственниками до пятого колена со стороны матери и до седьмого колена со стороны отца, женитьба на вдове или девушке, потерявшей невинность (I. 52–54) [7]. «Пусть жених обладает такими же достоинствами, принадлежит к той же варне, будет ученым брахманом, тщательно проверенным в отношении его мужества, молодым, понятливым и любезным людям» (I. 55) [7], – гласит дхармашастра.

Яджнавалкья, как и Ману [3], осуждает брак между дваждырожденными, к которым относились представители первых трёх варн (брахманы, кшатрии и вайшьи) и шудрами и предписывает брахманам, кшатриям и вайшьям брать в жёны представительницу своей варны, и лишь в отсутствие невесты своей варны – представительниц двух нижестоящих варн. Шудра же мог создать семью только с шудрянкой.

Дхармашастра Яджнавалкьи называет восемь форм брака, которые различались между собой по религиозным и гражданским последствиям. Такое разнообразие видов брака обусловлено варно-кастовым делением общества, а именно замкнутостью варн и наличием внутри каждой из них своих специфических традиций и обычаев [3]. Так, брак «брахма» заключался в передаче невесты её отцом жениху, который сам отцом невесты и выбирался. Точно так же происходило и при второй форме брака «дайва» с тем только отличием, что невеста передавалась через священнослужителя (брахмана). Брак «арша» совершался путем передачи женихом отцу невесты пары коров для совершения им жертвоприношения в знак благодарности богам. Заключение брака «кайя» (или «праджапатья») сопровождалось личной передачей отцом своей дочери будущему супругу с произнесением при этом специальной формулы: «Исполняйте оба вместе дхарму», – что являлось родительским благословением на счастливую семейную жизнь. Для последующей формы брака – «асура» – важным юридическим моментом являлась покупка жены. Причем, покупка представляла собой настоящую имущественную сделку между женихом и семьей невесты. Брак «гандхарва» заключался по взаимному согласию жениха и невесты без участия родителей, для его заключения не требовалось совершения обрядов. Похищение девушки силой либо овладение ею посредством обмана также влекли за собой возникновение брачно-семейных отноше-

ний и признавались самостоятельными формами брака – «ракшаса» и «пайшача» (I. 58–61) [7].

Названные формы брака перечисляются в дхармашастре по мере убывания их достоинства, причем последние четыре порицались. В частности, Ману осуждает отца, берущего вознаграждение за дочь, называя его «продавцом потомства» (III. 51) [3]. Тем не менее, указанные формы брака не могли не учитываться, поскольку уходили своими корнями в далекое прошлое [10, с. 35].

Формы брака различались между собой также по гражданско-правовым последствиям, а именно по порядку перехода имущества супруги («женское имущество») по наследству в случае её смерти. Под «женским имуществом» понималось всё то, что было дано женщине отцом, матерью, мужем, братом, а также то, что было получено ею во время свадьбы, а также откупная сумма, которую муж уплачивал супруге, когда приводил в дом вторую жену (2. 143) [7]. Так, если брак был заключён в одной из первых четырех форм, то указанное имущество переходило дочерям, а в их отсутствие – супругу, при всех остальных формах брака «женское имущество» получали родители умершей (II. 145) [7].

Высшей дхармой жены объявлялось повиновение мужу (I. 77) [7]. Распутную жену следовало принудить жить, «лишив её уважения, грязной, получающей пищу, достаточную лишь для пропитания, пребывающей в небрежении и спящей на голой земле» (1. 70) [7]. В обязанности жены входило также уважительное отношение к родителям супруга, обуздание чувств, содержание в порядке жилища. Кроме того, ей предписывалось быть «весёлой, искусной, экономной в расходах» (I. 83, 87) [7], а в случае нахождения супруга в отъезде избегать «игр, украшения тела, посещения собраний и празднеств, смеха и хождения по чужим домам» (I. 84) [7].

Мужчине, будучи в браке, вменялось в обязанность почитать и охранять свою супругу, одаривать её украшениями, одеждой и пищей. Подобные обязанности возлагались и на остальных членов семьи, поскольку считалось, что женщина не обладала самостоятельностью, и в девичестве её охранял отец, замужнюю – супруг, а в старости – сын (1. 82, 85) [7].

В случае смерти супруги, мужчина имел право взять в жены другую женщину, ведь дваждырожденный не мог пребывать вне ашрамы (одного из четырех жизненных этапов) ни единого дня, тогда как мотивацией пребывания в ашраме домохозяина были брак и производство потомства [7, с. 154]. Однако мужчина, покидающий свою супругу, «повинующуюся его распоряжениям, послушную, рожаящую сыновей, добрую в речах», понуждался к уплате третьей части своего имущества, а если был неимущ – к содержанию супруги (I. 76) [7].

Изложение материала второй книги «Судопроизводство» дхармашастры Яджнавалкьи начинается с порядка разбирательства дела в суде. Системное толкование норм позволяет сделать вывод о том, что дела разбирались коллегиальным составом суда под председательством царя (I. 360; II.1) [7]. Функциями по рассмотрению и разрешению споров наделялись также территориальные (пуга), профессиональные (шрени), родственные (кула) объединения, которые являлись судебными инстанциями разных уровней и для которых, соответственно, более высокая инстанция выступала в качестве апелляционной (II. 30) [7]. Кроме того, устанавливались требования к судьям: они должны были владеть знаниями и наставлениями, изложенными в Веде, быть сведущими в дхарме, правдивыми и беспристрастными (II. 4) [7].

Доказательственной базой, согласно дхармашастре Яджнавалкьи, могли выступать «документы, пользование и свидетели». При этом письменные документы имели приоритет перед иными доказательствами. В случае если указанные доказательства отсутствовали, либо их было недостаточно, прибегали к одной из ордалий (весами, огнём, водой, ядом, священной водой) (II. 22, 95–113) [7].

При разрешении дела суду запрещалось по собственной инициативе выходить за рамки заявленных истцом требований: «В случае отрицания записанного иска по нескольким поводам избыточный по одному поводу должен быть принужден царем вернуть всё имущество. Но не должно отбираться то, о чём не было заявлено ранее» (II. 20) [7]. Интересно, что указанное положение является созвучным аналогичному требованию современного законодательства в сфере гражданского судопроизводства.

Дхармашастра Яджнавалкьи предусматривает возможность пересмотра судебного решения. Если при повторном рассмотрении дела выигравшая в первой инстанции сторона терпела поражение, она должна была уплатить в казну штраф, равный двойному размеру суммы иска. Аналогичный штраф налагался и на ответчика, который при повторном рассмотрении дела вновь проигрывал его (II. 305–306) [7].

Регламентация процессуальных вопросов сменяется в дхармашастре изложением норм частного права, сгруппированных, подобно дхармашастре Ману и Нарады, в 18 поводов судопроизводства.

Яджнавалкья детально прописывает правила оформления юридических документов: «Если кто-либо по какому-то делу заключает по своему желанию двустороннее соглашение, следует составить документ со свидетельскими подписями, но первым в нём должно быть указано имя кредитора... В нём также должны быть указаны год, месяц, половина месяца, день, имена, каста, собственный род. Принадлежность к ведийскому учению, имена

собственных отцов и прочие данные... Тот документ, который составлен хотя и без указания свидетелей, но собственноручно должником, известен как наделенный законной силой, за исключением составленного под принуждением или с применением обмана» (II. 84–94) [7].

Дхармашастра Яджнавалкьи разграничивала институты собственности и пользования, указывая, что «титул собственности ставится выше пользования» (II. 27–29, 2.171) [7]. Известно было такое основание приобретения права собственности как давность владения. Право собственности на землю переходило через 20 лет её использования, на иное имущество – через 10 лет (I. 24) [7]. Давность владения не распространялась на залог, имущество слабоумного и ребёнка как лиц недееспособных, на вклад, имущество царя, женщины и брахмана и др. (II. 25) [7]. Если лицо предпринимало попытки отчуждения такого имущества, оно понуждалось к его возврату собственнику и уплате штрафа царю.

Собственнику, а также законному владельцу предоставлялось право возвратить своё имущество от недобросовестного приобретателя. Покупатель считался недобросовестным в случае приобретения им имущества втайне, из рук низкого человека (например, раба), за низкую цену и в неподобающее время (например, ночью) (II. 168) [7]. Если задержанный покупатель мог указать продавца такого имущества, то вина с него снималась: ему возвращались уплаченные деньги, собственник (законный владелец) получал само имущество, а продавец принуждался к уплате штрафа царю (II. 170) [7]. Но прежде собственник (законный владелец) должен был представить доказательства в подтверждение своего права собственности (владения) (II. 171) [7]. Как мы видим, все эти положения являются неким прообразом виндикации.

Регулируя вопросы обязательственного права, дхармашастра Яджнавалкьи устанавливает основания недействительности сделок. Таковыми признавались сделки, совершенные с применением силы или обмана, совершенные женщиной, в ночное время, внутри дома, вне населённого пункта, врагом, в состоянии опьянения, повредившимся в рассудке, находящимся в состоянии аффекта, больным, ребенком, побуждаемым страхом, неуполномоченным на совершение данного действия (I. 31, 32) [7].

В дхармашастре упоминаются договор личного найма [2] (II. 193–198) [7], договор ссуды, предметом которого могли выступать деньги, ткань, зерно и др. (II. 37, 39) [7], договор купли-продажи (при этом оговаривался срок проверки качества купленных товаров (II. 177) [7], последствия непердачи продавцом оплаченного покупателем товара либо передачи заведомо недоброкачественного товара (II. 254–258) [7].

Особое внимание составитель дхармашастры уделяет проблеме уплаты долга, устанавливая процент за несвоевременный его возврат согласно порядку варн, а также очередность погашения долгов: «Должник должен быть принужден уплатить долги кредиторам в том порядке, в каком они были взяты, но после выплаты долга брахману, а затем царю» (II. 41) [7]. Кроме того, устанавливается правило, согласно которому кредитор, несвоевременно забравший переданные им по договору деньги, лишается права на взыскание процентов после размещения указанных денежных средств у посредника (II. 44) [7]. Обязанность по выплате долга, по общему правилу, переходила по наследству к сыновьям. Однако сын освобождался от выплаты отцовского долга, сделанного в состоянии опьянения, вследствие страсти либо во время игры (II. 47) [7]. В случае несостоятельности должника, кредитор имел право принудить его к выполнению работ. Однако это положение действовало лишь в отношении кшатриев, вайшьев и шудр. Брахманы же не могли быть понуждаемы к выполнению работ и получали отсрочку в выплате долга (II. 43) [7].

В качестве способов обеспечения обязательств выступали поручительство (II. 53–56) [7] и залог (II. 37, 57–64) [7].

В дхармашастре Яджнавалкьи устанавливаются также правила торгового оборота (II. 244–258) [7], положения о вкладе (II. 65–67) [7]. При этом вклад определяется как «имущество, которое передается в руки другого, будучи помещенным в предмет, предназначенный для хранения, и без указания его признаков» (II. 65) [7].

Вопрос о порядке наследования решается в дхармашастре следующим образом: после отца имущество наследовали сыновья (при этом старшего сына отец мог по своему усмотрению наделить «лучшей долей», в противном случае все получали поровну), в отсутствие которых право наследования имущества переходило ко вдове и дочерям. Имущество матери переходило по наследству дочерям (II. 114, 117, 135) [7]. Причём указанный порядок был применим для всех варн (II. 136) [7]. При этом от наследования отстранялись: изгой и его сын, хромой, повредившийся рассудком, слабоумный, слепой, больной неизлечимой болезнью и др. (II. 140) [7]. Однако они должны были находиться на содержании (то есть получать пищу и одежду) у наследника.

Значительный объем книги «Судопроизводство» дхармашастры Яджнавалкьи посвящен вопросам уголовного права. Так, наказания в виде штрафов, телесных и членовредительных наказаний, изгнания из страны предусматривались за оскорбления действием и словом, кражу, грабёж, прелюбодеяние и прочее. В отдельную группу можно выделить государственные преступления в виде

фальшивомонетничества, искажения показаний весов, царских указов, разрушения оросительных сооружений. При наложении наказания суду предписывалось рассмотреть место, время совершения преступления, а также возраст и физическое состояние преступника (II. 275) [7], первостепенную роль при этом играла принадлежность к той или иной варне. Наказанию подлежал не только непосредственный исполнитель преступления, но и тот, кто подстрекал к его совершению: «Того, кто побуждает к совершению грабежа, следует заставить заплатить двойной штраф» (II. 231) [7].

Таким образом, ввиду того, что дхармашастры являлись сборниками, составляемыми в рамках брахманских школ, они отражали, в первую очередь, ведущую роль варны брахманов в древнеиндийском обществе, и дхармашастра Яджнавалкьи является ярким отражением такого неравенства варн. Это прослеживается, в частности, на примере нормативного регулирования брачно-семейных (различные гражданско-правовые последствия в зависимости от формы брака), обязательственных (порядок погашения долгов) и, в особенности, уголовно-правовых (различная тяжесть наказаний) отношений. Однако это не помешало указанной дхармашастре получить в дальнейшем широкое признание и стать одним из авторитетных источников нормативного регулирования общественных отношений. Не случайно Дж.С. Гус писал: «Индусы преклонялись перед авторитетом Ману, однако в реальности ими управляли законы Яджнавалкьи» [12, р. 189].

Библиографический список

1. Безносова Я.В. Дхармашастры как источники изучения древнеиндийского общества: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 2 (34). – С. 13–17.
2. Вигасин А.А. Наём в древней Индии // Вестник древней истории. – 1989. – № 3. – С. 108–117.
3. Законы Ману / Перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. – М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения 14.12.2014).
4. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. – М.: Норма, 2009. – 304 с.
5. Романовская В.Б. Возрождение ведических знаний об обществе в современном мире // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 1 (33). – С. 99–102.
6. Романовская В.Б. Бхагават-Гита как источник индусского права и ее рецепция в правовом пространстве XX века Сборник материалов круглого стола «Источники права и источники познания права». – Екатеринбург, 2013. – С. 230–232.

7. Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. – М.: Восточная литература, 1994. – 376 с.
8. Самозванцев А.М. Правовой текст дхармашастры. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
9. Самозванцев А.М. Теория собственности в древней Индии. – М.: Наука, 1978. – 166 с.
10. Стоянов А.Н. Семья, брак и юридическое положение женщины по законодательным памят-

никам Индии. – Харьков: Унив. тип, 1885. – 45 с.

11. Шинкаренко К.И. Правовое положение женщин в Индии: традиционализм и современность: дис... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 192 с.

12. Ghose J. C. The Principles of Hindu Law. – Calcutta, 1906.

13. Lingat R. The classical law of India. – London, 1973.

УДК 340.1

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
tigpnngu@yandex.ru

Алборова Анастасия Георгиевна

кандидат юридических наук, нотариус
tigpnngu@yandex.ru

ЗАКОН, ОБЫЧАЙ, РЕЛИГИЯ И ПРАВОСОЗНАНИЕ: ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ XIX ВЕКА

В статье рассматривается отношение российских крестьян в пореформенный период к государственным законам, их приверженность обычаям в регулировании общественных отношений, особенно семейных и наследственных. Обращается внимание на влияние религиозных представлений на правосознание народа. Религиозные идеалы играли ключевую роль при осуществлении народного правосудия. Одной из характерных особенностей обычного права было его местное разнообразие, являвшееся результатом влияния множества факторов, в первую очередь, богатства этнического состава российского населения. В качестве иллюстрации народного правосознания приводятся примеры поговорок, анекдотов, других образцов народного фольклора, в которых отражается отношение простых людей к праву, закону, суду и государственным чиновникам. Подробно анализируются примеры применения обычного права в разрешении крестьянских споров судебном процессе. Исследования народного, обычного права в России, активно проводимые во второй половине XIX века, подтверждают, что правовая практика в крестьянской среде, в волостных судах, основывалась в большей степени на народном правосознании, которое ярко и образно отражалось в поговорках и правовых обычаях.

Ключевые слова: поговорки, анекдоты, обычай, закон, право, правда, справедливость, законность.

Исторические источники познания права разнообразны, и в их числе можно выделить народные поговорки и пословицы. Их авторство установить невозможно, они возникают в устной народной речи и могут рассматриваться как вид фольклорного словесного творчества. В этом их сила и неопровержимость. В пословицах и поговорках зафиксирован практический опыт народа и его оценка конкретных исторических персонажей и событий. Эта оценка точно отражает народное мировоззрение и правосознание, то есть отношение к праву, государству, власти и ее отдельным представителям.

В свое время знаменитый русский языковед Владимир Иванович Даль провел огромную работу по собиранию, изучению и систематизации народных поговорок. В 1861–1862 годах он издал сборник «Пословицы русского народа», содержащий 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок. Пословицы – образец устной народной речи, но не только. Пословицы и поговорки отражают взгляд народа на мир, на быт, на общественные порядки, на государство и право. А значит, это есть форма отражения правосознания.

Собранный им колоссальный материал иллюстрирует пренебрежительное отношение народа к праву, к государственному закону. Это видно не

только из всем знакомой поговорки «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло», но также и других, менее известных: «Что мне закон, если судья знаком», «Судье полезно, что в карман полезло», – отражение внутреннего отношения к судебной власти и ее представителям характерно для первой половины девятнадцатого века, до пореформенного периода. Такое отношение имело объективные основания. Практически все исследователи правовой истории в России указывают на вопиющую несправедливость, продажность, непрофессионализм лиц, осуществляющих «суд и расправу». Это обстоятельство стало главной причиной судебной реформы второй половины девятнадцатого века. Известно, что Л.Н. Толстой писал о праве следующее: «...Если рассуждать не по науке, а по общему всем людям здравому смыслу..., то ответ на вопрос, что такое право, будет очень простой и ясный; правом в действительности называется для одних людей разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять других делать то, что первым выгодно, для вторых же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено» [17]. Это мнение великого писателя точно отражало отношение к праву в народной среде.

Непомерные расходы, связанные с любым судебным спором, нашли свое отражение в пого-

ворках: «богатому идти в суд – трын-трава, а бедному – долой голова», «пошел в суд в кафтане, а вышел – нагишом». Думается, что в комментариях подобные устойчивые выражения не нуждаются. Об адвокатах рассуждали по-разному, но чаще так: «Заступить заступил, а пять рублей слупил», «Наши правы, а сто рублей дали», «Каждый крючок ловит свой кусок». Никак не укладывалось в народном сознании, что труд адвоката должен оплачиваться не только, когда он защищает виновного, но равно и в том случае, когда он защищает правую сторону.

Другая мысль, которая ярко отражается в народных поговорках, – мечта о суде праведном, Божьем суде. «Пред Богом с правдой, пред судьей с деньгами», «За правду – Бог и добры люди», «В суд пойдешь – правды не найдешь», «Кто повинен – того суди Бог», «Кто правду хранит, того Бог наградит», «Кто правого винит, тот сам себя язвит». Великое множество поговорок свидетельствует об уверенности народа в том, что высшая справедливость и правда не в людях, а в Боге. Считалось, что судебная тяжба – пустая трата времени и денег, что не стоит надеяться на судебскую справедливость, правильнее смириться и надеяться на Божью милость и высшую справедливость, которая, несомненно, проявится и накажет виновного. Нельзя забывать, что православное мировоззрение выходит за рамки земной жизни, оно включает представления о посмертии, по христианской терминологии – «жизни вечной». Если человек плохой, с точки зрения окружающих, при жизни процветает, не неся никакой ответственности за свои преступления и грехи, то это говорит лишь о несправедливости государственной судебной системы, но не дискредитирует в глазах православного высшую, божественную справедливость, срок для которой просто еще не наступил. То, что современному ироничному человеку может показаться смешным и нелепым, не казалось таковым нашим верующим предкам.

Народ крепился не правом, а верой, которая всегда стояла много выше всяких правовых предписаний. «Ибо правда властей века сего ниже правды Божией, – сказано в Добротолюбии, – их суд бывает часто началом великой неправды» [4, с. 42]. Подвижническое слово, которым питалась духовность народа, наставляло так: «если я, оставя молитву и внимание своему сердцу, начну искать суда на обидевших меня и корпеть в сенях судилищ, то явно, что для меня искомое (т.е. предмет судебного спора – *В.Р.*) гораздо дороже собственного моего спасения» (спасения души для жизни вечной – *В.Р.*) [4, с. 43]. Православие внушало идею обязанности, а не права. Но, увы, как верно заметил Н.А. Бердяев: «Обязанности не исполнялись по греховности, право же не считали добродетелью» [1, с. 50]. Это обстоятельство хорошо отражается в образцах

устного народного творчества. Русь шла не путем рационального сознания, как это происходило в Западной Европе, а через религиозно-положительный опыт. Такое преобладание религиозного, духовного над мирским, материальным проходит красной нитью по всем древнерусским и средневековым источникам: посланиям, повестям, поучениям, житиям, трактатам и т.д. Законы не имели особой ценности для «русского мужика», который стремился скорее к «справедливости», чем к «законности», к «правде» нежели к «праву».

Отражением такой системы ценностей являются малоизвестные современнику поговорки: «Бог видит, кто кого обидит», «Не бойся никого, кроме Бога одного», «Бог долго ждет да больно бьет» или «Кто добро творит, того Бог благоволит».

Напрашивается вывод о том, что правосознание русского человека было неразвитым, слабым. Не понимал народ, зачем нужны законы, не уважал их и не считал важным для своей повседневной жизни. «Где закон, там и неправда» – такая печальная истина могла высветиться лишь в результате долгого, многовекового, выстраданного народом горького опыта.

И лишь один закон – Закон Божий, признавался простым народом за высший авторитет, хотя и его по слабости своей каждодневно нарушал. Однако знал наверняка, «что такое хорошо и что такое плохо», имел четкое представление о справедливости, о правде, о рассуде – («суд не на осуд, а на рассуд»), – и это тоже одна из особенностей русского правосознания. Настоящий, праведный суд виделся в народных идеалах именно как «рассуд», т.е. рассуждение по правде, по справедливости, а не как «осуд». Другими словами, главная цель суда не в наказании, а, прежде всего, в восстановлении нарушенной справедливости. Наказание играет в этом второстепенную роль. Религиозное правосознание отдавало предпочтение примирению сторон, к наказанию же относилось осторожно. Истоки этого можно усмотреть в русском обычном праве, но главным образом в религии. Человек человеку не судья. «Не суди и не судим будешь» – эта ветхозаветная истина, воспринятая также и христианским, особенно православным сознанием, имеет несколько уровней глубины, как, впрочем, и любая библейская заповедь. Мысль, лежащая на поверхности, с точки зрения здравого (государственного) смысла кажется абсурдной. Увидеть же другие слои может не каждый. Другая поговорка «не в осуждение, а в рассуждение», подтверждает, что именно должно быть приоритетным в тех или иных спорах.

Исследователи обычного права обращали внимание на то, что очень многие споры решаются миром на самом суде по его «увещанию» и даже после суда, т.е. в отмену его решения, с отказом выигравшего от всего возмещения или части его.

Это явление было хорошо известно в комитетах по обычному праву, изучавших народные правовые обычаи. Там были выявлены даже специальные «мирительные платежи», сумма которых даже определена была заранее (виновник платил определенную сумму за ущерб и только, если этого было недостаточно, то потерпевший обращался в суд) [13, с. 12]. Часто крестьянин-истец, попав на публичное правовое состязание, сам ограничивал свои притязания, «попавши на мир сам заключал мир» [7, с. 131]. Во многих областях преступление не влекло за собой наказания, если потерпевшая сторона прощала преступника или даже мирилась с ним [18, с. 58, 77, 85]. Ничем иным, кроме религиозного сознания или даже подсознания, чувства должного, этого объяснить нельзя. Интересно, что мировая сделка по уголовным делам могла быть заключена даже после объявления судебного решения. С одной стороны, это свидетельствует об отсутствии авторитета судебного решения, а с другой стороны, о специфическом народном взгляде на преступление как на гражданское нарушение права. Поэтому не удивительно, что если обвиняющая сторона по делу о краже не явится в суд в день, назначенный для рассмотрения дела, то все дело прекращалось. «Не дело судить, если стороны на мировую идут», было общепринятым в крестьянской среде мнением.

Исследования народного, обычного права в России, активно проводимые во второй половине XIX века подтверждают, что правовая практика в крестьянской среде, в волостных судах, основывалась в большей степени на народном правосознании, которое ярко и образно отражалось в поговорках и правовых обычаях.

Религиозные идеалы играли ключевую роль при осуществлении народного правосудия. Если вслед за Владимиром Соловьевым признать, что право – это минимум нравственности, что поступить по праву – значит поступить по совести и справедливости, то нельзя не увидеть, что религиозный человек всегда и во всем ищет именно правду, истину, которая заключена в Божественных, духовных ценностях. Религиозный человек, поступая по совести, «по-Божески», поступает и по праву, ибо право для него заключено в Боге. Так, русский православный, не признавая объективной ценности права и не слишком почитая государственные законы, тем не менее, в силу своей религиозности имел величайшую субъективную ценность – истинное право как дар Божий, как нравственный закон, который только и считал для себя наилучшим регулятором общественных отношений [14].

Что касается отношения самого народа к формальному праву, нельзя не отметить, что крестьяне законов не знали, относились к ним с недоверием и в большей степени отрицательно. Народная молва гласила: «Где закон, там и обида»; «Закон

что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет» [3, с. 351]; «Не всякий прут по закону гнут» [6, с. 12]. Все они отражали убеждение крестьян относительно ограниченности действия закона при определенных обстоятельствах.

Среди многочисленных причин пренебрежения и недоверия крестьян к законам можно отметить такие, как: длительное господство крепостного права и сословная обособленность крестьянства, юридическая безграмотность населения, несовершенство самого законодательства и низкий уровень правовой культуры, непоследовательность внутренней государственной политики, отсутствие четкого разграничения между административной и судебной властью.

«Народ всегда будет стараться при удобном случае обойти закон, как непонятную ему форму жизни», – полагал Н. Рубежный [15, с. 62]. Для того чтобы уважать и соблюдать закон, нужно было, по крайней мере, знать, в чем он состоит. Проникновению влияния писаного права в народный быт препятствовала подавляющая безграмотность большинства сельских жителей. К этому присоединялись недостатки самого законодательства, страдавшего пробелами, противоречивостью и громоздкостью. «Не только Свод вообще, но даже постановления его об отдельных институтах права, – писал С.Ф. Платонов, – совмещают в себе иногда начала не только разношерстные, но даже прямо противоположные» [12, с. 76]. Положения российского законодательства были сложны для понимания даже образованного человека, не говоря уже о «темном», неграмотном крестьянине. Среди основных черт русского писаного права выделялся и его сословный характер. «Многие “общие” законодательные постановления, наполнявшие собой обширные сборники, никогда не распространялись на массу населения... – отмечал А. Леонтьев. – Даже самые, по-видимому, “коренные” государственные мероприятия, так или иначе определившие весь ход русской истории, переделывавшие иногда всю жизнь высших сословий, лишь косвенно и притом слабо отражались на внутренней стороне народного быта. Последний слагался и развивался вообще довольно независимо от всякой внутренней политики, так как был почти совершенно изолирован от нее, благодаря известному раздвоению земли и государства» [8, с. 55–56]. Большая часть положений российского законодательства была адресована высшим сословиям. Постановления же, относившиеся к крестьянам, преследовали, прежде всего, фискальный интерес и были призваны обеспечить исправное выполнение ими обязанностей и платежей в отношении государства и помещиков. В формировании негативного отношения к закону участвовал и тот фактор, что в российской правовой практике отсутствовало строгое разграничение между законом и

административным распоряжением, поэтому злоупотребления и ошибки исполнителей проецировались и на само официальное право. «Законы-то – святы, да исполнители – супостаты», «Кто законы пишет, тот их и ломает», – говорилось в народных пословицах [6, с. 12].

Но самой существенной причиной слабого распространения законодательных норм в народной среде было их несоответствие правовым представлениям крестьян. Это проявлялось практически во всех сферах народной правовой жизни: прежде всего, в семейных и наследственных, а также и в имущественных, договорных правоотношениях. Находясь под значительным влиянием хозяйственного быта, правовые воззрения крестьян сильно отличались от норм позитивного права. Многие стороны отношений в крестьянской среде или вообще не предусматривались действовавшим сводом законов, или, в силу их своеобразия, не могли быть разрешены в соответствии с положениями писаного права. Как следствие, законы, не отвечавшие народным представлениям, не имели в крестьянских правоотношениях обязательной силы. Они либо игнорировались в крестьянской среде (как, например, закон, запрещавший семейные разделы, закон об отмене телесного наказания для женщин), либо не применялись в силу того, что не соответствовали изменившимся жизненным обстоятельствам (как, например, отмена круговой поруки, которая, по свидетельствам крестьян, на практике не существовала уже в 80-х годах XIX века) [21, с. 102].

В основании юридического быта крестьян лежали правовые взгляды, убеждения, с присущим им консерватизмом, однообразием, устойчивостью. Они составляли внутреннее содержание обычаев, разнообразных по форме, многочисленных, видоизменяющихся под влиянием местных условий быта, особенностей языка и пр. Как мы видели, крестьяне были отгорожены, отчасти при помощи законов, от других слоев российского общества. Подчиненные власти помещика, они только через него и соприкасались с государством. Вполне естественно, что при таких условиях взаимные отношения крестьян, пользовавшихся и при крепостном праве некоторой фактической автономией в пределах сельских обществ, определялись преимущественно юридическими обычаями. «Повальный обычай – что царский указ», «Обычай старше закона», – говорилось в народных пословицах [3, с. 442].

Обычаи закрепляли тот правовой опыт, который был накоплен веками. Преемственность крестьянских обычаев, их связь с предшествующими эпохами развития народного правосознания наиболее ярко проявлялись в сфере регулирования семейных и наследственных отношений, в которой сохранились нормы, являвшиеся элементами древнерусского права. Однако из этого не следует, что обыч-

ное право представляло собой сумму застывших правовых норм, под влиянием действительности оно изменялось и приспособлялось к ней: одни нормы отживали, другие видоизменялись, третьи получали преобладающее значение на том или ином этапе своего существования. В то же время, правовые отношения в русской деревне не были абсолютно отстранены от влияния государственной правовой системы. После освобождения крестьян, с развитием отхожего предпринимательства, законодательные принципы права стали проникать и в народную среду, являясь тем самым причиной видоизменения некоторых норм обычного права. Но так как изменение условий жизни и народных воззрений совершалось не внезапно, а медленно и постепенно, народные обычаи переживали целый ряд поколений. Не зря сложилась пословица: «Что исстари ведется, то не минется» [3, с. 447]. Поэтому в целом обычно-правовые нормы стойко сохраняли свою самобытность.

Одной из характерных особенностей обычного права было его местное разнообразие, являвшееся результатом влияния множества факторов, в первую очередь, богатства этнического состава российского населения. Эта черта была подмечена самим народом и нашла отражение в его пословицах: «Что город, то норы; что деревня, то обычай», «Что сторона, то и новизна» [6, с. 11]. По выражению В.Ф. Мухина, в этом отношении обычное право можно сравнить «с древней рукописью, дошедшей до нас во множестве списков, открываемых в разных местностях, содержание коих по существу своему одно и то же, но в самом пересказе которых накопилось с течением времени довольно много вариантов» [9, с. 309]. Тем не менее, при всем видимом разнообразии правил, соблюдаемых крестьянами в разных местностях, среди них вырисовывалось большинство таких общих принципов и специальных норм, которые действовали практически повсеместно. И в целом, наряду с наличием определенных местных особенностей, без сомнения, можно было признать единство народных понятий и воззрений на большинство институтов гражданского права. Это объяснялось тем, что как сами условия жизни крестьян, так и уровень развития их правосознания, везде были почти одинаковыми. Однообразие гражданских обычаев было подмечено многими исследователями обычного права русских крестьян. Так, Е.И. Якушкин писал: «Юридические понятия о семейных отношениях одинаковы у всего великорусского племени; такой же характер имеют народные понятия о собственности, о владении землей, о наследстве» [23, с. 2]. О том же свидетельствовал П.П. Чубинский: «У крестьян существуют почти везде одни и те же юридические обычаи; изменяется одна только наружная их оболочка, сущность же остается одна и та же» [20, с. 30].

В народном сознании правовые воззрения были тесно связаны с религиозными и моральными нормами. Основной целью реализации обычно-правовых норм было не беспристрастное достижение формальной истины, а поиск естественной справедливости, исходя из обстоятельств каждого конкретного случая. При этом сама по себе норма обычного права являлась вполне универсальной и в принципе исходила из формального равенства всех подпадающих под ее действие субъектов. В этой связи очень полным и всесторонним представляется определение, данное Д. Дрилем: обычай – «не общее, наперед установленное обязательное правило для будущих действий, а лишь решение, хотя вследствие частой повторяемости и обобщенное, но по мере особенностей представляющихся случаев допускающее изменение» [5, с. 255]. Аналогичное мнение высказывал В. Сергеевич: «Хотя обычай доказывается фактами его применения к случаям действительной жизни, но наличность действий, несогласных с обычаем, еще не может быть приводима как доказательство несуществования самого обычая... Может быть господствующий (повальный) обычай и при наличности частных перерывов и противоречий» [16, с. 91].

Идеал права в представлении крестьян – разрешение конфликта не только «по делу», но и «по человеку» [22, с. 72], т.е. с учетом личностных характеристик сторон, всех обстоятельств дела, и «чтобы никому не было обидно» [10, с. 150]. Этот принцип находил непосредственное выражение в процессе правоприменительной деятельности волостных судов. При этом учет личностного аспекта был весьма специфичен. Характеристика лица, участвующего в споре, заключалась в том, «трезвый» он или «распутный», «рабочий» или «ленивый», т.е. речь шла, прежде всего, о полезности его как члена общества. Иногда задачей правоприменителя было «решить дело так, чтобы решением не разорить мужика и не сделать его неисправным в податях, иначе разорительно будет для общества» [11, с. 393].

Указанная особенность обычного права рельефно выразилась в институте, именуемом «грех пополам». Суть его заключалась в том, что спорное имущество распределялось поровну между сторонами, истцу присуждалась половина иска. Данное правило применялось в случае непредставления истцом ясных и достаточных доказательств, если иск его признавался судом «вероятным и заслуживающим уважения», или же когда «тяжущиеся сами запамätуют, как дело было, и сбиваются в показаниях» [22, с. 61; 10, с. 151]. Чаше по правилу «грех пополам» решались дела о неосторожном причинении убытков, в частности, в случае утраты пастухом скота, а также случаи, когда суд находил, что обе стороны, и истец, и ответчик, виноваты в равной степени [23, с. 3; 2].

Взаимосвязь обычно-правовых и религиозных норм проявлялась также в стремлении оканчивать все спорные дела путем примирения сторон. Мировая сделка, по народным понятиям, – самый естественный и правильный результат разрешения спора. Так, И. Шраг, характеризуя обычно-правовой порядок судопроизводства, ссылался на следующие показания крестьян: «При разборе дел главная цель судей – помирить тяжущихся, а для этого они выслушивают стороны и свидетелей, постановляя приговор только в случае упорства истца или ответчика, или обоих вместе» [22, с. 62].

В то время как государственное судопроизводство, игнорируя существо конфликта, концентрировалось на формальных признаках возникших отношений, народное правосудие в каждом случае стремилось к наиболее полному учету не поддающихся формализации обстоятельств. Указанным фактором обуславливалось и то, что органы крестьянского правосудия в процессе достижения своих целей оперировали несколько иным арсеналом средств, в частности, принимаемых к рассмотрению доказательств. Народный суд видел в собственном признании сторон главное подтверждение их взаимных прав и обязанностей. По свидетельству И.Г. Оршанского, «личное сознание» ответчика при отсутствии доказательств со стороны истца представлялось явлением обыкновенным, как указывалось в решениях судов: «ответчик сознался, что он действительно поступил с истцом против совести» [10, с. 134]. Как уже было сказано, личность сторон, их поведение в значительной степени обуславливали исход дела. Народный суд рассматривал не абстрактные правовые вопросы и имущественные интересы, а правовые отношения конкретных членов общества. «А когда дело известно всему миру, на что тут доказательства?», – говорили крестьяне [10, с. 134]. Но определенные виды доказательств все же учитывались, главным образом, свидетельские показания. Конечно, принимались и письменные доказательства, а важной причиной предпочтения, отдаваемого устным доказательствам, была неграмотность населения. Но свидетели, по всей видимости, ценились еще и потому, что наряду с известными им фактами они сообщали еще и свое личное, а также общественное мнение о человеке. Также следует заметить, что в области народного правосудия сохранилось старинное воззрение на присягу («божбу») как на один из видов доказательств в процессе. При невозможности прояснить обстоятельства дела иными доказательствами, волостной суд предлагал одной из сторон «побожиться перед образом»: «ответчик или истец крест на себя положат, принимая грех на душу, это составляет уже полное доказательство для волостного суда» [22, с. 60]. Как видим, государственная и народная юстиция значительно различались, так же, как и применяемые

ими нормы права. Стремление к восстановлению нарушенной справедливости, которым руководствовалось народное правосудие, обуславливалось православным мировоззрением русского крестьянства. Настоящий, праведный суд виделся в народных идеалах как «рассуд», т.е. рассуждение по правде, по справедливости, а не как «осуд».

Вопрос о влиянии религиозных норм на правосознание русского народа поднимался в научной литературе. «Пренебрежительное отношение к праву, к государственному закону уходит корнями в глубокое средневековье, в православную традицию. Народ крепился не правом, а верой, которая всегда стояла много выше всяких правовых предписаний» [14]. Действительно, религиозные идеалы играли важную роль в осуществлении народного правосудия. Но, анализируя значение религиозных и традиционных норм в правовом быту русского крестьянства, мы обнаруживаем и несколько иной аспект их соотношения: как только речь заходит об имущественных интересах, любовь к ближнему и всепрощение отступают на второй план. Наиболее ярко это проявлялось в судебных спорах, возникавших по поводу наследства, а также возмещения вреда, причиненного личности или имуществу. Бедность заставляла дорожить каждой мелочью, а возможность получить вознаграждение при наличии повода поощряла корысть. Тексты «мировых подписок», заключаемых сторонами, показывают, что полюбовное решение дела предусматривало не столько христианское прощение, сколько возмещение убытка со стороны того, кто очевидно для всех являлся виноватым, либо сам признавал себя таковым [19].

Проблема соотношения религиозного и традиционного правосознания обуславливает и следующий вопрос: почему в среде русского крестьянства, исконно православного, сфера брачно-семейных отношений регламентировалась нормами не канонического (как это было у других сословий), а обычного права? Религиозное понимание брака как таинства крестьянами не разделялось в полной мере: общественное признание и договорный элемент при заключении брака играли не менее важную роль, чем венчание. Таким образом, вопрос о соотношении религиозных и традиционных норм в правовой жизни русского народа, на наш взгляд, не может быть разрешен однозначно и требует дальнейшего самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье. – М.: Феникс, 1990. – 84 с.
2. Гольмстен А. Двадцатилетняя практика Кемского (Валдайского уезда, Новгородской губернии) волостного суда по вопросам гражданского права // Журнал гражданского и уголовного права. – 1887. – № 4. – С. 55–122.

3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1996. – 671 с.

4. Добротолюбие. Т. 3. – М., 1990. – 440 с.

5. Дриль Д. Обычай и закон // Юридический вестник. – 1883. – №6–7. – С. 234–277.

6. Илюстров И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. Опыт систематического по отделам права собрания юридических пословиц и поговорок русского народа. – М., 1885. – 72 с.

7. Качоровский К. Народное право. – М., 1906. – 251 с.

8. Леонтьев А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. – СПб.: Типография М. Миркушева, 1895. – 142 с.

9. Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. – М.: Тип. Правительствующего Сената, 1888. – 333 с.

10. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. – СПб., 1879. – 459 с.

11. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки: в 2 т. – Т. 1. Собственность, обязательства и средства судебного охранения. – СПб.: Тип. 2 Отд. С.Е.И.В. канцелярии, 1877. – 463 с.; Т.2. Семейные права, наследство и опека. – СПб.: Тип. 2 Отд. С.Е.И.В. канцелярии, 1879. – 410 с.

12. Платонов С.Ф. Об условиях применения мировыми судьями местных обычаев при разрешении гражданских дел // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – № 4. – С. 61–76.

13. Программа для собирания народных юридических обычаев. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1889. – 92 с.

14. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 161–169.

15. Рубежный Н. О значении обычая в законодательстве // Век. – 1862. – № 7–8. – С. 62–81.

16. Сергеевич В.И. Опыт исследования обычного права // Наблюдатель. – СПб., 1882. – № 1. – С. 80–97.

17. Толстой Л.Н. О праве // Голос студенчества. – 1910. – №1.

18. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т.1. Тамбовская губерния. – СПб.: Изд-во Гос. канцелярии, 1873. – 851 с.

19. Центральный архив Нижегородской области. – Ф. 1896. – Оп. 962. – Д. 89. – Л. 8; Ф. 168. – Оп. 111. – Д. 35. – Л. 5–5об.

20. Чубинский П.П. Краткий очерк народно-юридических обычаев. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряженной императорским русским географическим обществом. Т. 1. Вып. 1. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1872. – 224 с.

21. Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 96–106.

22. Шраг И. Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний // Юридический вестник. –

1877. – № 5–6. – С. 52–101.

23. Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии // Юридический вестник. – 1872. – № 3. – С. 1–12.

УДК 34 (091) ; 342.56

Рощин Борис Евгеньевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravaborise@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ В ПЕРИОД С ОКТЯБРЯ 1917–1918 ГГ.

Статья посвящена началу длительного и сложного процесса становления и развития правовых основ, обеспечивших на практике формирование и функционирование принципиально новой системы российского (советского) правосудия в период с октября 1917 по 1918 год включительно. Главной целью работы является анализ динамики развития правового обеспечения (организации и регулирования) советской судебной системы; выявление основных проблем, связанных с правовым обеспечением данной сферы; обобщение результатов развития судебного законодательства в рассматриваемый период; формулирование соответствующих выводов по теме. Автором рассмотрены и проанализированы ключевые нормативно-правовые акты, принятые большевистской властью в обозначенный период. Наиболее важными правовыми нормативами, по мнению автора, являются: декрет «О суде» № 1; декрет «О революционных трибуналах»; декрет «О суде» № 2; декрет «О суде» № 3; декрет «О народном суде РСФСР». В статье приводятся соответствующие взгляды теоретиков и практиков большевизма на форму организации социалистического правосудия в условиях становления новой «общественно-экономической формации». В результате анализа вышеуказанных правовых актов и изучения соответствующих работ автор приходит к выводу, что зарождение и формирование основ новой судебной системы представляло собой достаточно оперативный, целенаправленный и последовательный процесс, который вполне логично укладывался в идеологические рамки и соответствовал духу времени. Кроме того, основные принципы правосудия, провозглашенные в первый год становления советского государства, актуальны, по мнению автора, и сегодня, разумеется, с учётом объективных современных реалий.

Ключевые слова: революционная законность, социалистическое правосознание, революционные трибуналы, единый народный суд, декрет «О суде», декрет «О народном суде РСФСР».

Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды.

В.И. Ленин

Система современного российского правосудия имеет богатый и поучительный опыт и уходит своими «генетическими» корнями в историческое прошлое. Поскольку главным элементом судебной системы является суд, который, в свою очередь, выступает в качестве основного правоприменительного государственного органа – органа, осуществляющего правосудие, то особенности эволюции данной системы непосредственно связаны с конкретно-историческими условиями соответствующего этапа общественного развития. Как показывает исторический опыт, при смене «общественно-экономических формаций» неизбежным становится радикальное реформирование всех основных механизмов государственной машины – армии, суда и т.п. Вступление нашей страны на новый (рыночный) путь развития в начале 90-х годов прошлого века, вызвало неизбежные процессы реформирования практически всех сфер общества. Известно, что в самом начале реформ (в 1991 г.) была разработана «Концепция судебной реформы» в РСФСР.

При осуществлении современных реформ (в т.ч. судебной) необходимо изучать и учитывать исторический опыт, поскольку этот опыт позволяет уйти от ошибок прошлого и более точно спрогнозировать возможные последствия проводимых реформ.

Несмотря на все особенности постсоветского пути развития государства (многообразие форм собственности, разделение властей, отказ от государственной идеологии, провозглашение демократии и т.д.), современная судебная система является в определенной степени исторической «правопреемницей» предыдущего (советского) периода. Определенный интерес представляет переломный этап развития российского общества, положивший начало процессу построения системы советского правосудия. Целью работы является рассмотрение ключевых нормативно-правовых актов, определивших правовые основы и векторы развития отечественной судебной системы (судоустройства и судопроизводства) в первый год становления советской власти.

С первых дней Октябрьской революции встал неизбежный вопрос о построении судебной системы на принципиально новых началах. В.И. Ленин писал: «Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их отголоски меньшевики и правые эсеры), – а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат» [3, с. 424].

Наступление на старую судебную систему началось незамедлительно после захвата власти большевиками. Уже 22.11.1917 года был принят декрет Совета народных комиссаров (далее СНК) «О суде» № 1, который упразднил прежние судебные учреждения: окружные суды; судебные палаты и Правительствующий сенат со всеми департаментами; военные, морские и коммерческие суды; институты следователей, прокуратуры, адвокатуры. Кроме того, приостанавливалось действие прежнего института мировых судей и им на смену учреждались местные суды (в лице судьи и 2-х заседателей). При этом прежние мировые судьи имели право «быть избранными в местные судьи... на демократических выборах». Такое лояльное отношение советской власти к мировым судьям объяснялось тем, что, во-первых, в Российской империи только эти судьи избирались земскими собраниями и городскими думами, во-вторых, это позволяло на первоначальном этапе смягчить «кадровый голод» и воспользоваться опытом мировых судей для организации советской судебной системы.

Следует отметить, что в самом начале, при отсутствии соответствующих нормативно-правовых актов советского законодательства, местные суды обязывались решать дела именем Российской Республики и руководствоваться при этом «законами свергнутых правительств», которые «не отменены революцией» и не противоречили «революционной совести и революционному правосознанию». Один из соавторов декрета «О суде» № 1 П.И. Стучка писал: «Через наше правопонимание и правосознание красной нитью должны быть проведены революционность и классовое сознание... Правотворческая роль суда с полной ясностью может проявиться лишь в Пролетарской революции» [4, с. 248].

Кроме того, согласно декрету «О суде» № 1 (ст. 8) учреждались революционные трибуналы, нацеленные на борьбу «против контрреволюционных сил...», а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников...» [7, ст. 50]. В это же время в поддержку ревтрибуналов создаётся Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК). Согласно протоколу СНК (№ 21 от 7.12.1917 г.) «О создании ВЧК»,

в задачи данной комиссии, в частности, входило: а) пресечение и ликвидация всех контрреволюционных саботажей; б) предание суду ревтрибунала всех контрреволюционеров и саботажников и выработка мер борьбы с ними; в) проведение предварительного расследования [5, с. 9]. По словам А.И. Солженицына, «ВЧК – Часовой революции, единственный в человеческой истории карательный орган, совместивший в одних руках: слежку, арест, следствие, прокуратуру, суд и исполнение решения» [6, с. 38].

4 мая 1918 года увидел свет декрет СНК «О революционных трибуналах», который узаконил данные органы и придал им образ «карательного меча революции». К подсудности этих органов были отнесены «дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем». При каждом революционном трибунале учреждалась (помимо следственной комиссии) коллегия обвинителей (в составе не менее трех лиц), в обязанности которой входило: дача заключения следственной комиссии по вопросу о подсудности дел и полноте произведенного следствия; формулировка обвинительных тезисов по каждому делу; публичное обвинение по всем делам в судебных заседаниях революционного трибунала. Все вопросы разрешались в закрытых заседаниях [8, ст. 471]. 16 мая 1918 года вышел декрет, согласно которому при ВЦИК был учрежден ревтрибунал «для суждения по важнейшим делам, которые будут изъяты из подсудности местных революционных трибуналов». В состав трибунала входили один председатель и шесть членов, избираемых ВЦИК сроком на 3 месяца. Кроме того, для расследования дел учреждалась следственная комиссия в составе 3-х лиц и «Центральная Коллегия Обвинителей» в составе 3-х лиц, избираемых ВЦИК [9, ст. 520]. Н.В. Крыленко в своём выступлении на Всероссийском съезде работников ревтрибуналов (октябрь 1918 г.) разъяснял сущность этих органов: «Революционные трибуналы учреждены со специальной целью – для усиления революционной репрессии против лиц, уличённых в контрреволюционном деянии, но при сохранении, однако, основных правовых гарантий для обвиняемых» [2, с. 14].

Необходимость создания ревтрибуналов вполне соответствовала конкретно-историческим условиям, отвечала духу времени и новой идеологии. Очевидно, новая судебная система, находясь в стадии формирования, оказалась не в силах осуществлять эффективное правосудие в предлагаемых обстоятельствах. Н.И. Бухарин писал: «В эпоху наиболее обостренной гражданской войны является необходимость организации, наряду с народным судом, революционных трибуналов», задача которых состояла в том, «чтобы быстро и беспощадно судить врагов пролетарской революции» [1, с. 74].

В развитие декрета СНК «О суде» № 1 (от 22.11.1917 г.) был принят декрет ВЦИК «О суде» № 2 (от 15.02.1918 г.), который юридически сформулировал ряд идеологических нововведений. Декрет учредил окружные народные суды для рассмотрения дел, выходявших за рамки полномочий местных судов. При комплектовании состава окружных судов действовал принцип выборности судей. По решению общего собрания окружного суда определялось количество отделений (гражданских и уголовных). При принятии решений действовал принцип коллегиальности. Так, решения по существу споров в гражданских отделениях принимались в составе 7 человек: 3-х членов окружного суда и 4-х народных заседателей. Решения по уголовным делам принимались коллегией из 12 заседателей под председательством одного из постоянных членов суда. Декрет предусматривал возможность кассационного обжалования решений (по гражданским и уголовным делам) окружных судов. Кассационная инстанция окружного суда имела право «отменить решение не только по формальным нарушениям..., но и в том случае, если... решение явно несправедливо». Устанавливался месячный срок обжалования по всем делам (гражданским и уголовным). Более того, кассационному суду также принадлежало право помилования и смягчения наказания.

Согласно ст. 6 декрета «О суде» № 2 в Петрограде учреждался Верховный судебный контроль (исторический аналог современному Верховному суду РФ), который принимал руководящие разъяснения для нижестоящих судов «в целях достижения единообразной кассационной практики».

Ряд статей декрета посвящён непосредственно вопросам судопроизводства. Эти вопросы касались подсудности, оценки доказательств, предъявления гражданского иска в уголовном процессе, привлечения в судебное заседание «сведущих» лиц. Так, вопросы о подсудности следовало решать «окончательно без права обжалования судом, к которому поступило дело». Суд, «признав дело себе не подсудным», был обязан немедленно направить это дело «в надлежащий по его решению суд, который обязан решить дело». Свидетели были обязаны давать показания «с предварением ответственности за ложное показание». Подобные нормы почти в неизменном виде присутствуют в современном процессуальном законодательстве.

Судопроизводство предусматривало участие сторон обвинения и защиты. Народные заседатели формально имели достаточно широкие полномочия: а) непосредственно участвовать в судебном следствии; б) отводить «во все время процесса» председателя судебного заседания; в) самостоятельно решать вопрос «не только о факте преступления, но и о мере наказания» (в т.ч. уменьшить наказание «по своему убеждению» или вовсе освободить) [10, ст. 420].

20 июля 1918 года в развитие и дополнение предыдущих декретов о суде (№ 1; № 2) и декрета СНК «О революционных трибуналах» (от 04.05.1918 г.), был принят декрет СНК «О суде» № 3. Декрет, с одной стороны, расширил полномочия местных судов, с другой, ограничил подсудность революционных трибуналов. Так, на местные суды теперь возлагалось рассмотрение всех уголовных дел, «за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции».

В то же время из ведения ревтрибуналов изымались «дела о взяточничестве и спекуляции», они передавались в окружные суды. Решение гражданских дел по существу в окружных судах возлагалось на судебную коллегию в составе 5 человек: председательствующего или члена гражданского отделения и 4-х очередных заседателей. Декрет также предусматривал создание в Москве кассационного суда (вместо Высшего судебного контроля, предусмотренного декретом «О суде» № 2) [11, ст. 589].

30.11.1918 года был принят декрет ВЦИК «О народном суде РСФСР». Данный нормативно-правовой акт консолидировал все основные аспекты судопроизводства и судопроизводства в рассматриваемый период. Декрет учредил единый Народный суд. Говоря о преимуществах данного суда, Н.И. Бухарин отмечал: «Единый народный суд пролетарского государства уменьшает до минимума срок, который проходит дело с момента поступления в суд до окончательного приговора. Судебная волокита сокращается в огромной степени... В результате суд делается доступным для самых бедных и темных слоёв населения...» [1, с. 72]. Состав единого народного суда непосредственно зависел от категории дел. Так, судья единолично имел право рассматривать дела о расторжении браков и дела в порядке бесспорного производства. Народный суд в составе постоянного народного судьи и шести народных заседателей рассматривал уголовные дела: «о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжёлых ран или увечья, изнасиловании, разбое, подделке денежных знаков и документов, взяточничестве и спекуляции монопольными и нормированными продуктами потребления». Народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей рассматривал все остальные уголовные и гражданские дела.

В судебное заседание для производства судебного разбирательства вызывались (по повестке) заинтересованные лица – участники процесса (свидетели, эксперты и др.). За неявку без уважительных причин применялись соответствующие меры принуждения (к примеру, привод).

Декрет содержит ряд общих норм по судопроизводству, которые восприняты современным законодателем, их «ценность» и необходимость не

вызывает сомнения и в настоящее время. Так, согласно ст. 63 декрета, свидетели до их допроса не могли присутствовать в зале судебного заседания; согласно ст. 64, все судебные заседания проводились, как правило, в открытом режиме и только по мотивированному постановлению суда публика удалялась из зала; согласно ст. 70, суд представлял последнее слово «сторонам с тем, чтоб последним говорил обвиняемый»; ст. 71 категорически запрещала допуск в совещательную комнату, во время совещания суда, каких-либо посторонних лиц; ст. 72. устанавливала норму, согласно которой член суда, несогласный с приговором, имел право представить свое особое мнение, которое следовало прилагать к протоколу судебного заседания.

Декрет конкретизировал порядок обжалования приговоров и решений народного суда: во-первых, подтверждался окончательный отказ (впервые закрепленный в декрете «О суде» № 2) от апелляционного порядка пересмотра дел; во-вторых, приговоры и решения могли быть обжалованы, но только в кассационном порядке в «Совете Народных Судей». Среди субъектов, имевших право на кассационное обжалование, декрет называл обвиняемых; субъектов, возбудивших уголовное преследование; местные исполкомы. Подтверждался месячный срок (со дня объявления приговора) на кассационное обжалование [12, ст. 502].

Таким образом, зарождение и формирование основ новой судебной системы (несмотря на некоторую спонтанность) представляло собой достаточно оперативный, целенаправленный и последовательный процесс, который вполне логично укладывался в идеологические рамки и отвечал духу времени. Так, если декрет «О суде» № 1 (от 22.11.1917 г.) можно расценивать как декларативный, фрагментарный акт, провозгласивший в общих чертах ближайшие намерения новой власти в сфере правосудия, то декрет «О народном суде РСФСР» (от 30.11. 1918 г.) стал кульминацией данного процесса. Декрет «О суде» № 1 допускал возможность применения старых законов, если они не были отменены новой властью; не нарушали принятые советские декреты; не противоречили социалистическому правосознанию и программе партии. Декрет «О суде» № 3 уже предписывал руководствоваться только «декретами рабочего и крестьянского правительства и социалистической совестью». Наконец, Положение «О народном суде РСФСР» устанавливало категорический запрет судам ссылаться в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств.

Декрет ВЦИК «О народном суде РСФСР» (от 30.11.1918 г.) регламентировал основные аспекты организации и функционирования советской судебной системы: общие начала судостроительства; порядок избрания народных судей и заседателей; общие начала судопроизводства; предварительное

следствие; участие защиты и обвинения; отвод народных судей и заседателей; производство дел; исполнение и порядок обжалования приговоров и решений суда; судебную пошлину и судебные издержки и др. Данный декрет, по-видимому, можно интерпретировать как результат процесса консолидации законодательства об основах советского правосудия. Консолидация, как известно, это форма систематизации законодательства, в процессе которой многочисленные нормативно-правовые акты, регулирующие один и тот же предмет (тождественные вопросы), объединяются в один общий, достаточно крупный, правовой акт, который принимается соответствующим государственным органом и приобретает силу самостоятельного правового источника.

Несмотря на столь активное развитие «судебного законодательства», реальная деятельность советского суда оставляла желать лучшего. Так, В.И. Ленин констатировал: «Наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд как на нечто казенно-чуждое. Нет достаточного сознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), что суд есть орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, что суд есть орудие воспитания к дисциплине» [3, с. 460]. Иными словами, налицо дефицит доверия к судебной системе.

Основные принципы правосудия, провозглашенные в первый год становления советского государства, актуальны и в наши дни. Среди них мы видим принцип гласности, принцип открытости, принцип доступности, принцип коллегиальности, принцип использования родного языка судопроизводства, принцип обеспечения права на защиту, принцип обжалования судебных решений и приговоров.

Библиографический список

1. Бухарин Н.И. Азбука коммунизма. – М.: Политиздат, 1919. – 200 с.
2. Крыленко Н.В. Судебные речи. – М.: «Юридическая литература», 1964. – 327 с.
3. Ленин В.И. Сочинения. Т. XXII. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 680 с.
4. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига.: Латвийское гос. изд-во, 1967. – 748 с.
5. Советская прокуратура: Сборник документов. – М.: «Юридическая литература», 1981. – 324 с.
6. Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. Т. 1. – М.: «Книга», 1990. – 588 с.
7. Собрание Узаконений РСФСР, 1917, № 4.
8. Собрание Узаконений РСФСР, 1918, № 35.

9. Собрание Узаконений РСФСР, 1918, № 41.
10. Собрание Узаконений РСФСР, 1918, № 26.

11. Собрание Узаконений РСФСР, 1918, № 52.
12. Собрание Узаконений РСФСР, 1918, № 85.

УДК 343

Сиверская Людмила Анатольевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
LSiverskaya@yandex.ru

Смирнова Наталья Александровна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
NSmirnof1971@mail.ru

К ВОПРОСУ О СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Данная статья посвящена перспективам существования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. Авторами проводится анализ различных позиций ученых-процессуалистов об упразднении, сохранении и дальнейшем реформировании этой стадии, детально исследуются приводимые ими исторические, нормативные, организационные, процессуальные и правозащитные аргументы. Кроме того, изучаются причины, последствия и современное состояние правоприменительной практики на Украине, в Грузии и Казахстане, где в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует стадия возбуждения уголовного дела.

Авторами излагается свой взгляд на этот острый дискуссионный вопрос досудебного производства, приводятся аргументы о необходимости сохранения в настоящее время в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела. Авторы полагают, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время невозможно и по ряду объективных причин, обусловленных нестабильной экономической, политической, финансовой, социальной ситуацией в России, ее геополитическим положением. Кроме того, по мнению авторов, реформирование отечественного уголовного судопроизводства должно осуществляться на базе обоснованной с научной точки зрения перспективной модели дальнейшего его совершенствования. Игнорирование этого приведет к деформации уголовно-процессуальной системы в целом, разбалансировке ее институтов. Внесение изменений в большое количество норм УПК РФ не обойдется без нарушения правил системности, взаимосвязи, неизбежных пробелов и правовой неопределенности. Столь масштабная реформа потребует больших финансовых затрат, связанных с решением вопросов организационного обеспечения уголовно-процессуальной деятельности, модернизации органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, их финансового, материально-технического, информационного и иного ресурсного обеспечения.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, стадия возбуждения уголовного дела, рассмотрение сообщений о преступлении.

Уголовное судопроизводство, назначение которого состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ), является одним из направлений реализации государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Функционирование уголовно-процессуального правозащитного механизма начинается уже на этапе первичного рассмотрения сообщений о преступлениях, на стадии возбуждения уголовного дела.

Большинство ученых и практических работников считают ее самостоятельной стадией процесса. Однако в последние годы традиционный взгляд на эту стадию изменился. На страницах научных изданий активно дискутируется вопрос о перспективах ее существования. Спектр мнений об этом, в основном, сводится к двум позициям.

Сторонники радикального изменения считают, что стадия возбуждения уголовного дела подлежит ликвидации [4], а деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении должна быть выведена из сферы уголовно-процессуального регулирования правовых отношений и регламентирована общеправовым нормативным актом [25, с. 23–25].

Так, Б.Я. Гаврилов полагает, что процессуальный порядок начала производства по уголовному

делу должен быть принципиально изменен с исключением из УПК РФ норм о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела [10, с. 18]. По мнению С.И. Гирько, производство по делу необходимо возбуждать подачей заявления о фактических событиях, содержащих противоправность [12, с. 16]. С ними солидарны С.Е. Вицин [3], Ю.В. Деряшев [16, с. 34].

Отстаивая свою точку зрения, приверженцы данной позиции приводят целый комплекс исторических, нормативных, организационных, процессуальных и правозащитных аргументов. По мнению Б.Я. Гаврилова, упразднение стадии возбуждения уголовного дела имеет исторический прецедент, так как такой нормы не знали ни Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее УУС), ни УПК РСФСР 1922 и 1923 годов, где началом производства по уголовному делу служило заявление о преступлении (ст. 303 УУС) [11, с. 7–10]. По замечанию А.П. Кругликова, возрождение этой нормы в современных процессуальных реалиях будет иметь позитивную социальную значимость, т. к. заставит государство служить интересам гражданина, который выступает не бесправным просителем, а лицом, приводящим в действие механизм уголовного преследования [21, с. 56–58]. Л.М. Володина полагает, что наличие этой стадии в совре-

менном уголовном процессе России мешает оперативному ходу расследования преступления и ведет к утрате доказательственного материала [7, с. 84]. А.В. Синельников считает, что эта стадия порождает многочисленные нарушения закона и ограничивает доступ граждан к правосудию [22, с. 69].

Однако, на наш взгляд, изложенные аргументы могут быть критически оценены. Так, ссылка сторонников упразднения стадии возбуждения уголовного дела на исторический опыт уголовно-процессуальной регламентации в УУС 1864 года не бесспорна. Представляется, что использование в качестве основополагающего аргумента единственной фразы, вырванной из контекста нормы, не совсем правильно. В тексте УУС, в ст. 253 раздела 2 главы 1 «О предварительном следствии» указано, что в случае, когда «признаки преступления сомнительны, полиция, прежде чем сообщить о нем по принадлежности, обязана проводить дознание, посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением». Комментируя данное законодательное положение, И.Я. Фойницкий писал: «Под розысками, предусмотренными ст. 254 УУС, подразумеваются все вообще меры удостоверения в искомом происшествии. Некоторые из них называются самим законом, именно словесные расспросы и негласное наблюдение, но помимо того к розыскам могут быть отнесены осмотры местности, осмотры потерпевшего и всякого рода осмотры, даже при участии экспертов, меры для отыскания и охранения таких предметов, для определения виновника и его нахождения. Таковы исследования вещей оставленных на месте преступления вероятным виновником, сношения с иными полицейскими установлениями, обходы ночлежных приютов и т.п.» [24, с. 363]. В 1914 году, в связи с 50-летием Устава уголовного судопроизводства был издан систематическом комментарий, в котором указано: «Точного, формального разграничения полицейского производства (сыск и дознание) от предварительного судебного, Уставом Уголовного судопроизводства не сделано; дознание и следствие, как бы сливаясь, преследуют общими силами одну и ту же цель – действительное выяснение картины преступления или события, имеющего признаки такового». Современные ученые-процессуалисты, анализируя эти положения УУС с позиции сегодняшнего дня, делают вывод, что «полицейское дознание» представляло собой не что иное, как предварительную проверку сообщения о преступлении [17, с. 126; 5, с. 81].

Таким образом, можно сделать вывод, что в указанный исторический период рассмотрение сообщения о преступлении фактически осуществлялось. Сущность его состояла в проверке информации, имеющейся в поступившем в органы полиции сообщении о преступлении с целью установления основания для начала предвари-

тельного расследования. Несмотря на то, что в до-революционном судопроизводстве проверочная деятельность нормами уголовно-процессуального законодательства детально не регламентировалась, ее основания и способы проведения были урегулированы УУС. В дальнейшем, в процессе совершенствования уголовно-процессуального законодательства, проверочная деятельность получила нормативное закрепление, приобрела процессуальный характер и стала определять содержание стадии возбуждения уголовного дела.

Ряд ученых-процессуалистов, отстаивающих позицию упразднения стадии возбуждения уголовного дела, приводят в пример новый уголовно-процессуальный кодекс Украины 2012 года [13, с. 117, 206] и Концепцию правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы, утвержденную Указом Президента Республики Казахстан № 858 от 24 августа 2009 года, один из разделов которой посвящен реформированию уголовного судопроизводства (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан вводится в действие с 1 января 2015 года – ст. 674 УПК Республики Казахстан).

Бесспорно, совершенствование действующего законодательства с использованием опыта других государств необходимо и полезно. Однако за год, прошедший с момента начала действия закона в Украине, приобретен относительно небольшой опыт практической реализации новелл УПК, не позволяющий сделать однозначный вывод. Полагаем, что в этом вопросе следует разделить позицию А.Ф. Волынского о необходимости внимательно присмотреться не столько к содержанию нового УПК Украины, сколько к опыту его действия, к результатам практической реализации положенной в его основу принципиально новой концепции [8, с. 39–43]. Кроме того, как показывает современная ситуация, сложившаяся в Украине, столь поспешное принятие в 2012 году ныне действующего уголовно-процессуального кодекса представляется ничем иным, как инструментом политики, проводимой руководством страны по интеграции государства в Евросоюз с переходом на евростандарты.

В аналогичной ситуации оказалась и Грузия, когда в условиях кризиса власти, дестабилизации социальной, политической и экономической ситуации, в 2010 году был принят новый уголовно-процессуальный кодекс, в основу которого была положена американская модель судопроизводства. Вследствие кардинального изменения концептуальных основ были упразднены многие уголовно-процессуальные институты, в том числе и стадия возбуждения уголовного дела. За полтора года действия нового УПК в Грузии судом присяжных рассмотрено считанное количество уголовных дел, а все остальные дела проведены исключительно на основании «делок с правосудием» [14, с. 14]. По

мнению профессора Л.В. Головки, полное разрушение уголовного процесса в Грузии в угоду проамериканским приоритетам в настоящее время привело к «институциональной катастрофе [14, с. 14]».

Таким образом, полагаем, что ссылка на опыт Украины и революционные преобразования в части упразднения стадии возбуждения уголовного дела в законодательстве республики Грузия не могут рассматриваться в качестве основного и решающего довода. Каждая страна уникальна в своем развитии и поэтому невозможно и нецелесообразно копировать чужую правовую систему и использовать ее положения без соотнесения с собственной историей и современными реалиями.

Примечательно, что еще один аргумент сторонников позиции упразднения стадии возбуждения уголовного дела о доказательственном значении материалов «доследственной проверки», опровергнут законодателем в Федеральном законе от 04. 03. 2013 № 23-ФЗ «О внесении изменения в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ). Принципиальное значение имеет норма, предусмотренная ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ о том, что сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств, при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ.

Точка зрения сторонников второй позиции основана на признании того, что первоначальная стадия досудебного производства должна остаться в российском уголовном процессе, поскольку она приводит в движение механизм уголовного процесса, создавая правовую основу для выполнения процессуальных действий, направленных на установление события преступления, изобличения лиц, виновных в его совершении, является гарантией защиты прав личности и своеобразным рубежом, отделяющим граждан от сферы применения мер уголовно-процессуального принуждения [18, с. 38–40].

Так, Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин указывали, что нормы, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела, придают четкость, определенность и правовую устойчивость возникшим в первоначальный период уголовно-процессуальной деятельности отношениям, обеспечивают защиту прав и законных интересов граждан, исключают возможность произвола и беззакония [19, с. 30]. О том, что своевременное возбуждение уголовного дела необходимо потерпевшим чтобы получить возможность защитить свои права и интересы в суде, указывает Л.А. Воскобитова [9, с. 3]. А.А. Давлетов, Л.А. Кравчук подчеркивают, что возбуждение уголовного дела объективно занимает в современном отечественном уголовном процессе место стадии, исполняя роль необходимого фильтра, предшествующего предварительному

расследованию [15, с. 114–120]. Аналогичную позицию разделяют и другие ученые.

Вместе с тем, большинство процессуалистов признает, что в настоящее время перед отечественной уголовно-процессуальной наукой остро стоит вопрос о необходимости кардинального изменения правового регулирования деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, они предлагают устранить существующие ныне пробелы и оптимизировать практику применения требований закона. По утверждению О.И. Андреевой, первоначальный этап реагирования на сообщение о преступлении нуждается в реформе, но не в точечных изменениях [1, с. 109–112]. Подобное предложение об изменении правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела высказывают В. Исаенко и Е. Папышева [20, с. 82–84].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что суждения сторонников сохранения стадии возбуждения дела и дальнейшего реформирования наиболее обоснованы. Стадия возбуждения уголовного дела прочно закрепилась в сознании представителей органов уголовного преследования и граждан как незыблемый постулат теории уголовного процесса о своей необходимости и обязательности, поэтому к ее ликвидации не готовы ни государство, ни общество, ни представители науки, ни правоприменители. Кардинальное изменение нарушит «естественный порядок» уголовного процесса, отсекая от него одну из важнейших частей, обеспечивающую эффективность не только досудебного производства, но и, в конечном счете, всей уголовно-процессуальной деятельности [15, с. 114–120]. Кроме того, полагаем, что реформирование отечественного уголовного судопроизводства должно осуществляться на базе научно-обоснованной перспективной модели дальнейшего его совершенствования. Игнорирование этого приведет к деформации уголовно-процессуальной системы в целом, разбалансировке ее институтов. Внесение изменений в большое количество норм УПК РФ не обойдется без нарушения правил системности, взаимосвязи, неизбежных пробелов и правовой неопределенности. В этой связи следует иметь в виду высказанную А.Д. Бойковым мысль о том, что исключение из кодекса любой нормы, имеющей принципиальное значение, влечет цепную реакцию: ломается система отрасли, институты и нормы теряют органические связи, резко снижается эффективность правового регулирования, а значит – эффективность борьбы с преступностью [2, с. 119].

В правоприменительной практике упразднение стадии возбуждения уголовного дела приведет к появлению трудноразрешимых организационных проблем. Столь масштабная реформа потребует больших финансовых затрат, связанных с решением вопросов организационного обеспечения уголовно-процессуальной деятельности, модерни-

зации органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, их финансового, материально-технического, информационного и иного ресурсного обеспечения. По прогнозам А.Г. Волеводза, цена этого реформирования – половина расходов госбюджета страны на ближайшие годы, и это должны понимать те, кто «предлагает и научно обосновывает возможное упразднение стадии возбуждения уголовного дела и готов продвигать эту авантюру на законодательском уровне» [6].

Отказ от стадии возбуждения уголовного дела негативно отразится на состоянии законности и учетно-регистрационной дисциплины. Сообщения о преступлении, по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, автоматически перейдут в решения, по которым дело будет прекращено производством.

Существенно возрастет объем работы и увеличится служебная нагрузка должностных лиц следствия, органа и подразделения дознания, что вызовет дополнительные расходы на увеличение штатной численности кадров, проведение организационно-штатных мероприятий, переаттестации и переобучения личного состава. Опыт действия УПК Украины показал, что новая процедура начала уголовного производства значительно увеличила количество уголовных дел. Ситуация с приемом и регистрацией сообщения еще более осложнится, так как необходимо будет регистрировать каждое поступившее сообщение о преступлении или о правонарушении с признаками преступления. Для примера: за 10 месяцев 2014 года в органах внутренних дел рассмотрено 9805163 сообщения о преступлении и 11295604 сообщения о происшествиях, административных правонарушениях. В перспективе, суммарное количество зарегистрированных увеличится более чем в 2 раза.

Следующим элементом цепочки негативных последствий будет ухудшение качества расследования, повышение административных требований к формированию благоприятных статистических показателей работы правоохранительного ведомства и, как результат, рост количества нарушений прав граждан. В этой связи, следует признать обоснованным мнение П.А. Скобликова о том, что сотрудники правоохранительных органов станут массово укрывать заявления от учета, либо регистрировать и оценивать их не как заявления о преступлении, а в ином качестве и проблема останется, но примет другие формы [23].

Упразднение стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время невозможно и по ряду объективных причин, обусловленных нестабильной экономической, политической, финансовой, социальной ситуацией в России, ее геополитическим положением.

Исходя из изложенного, представляется, что в настоящее время стадия возбуждения уголовно-

го дела должна быть сохранена в досудебном производстве. Она выступает гарантом стабильного функционирования уголовно-процессуальной системы в целом и уголовно-процессуального механизма рассмотрения сообщений о преступлении, которые обеспечивают быстрое реагирование на информацию, содержащую данные о признаках преступления, обязательность ее приема, регистрации и проверки, принятие законного и обоснованного решения, соблюдение конституционно-гарантированных прав и свобод граждан. Однако перспективы реформирования стадии возбуждения уголовного дела уже сейчас определяются в позиции законодателя – дальнейшее регулирование деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении с целью повышения степени и гарантии защищенности прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. Определяющее значение имеет ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ, который изменил концептуальные положения проверки сообщения о преступлении: расширил перечень процессуальных и следственных действий, распространил гарантии прав участников уголовного судопроизводства на лиц, участвующих в проверке, придал доказательственную силу сведениям, полученным в ходе проверки сообщения о преступлении. Их следует расценивать как адекватный шаг в направлении повышения эффективности уголовного преследования, расширении познавательных средств стадии возбуждения уголовного дела и обеспечении достаточной возможности для сбора доказательственной информации в оптимальном объеме [1, с. 109–112].

Библиографический список

1. Андреева О.И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356.
2. Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. – М.: «Юрлитинформ», 2002. – 280 с.
3. Вицин С.Е. Машину правосудия должен запустить простой человек // Время новостей. – 2004. – Авг.
4. Вицин С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2003. – № 6.
5. Власова Н.А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: дис... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 405 с.
6. Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. – М.: Издательство медиагруппы «Акцион». – 2014. – № 1.
7. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе – Тюмень, ТюмГУ, 1999. – 176 с.

8. *Волынский А.Ф., Волынский В.В.* Новый УПК Украины – ответ на вызовы современной преступности или...? // *Российский следователь*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2013. – № 5.
9. *Воскобитова Л.А.* Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // *Уголовное судопроизводство*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2010. – № 2. – С. 3.
10. *Гаврилов Б.Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // *Российский следователь*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2010. – № 15.
11. *Гаврилов Б.Я.* Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // *Уголовное судопроизводство*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2010. – № 2.
12. *Гирько С.И.* О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // *Российский следователь*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2010. – № 15.
13. *Гирько С.И.* Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России». – 2013. – 368 с.
14. *Головкин Л.В.* Апхетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // *Уголовное судопроизводство*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2014. – № 2.
15. *Давлетов А.А., Кравчук Л.А.* Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // *Российский юридический журнал*. – 2010. – № 6.
16. *Деряшев Ю.В.* Стадия возбуждения уголовного – реликт «социалистической законности» // *Российская юстиция*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2003. – № 8.
17. *Деряшев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис... д-ра юрид. наук. – Омск, 2005. – 436 с.
18. *Дикарев И.С.* Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // *Российская юстиция*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2011. – № 11.
19. *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Возбуждение уголовного дела. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
20. *Исаенко В., Папышева Е.* О системе уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // *Уголовное право*. – 2009. – № 6.
21. *Кругликов А.П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // *Российская юстиция*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2011. – № 6.
22. *Синельников А.В.* Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации. – Волгоград, 2010. – 209 с.
23. *Скобляков П.А.* Выступление 03.10.2012 года в национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» на Круглом столе «Российская полиция: вчера, сегодня завтра». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.crimpravo.ru/blog/2095.html> (дата обращения: 07.01.2014).
24. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 400 с.
25. *Химичева Г.П.* Уточнить процедуру доследственной проверки // *Уголовное судопроизводство*. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2012. – № 1.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ЭКСПЕРТИЗ СУДЕБНЫМИ

В статье идет речь о необходимости разработки единого методического подхода к организации и проведению таможенной и судебной экспертизы при расследовании таможенных преступлений.

Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании таможенных преступлений, имеют большое значение, поскольку с их помощью объективно закрепляются доказательства, которые можно получить только экспертным путем. Для производства экспертных исследований в Федеральной таможенной службе России функционируют подразделения Центрального экспертно-криминалистического управления (далее ЦЭКТУ).

Система экспертных подразделений ЦЭКТУ включает непосредственно ЦЭКТУ и его региональные филиалы – экспертно-криминалистические службы (ЭКС), в функции которых входит выполнение экспертиз, в том числе судебных экспертиз по заданиям таможенных органов.

В данной статье обобщены сведения законодательных актов, нормативно-правовых и юридических документов, регламентирующих порядок назначения судебных экспертиз при расследовании таможенных преступлений с учетом изменений уголовного и иного отраслевого законодательства, таможенной статистики. Приведены позиции ряда ученых по данному вопросу.

Все это дает основание утверждать, что необходимо создать единые базы данных; развить оперативную электронную связь по экспертно-криминалистическому направлению; определить порядок взаимодействия таможенных органов и экспертных служб; разработать единые стандарты процедур, предшествующих таможенной экспертизе, одинаково применяемые как в рамках таможенного контроля, так и в рамках судопроизводства. В статье дано авторское определение судебной экспертизы.

Ключевые слова: таможенная экспертиза; судебная экспертиза; использование специальных познаний, эксперт, центральное экспертное таможенное управление; лицо принимающее решение.

Анализ норм, регламентирующих судебно-экспертную деятельность в таможенном деле, показал, что поскольку таможенные органы, обладая компетенцией в рамках производства по уголовным делам в соответствии с ч. 5 и ч. 6 ст. 19 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации», п. 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, п. 9 ч. 3 ст. 151 УПК РФ законодательно уполномочены назначать как судебные, так и таможенные (внесудебные (ведомственные)) экспертизы. При этом таможенному праву, как одной из подотраслей административного права, присущ схожий принцип кодификации норм права, а именно – имеющего международный статус. Таможенный кодекс таможенного союза состоит из норм процессуального и материального права. В связи с этим напрашивается решение о приравнивании, с точки зрения доказательственного значения, экспертиз, выполняемых согласно ТК ТС при осуществлении операций таможенного контроля, к судебным экспертизам.

Порядок назначения судебной экспертизы регламентируется главой 27 УПК РФ и Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Судебная экспертиза, как и таможенная, назначается таможенным органом (т.е. специально на то уполномоченным субъектом) в функции которого входит производство по делам об АП, проведение дознания и неотложных следственных действий по уголовным делам отнесенных к компетенции таможенных органов.

Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании таможенных преступлений, имеют боль-

шое значение, поскольку с их помощью объективно закрепляются доказательства, которые можно получить только экспертным путем. Для производства экспертных исследований в ФТС России функционируют подразделения центрального экспертного криминалистического таможенного управления (ЦЭКТУ) [3, с. 61]. При этом термин «экспертиза» в разных предметных областях понимается по-разному. Это понятие такое же широкое, как и понятие «система», и относится к системным понятиям. В юридическом деле использование этого термина имеет правовые последствия, поэтому его обсуждение должно закончиться определением, учитывающим возможность его применения в таможенном деле.

В настоящее время значительная доля экспертиз в рамках расследования таможенных преступлений проводятся ЦЭКТУ ФТС России и его региональными филиалами. Экспертно-криминалистические структуры Федеральной таможенной службы выполняют функции таможенных лабораторий. Так в 2009 году по результатам таможенных экспертиз было возбуждено 670 уголовных дел, 2010 – 436, а в 2013 году – 557.

ЦЭКТУ является специализированным судебно-экспертным подразделением ФТС России, созданным для удовлетворения потребности таможенных органов в производстве необходимых экспертиз и исследований, в том числе в рамках судопроизводства, то есть и для производства судебных экспертиз. Данное обстоятельство определяет наличие еще двух сходств судебной экспертизы, проводимой в таможенных целях с таможенной экспертизой:

- одинаковый субъект проведения экспертизы (ЦЭКТУ или иная уполномоченная организация);
- единство научно-методических подходов, применяемых экспертами ЦЭКТУ при проведении судебных экспертиз и таможенных экспертиз.

А также нельзя обойти такого факта, что права и ответственность таможенного эксперта (ст. 140 ТК ТС) корреспондируют с правами и ответственностью эксперта в процессуальных кодексах [13, с. 303].

Объектами судебной экспертизы в основном являются вещественные доказательства, а вне судебной экспертизы ее объектами могут быть любые предметы: вещи, продукция, товары, деньги, информация, документы, проекты, люди, животные, растения, вещества, материалы, ресурсы, механизмы возникновения связи, сами связи, обстоятельства, окружение, следы, отношения и т.п.

Следует отметить, что судебная экспертиза, в порядке рассмотрения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, должна назначаться и производиться в целях установления наличия или отсутствия «достаточных данных, указывающих на признаки преступления», то есть оснований для возбуждения уголовного дела, предусмотренных в ч. 1 ст. 140 УПК РФ в тех случаях, когда криминальный характер исследуемого события установлен быть не может, и в тех случаях, когда требуется отграничение признаков преступления от схожих признаков других правонарушений (проверка предположения о возможности отнесения вещества к числу наркотических, предмета к холодному или огнестрельному оружию при пересечении таможенной границы и т.п.). Во многом аналогичен подход к использованию специальных знаний и в ТК ТС (ст. 138) при назначении таможенной экспертизы.

В таком режиме, как правило, не возникает необходимости в производстве почерковедческих, судебно-бухгалтерских и др. экспертиз, не нацеленных на выявление «признаков преступления», а предназначенных для выяснения других юридически значимых обстоятельств.

По данным таможенной статистики, наиболее распространенными видами таможенных экспертиз являются товароведческая 40,3% и идентификационная 39,9%, менее востребованы материаловедческие 2,6% экспертизы [10]. Так, в п.1 ст. 144 ТК ТС указывается, что должностные лица таможенных органов отбирают пробы и образцы товаров для проведения таможенной экспертизы в порядке, установленном законодательством государств – членов Таможенного союза. При необходимости использования специальных познаний и применения технических средств отбор проб и образцов товаров может проводиться с участием эксперта. Вместе с тем, привлечение эксперта возможно и для участия в производстве по делу о нарушении таможенных правил (далее НТП), а также

его рассмотрении (ст. 25.9 КоАП РФ). Таким образом, фактически установлена возможность назначения и производства экспертизы не только после начала производства по делу, но и при осуществлении проверочных процедур согласно гл. 16 и 19 ТК ТС, что не противоречит п. 4 ст. 195 УПК РФ. Как отмечает Б.Т. Безлепкин, собрать материал, необходимый для производства экспертизы, можно путем производства соответствующих следственных действий – осмотров, выемок, обысков, допросов и т.д. С разрешения следователя-дознателя при производстве следственных действий может присутствовать эксперт, который таким путем оказывает содействие при получении необходимых для экспертизы материалов. Однако перекладывать обязанности по собиранию материалов для экспертизы на самого эксперта не допустимо [1, с. 211].

Позиция Е.Р. Россинской и Е.И. Галяшиной, с которой мы солидарны, показывает, что экспертизы (исследования) производятся не только в процессе рассмотрения уголовных дел и нарушений, таможенных правил, но и при осуществлении проверочных процедур (таможенного оформления и таможенного контроля) [12, с. 43]. Результатом экспертизы является некоторая оценка, в виде заключения эксперта, которая не носит скалярный характер, т.е. выражается одним числом или одним высказыванием, а содержит зачастую множественные векторные оценки. Однако любое заключение эксперта выносится на основе неких измерительных шкал, норм, критериев, эталонов, образцов сравнения и т.п. И, наконец, следует отметить, что любое заключение эксперта не является окончательным, так как последнее слово в отношениях между экспертом и субъектом, использующим результаты экспертизы, например судьей или лицом, принимающим решение (ЛПР), остается именно за ЛПР [6, с. 37]. Причем не накладывается никаких ограничений на использование полученных результатов в доказывании [12, с.43]. А поскольку правовая норма ч. 4 ст. 195 УПК РФ (ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ) разрешает назначение и производство до возбуждения уголовного дела судебных экспертиз то, следовательно, собирание доказательств может иметь место и на стадии возбуждения уголовного дела. Каковыми и будут являться результаты таможенной экспертизы.

Данную позицию поддерживают А.А. Щетинина, В.Н. Дьяконов, А.Ф. Колпаков, С.Н. Ляпустин, которые считают, что таможенная экспертиза является одним из видов судебных экспертиз, назначаемых в соответствии с требованиями таможенного законодательства, УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КоАП России. При этом, на наш взгляд, можно выделить подвид экспертизы – экспертизу при таможенном контроле, в которую входят таможенные экспертизы и криминалистические экспертизы.

Основой объединительных процессов выбрано внедрение российского национального стандарта ГОСТ Р 52960 2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025» [2], позволяющий унифицировать методы исследования товаров и получать заключения экспертов, обоснованных с необходимой точностью по содержанию и сопоставимых по форме. Кроме того, принятый стандарт является аналогом международного стандарта ISO 17025, используемого группой европейских таможенных лабораторий (GCL), которая представляет собой организационную структуру для координации деятельности таможенных лабораторий государств – членов Европейского союза (ЕС) в рамках ВТО, а также Положения об аттестации экспертов Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления на право самостоятельного производства судебных экспертиз, утвержденного приказом ФТС России от 05.08.2010 г. № 1457 [11].

Все вышесказанное не противоречит основным положениям Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральному закону от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». При этом в п. 4 ст. 5 Федерального закона № 294-ФЗ закреплён приоритет международного права, что создаёт, на наш взгляд, целостную правовую систему, которая коррелирует с положениями Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Конвенция Киото) – порядок назначения и проведения таможенных экспертиз должен соответствовать международным требованиям, в том числе, международным стандартам (методикам) проведения экспертных исследований товаров.

Данная система обеспечивает подтверждение соответствия методического обеспечения, инструментальной базы и компетентности экспертов требованиям, предъявляемым к судебной экспертизе [5, с. 51]. Иначе говоря, позволит обеспечить единство научно-методического подхода при производстве таможенных и судебных экспертиз, а также легитимности заключений российских экспертов в зарубежных судах. Международное сотрудничество в области гармонизации национального законодательства с международными нормами в области экспертной деятельности позволяет единообразно понимать экспертную компетентность, программы подготовки и аттестации экспертов, а также осуществлять взаимную аккредитацию экспертных структур [8].

Приняв решение о назначении экспертизы, должностное лицо таможенного органа обязано подготовить необходимые для производства ис-

следования материалы. Это пробы или образцы товара, если необходимо, специальные объекты для сравнительного исследования, например, образцы почерка, образцы оттисков печатей и т.п. При этом следует отметить, что слова «образец» и «проба» используются вместе со словом «товар». А под товаром подразумевается вещь, перемещаемая через таможенную границу. В таком случае если образец (проба) товара изымается как часть объекта, имеющего статус вещественного доказательства, то образец (проба) товара рассматривается как объект – вещественное доказательство [7].

Помимо этого, эксперту могут понадобиться товаросопроводительные документы: грузовая таможенная декларация, контракт, сертификаты на товар и т.д. Круг объектов, направляемых на экспертное исследование, зависит от характера вопросов, которые должен разрешить эксперт [9]. Вместе с тем, специфика таможенных экспертиз предполагает владение экспертом базовым набором знаний, касающихся вопросов исключительно таможенного дела (ТН ВЭД ТС, таможенная стоимость, страна происхождения и пр.). Этими знаниями не обладают товароведы и эксперты иных экспертных организаций, в том числе и Торгово-промышленной палаты РФ [5, с. 49]. Все это даёт основание утверждать, что необходимо создать единые базы данных; развить оперативную электронную связь по экспертно-криминалистическому направлению; определить порядок взаимодействия таможенных органов и экспертных служб; разработать единые стандарты процедур, предшествующих таможенной экспертизе, одинаково применяемые как в рамках таможенного контроля, так и в рамках судопроизводства [5, с. 54].

Правильная организация проведения таможенной экспертизы в случаях, указывающих на совершение таможенного преступления, играет важную роль в получении достоверных и объективных ее результатов. При этом следует заметить, что признание результатов таможенной экспертизы как источника доказательства до возбуждения уголовного дела могут быть обусловлены необходимостью своевременного выяснения таких обстоятельств исследуемого события, которые могут быть утрачены или искажены в случае промедления [14].

Вопросы, требующие специальных знаний, могут возникать на всех стадиях операций таможенных процедур. Во всех подобных случаях должностное лицо, в обязанности которого входят принятия решений по тем или иным событиям и фактам, обращается к эксперту с целью получить недоступную ему информацию и принять решение о возбуждении уголовного дела. В подавляющем большинстве случаев вопрос о достаточности оснований для возбуждения уголовного дела по таможенным преступлениям разрешить без производства экспертного исследования вообще не

представляется возможным, это подтвердили 92% опрошенных респондента.

Согласно ст. 205 УПК РФ, следователь вправе в соответствии с ч. 1 ст. 206 УПК РФ допросить эксперта для разъяснения данного им заключения, по собственной инициативе либо по ходатайству лиц. По собственной инициативе или ходатайству сторон суд, согласно ч. 1 ст. 282 УПК РФ, вправе вызывать для допроса с целью разъяснений или дополнений эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования. Производство допроса эксперта определено ч. 2 ст. 80 и 282 УПК РФ. Показания эксперта согласно ч. 2 ст. 80 УПК РФ – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, с целью уточнить или разъяснить данное заключение в соответствии с требованиями ст. 205, 282 УПК РФ. Если эксперт подтверждает свое заключение, оно подвергается оценке по существу. Обвиняемый (подозреваемый), подсудимый, защитник, потерпевший и его законный представитель имеют право заявлять отвод эксперту и ходатайство об исключении такой экспертизы из числа доказательств, о назначении повторной экспертизы или дополнительной экспертизы [13, с. 313].

Таким образом, в трех статьях УПК РФ определены три цели допроса эксперта: уточнение, разъяснение и дополнение данного заключения.

На основании вышеизложенного дадим определение судебной экспертизы. Судебная экспертиза – это опосредованное средство доказывания в установленном законом порядке, как до возбуждения уголовного дела, так и после, проводимое уполномоченным на то специальным субъектом с целью получения фактов, которые не могут быть установлены иными способом, кроме как в форме заключения эксперта.

Решение указанных выше проблем, связанных с проведением судебных экспертиз в таможенных целях, в конечном итоге позволит с незначительной затратной составляющей оптимизировать процесс назначения, организации и производства экспертиз в таможенных целях. Это, в свою очередь, позволит снизить количество судебных решений не в пользу таможенных органов и поднять имидж таможенной правоохранительной службы ФТС России на должный уровень.

Библиографический список

1. Безлепкина Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – 368 с.
2. ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025».
3. Жбанков В.А. Судебные экспертизы при расследовании таможенных преступлений органами

дознания Федеральной таможенной службы России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 4-2. – С. 59–63.

4. Нестеров А.В. Основы экспертной деятельности: учеб. пособие. – М.: Высшая школа экономики, 2009. – 167 с.

5. Нестеров А.В., Андреева Е.И., Метельков С.Н., Кузьмин С.А. Правовые аспекты таможенной экспертизы при проведении таможенного контроля на Единой таможенной территории таможенного союза // Вестник Российской таможенной академии. – 2011. – № 2. – С. 48–55.

6. Нестеров А.В. Экспертная деятельность // Российское общество оценщиков. – 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.labrate.ru/articles/nesterov_article_1997_voprosy-ocenki.pdf (дата обращения 03.09.2014).

7. Нестеров А.В. Экспертное дело. – Ростов-на-Дону: Книга, 2003. – 352 с.

8. О гармонизации таможенного законодательства в области экспертизы товаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.brokert.ru/material/garmonizaciya-tamozhnyaya-ekspertiza-tovarov> (дата обращения 03.09.2014).

9. Первоначальная подготовка сотрудников таможенных органов: учеб. пособие / авт.-сост.: В.Н. Дьяконов, А.Ф. Колпаков, С.Н. Ляпустин и др.; под ред. А.А. Щетинина. – Владивосток: ВФ РТА, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ilts.ru/files/file21.pdf>. (дата обращения 03.06.2013).

10. Правовые вопросы таможенной экспертизы в условиях становления Таможенного Союза // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 3(34) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=716:2011-03-28-08-13-37&catid=1:eurasianintegration&Itemid=1 (дата обращения 03.06.2013).

11. Приказ ФТС России № 1457 от 5 августа 2010 года «Об утверждении Положения об аттестации экспертов Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления на право самостоятельного производства судебных экспертиз и Положения о Главной экспертно-квалификационной комиссии Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления».

12. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2011. – 464 с.

13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – 3-е изд. доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 736 с.

14. Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности».

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: НОВЫЕ ФОРМЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В статье анализируются основные направления научных исследований в области гражданского права, проводимые отечественными цивилистами в рамках деятельности юридических научных обществ в середине XIX – начале XX веков. В результате привлечения и анализа материалов заседаний обществ автором установлено, что по количественному показателю – суммарному числу докладов, сделанных в обществах, гражданско-правовая проблематика оказалась одной из самых обсуждаемых (вопросы кодификации гражданского права, интеллектуальной собственности и др.). Особое внимание автор акцентирует на содержательной стороне рассматриваемых исследований, анализ которой выявляет принципиальную профессиональную позицию ученых-правоведов как последовательных сторонников и пропагандистов буржуазного гражданского права. В заключение автором определяются основные характеристики научной деятельности юридических обществ в области гражданского права. В целом, в статье обосновывается мысль о том, что проблема поиска наиболее эффективных форм организации юридической науки в настоящее время может быть быстрее и успешнее разрешена в результате анализа имеющегося, но мало изученного опыта деятельности научных юридических обществ в досоветской России.

Ключевые слова: Г.Ф. Шершеневич, Г.Б. Слиозберг, проект Гражданского Уложения, форма организации юридической науки, научные юридические общества.

Наука гражданского права России прошла в своем развитии несколько этапов, обусловленных разноплановыми причинами. Общепризнано, что выработанные и накопленные отечественной наукой знания об эффективных моделях и механизмах гражданско-правового регулирования имеют не только и не столько историческую ценность, но и обладают прикладной значимостью, могут и должны быть использованы при разработке современного гражданского законодательства и в практике его применения. Однако в истории отечественной юридической науки в целом, и науки гражданского права в частности, остаются малоисследованные страницы. Одной из них является история научных юридических обществ – новой для России формы юридической науки. Образование юридических обществ непосредственно связано с Великими реформами 60-х гг. XIX века, когда перед юридической наукой были поставлены новые творческие задачи. В состав юридических обществ входили выдающиеся российские юристы – Г.Ф. Шершеневич, Г.Б. Слиозберг, С.А. Муромцев, В.Д. Спасович, А.Ф. Кони и другие, для которых юридические общества стали своеобразной профессиональной научной лабораторией. Основным направлением деятельности юридических обществ являлось проведение научных исследований по актуальным проблемам всех отраслей права, среди которых гражданское право занимало особое место.

Гражданско-правовые вопросы, поднимавшиеся в юридических обществах, вытекали из «новых явлений гражданского быта» и относились в основном к области материального права: правовой статус субъектов гражданского права; ответственность акционерных обществ и их органов перед акционерами и работодателями в случаях несчастий с рабочими; вопросы интеллектуальной собственности и многие другие.

Наиболее плодотворной оказалась работа над законопроектами, инициируемая обществами самостоятельно или по предложению правительства. В 1879 году в юридические общества председателем Высочайше утвержденной комиссии по исследованию железнодорожного дела в России графа Баранова были направлены два тома «Трудов» этой комиссии с просьбой разработать вопросы железнодорожного законодательства ввиду «крайне недостаточной регламентации их в действующих законах». Работа над этим проектом была первым опытом деятельности юридических обществ в направлении *de lege ferenda*. Провинциальные общества, в основном, ограничились отдельными замечаниями на проект и внесением частичных предложений, представленных в единичных докладах. Так, разработку неурегулированных вопросов железнодорожного законодательства в Казанском юридическом обществе взял на себя М.В. Шимановский, и в 1880 году им был представлен реферат «О железнодорожном деле в России» [3, с. 25]. Результатом же деятельности комиссии Московского юридического общества стали два проекта: «Проект закона о вознаграждении за вред, причиненный неисправностями железнодорожных предприятий», состоявший из 30 статей, и «Проект уголовного закона, относящегося до паровых железных дорог», включавший в себя девять статей [2, с. 15]. В 1882–1883 гг. юридические общества были извещены министром юстиции о начале проведения кодификационных работ в области гражданского права и создании по указанию императора комиссии с целью общего пересмотра гражданских законов и составления проекта Гражданского Уложения. При этом Министр подчеркнул, что юридические общества могут принести комиссии существенную пользу в собирании и разработке материалов гражданско-

го права и «такое содействие будет принято с житейшей признательностью» [2, с. 17].

Однако кодификационные работы в области гражданского права, инициированные правительством в начале 1880-х гг., замедлились в связи с переходом к консервативному курсу Александра III, став вновь объектом внимания только в конце XIX века. На предложение Высочайше Утвержденной Комиссии по составлению проекта Гражданского Уложения прислать отзывы и замечания на направленный ею в юридические общества проект 5-й книги Гражданского Уложения «Об обязательствах», последовавший осенью 1899 года, научные организации откликнулись с готовностью. Признавая, что кодификация гражданского права является самой трудной и спорной областью кодификации ввиду существования реальной опасности чрезмерного вторжения в сферу частной инициативы и угрозы ее подавления, члены юридических обществ не ставили под сомнение саму необходимость проведения кодификационных работ в области гражданского права. Для них причины возобновления этого процесса в России были более чем очевидны: Свод Законов Российской империи объективно не мог выполнять возложенные на него задачи основного источника права, так как составлялся он как первая ступень в выработке русского Гражданского Уложения, и X том уже в 1832 году признавался не удовлетворяющим потребностям, играющим временную роль переходного звена на пути к Уложению [1, с. 4].

Возможным средством разрешения насущной задачи, с точки зрения отечественных юристов, была постепенная разработка отдельных частей гражданского права, которые наиболее нуждаются в реформировании, и замена всех старых законов новым Уложением. И когда официально избранным оказался второй путь, о чем свидетельствовал факт создания комиссии, обязанной к 1 января 1902 года закончить составление проекта нового Гражданского Уложения, члены юридических обществ сочли своим долгом включиться в эту кропотливую работу. Предельно ясно охарактеризовал позицию подавляющего большинства участников юридических обществ член Московской организации А. Каминка: «Юрист идет навстречу кодификатору, подготавливает почву и собирает материал для реформатора» [1, с. 8].

Однако нельзя замолчать тот факт, что некоторые члены юридических обществ выступили с весьма пессимистическими прогнозами относительно судьбы будущей кодификации русского гражданского права. Так, виднейший отечественный цивилист Г.Ф. Шершеневич в первом же заседании Казанского юридического общества, посвященном обсуждению проекта Гражданского Уложения, предсказал ему «мертворожденность ввиду ненормального его появления на свет не головою, а но-

гами» [5, с. 2063]. По мнению Г.Ф. Шершеневича, Уложение могло и должно было появиться только после проведения в стране серьезных и глубоких преобразований социально-экономического характера. Наличия множества недостатков в проекте не отрицали и другие юристы, указывая, например, на предоставление проектом широкого простора судебному усмотрению вследствие отсутствия достаточных руководящих общих норм [9, с. 410].

Но, понимая значение проделанной и предстоящей работы по созданию нового гражданского законодательства, члены юридических обществ сочли своей задачей содействовать правительству в кодификационной деятельности по мере сил. Поэтому они избрали в отношении проекта Гражданского Уложения путь конструктивной и благожелательной критики, решив не ограничиваться отрицательным отношением к его недочетам и представлять свои контрпроекты.

Таким образом, юридические общества включились в работу над проектом Гражданского Уложения, а для большинства провинциальных организаций призыв правительства стал толчком к возобновлению их активной деятельности. Преследуя единую цель – тщательно проработать предложенный законопроект, юридические общества использовали разные варианты организации предстоящего обсуждения: избрание специальной комиссии в Санкт-Петербурге [5, с. 1932], постановочное обсуждение в Казани [4, с. 1794] и Киеве [7, с. 2327], составление вопросника по наиболее сложным и важным аспектам проекта для рассылки местным юристам в Ярославле [9, с. 411].

Обсуждению проекта 5-й книги Гражданского Уложения «Об обязательствах» были посвящены десятки заседаний научных юридических организаций, в которых законопроект подвергся детальному анализу. Бурные дискуссии развернулись вокруг статьи №1, содержавшей общее определение «обязательства». Так, члены Казанского юридического общества высказались за удаление этой статьи, так как сочли опасным включение в закон определения ключевого понятия, которое являлось спорным и не устоявшимся в науке гражданского права [5, с. 2063]. Санкт-петербургское юридическое общество принципиально поддержало идею составителей о закреплении в законе формулировки «обязательства», что, по мнению его участников, могло способствовать значительному облегчению деятельности самих контрагентов и судей, но к единому мнению о конкретном содержании определения члены общества прийти не сумели [12, с. 2141]. Вообще, несмотря на краткость представленного проекта, требование убрать из него некоторые статьи звучало на заседаниях обществ неоднократно. Например, член Санкт-Петербургского юридического общества Н.П. Тушнов в докладе «Положения проекта Гражданского Уложения об

игре и пари» оспаривал взгляд составителей проекта на игру и пари как договоры, основывая свою аргументацию на отсутствии у участников игры и пари необходимого условия действительности договора – воли на возникновение юридических последствий. Большинство членов общества согласилось с докладчиком и высказалось за исключение соответствующих статей (№№1000, 1003) из проекта особенной части Гражданского Уложения [10, с. 543]. Однако проведенное обсуждение показало, что в отношении ряда положений проекта между юридическими обществами и правительством в лице его комиссии не было разногласий.

Члены юридических обществ поддерживали закрепление в проекте основополагающих принципов буржуазного гражданского права. Ярким примером чему служат результаты прений, проходивших в Казанском юридическом обществе, по вопросу о возможности одностороннего изменения условий договора. Подавляющее количество участников общества приветствовало признание законопроектом принципа неизыблемости договора, соглашаясь с положениями будущего документа об отсутствии права у контрагента изменять или отменять договор [7, с. 2172].

Одним из самых дебатированных стал вопрос о включении в будущее Гражданское Уложение постановлений о торговых сделках, высветив проблему соотношения торгового и гражданского права и целесообразности их смешения. Русское гражданское законодательство с 60-х гг. XIX века шло в направлении единообразного регулирования торговых и гражданских отношений в противовес континентальному дуализму частного права. Представленный комиссией законопроект стал логическим продолжением избранного курса, что выразилось, в частности, в переносе принципов торгового оборота в гражданское право: свободы оборота, свободы волеизъявления, строгости взыскания за неисполнения обязательств. Большинство членов юридических обществ разделило позиции составителей проекта в признании торгового права частью гражданского и заявило о нежелательности создания в России особого торгового кодекса [9, с. 409].

Вместе с тем именно порядок регулирования отношений, возникавших в области торговли, предлагаемый проектом, вызывал у членов юридических обществ повышенный интерес. Так, в нескольких заседаниях Киевского юридического общества обсуждался доклад К.А. Маслова «Договор продажи по проекту Гражданского Уложения» [6, с. 2327], в Санкт-петербургской организации – доклад В.Б. Ельшевича «Закон 1904 года о купле-продаже с рассрочкой платежа в практике и теории» [16, с. 112].

Принципиальное единство взглядов правительства и юридических обществ обнаружилось при изучении обществами положений проекта об

обязательствах, вытекающих из неосновательного обогащения. Итогом обсуждения соответствующего раздела проекта юридическими обществами стало его одобрение в части признания принципа недопустимости обогащения за чужой счет [11, с. 792]. Однако заключительное резюме председательствующего в Казанском юридическом обществе Н.Н. Галкина-Врасского вместе с сочувствием общей позиции авторов проекта содержало и указание на необходимость более детальной его проработки [8, с. 358].

Таким образом, обсуждение будущего Гражданского Уложения показало, что проект, в целом, ориентирован на создание буржуазного гражданского быта и принципиально поддерживается членами юридических обществ. При этом среди русских юристов обнаружилось понимание необходимости не только заменить устаревшее феодальное гражданское право на капиталистическое, но и тщательно проанализировать соответствие классических принципов буржуазного права реалиям современности. Именно эту проблему поднимал в своем докладе «Творческие задачи в современном гражданском праве» член Харьковского юридического общества Н.А. Гредескул [13, с. 453], указав на наметившийся в конце XIX – начале XX веков отход в области гражданских правоотношений от некоторых, казавшихся ранее неизблемыми принципов буржуазного права. К таковым, прежде всего, юрист отнес принцип индивидуализма, ведущий в неограниченном понимании и применении к неравномерному распределению богатств, к полной зависимости экономически слабого от сильного, и лишению первого самых необходимых условий культурного существования. Столь негативные последствия сделали, по мнению Н.А. Гредескула, невозможным включение этого принципа в первоначальном его варианте в новое гражданское законодательство, и в основу законодательных работ в области гражданского права следовало положить социальное начало.

Осознание требований времени в виде увеличения сферы вмешательства государства в частноправовые отношения под влиянием расширения социальных задач государства проявили и составители проекта Гражданского Уложения. Правительственная комиссия отметила, что «закон должен быть, прежде всего, справедлив и что, ограждая равноправность сторон в обязательственных отношениях, законодатель должен вместе с тем оградить интересы всех слабых, беспомощных, т.е. тех, кто по своему личному или имущественному положению нуждается в особой защите закона, не будучи в состоянии с достаточной энергией отстаивать свои права» [13, с. 454].

В 1902 году правительственной комиссией в общества были переданы проекты книги 2-й «Брачное право» и книги 3-й «Авторское право»

Гражданского Уложения, что вызвало у членов обществ интерес к разработке институтов семейного и авторского права (об этом подробнее будет сказано при освещении работы юридических обществ в области семейного и авторского права).

Вместе с тем в первые годы XX века стали очевидными заметное снижение интенсивности проведения кодификационных работ и невозможность их своевременного завершения в условиях нарастающих кризисных явлений в стране, когда ни государство, ни русское общество были «не способны ни к какому энергичному действию, ни к какой инициативе». Большие надежды по законодательному урегулированию гражданских правоотношений либеральная общественность возлагала на представительный орган, однако исторические реалии заставили юристов пересмотреть свои взгляды на будущую кодификацию и признать несвоевременность постановки вопроса об общем пересмотре гражданского законодательства. В заключении Санкт-Петербургского общества от 6.11.1907 года, составленном в результате прений по докладам М.Д. Немировского и Ф.А. Вальтера «О положении работ по составлению Гражданского Уложения», говорилось: «Настоящее время является неподходящим для завершения работ по составлению Гражданского Уложения, т.к. сейчас переходная пора, а Уложение – это полное выражение сложившегося уклада. Теперь лучше примириться с частичными исправлениями и взяться за дело полностью тогда, когда кончится период переживаний» [15, с. 2920]. Реализацией новой установки стало обсуждение в обществах отдельных вопросов будущей кодификации (доклад Л.С. Таля «Договор личного найма по проекту Гражданского Уложения»).

Недостаточное урегулирование законодательством вопросов интеллектуальной собственности выдвинуло их в круг изучаемых членами юридических обществ гражданско-правовых проблем, причем общим настроением обсуждений таких вопросов было признание необходимости большей защиты авторских прав. Так, в 1901 году Г.Б. Слиозберг выступил на заседании Санкт-Петербургского общества с докладом «О наказуемых нарушениях авторского права», в котором указал на необходимость более тщательной детализации нарушений авторского права и большей строгости и серьезности наказаний, налагаемых за эти нарушения [14, с. 2269]. Не раз предлагался к рассмотрению в столичном юридическом обществе новый закон об авторском праве. Так, его сделал предметом своего доклада С.А. Беляцкий – «Новое авторское право в его основных принципах».

Таким образом, анализ научно-исследовательской деятельности юридических обществ в обла-

сти гражданского права показал, что основными ее характеристиками являлись разнообразие разрабатываемых проблем гражданского права, четко обозначенная научная позиция юристов – участников обществ как последовательных сторонников буржуазного гражданского права, конструктивное взаимодействие обществ и правительства в рамках работ по подготовке и профессиональной экспертизе законопроектов. Восполнение определенного пробела в истории юридической науки посредством изучения деятельности юридических обществ, предпринятое в настоящей статье, позволяет рассматривать модель научного профессионального общества как одну из эффективных форм организации юридической науки, недостаточно используемую в настоящее время.

Библиографический список

1. Каминка А. К вопросу о новом Гражданском Уложении // Право. – 1898. – №3. – С. 4–15.
2. Муромцев С.А. Московское юридическое общество за истекшее двадцатипятилетие // Двадцатипятилетие Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1889. – 170 с.
3. Тельберг Г.Г. Историческая записка об учреждении и деятельности Казанского юридического общества за первые 25 лет его существования (1879–1903 гг.). – Казань: Издание Казанского юридического общества, 1906. – 38 с.
4. Юридические общества // Право. – 1899. – №39. – С. 1794–1799.
5. Юридические общества // Право. – 1899. – №41. – С. 1932–2063.
6. Юридические общества // Право. – 1899. – №45. – С. 2172–2180.
7. Юридические общества // Право. – 1899. – №48. – С. 2327–2336.
8. Юридические общества // Право. – 1900. – №6. – С. 358–364.
9. Юридические общества // Право. – 1900. – №7. – С. 406–412.
10. Юридические общества // Право. – 1900. – №10. – С. 543–547.
11. Юридические общества // Право. – 1900. – №14. – С. 792–891.
12. Юридические общества // Право. – 1900. – №45. – С. 2141–2146.
13. Юридические общества // Право. – 1901. – №50. – С. 2269–2273.
14. Юридические общества // Право. – 1901. – №8. – С. 453–455.
15. Юридические общества // Право. – 1907. – №50. – С. 2920–2928.
16. Юридические общества // Право. – 1913. – №2. – С. 112–118.

Полищук Николай Иванович

доктор юридических наук, профессор

Академия Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва

nik-polishchuk@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В статье исследуются вопросы состояния уголовно-правовой политики Российской Федерации сквозь призму действующего уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. По мнению автора статьи, существенное влияние на формирование уголовно-правовой политики оказывают внешнеполитические и международно-правовые факторы, отражающие мощные процессы переустройства мирового порядка в современной цивилизации. Автор работы считает, что различные реформы, направленные на повышение эффективности законодательства в уголовно-правовой сфере, приводят к повышению законности и правопорядка в стране, вместе с тем, существует целый ряд сложностей, существенно влияющих на положение дел в уголовно-правовой политике государства.

Эффективность всей правоприменительной деятельности напрямую зависит от качества исполнительного производства. Автор статьи высказывает мнение о положительных и отрицательных аспектах современной пенитенциарной политики нашего государства, описывает основные причины не исполнения разных видов уголовных наказаний. Он считает, что прежде чем приступать к разработке и принятию новых нормативных правовых актов в уголовно-правовой сфере, необходимо выработать национальную доктрину (концепцию) борьбы с преступностью, которая объединила бы в себе все основные направления этой деятельности и стала основой уголовно-правовой политики России.

Ключевые слова: правовая политика, правовые реформы, коллизии правовых норм, уровень преступности, совершенствование законодательства.

Как известно, в настоящее время в стране реализуется целый комплекс реформ, направленных на совершенствование и развитие национальной правовой системы. Современная уголовно-правовая политика, как и политика вообще, характеризуется научно обоснованной, системно-последовательной деятельностью органов государственной власти по формированию эффективного механизма правового регулирования общественных отношений. Главенствующим признаком данной деятельности является наличие определенной системы целей, призванных реально отражать перспективу правовой, социальной, экономической, духовной, нравственной и иной жизни общества.

По мнению А.В. Малько, в процессе формирования правовой политики определяются те основополагающие виды общественных отношений, которые в первую очередь нуждаются в правовом регулировании. При этом необходимо помнить, что ее цели должны учитывать реальные потребности и интересы участников общественных отношений. В противном случае они будут оторваны от жизни, заведомо не соответствовать объективным стремлениям субъектов, а потому будут заранее нереальны и, кроме того, станут препятствовать продуктивной работе механизма правового регулирования [5, с. 90]. Таким образом, обеспечение максимального соответствия целей правовой политики общественным потребностям и интересам является ее основной задачей.

Накопившиеся проблемы и кризисные явления в развитии российского общества предопределили приоритетные направления уголовно-правовой политики. Существенное влияние на ее формирование оказывают внешнеполитические и между-

народно-правовые факторы, отражающие мощные процессы переустройства мирового порядка в современной цивилизации, возрастает понимание и осознание общности судьбы человечества.

Следует отметить, что важнейшее свойство уголовно-правовой политики заключается в ее государственно-волевом характере и властно-императивном содержании. Следовательно, при ее совершенствовании необходимо изначально четко определять основополагающие принципы, цели, задачи и приоритеты. Иначе уже на стадии принятия нормативных правовых актов мы будем обрекать их на бессодержательность и низкую эффективность. Как правило, такие документы страдают внутренней противоречивостью, коллизионностью, пробельностью, в них вносится масса поправок, изменений, дополнений и т. д.

Так, для согласованной работы Уголовного кодекса Российской Федерации, вступившего в законную силу в 1997 г. с иными нормативными актами, было принято более 100 федеральных законов. В изначально содержащиеся в нем 360 статей было внесено свыше 700 поправок. На сегодняшний день из первоначального числа статей в Уголовном кодексе остались неизменными всего 18.

Для сравнения: в Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. за 36 лет действия было внесено 87 мало-значительных изменений и дополнений.

Аналогичная ситуация происходит и с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, вступившим в силу в 2002 г. Для его коррекции уже было принято более 130 федеральных законов, которыми в действующие нормы вносятся многочисленные изменения и дополнения. Например, редакция ст. 237 УПК РФ «Возвращение уголовного дела прокурору» изменялась пятью

федеральными законами. Однако даже после этого в июле 2013 г. Конституционный Суд Российской Федерации признал положения части первой данной нормы не соответствующими Основному Закону нашей страны¹.

Уголовно-правовая политика в своей структуре имеет ряд направлений, в которых формируется и раскрывается ее суть. Ее основу составляет Уголовный кодекс, который задает вектор развития всему уголовному законодательству страны. Именно в нем государство провозглашает, какое деяние считается общественно опасным и какое наказание следует за него назначить. О несовершенстве уголовно-правовых норм и существующих проблемах в данной отрасли права свидетельствуют не только многочисленные изменения, которым подвергался Уголовный кодекс с момента его вступления в законную силу, но и огромное количество обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. Так, в 2012 г. из 18745 обращений около 6 тысяч (5990) касалось вопросов конституционности норм уголовного права и процесса. К сожалению, не способствовали его качественному улучшению и последние правовые новеллы наших законодателей, поскольку постоянные видоизменения неизбежно приводят к утрате системности нормативного правового акта, нарушают его структурированность, порождают внутренние и внешние правовые коллизии и т. д.

Наиболее важное место в уголовно-правовой политике государства занимает уголовно-процессуальная политика, так как уголовный процесс представляет собой очень сложную, специфическую отрасль права, которая по форме является вторичной (надстроечной), над первичной (базисной), уголовно-правовой, а по сути выступает «прародительницей» материальных уголовно-правовых отношений, через которые в дальнейшем и реализуются нормы уголовного права. Специфическим является то обстоятельство, что в уголовно-процессуальном праве нет и не должно быть ни одного действия, совершаемого вне правовых отношений, так как в данном случае не будет самих участников (субъектов), которые могли бы реализовать свои права или исполнять свои обязанности. Только уголовный процесс способен юридически закрепить возникновение, изменение и прекращение материальных уголовно-правовых и производных от них уголовно-исполнительных правоотношений [9, с. 251–252]. В этом плане С.С. Алексеев отмечал, что, «имея свое специфическое содержание, отрасли процессуального права целеустремленны на то, чтобы обеспечить проведение в жизнь предписаний материального права. В этом отношении, оставаясь самостоятельными отраслями, они имеют производное, подчиненное в том же самом смысле, в каком форма какого-либо явления зависит от его содержания» [1, с. 139].

Сама по себе норма уголовно-процессуального права, как и в любой другой отрасли «мертва» лишь до тех пор, пока не возникают правовые отношения. С появлением таковых она оживает и становится реальным фактором в социально-правовом механизме государства. Будучи связующим звеном, между противоправным деянием и правовыми последствиями (наказанием), уголовно-процессуальные правоотношения являются тем единственным инструментом, с помощью которого реализуются уголовно-правовые отношения. Эти отношения жизненно необходимы для урегулирования конфликта, возникающего между государством и гражданином вследствие совершения последним общественно опасного деяния. Они являются именно той правовой формой, в рамках которой происходит его разрешение. Таким образом, без уголовного процесса уголовное право превращается в фикцию; без уголовного права существование уголовного процесса беспредметно и бессмысленно [12, с. 7].

Об эффективности уголовно-процессуальной политики можно судить по нескольким критериям, в числе которых самыми точными являются: мнения участников уголовного судопроизводства, суждения граждан, воззрения ученых и оценка международного сообщества.

Комплексный анализ современного законодательства в уголовно-правовой сфере позволяет нам говорить о том, что за последнее десятилетие в стране проводились и продолжают проводиться различные реформы, направленные на повышение его эффективности. Для нас совершенно очевидно, что все эти преобразования должны способствовать укреплению законности и правопорядка в стране, а иначе их проведение просто бессмысленно.

Вместе с тем необходимо отметить, что проводимые реформы не всегда дают ожидаемые результаты. Примером этому может служить долгожданное выделение Следственного комитета в самостоятельную структуру вне Генеральной прокуратуры РФ. Сегодня, по прошествии даже относительно небольшого периода мы начинаем осознавать, что данные правовые новеллы ни к чему хорошему не привели. Более того, по мнению многих практических работников, ученых, общественных деятелей, разделение разорвало диалектическую связь этих двух главенствующих субъектов уголовного судопроизводства, отрицательно сказалось на эффективности уголовного процесса, породило вредоносное противостояние между прокуратурой и следственными органами, увеличило количество чиновничьего аппарата, весьма далекого от следственной и надзорной практики, вызвало множество иных негативных проблем.

О возникших проблемах неоднократно высказывался Генеральный прокурор Российской Феде-

рации Ю.Я. Чайка. Так, 18 ноября 2013 г., выступая на парламентских слушаниях в Совете Федерации, приуроченных «Совершенствованию законодательства в сфере уголовно-правовой политики», он отмечал, что лишение прокуроров ряда надзорных полномочий привело к очевидному дисбалансу правозащитного механизма. Как это ни парадоксально, но по делам следователей прокурор сегодня ограничен даже в возможности повлиять на обеспечение одной из основных конституционных гарантий – права на свободу и личную неприкосновенность [2].

В 2013 г. прокурорами отменено более 2,5 млн. незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, выявлено свыше 158 тыс. преступлений, не получивших своевременного учета, установлено 4 тыс. прямых отказов в приеме заявлений о преступлениях и случаев их нерегистрации при наличии бесспорных оснований для проверки и возбуждения дел. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что более трети из них (1400) допущено должностными лицами Следственного комитета, то есть теми, кто должен давать таким фактам уголовно-правовую оценку [4].

Согласно сведениям, отраженным в следственных и прокурорских отчетах, число незаконно задержанных и арестованных в 2013 г. составило 1195, размер подлежащего возмещению реабилитированным за счет государственной казны вреда с почти 700 млн. руб. Однако в Следственном комитете не спешат привлекать к ответственности своих коллег за незаконное ограничение конституционных прав граждан по ст. 301 УК РФ (незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) и возмещать государству причиненный ими ущерб.

Существенные ограничения прав, свобод и законных интересов граждан происходят и в результате несоблюдения процессуальных сроков в ходе досудебного производства. По данным различных источников, с 2006 по 2013 год при сокращении общей следственной нагрузки количество уголовных дел, завершаемых с нарушением установленных УПК РФ сроков, увеличилось почти в два раза. Следовательно, с нарушением сроков расследуется более трети всех дел. Согласно ст. 123 УПК РФ при нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства по уголовному делу участники уголовного судопроизводства, а также иные лица, интересы которых затрагиваются, могут обратиться к прокурору или руководителю следственного органа с жалобой, которая должна быть рассмотрена в порядке и в сроки, установленные ст. 124 УПК РФ.

Вместе с тем, анализируя ст. 39, 162 и иные статьи УПК РФ, можно сделать вывод о том, что подавать жалобу на нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства в ходе досудебного

производства руководителю следственного органа, мягко говоря, нецелесообразно, так как именно он отвечает за их соблюдение, продление и т. д. Основываясь на законах формальной логики и принимая во внимание жесткую вертикаль соподчиненности, полагаем, что при поступлении такой жалобы руководителю следственного органа ее результативность будет сведена к нулю.

Думается, что не руководитель следственного органа, а прокурор как субъект, являющийся лицом незаинтересованным, должен рассматривать жалобы о нарушении установленных сроков в ходе досудебного производства. В связи с этим целесообразно закрепить данную функцию в ст. 37 УПК РФ, определяющей основные полномочия прокурора.

Парадоксально выглядит и ситуация, когда законодатель, с одной стороны, наделяет прокурора исключительным правом утверждать обвинительное заключение и возвращать уголовные дела для дополнительного расследования, если он придет к выводу о недоказанности события преступления, причастности обвиняемого к его совершению и других обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, а с другой – лишает его возможности прекращать уголовные дела или уголовное преследование.

Вместе с тем в ст. 37 УПК РФ говорится о том, что в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор вправе отказаться от осуществления уголовного преследования, то есть поддержания государственного обвинения. Возникает вполне закономерный вопрос, а что делать прокурору, если в ходе досудебного производства он придет к выводу о необходимости прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а следователь с ним не согласен? Выход один – утверждать, несмотря ни на что, обвинительное заключение, ждать начала судебного разбирательства и уже там отказываться от поддержания государственного обвинения. В этой ситуации все удовлетворяют свои интересы – следствие получит желаемую нагрузку и процент раскрываемости, прокурор соблюдет законность, суд отправит правосудие. Пострадает только одно государство. По словам заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации А.А. Толкаченко, один судодень обходится государству примерно 30 тыс. рублей, а суды ежегодно прекращают около 200 тысяч уголовных дел, то есть почти каждое пятое из числа поступивших от органов расследования, которые они сами вправе по закону прекратить [3].

Еще один аспект исследуемой проблемы, породивший множество острых дискуссий, нуждается в более детальном рассмотрении, а именно комплекс правовых новелл, именуемый сделками с правосудием. На низкую эффективность, а иногда и порочность этого нововведения также неоднократно обращали внимание высшие должностные лица государства, руководители Генеральной прокура-

туры, МВД, Минюста России, общественные деятели, ученые, практические работники.

Так, Генеральный прокурор страны Ю.Я. Чайка в течение последних двух лет неоднократно отмечал, что вопреки зарубежному опыту реализация положений уголовно-процессуального законодательства приобрела крайне уродливую форму. В других странах виновный, заключивший подобное соглашение, прежде должен выполнить свои обязательства по содействию следствию, и только потом он получает снисхождение в суде. У нас же наоборот. Ему сначала идут на уступки, выносят либеральный приговор, и лишь затем осужденный дает нужные показания в суде, хотя есть случаи отказа от них. При этом вынесенный заключившему соглашение обвинительный приговор часто используется в качестве имеющего преюдициальное значение. А сама суть этого института, призванного содействовать изобличению организованной преступности и коррупции, извращена стремлением некоторых прокуроров... подчеркиваю, и прокуроров, и следователей упростить свою работу по делам других категорий [2]. Аналогичные проблемы возникают и при реализации гл. 40 УПК РФ, регламентирующей особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Считаем, что большинство из перечисленных выше проблем можно было бы минимизировать, если бы доминирующие в уголовном судопроизводстве участники находились в одной упряжке, а не соперничали друг с другом. Хорошим уроком в этом вопросе мог бы послужить опыт Казахстана, который в 90-х годах также создал Государственный следственный комитет, который сначала добился независимости от прокуратуры, потом потребовал себе оперативников, затем информационно-аналитический центр, дальше следственные изоляторы и в конечном итоге превратился в еще одну параллельную МВД структуру. После этого его и решили упразднить.

Отдельно необходимо отметить, что подобная негативная ситуация происходит и в результате деления иных правоохранительных органов. По нашему мнению, именно не совсем продуманная правовая политика государства привела к ухудшению (не хочется говорить к развалу) деятельности органов внутренних дел. Сегодня некогда единая работоспособная система разделена на несколько самостоятельных федеральных и соответственно региональных структур, которые, стремясь доказать свое превосходство друг перед другом, начинают вести между собой бюрократические дуэли, утаивать информацию, делить территорию, сферы влияния и т. д. Примером этому может служить случай в Хабаровском крае, о котором рассказала 17 апреля 2014 г. местный корреспондент на прямой линии с Президентом Российской Федерации.

Особо следует отметить еще одну пагубную сторону данного деления, а именно финансовую. Как уже отмечалось, создание новых министерств (МЧС России), федеральных служб (ФСИН, ФСКН, ФМС России) способствовало возникновению одноименных структур (управлений, а в ряде регионов и главные управления) в каждом субъекте Российской Федерации. Так, в одночасье бывшие отделы, состоявшие из десятка сотрудников, превратились в управления, насчитывающие несколько сот человек.

Создание новоиспеченных структур повлекло за собой баснословное увеличение чиновничьего аппарата, постоянно требующего подтверждения своего статуса высокими генеральскими и офицерскими званиями, числа сугубо управленческих должностей, непосредственно не занимающихся правоприменительной деятельностью, увеличение обслуживающего персонала, нерациональное использование технических средств, колоссальные коммунально-бытовые затраты и т. д.

Если в дореформенный период все эти службы находились в прямом подчинении начальника управления органов внутренних дел субъекта Российской Федерации и были нацелены на выполнение единой государственной задачи, то сейчас воистину правая рука не ведает, что творит левая. Порой для того чтобы организовать какое-либо региональное или муниципальное мероприятие, необходимо провести несколько совещаний, скоординировать позиции различных теперь уже самостоятельных правоохранительных структур, добиться их согласия, заручиться официальными бумагами, поддержкой руководства, одобрением главка и т. д.

Однако больше всего вреда приносит бюрократическая переписка между этими псевдосамостоятельными органами. Иногда, для того чтобы оперативно получить необходимую информацию, приходится ждать неделями, а то и месяцами, тогда как раньше достаточно было зайти или позвонить в соседний отдел или службу.

Возникает вполне закономерный вопрос, а кому нужны такие реформы? Государству, которое как никто заинтересовано в эффективно работающих правоохранительных органах, способствующих реализации провозглашенных им основополагающих принципов демократизма, гуманизма, законности, справедливости; народу, то есть налогоплательщику, который на свои кровные содержит весь этот раздутый чиновничий аппарат правоохранительных органов, отрывая денежные средства от социальных программ, направленных на поддержку ветеранов, пенсионеров, малоимущих, детей и т. д.; или кому-то еще, кто на словах ратует за сильные, работоспособные правоохранительные органы, а на самом деле, решая свои меркантильные вопросы, разваливает их.

Неотъемлемой частью уголовно-правовой политики государства является политика уголовно-исполнительная. Ее значимость состоит в том, что именно с ее помощью достигаются цели и решаются задачи уголовного и уголовно-процессуального права. По сути, ради нее создаются все уголовные и уголовно-процессуальные нормы, возбуждаются и расследуются уголовные дела, поддерживается государственное обвинение, вершится правосудие и т. д. Ведь вся уголовная и уголовно-процессуальная деятельность направлена на то, чтобы воздать лицу нарушившее запрет, нормы уголовного права, то есть совершившее преступление, понесло справедливое, заслуженное наказание – кару. В противном случае вся следственная, надзорная, судебная, апелляционная, кассационная и иная деятельность будет лишена здравого смысла. По сути, эффективность всей правоприменительной деятельности напрямую зависит от качества исполнительного производства.

В своих публикациях [7; 10; 11] мы неоднократно высказывали мнение о положительных и отрицательных аспектах современной пенитенциарной политики нашего государства, закрепленных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, среди целей которой повышение эффективности всей работы учреждений и органов, исполняющих наказания, сокращение рецидива преступлений, гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу и отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав, свобод и законных интересов и т. д. Вместе с тем необходимо отметить, что кроме штрафа и лишения свободы все остальные виды уголовных наказаний практически не исполняются. Причины тому самые различные:

- отложенный на время арест до сих пор так и не введен;
- ограничение свободы исполняется неэффективно в силу экономических причин, обширности территории государства, несовершенства необходимых технологий электронного мониторинга;
- исправительные, обязательные работы исполняются формально ввиду проблем с трудоустройством;
- исполнение принудительных работ отложено до 2017 года;
- смертная казнь не применяется ввиду правового нигилизма высших должностных лиц государства, ссылающихся на так и не ратифицированные международные обязательства Российской Федерации [6; 8].

Как уже отмечалось, экономическая, политическая, социальная ситуация в новейшей истории России породила необходимость проведения наспех подготовленных правовых реформ, которые и сформировали существующий дисбаланс между правоохранительными органами страны. Попытки

урегулировать данную проблему путем непрерывного внесения изменений и дополнений в различные нормативные правовые акты, к сожалению, так и не увенчались успехом.

В настоящее время все чаще звучат призывы приступить к подготовке новых редакций Уголовного, Уголовно-процессуального, Уголовно-исполнительного кодексов, подкорректировать Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года и т. д. Однако мы полагаем, что, прежде чем приступать к разработке и принятию новых нормативных правовых актов в уголовно-правовой сфере, необходимо выработать национальную доктрину (концепцию) борьбы с преступностью, которая объединила бы в себе все основные направления этой деятельности и стала основой уголовно-правовой политики России.

Примечания

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М.: Госюриздат, 1961. – 187 с.
2. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/85492/ (дата обращения 02.02.2015).
3. Выступление заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации А.А. Толкаченкова на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/85492/ (дата обращения 04.02.2015).
4. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 29 апреля 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/145875/ (дата обращения 04.02.2015).
5. Малько А.В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
6. Полищук Н.И. Мораторий на смертную казнь: вопросы теории и практики // Юридическая мысль. – 2007. – № 2.

7. Полищук Н.И. Парадигма гуманизации современной правовой политики России // X Всероссийские декабрьские юридические чтения в Костроме: сб. материалов: в 3 т. / сост. В.В. Груздев. – Кострома, 2013.

8. Полищук Н.И. Правовые проблемы моратория на смертную казнь // Современное право. – 2007. – № 8. – С. 92–96.

9. Полищук Н.И. Теоретическая модель взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта. 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж, 2008. – С. 251–252.

10. Полищук Н.И. Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации на современном этапе его развития // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) МГОУ им. В.С. Черномырдина: науч.-практ. журн. – Коломна, 2012. – Вып. 7.

11. Полищук Н.И., Вороненков Д.Н. Правовые реформы и развитие национальной пенитенциарной системы // Современное право. – 2013. – № 5. – С. 89–94.

12. Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева, 3-е изд. – М.: Спарк, 2002. – 704 с.

УДК 342.7

Коробейников Борис Васильевич

доктор юридических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации
niiagr@mail.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР – ВАЖНОЕ СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Автор статьи отмечает, что права и свободы человека, участвующего в уголовно-процессуальных, гражданско-процессуальных, административных, трудовых, жилищных и других видах отношений, определяются и регулируются различными видами федерального законодательства, а защита этих прав является одной из приоритетных задач надзорной деятельности органов прокуратуры. На современном этапе проблема прав и свобод личности стоит очень остро, поэтому и деятельность прокуроров в рамках указанного направления оказывается особенно актуальной.

Автор статьи считает, что приказы Генерального прокурора Российской Федерации играют очень важную роль в защите как конституционных прав и свобод человека и гражданина, так и прав и свобод, предусмотренных на основании норм Конституции в ином федеральном законодательстве. В работе приводится анализ ключевых положений Конституции Российской Федерации, приказов Генеральной прокуратуры РФ, связанных с организацией, проведением и повышением эффективности прокурорского контроля. Значение приказов Генерального прокурора Российской Федерации в защите конституционных прав человека и гражданина, прежде всего, определяется тем, что в них на основании анализа состояния законности (правонарушаемости) указываются те виды конституционных прав граждан на проверку соблюдения (исполнения), которых всем подчиненным прокурорам следует обратить особое внимание.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, прокурорский надзор, Конституция, Генеральная прокуратура РФ.

Основные права человека и гражданина Российской Федерации предусмотрены в статьях 17–64 главы II Конституции Российской Федерации. Будучи частью Основного закона России, они являются правовой основой для последующей конкретизации тех или иных прав в федеральном законодательстве, регулирующем различные сферы общественных отношений, в которых участвует человек и гражданин. Права и свободы человека, участвующего в этих отношениях, определяются и регулируются различными видами федерального законодательства. Это уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, административное, трудовое, жилищное и многие другие виды законодательства. Защита этих прав является одной из приоритетных задач надзорной деятельности органов прокуратуры.

На современном этапе социально-экономического и политического развития Российского государства и общества значение прав и свобод человека существенно возросло. Поэтому из I главы

третьего раздела Закона о прокуратуре Российской Федерации «Надзор за исполнением законов (ранее назывался «общий надзор») в действующей редакции закона «О прокуратуре Российской Федерации» (от 17.01.1992 № 2202–1 ФЗ) деятельность органов прокуратуры по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выделена как самостоятельное основное направление прокурорского надзора (глава 2 ст. 26–28).

Деятельность прокуроров в названном направлении помимо закона «О прокуратуре Российской Федерации», определяющего предмет и полномочия надзора прокурора, регулируется приказами Генерального прокурора Российской Федерации.

Генеральный прокурор Российской Федерации уделяет этому направлению надзорной деятельности подчиненных прокуроров повышенное внимание. Об этом свидетельствует то, что за период с 1993 по 2013 год количество изданных (опубликованных) приказов этого направления занимало третье место в общем числе всех приказов, посвя-

щенных всем направлениям прокурорской надзорной деятельности.

Приказы Генерального прокурора Российской Федерации играют очень важную роль в защите как конституционных прав и свобод человека и гражданина, так и прав и свобод, предусмотренных на основании норм Конституции в ином федеральном законодательстве. Жизнь показывает, что установленные государством даже в Конституции Российской Федерации права и свободы нередко нарушаются. Так, в 2013 году прокурорами было выявлено 3016244 нарушений прав граждан, а за период 2011–2013 годов прокурорами в интересах граждан было предъявлено в суды более 2,2 млн. исков на сумму 34,4 млрд. рублей [6, с. 41]. Без помощи прокуратуры гражданам пришлось бы тратить много сил и времени, чтобы восстановить нарушенные права.

Такая распространенность нарушений прав и свобод граждан не могла не вызвать озабоченность Генерального прокурора Российской Федерации, что и повлекло активное издание приказов, направленных на активизацию и совершенствование деятельности прокуроров в рассматриваемом направлении.

Предусмотренные Конституцией РФ и федеральными законами права человека и гражданина обеспечиваются экономическими, политическими, социальными и иными структурами государства. Органы прокуратуры и возглавляющий их Генеральный прокурор Российской Федерации защищают эти права и свободы от любых посягательств путем выявления их нарушений и принятия мер к их устранению, т.е. восстановлению нарушенных прав.

Значение приказов Генерального прокурора Российской Федерации в защите конституционных прав человека и гражданина, прежде всего, определяется тем, что в них на основании анализа состояния законности (правонарушаемости) указываются те виды конституционных прав граждан на проверку соблюдения (исполнения), которых всем подчиненным прокурорам следует обратить особое внимание. Так в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 №195 (в ред. Приказов Генпрокуратуры России от 09.02.2012 №39 и от 10.02.2012 №46) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» обращается внимание прокуроров на необходимость активизации защиты закрепленных в Конституции РФ прав на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), социальное обеспечение (ст. 39), трудовых (ст. 37), жилищных (ст. 40), избирательных (ст. 32) и иных социальных и политических прав и свобод человека и гражданина, в том числе безопасных условий труда (ст. 37), своевременной выплаты заработной платы (ст. 37), проведения публичных мероприятий (ст. 31) и др.

Виды норм Конституции РФ и иного законодательства, надзору за соблюдением которых Генеральный прокурор Российской Федерации требует от подчиненных ему прокуроров уделить особое внимание, могут изменяться в зависимости от конкретной социально-экономической обстановки в стране или особенностей контингента граждан, права и интересы которых требуют особых мер защиты. Так в приказе от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» внимание прокуроров обращается на необходимость на всех стадиях уголовного судопроизводства обеспечить действенный надзор и обеспечение неукоснительного соблюдения гарантированных Конституцией РФ прав и свобод граждан в процессе применения к гражданам процессуальных мер принуждения (ст. 22); проверять законность и обоснованность задержания граждан, подозреваемых в совершении преступления (ст. 22); принимать решительные меры к устранению выявленных фактов незаконного ограничения права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), а также незаконного проникновения в жилище (ст. 25) обжаловать все незаконные и необоснованные судебные решения по уголовным делам (ст. 50) и др.

Особого внимания Генеральный прокурор Российской Федерации требует от подчиненных прокуроров по защите конституционных прав групп населения, имеющих ограниченные возможности самостоятельной защиты этих прав.

К числу таких социальных групп, прежде всего, относятся несовершеннолетние.

В приказе от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» Генеральный прокурор Российской Федерации требует от подчиненных прокуроров чтобы при организации надзора за соблюдением конституционных и иных прав несовершеннолетних они исходили из того, что благосостояние и интересы детей имеют приоритетное значение во всех сферах жизни общества и государства. С учетом этого и в порядке исполнения требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроры активно проверяют соблюдение предусмотренных в Конституции РФ жилищных и имущественных прав несовершеннолетних (ст. 35); прав на социальную защиту, охрану жизни и здоровья (ст. 41); образование (ст. 43); свободу совести и вероисповеданий (ст. 28); защиту детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственности и духовному развитию (ст. 29).

Особого внимания к соблюдению Конституционных прав несовершеннолетних Генеральный прокурор Российской Федерации требует от про-

куроров, осуществляющих надзор на стадиях досудебного и судебного судопроизводства, а также в процессе исполнения наказания, назначенного судом несовершеннолетним за совершенные правонарушения и преступления (ст. 47–50).

Особое значение в защите конституционных прав граждан имеет приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие «Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации».

В этом приказе Генеральный прокурор Российской Федерации требует от подчиненных прокуроров обеспечить рассмотрение обращений и организацию приема заявителей в строгом соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации и действующим законодательством. В прилагаемой к приказу Инструкции подробно рассмотрен порядок приема устных и письменных обращений граждан в связи с нарушениями их законных, прежде всего, конституционных прав, порядок разрешения обращения граждан, сроки рассмотрения обращений, порядок направления ответов на обращения, организация приема заявителей в органах прокуратуры.

Таким образом, исполнение названного приказа Генерального прокурора Российской Федерации является определенной гарантией своевременного и объективного разрешения в органах прокуратуры обращений граждан в связи с нарушением их конституционных прав.

Издание Генеральным прокурором Российской Федерации приказов, с требованием обратить особое внимание на надзор за соблюдением тех или иных конституционных прав человека и гражданина повышает активность сотен прокуроров, в чью компетенцию входит это направление надзора. Приказы Генерального прокурора Российской Федерации подлежат неукоснительному исполнению всеми подчиненными ему прокурорами. В результате возрастает количество проверок соблюдения соответствующего законодательства, количество выявленных и устраненных правонарушений, повышается уровень соблюдения конституционных прав человека и гражданина.

В приказах Генерального прокурора Российской Федерации не только определяются наиболее важные направления в деятельности прокуроров по защите конституционных прав граждан, но и указываются наиболее эффективные правовые средства и методы, которые должны применять прокуроры в этой деятельности.

Виды применяемых средств и методов их применения существенно зависят от вида нарушенного законодательства и субъектов, совершивших правонарушения. С учетом этого набор и характеристика указанных, наиболее эффективных

средств и методов выявления и устранения нарушений, конституционных прав человека и гражданина в различных приказах Генерального прокурора Российской Федерации, помимо общих полномочий, закрепленных в ст. 27 закона «О прокуратуре Российской Федерации», существенно различаются.

Так, в вышеназванном приказе от 07.12.2007 № 195 указано:

1. В целях выявления фактов нарушения конституционных прав граждан надзор за законностью правовых актов осуществлять независимо от поступления информации о нарушениях законности, а проверку исполнения законов проводить на основании поступившей в органы прокуратуры информации (обращения граждан и т.п.)

2. В качестве повода для прокурорских проверок соблюдения конституционных прав человека и гражданина рассматривать материалы уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел, результаты анализа статистики, прокурорской и правоприменительной практики и других материалов, содержащих данные о нарушениях законности.

В приказе от 27.11.2007 № 189 предусмотрено:

1. Уделять особое внимание защите конституционных прав потерпевших от преступления, принимать меры к обеспечению гражданских исков в уголовном деле.

2. Практиковать проведение проверок мест содержания задержанных в вечернее и ночное время.

3. Систематически информировать общественность о мерах, принимаемых прокурорами по усилению защиты конституционных прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве.

4. Комплексно, не реже одного раза в полугодие анализировать состояние прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве. Результаты обобщения использовать для совершенствования организации надзора.

5. Положение о соблюдении конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве систематически рассматривать на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов.

Особенно много указаний организационного и методического характера содержится в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188. Назовем в качестве примера лишь некоторые из них:

1. Пресекать принятие региональных нормативных актов, не соответствующих федеральному законодательству и ущемляющих права и интересы детей.

2. Усилить надзор за соблюдением прав органов и учреждений по делам молодежи и законностью их деятельности.

3. Привлекать специалистов Федеральной службы по труду и занятости к проверкам соблюдения конституционных прав несовершеннолетних на труд и охрану безопасности труда, особенно на предприятиях среднего и малого бизнеса.

4. Принимать участие в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, активно влиять на реализацию комиссиями правозащитных функций. Периодически анализировать практику деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

5. Обеспечить прокурорский надзор за деятельностью подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по выявлению и учету несовершеннолетних правонарушителей и родителей, отрицательно влияющих на детей.

6. Остро реагировать на случаи использования административного задержания несовершеннолетних в целях оказания давления на них для признания ими вины в совершении преступления. Организовать контроль за фактическим устранением нарушений конституционных прав и свобод несовершеннолетних.

7. Привлекать к работе по осуществлению надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи наиболее квалифицированных и опытных работников.

Перечисленные мероприятия составляют лишь часть обязательных для исполнения методических указаний, содержащихся в выше названном приказе Генерального прокурора Российской Федерации, бесспорно повышающих уровень защиты органами прокуратуры конституционных прав и свобод несовершеннолетних и молодежи.

В приказе от 10.01.2013 № 45, как и в предыдущих приказах, дается ряд методических указаний о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры.

Наиболее важные из них состоят в следующем:

1. Организовать изучение Инструкции прокурорскими работниками и государственными гражданами служащими органов прокуратуры Российской Федерации.

2. Работу по рассмотрению обращений и приему граждан анализировать, обобщать, а итоги анализа использовать для прогнозирования и планирования надзорной деятельности.

3. Учитывать, что утвержденная Инструкция устанавливает общие принципы и способы организации работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры.

Особенности порядка и сроков рассмотрения обращений, связанных с реализацией процессуальных прав и интересов в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, обращений, вытекающих из международных отношений, обращений депутатов, военнослужащих и некоторых иных обращений, а также приема граждан регу-

лируются регламентом Генеральной прокуратуры Российской Федерации и организационно-распорядительными документами Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Помимо рассмотренных компонентов содержания Приказы Генерального прокурора Российской Федерации содержат, и некоторые рекомендации относительно мер, принимаемых прокурорами к нарушениям конституционных прав граждан и лицам их нарушившим.

Приказы Генерального прокурора Российской Федерации регулируют деятельность прокуроров по защите конституционных прав человека и гражданина не только во всех направлениях прокурорского надзора, но и в иных направлениях деятельности органов прокуратуры, в том числе в процессе участия прокуроров в рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Любое преступление, причиняющее вред человеку, нарушает его конституционные права. Так, совершение кражи (ч. 2. ст. 158 УК РФ) является одним из самых распространенных преступлений. В 2013 г. было зарегистрировано 186363 кражи, совершенных из жилища или квартиры. В результате совершения этого преступления одновременно нарушалось право граждан на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ) и право частной собственности (ст. 35 Конституции РФ).

В соответствии с требованиями п. 5.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных инстанциях уголовного судопроизводства» каждый государственный обвинитель (прокурор) обязан «всемерно способствовать принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения», т.е. вынесения приговора, максимально восстанавливающего права потерпевшему и возмещение причиненного материального ущерба. В то же время, если государственный обвинитель на основании всестороннего исследования доказательств придет к выводу, что подсудимый не виновен в совершении преступления, то он может отказаться от обвинения (п. 7 Приказа) и тем самым защитить достоинство личности подсудимого (ст. 21 Конституции РФ), его свободу и неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ).

Особо важное значение в защите конституционных прав граждан имеет приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.04.2012 № 181 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе». Выше уже отмечалось, что многие конституционные права граждан конкретизируются в многочисленных и разнообразных федеральных законах. Это обстоятельство порождает разнообразные по содержанию права человека и гражданина, которые, к сожалению, нередко нарушаются особенно в сфере гражданско-правовых отношений.

Так, в 2013 году органами прокуратуры было выявлено и, следовательно, пресечено 231638 нарушений жилищных прав граждан (ст. 40 Конституции РФ), более 1 миллиона нарушений трудовых прав граждан, в том числе 126200 нарушений законодательства об охране труда (п. 3 ст. 37 Конституции РФ), 60878 нарушений миграционного законодательства (ст. 27 Конституции РФ) и т.д.

Особое внимание в названном приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 26.04.2012 № 181 уделяется защите конституционных прав лиц, которые сами по уважительным причинам не могут обратиться в суд.

Генеральный прокурор Российской Федерации в названном приказе от 26.04.2012 № 181 требует от подчиненных прокуроров обязательного участия в рассмотрении дел с целью защиты таких конституционных прав граждан, как дела о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда причиненного жизни или здоровью (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ); о защите избирательных прав (ст. 260.1 ГПК РФ); о лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах, об ограничении родительских прав (ст. 70, 72, 73 Семейного кодекса Российской Федерации); об усыновлении и отмене усыновления (ст. 125, 140 Семейного кодекса Российской Федерации, ст. 273 ГПК РФ); о признании гражданина недееспособным, об ограничении дееспособности гражданина (ст. 284 ГПК РФ); об обжаловании действий медицинских работников, иных специалистов, работников специального обеспечения и образования (ст. 48 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»); и др.

В приказе даются конкретные методические рекомендации прокурорам, защищающим конституционные права граждан в гражданском процессе. В частности, Генеральный прокурор Российской Федерации требует, чтобы лица, участвующие в рассмотрении судами гражданских дел, тщательно готовились к судебному заседанию, изучали материалы, послужившие основанием для обращения в суд с иском или заявлением, анализировали законодательство, применимое при рассмотрении дела, оценивали имеющиеся в деле доказательства на предмет их достаточности, относимости и до-

пустимости. Все это, безусловно, обеспечивает успешную защиту конституционных прав граждан.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 12.01.2015)
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvtp.ru/node/2032> (дата обращения 12.01.2015).
3. Приказ Генпрокуратуры РФ от 26.11.2007 года № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/expertlaw/71637> (дата обращения 12.01.2015).
4. Приказ Генпрокуратуры РФ от 26.04.2012 года № 181 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-76029/> (дата обращения 19.01.2015).
5. Приказ Генпрокуратуры РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://refugee.memo.ru/For_All/law.nsf/9f27ad695d5c178cc3256b8900728845/142425605f9f7b42c3257b2d0041d745!OpenDocument (дата обращения 19.01.2015).
6. Приказ Генпрокуратуры РФ от 30 января 2013 года № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902397775> (дата обращения 12.01.2015).
7. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры «2013 год»: информационно-аналитическая записка. – М., 2014.
8. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164358/> (дата обращения 14.01.2015).

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Aleksandr V. Novikov
Kostroma archaeological expedition
kae44@mail.ru

The history of archaeological study of monuments of Kostroma lowlands with crested-corded and corded ceramics of the early Iron Age

The object of the study are monuments of the early Iron Age crested-corded and corded ceramics of Kostroma lowlands. The article examines the archaeological study of allocations and settlements, addresses the problems of interpretation of materials, characterizes the degree of knowledge of the problem.

Ceramics with archaeological monuments of the early Iron Age of Kostroma lowlands is presented by reticulated, smooth-surfaced, hatched, crested-corded and corded types of Anan'ino "style", which certainly indicates the complicated cultural processes on the territory of that micro-region. To date, sixteen archaeological monuments of the early Iron Age in the Kostroma lowlands are known, seven of which are with materials of Anan'ino appearance. It should be noted that not all researchers tend to isolate complexes of Anan'inoceramic type material while interpreting the early Iron Age monuments in the region. Treating the complexes of crested-corded and corded ceramics as a particular type of reticulated dishes, or dishes as a whole, used to be most often not of archaeologists' attention, neither of these complexes' full enlightenment; this occurrence is typical for Kostroma Povolzhye region as a whole.

The problems associated with Anan'ino culture, have not ever been considered in complex; have rarely addressed the issues of dissemination of alien groups, primarily within the framework of their interaction with Dyakovo tribes; the issues of impact on the local culture. The list of monuments of archeology with crested-corded and corded ceramics of Kostroma Povolzhye region in general and Kostroma lowlands in particular has neither been formed yet.

The investigation completeness degree of the problem has been characterized, and the topicality and prospects of further study as well as of systematization of materials of the early Iron Age with crested-corded and corded ceramics of the micro-region under study, the cultural condition of which can be defined as "borderline", has been noted in the work.

Keywords: Kostroma Povolzhye, early Iron Age, archaeologic monuments, Anan'ino culture.

Sergey A. Kabatov
Nekrasov Kostroma State University
kabatov74@mail.ru

The primary analysis of the first phase of the complex ritual actions in the environment of the rural population of Kostroma Povolzhye of the 13th—18th centuries

The purpose of this study is to try to conduct the initial analysis of the first phase of the complex wedding

ritual actions of the rural population of Kostroma Povolzhye in the period of the Golden Horde and shortly after, that is, during the period of formation and the actual addition of true Russian population in the originally purely Finno-Ugric lands (in this case, the lands of the Merya people). The topicality is determined primarily by the fact that the carriers of this reservoir of spiritual culture are naturally disappearing, just as the ritual actions are, and today's vogue for ethnic constituent is, as a rule, of strongly populist and pseudo-scientific character, obliterating the real nature of these rites. Firstly, conditional highlighting a range of wedding ritual actions in the environment of the rural population of Kostroma Povolzhye of the 13th—18th centuries on the basis of quality content and chronological sequence of certain actions, which are combined with each other into the steps, pursuing specific particular goals, and, secondly, holding qualitative analysis of the first phase are the main results of the work. Such an analysis is given corrected to the historical identity and characteristics of the ethnic development of Kostroma Povolzhye territory ethnic development in the High Middle Ages and Late Middle Ages.

Keywords: wedding, matchmaking, striking bargain, maiden beauty, rite hen party after arranging things, parting from maiden beauty.

Il'ya Ye. Andronov
Lomonosov Moscow State University
orgizomenos@gmail.com

Matthias Flacius' Catalogus testium veritatis as a historical work

Normally seen as a preparatory work for the Magdeburg Centuries, the Flacius' Catalogus testium can nevertheless be treated as an independent historical work, with its own expository features, as well as innovative criteria of sources' selection and quotation. All this reveals a rather original conception of Church history in general. A deeper research permits to gather some important results regarding the general purpose of the book and its place in the genesis of the early Protestant historiography. Flacius had striven to demonstrate historically the presence of the invisible True Church – a concept on which Martin Luther based some critical theses of his theology. The leading idea of his topic is represented in continuity of a series of some Justs (the so-called "Thuth's Witnesses"), who opposed the deprivations of the Church doctrine, various usurpations and deviations from the religious norms established by Jesus Christ. Along biographies and characteristics of many single personalities approximately fourth of articles of Catalogus testium veritatis are dedicated to other subjects, such as groups of people, measures of Church politics, some historical events and even single texts and curious facts. The undertaken analysis allows rejecting the spread idea of Catalogus as a homogeneous and schematic concept exposition, and treating this text as an independent his-

torical work and not merely as a preparatory stage of the Magdeburg Centuries.

Keywords: Church history, Lutheran historiography, "Magdeburg Centuries".

Viktor V. Mitrofanov

*State University of the South Urals, City of Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous District, also known as Yugra, Russia
viktor-n1962@mail.ru*

Sergey Platonov's response on Vasily Samaryanov's historical feature story about the Ipatiev Monastery

This work specifies Sergey Platonov's activity in the Academic Committee of the Ministry of National Education, his role in reviewing historical manuscripts and books, including those by provincial writers. Platonov's work in the Academic Committee holds a special place in his artistic biography, at this particular time were written by him dozens of ratings and reviews, by which one can not only analyze the opinions of the scientist on specific publications, but also trace the formation and change of views of the reviewer on topical and controversial and sometimes even little-known aspects of the history of Russia. We note that the majority of them remains unknown and has become involved into scholarly circulation only recently. His little-known response on Vasily Samaryanov's feature story about the Monastery dedicated to the Holy Trinity and St. Hypatius of Gangra, situated in Kostroma, is being newly published by the paper's author, valuable instructions about this response which, in the opinion of Platonov himself, contains interesting details, substantial advantages and disadvantages. The paper's author notes that to write the comment, Sergey Platonov, as usual, made inquiries about previous publications on this subject, which, apparently, had also been reviewed and analyzed by him.

Keywords: Sergey Platonov, Vasily Samaryanov, Academic Committee of Ministry of National Education, review, feature story, provincial historiography.

Viktoriya M. Marasanova

*Demidov Yaroslavl State University
vmm@uniyar.ac.ru*

Staff of chairmen and members of Yaroslavl Province District Courts in the second half of the 19th century

The author examines the regular personnel of Yaroslavl and Rybinsk District Courts established as a result of the 1864 judicial reform. Legal regulation of appointment process and qualification requirements for members of the District Courts have been characterized; data on education, on tenure, ranks (grades), emolument of chairmen and members of Districts Courts have been presented. In the course of the judicial reform, it was gambling on the formation of the new type of professional judges, not only the ones who knew the laws, but the ones who were deeply respectful of the rights and interests of the individual, and who understood the true purposes of the justice. It has been demonstrated that the people who were appointed

as chairpersons of District Courts not only had a law degree, but also possessed high moral standing and extensive practical experience of working in judicial institutions. Shortage of personnel in the early post-reform years predetermined sufficiently rapid career growth of many officials of the judicial department. But gradually the number of vacancies decreased, from the 1880s stability of the District Courts judiciary was established, and twenty-years or even longer tenures of chairmen and members of the District Courts were not uncommon. Availability of Demidov Yaroslavl Juridical Lyceum had a positive effect on the staff of the district courts in Yaroslavl Province.

Keywords: 1864 judicial reform, District Courts, District Court chairmen, court members, Yaroslavl Province.

Irina V. Shil'nikova

*Research university of the Russian nation "Economy higher school", City of Moscow
shilnikova.i@gmail.com*

Labour conflicts in Russian industries in late 19th and early 20th centuries: entrepreneurs' strategies

The subject of this article is the entrepreneurs' strategies during the labour conflicts at the industrial enterprises in pre-revolutionary Russia. One of the specific features of labour relations in the Russian industries in the late 19th—early 20th cc. was the absence of trade unions. They appeared only after the revolution of 1905. The institute of factory inspectors created in 1882 could not solve the problems that had arisen between workers and employers. At the same time, the influence of radical leftist parties' agitators was growing. Under these conditions, labour conflicts at the industrial enterprises occurred quite often. Some conflicts were "extinguished" in their beginning; it was a result of a compromise. Other conflicts evolved in increasing dynamics and ended after the intervention of the troops and police. It was often case when the result of labour conflict depended on the strategy, decisions and behaviour of entrepreneurs and members of factory administration. The article examines: 1) what actions were used by owners of enterprises and members of factory administration in the course of conflicts; 2) what were the characteristics of labour conflicts which influenced the negative or positive conflict output for entrepreneurs; 3) to what extent the actions of entrepreneurs depended on the particular industry and business cycle stage (1895—1899 – the industrial boom period; 1900—1904 – the industrial depression period).

Keywords: labour conflicts, data base, correlation index, Factory Inspectorate, workers' demands, strikes.

Aleksey N. Michurin

*Saint Petersburg State Polytechnic University
michurinspb@mail.ru*

Stability problem of "progressive bloc" and elections to the Russian Imperial State Council in 1915

The issues connected with political struggle in the State Council in the years of World War I, peculiarities

of activity of the government and of the organizational operation of the “progressive bloc” during the Russian political crisis of 1915, influence of single challenges on integrity of this political association are considered in the article. In the years of World War I, in the State Council, which was the upper house of the Parliament of the Russian Empire, serious political struggle, which in terms of heat, often, did not concede to fight in the State Duma, unfolded. Creating the oppositional main body, siding with “The progressive bloc” and with the Duma opposition, in the State Council was an important part of this confrontation. In autumn 1915, during the acute political crisis, partial elections to the State Council were passing. Even in usual time, these elections would have riveted common attention on themselves, as they gave an idea of political spectrum not only in the upper house, but also among voters, first of all, in the academic circles, in the noble environment and in provincial territorial meetings. After the State Council’s “progressive groups” accession to the “progressive bloc”, these elections became the touchstone which had to show extent of support by voters of those members of the State Council at elections which actively appeared on the political scene at the time of origin of the “progressive bloc”. Besides, it was important to show the general mood of voters in the question of support of the “progressive bloc” as, voting for the “progressive” groups’ representatives, they indirectly supported the bloc’s program as well.

Keywords: Russian Imperial State Council, World War I, “progressive bloc”, State Duma, Russian Empire.

Svetlana B. Ul’yanova

*Saint Petersburg State Polytechnic University
ouljanova@mail.spbstu.ru*

Campaign against imperialist wars in 1924: objectives, holding and results

The paper is devoted to the research of the Soviet experience of the retrospective propaganda. The author analyzes objectives, holding and results of the campaign against imperialist wars, timed to the 10th anniversary of the beginning of the World War I. This propaganda campaign was targeted at the formation of the negative image of the World war, while many its combatants were still alive and had their individual perception of this phenomenon.

The “Struggle against war week” (August 27—September 4, 1924) presents a mechanism of Soviet propaganda campaigns. The author analyzes regulative texts to understand the process of the social construction and the mainstreaming of the past. A main strategic goal of anniversary activities lied in the plan of the current policy (world revolution failure, economic difficulties in the USSR, political discord between communist and social democratic European parties etc.).

The campaign against imperialist wars held under the slogan “Against the war! Against the bourgeoisie!

Against the social-betrayal!” and captured all walks of life. The Executive Committee of the Communist international was the initiator of the campaign and the Central Committee of the Russian Communist Party was its convener. Multiple workers mass manifestations became a major event of the “Struggle against war week”. The author examines as well other component parts of the campaign: lectures, rallies, “living newspaper”, performances etc. As shown, official number of participants of the campaign was exaggerated and propaganda practices were standardized.

The author evaluates the result of the campaign as impressive. The Soviet society accepted an official discourse of “the imperialist war”.

Keywords: World War, imperialist war, historic anniversary, Comintern, campaign, propaganda.

Anton B. Gekht

*Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications
a.geht@yandex.ru*

The Swedish Volunteer Corps in the Soviet- Finnish War of 1939—1940: some aspects

This article discusses some aspects of the Swedish Volunteer Corps’ creation and activities. The Swedish Volunteer Corps took part in the Soviet-Finnish War of 1939—1940 on Finland’s side. Centuries of being part of the kingdom of Sweden is the reason for the close connection between Finland and Sweden – both during the reign of Russian emperors and after winning the independence from Russia in December 1917. Finland remained an important political partner of Sweden and “a country-next-door” in the mass consciousness of the population. Having opened the recruiting centre in central Stockholm on the first day of the Soviet-Finnish War, the Swedish government concluded, that the volunteers did not break the state’s neutral status, and allowed placing the recruiting posters on public transport. By January 1940, there were as many as 120+ recruitment points in Sweden. The Swedish Volunteer Corps included representatives of all strata of the Swedish society. But there were few professional soldiers or people who had experience of military service among the volunteers. Only a minor part of the volunteers were trained enough to fight in difficult winterconditions. Despite the fact that short duration of this war opposed the Swedish Volunteer Corps to be most vividly in evidence in the course of battling, it became a symbol of a special, very close relationship between Sweden and Finland. It influenced the culture of both Nordic countries because it were the Swedish volunteers who constituted the vast majority of the foreign volunteers’ total number taking part in the Soviet-Finnish War of 1939—1940 on Finland’s side.

Keywords: Swedish Volunteer Corps, 1939—1940 Soviet-Finnish War.

Yelizaveta A. Pakhomova

*The Volga Academy of the Water Transport,
City of Nizhny Novgorod
pahomova-e@inbox.ru*

Transition challenges: on the question of beginning of the formation of bourgeois system on the turn of 1980s and 1990s in Russia

The article considers the significant difficulties associated with the transition from socialist economy to market one held in our country in the late 1980s—early 1990s. Important institutional difficulties impeding the building of developed market economy in post-Soviet Russian Federation (primarily legal nihilism) have been identified. First of all, it is about work ethic and paternalistic sentiments in Russian society. The article also touches upon the various aspects related to the specifics of the activity of the Soviet “illegal dealers”, as well as upon the difficulties of the transformation of the representatives of the Soviet grey economy into law abiding businessmen. Causes for contribution into the dedication of part of dealers of Soviet grey economy to the preservation of the Soviet system have been identified. Also, some features of the attitude towards the developing market economy of representatives of the nomenclature, including the reasons for the success of offsprings of the “second echelon” of the Soviet nomenclature and their relatives, have been analyzed. Turning to privatization as to process of “exchanging power for property”, we have used the experience of Simon Kordonsky, namely his concept of the “manor federation”.

Keywords: transition period, Soviet Union, economy, privatization, paternalism, liberalism.

Kirill A. Zverev

*Nekrasov Kostroma State University
zverew.kir@yandex.ru*

Ethno-political situation in Estonia on the eve of independence declaration, at the turn of 1980s and 1990s

Republic of Estonia, having regained its independence in 1991, ceased to be a mono-ethnic state (which it was in the 1920s—1930s), becoming instead a multi-ethnic country with a predominance of the two ethnic groups: Estonians and Russians. At least for this reason, it can be stated that the restoration of the legal framework of the First Republic (Law on Citizenship, Law on Cultural Autonomy for National Minorities) could not anymore meet the altered situation in the country (of 1940 Estonia's population, 92% were Estonians). This situation was exacerbated by the fact that repatriation of non-Estonian population and reduction in its share to 20—25% did not live up to the expectations.

Unfortunately for the Russian-speaking population of Estonia (which, after the dissolution of the USSR, in the early 1990s, found itself in the new conditions — merged into a nation self-confident about winning independence, by stateless themselves, in most cases without the knowledge of the Estonian language), the trend for the construction of nation-states, when one of

the main tasks was giving priority to the titular nation in all areas of life, started prevailing. Initially not being a homogeneous group, with the passage of time, the Russian-speaking population started splitting into different sub-groups and could not be consolidated for joint protecting its own rights and for solution common problems in the political, economic and social field.

Keywords: Republic of Estonia, independence, multinational state, multinational country, Russian-speaking population.

Leonid I. Borodkin

*Lomonosov Moscow State University
borodkin@hist.msu.ru*

3D computer modeling in developing urban history: new approaches to sources studies

This article discusses new issues of sources studies which arise in the framework of projects aimed at the creating of virtual reconstruction of the historical city environment with the help of 3D modeling technologies. The development of these technologies has given impetus to the emergence of a new trend of urban history studies associated with evolution of the urban environment which is largely determined by changes in urban construction/architecture. In this process, the appearance of buildings, streets and squares was often changed; sometimes they disappeared from the map of the city in the course of radical rearrangements or as a result of wars, fires, etc. In this paper, we discuss the problem of the reconstruction of the historical centre of Moscow city on the example of the of the Passion Theotokos Convent and the Passion square, surrounding it; the convent was completely destroyed in the 1930s. Analysis of the evolution of the considered spatial infrastructure is based on the complex of sources characterizing objects of reconstruction on several time slices. Using appropriate computer programs allows historians synthesizing different historical sources and representing each reconstructed object in its evolution, creating its spatial reconstruction at different periods of time. It requires new approaches focused on the synthesis of different types of sources. An important aspect of this work is aimed at verifying the results of the virtual reconstruction.

Keywords: 3D models, virtual reconstruction, urban history, synthesis of sources, cultural heritage, Passion Theotokos Convent.

SCIENCE OF LITERATURE

Mariya R. Nenarokova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)
maria.nenarokova@yandex.ru*

The language of flowers: olive in the Russian poetry of the 18th—1st half of the 19th century

The article focuses on the image of olive in the European language of flowers, an important cultural phenomenon of the 19th century. The symbolism of olive is examined with regard to its transformation from antiquity until the 19th century. It is noted that Greek mythology played an important role in the origins of

the symbolism of this tree. Olive is often mentioned in the Bible and in the writings of medieval Christian theologians. It acquired several symbolic meanings, later transferred to the baroque emblematics. Baroque emblems had a great influence on the development of the 18th century Russia's poetic imagery, plant symbolism in particular. As it was proved by the analysis of poetic texts, in the 18th century, olive meant "victory", "peace", "spring". Dictionaries of the language of flowers showed that the French, English, and later American traditions meant "peace" by olive, whereas most of the baroque meanings were preserved in the German culture. The research found that French and German traditions played an essential role in the development of the symbolism of the olive in Russian poetry. In this case, the influence of the 18th century poetic imagery, based on the baroque emblematics, was significant as well.

Keywords: language of flowers, olive, Europe, France, Germany, Russia, Russian folk culture, 18th—19th century Russian poetry, Russian literature, symbols.

Alyona N. Romanova
Nekrasov Kostroma State University
romanovaal@mail.ru

On the artistic holisticity of the image of Tatyana Larina

Tatyana Larina image analysis is contained in the article, artistic logics of events of Alexander Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin", which are connected with the moral choice of the heroine, is revealed. Tatyana's character is seen in relation to the romantic tradition and due to the emerging picture of characters' depicting realistic method characteristic for Pushkin. It has been shown how romantic techniques in image creation and realistic motivations of behaviour and manners of characters of the novel in verse have been combined in Pushkin's text. Relationship episodes that tell of Tatyana's childhood and upbringing, and fragments that represent independent actions of the heroine are fully described. The author draws attention to the rough drafts that allow better defining the nature of the relationship among the Larins, the role of the mother and the sister in Tatyana's fate and revealing the vital heart of the collisions of the novel in verse. Analysis of the fragment, in which Tatyana tells about the circumstances of her marriage, is proposed. Causes of external "passivity" of the heroine, who agreed to marry an unloved man, are disclosed in the context of historical and cultural realities of Pushkin's epoch and of moral guidelines that are relevant to the poet himself. Understanding the value of descent, family life allows us seeing the unity of the internal attitudes of Tatyana and Praskov'ya Larins (the daughter and the mother), tracing Tatyana's transformation from a girl "strange" in her own family into the female organizer of patrimonial traditions and keeper of them. Evolution of Tatyana's character is seen as the most impor-

tant property of her holistic image, as opposed to the idealization of this heroine in Dostoyevsky's interpretation which too categorically contrasts Tatyana with Onegin. Analysis of the specificity of Pushkin's artistic method allows us explaining some aspects of readers' reception of the novel in the past as well as today.

Keywords: romanticism, realism, Alexander Pushkin's poetry, novel in verse "Eugene Onegin", Tatyana Larina image.

Kirill M. Zakharov
Chernyshevsky Saratov State University
zahodite@mail.ru

Artistic time challenges in "The Government Inspector" by Nikolai Gogol

Author's hoaxes and contradictions that are contained in the text of the comedy "The Government Inspector", which are an integral part of the poetics of the play, are discussed in the article. First of all, the author mentions the day dedicated to Saint Basil of Egypt, which is a well-known hoax of the comedy, and then notes that the contradictions that are relevant to the artistic time of the comedy, occupy a special place among the mysteries. Citing numerous examples, the author demonstrates the strange instability of artistic time of the comedy: a traditional, at first glance, five-acts comedy is not as simple as it seems. The main attention of the article is paid to the tenth scene of the third act, where as if a new day starts for Khlestakov, while the town's officials behave as though that were the day before still passing. The meal that Khlestakov calls breakfast becomes a central landmark. At this point, the character as though crosses the International Date Line. Apart from Khlestakov himself, Osip, the servant of his own, notices calendar day change, that is what attention of the author of the article as well is dominated by. He also points to the fact that even before the "International Date Line", time is not the same for all the characters: Khlestakov and Osip as if begin living in the opposite direction. Referring to "On the Theatre Move" by Nikolai Gogol, the author argues that such time mismatches are Gogol's conscious decision rather than a pure accident. The conclusion that this time mismatches emphasize mutual "deafness" of the characters, is done in while completing the article.

Keywords: Nikolai Gogol, "Government Inspector", comedy, artistic time, line of change of one day to next, hoax, Khlestakov.

Nataliya K. Il'ina
Nekrasov Kostroma State University
nk_ilina@mail.ru

Rhythmics of speech of characters of Alexander Ostrovsky's comedy "Enough Stupidity in Every Wise Man"

The article considers the specification of drama speech based on speech of oral and literary traditions with their lexical and syntactical, as well as rhythmic peculiarities, the personages' speech rhythm in the dramatic work is of main interest. The method of determining prose rhythm worked out by Mikhail Girshman

is chosen because it is the most suitable for investigating dramatic rhythm. According to this method, any text rhythm is revealed in functioning phonetic and syntactic expressive means, as well as in the types of beginnings and endings of syntagmas, phrase components and phrases.

The personages' speech rhythm in Alexander Ostrovsky's comedy "Enough Stupidity in Every Wise Man" is analyzed so that it is tested if indeed nearly all the personages' remarks in the play are characterized by stressed beginnings and unstressed endings of syntagmas, phrase components and phrases. This fact may signify the existence of general rhythmic laws of constructing utterances in Russian oral speech. The rhythm of dramatic speech demonstrates that the results which were received by Boris Tomashevsky while analyzing Pushkin's prose. Any deviation from the general rule is justified by communicative intentions and expressive peculiarities of the hero's speech. Thus, Yegor Glumov's speech is rhythmically different when the hero is all by himself and when he talks to other people.

The analyses has been made and the conclusion has been drawn that within general rhythmic laws of the Russian speech, the rhythm of personages' remarks depends on the communicative purposes of the speaker, on his or her individual peculiarities and emotional condition, as well.

Keywords: dramaturgy, rhythm, trochee, iambus, anapaest, dactyl, inter-phrase and phrase components, beginnings and endings, syntagma.

Nina L. Yermolayeva
Ivanovo State University
ninaermolaeva1@yandex.ru

1860s Russian critique concerning Alexander Ostrovsky's play "Sin and Sorrow are Common to All"

The article reviews the variety of critical comments on one of the most tragic plays by Alexander Ostrovsky, including the little known criticism by Aleksandr Bazhenov, Viktor Krylov, Yevgeniy Edel'son, Alexander Nikitenko, as well as a series of nameless critics. The analyzed material reflect the state of criticism of the 1860s when there was a considerable confrontation and argument between, on the one hand, the radical criticism that was represented by so-called "progressists" adhered to the traditions of Nikolay Chernyshevsky and Nikolay Dobrolubov: Aleksandr Gieroglifov, Pyotr Bibikov, Dmitry Pisarev and others (they undervalued the gift of Alexander Ostrovsky, imposing upon him the view of Lev Krasnov as a despot, absolutely dependent on "the dark realm", stating that the playwright "drew" the characters of the same type from one play to another; the critics also asked him to acknowledge the equality of man and woman) and, on the other hand, the "Return-to-the-Soil" critics (Nikolay Strakhov, Apollon Grigoryev) who tried to prove the greatness of Ostrovsky as the creator of the Russian national theatre, to understand his moral and

aesthetic position, to explain the idea of his play from the point of view of the national mode of life. The latter ones saw in Lev Krasnov the contradictory, tragic national character who acted against his native sphere of petty bourgeoisie. One more point of view was given in the articles by Pyotr Annenkov, the proponent of aesthetic criticism: what he discovered in the play was the reflection of the dramatic character of topical in that time's Russia situation predetermined by the contradictions between the culture of the common people and of the noble ones.

Keywords: best work, "fake in basic idea", despot, passionate nature, tragedy, "fundamental Russian life realm", "rogues' realm", characters 'culture.

Ol'ga A. Pavlovskaya
Ivanovo State University
pavlovskaya32@yandex.ru

Dramatic techniques in the poem "Gethsemane Night" by Nikolai Minsky (1884)

This article discusses ways of lyric dramatization of the 1880s—1890s on the example of one of the leading representatives of the transitional epoch – Nikolai Minsky. Interest to the dramatic techniques was not only dictated by the Gospel story, but also reflects the author's search for individual author's manners in the material interpretation. The development of audio-visual methods of lyrical image personification (eye expression, glance, methods of corporeality, intonation and natural sound, etc), attention to the spoken and signed character manifestation, actual using of the masks' poetics and of game elements saturate the poem with drama and provides the foundation for transition genre formation. Lyric-dramatic meta-structure that absorbs mystery genre features and romantic poems, becomes a form of genre-generic symbiosis due to which subjective lyrical plan finds ways to stage expression and theatrical game elements and images (for example, the image of the Deceiver) are merged with the principles of romantic poetry.

Imaging system of this poem, organized by the binary principle, reflects the spiritual conflicts in this era. Theatre and figurative representation and multiple variation of demonic power embodiment indicates an expansion of the lyrical space, the transformation of the subject-object relationships.

Keywords: lyrical image personification, lyrics dramatization, Gospel story.

Valeriya G. Andreeva
Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru

Aleksandr Sheller-Mikhaylov's "Others' Sins" and Russian classic novel

The article is about Aleksandr Sheller-Mikhaylov's creative work in general, his novel "Others' Sins" (1880) in the context of literary process of the second half of the 19th century is examined in the ratio with the subjects and problems which have been raised in the Russian classic novels. The author of the article considers that Sheller-Mikhaylov, while creating his

novels, complicated in genre definition, was guided not only by works of the writers of the democratic school (Mikhail Saltykov-Shchedrin, Nikolay Nekrasov, Nikolay Chernyshevsky), but also by masterpieces of the classics (Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, Ivan Goncharov). Being guided by the Russian epic novel, creatively mastering its many features, under conditions of kaleidoscope-like Russian reality, extremely rapid changes in economic, politic life, in the state of social classes, in people's psychology, Sheller-Mikhaylov managed to topicalize the eternal problems arising in the changed reality. In the artistic texts by Sheller-Mikhaylov, the significant role is played by reminiscences and allusions; however, they emphasize his aspiration to involve a set of problems of the Russian life and the solutions of these problems, proposed by classics into the orbit of his artistic movement, rather than imitativeness of all the writer's creative work.

According to the author of the article, existence of the special artistic space, which is over the worlds of separate works, is characteristic for the literary process of the 19th century.

Keywords: Sheller-Mikhaylov, Russian novel, epic novel, artistic world, novel genre characteristics, reminiscence.

Kirill A. Chekalov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)
ktchekalov@mail.ru*

**“L'Étoile filante” by Lydie Rostopchine:
the novel's plot genealogy**

The article is a study of the novel “L'Étoile filante” of the authorship by almost forgotten in her homeland French penwoman of Russian origin, Count Fyodor Rostopchin's granddaughter and niece of Countess of Ségur Lydie Rostopchine (1838—1915), for the first time in literary science. The novel was published in the magazine “Russian Messenger” in 1886 and has never been reissued; its stage processing, which was performed by the author later, failed to be staged in Russia. The tragic fate of theatrical actress Julie Feyghine (1859—1882), who performed in Paris and the suicide of which had great resonance in France, as well as in Russia, was put into the basis of the plot. The real facts are transformed in the novel taking into account stock phrases characteristic for *bélles-léttres* (including “Russian beauty” topos and the image of Italy as the embodiment of harmony). At the same time, “L'Étoile filante” saturated autobiographical motifs, which is characteristic for the authoress' other works as well. Nostalgic picture of St. Petersburg (Lydie Rostopchine was conversant with the Russian capital of that time) occupies a special place in the novel. Publication of the article is dedicated to the centenary of the penwoman's death.

Keywords: Lydie Rostopchine, “L'Étoile filante”, novel, theatre, fairytale, portrait, city, topos.

Oleg V. Def'ye

*Moscow Pedagogic State University
defye56@mail.ru*

**An artist and history
in the Russian literary-aesthetic tradition
and in Vasily Rozanov's appraisal**

The article attempts to uncover the problem of aesthetic understanding of history and personality of an artist in the Russian literary-artistic traditions and in Vasily Rozanov's treatise “Of Comprehension”. The desire to defend the sovereignty and priority of aesthetic sense, which Rozanov considered to be a prerequisite for true understanding of history and literature, has been inherent in the Russian artistic consciousness as early as since the 18th century, and has largely fueled by the conviction of the German philosophic-aesthetic thought of the advantages of perceptual knowledge in understanding history and art. Continuity and development of artist's opportunities to approximate, through aesthetic experience, to the knowledge of the foundations of historical existence has been repeatedly demonstrated by Russian poets and writers. Exploring the achievements of Russian philosophical-psychological poetic tradition, taking into account the experience of the German hermeneutic aesthetics and ancient ideas about the irrational nature of poetry, Rozanov created a Russian version of the aesthetic “comprehension” of history. His comprehension concept is of character with epistemology and lays in the perception of history as a spiritual creation, accessible only to sensory perception, immanent in a historian-artist, who is capable of achieving a spiritual communion with a historical event and depicting the newfound aesthetic identity in a synonymous poetic form.

Keywords: artist, Russian literature, Vasily Rozanov, perception, feeling, self-knowledge, involvement, truth, comprehension, hermeneutics, identity, image, method.

Yelena N. Belyakova

*Nekrasov Kostroma State University
helenbel31@yandex.ru*

**Prince Myshkin as the new tragic character type
in the philosophic conception
of Dmitry Merezhkovsky (on the issue of reception
of Fyodor Dostoyevsky's novel “The Idiot”
in the critique of the Fin de siècle)**

Subject specificity of interpretation of Prince Myshkin's image in the critique of the Fin de siècle is developed in the article. What becomes determinative for us, is that the idea of transcendental personality in the philosophy of the Fin de siècle has become the basic one for the most important concepts of the era, having a solid foundation both in Western culture, which was actively perceived by Russian thinkers, and in the Russian one. Therefore, emphasizing Dostoyevsky's innovation in the creation of a literary hero of a new type of personality, many researchers have focused on that side of the writer's work, which has become

especially popular in the critique of the *Fin de siècle*. However, the main characters of the novel "The Idiot", and especially Prince Myshkin's figure, often causing confusion or outright irritation of thinkers of the borderline era. Image of the protagonist of the novel has a special place and gets detailed development in Dmitry Merezhkovsky's worldview, which can be defined as the one of tragic bearings. Moreover, because of the psychological and metaphysical novel representation of the type of personality, Myshkin was named by the critic the new type of tragic hero. Since the problem of the relation of artistic realities of Dostoyevsky's works with the philosophical concepts of the *Fin de siècle* has been of literary scholars' heightened interest recently, we consider paying attention to the place of the protagonist of the novel "The Idiot" in tragedy philosophy of one of the major thinkers of the era to be of importance.

Keywords: perception and interpretation, tragic hero, tragic act, tragic conflict, erotic emotional experience, antique and Christian culture.

Nikolay G. Morozov
Nekrasov Kostroma State University

Motifs of literature of the Old Rus' in Boris Zaytsev's feature story "The Tale of Motherland". Part I

An attempt to uncover the genre and stylistic originality of Boris Zaytsev's social and political journalism, as well as of spiritual one, to show the significance of works of literature of the Old Rus' and of the heritage of the Russian classics of 19th century in Boris Zaytsev's feature story "The Tale of Motherland" is carried out in the article. According to the author, Zaytsev defined himself in Russian literature as a writer, who had inherited the traditions of ancient Russian literacy, by the very fact of how the feature story was titled. In the minds of many Russian writers of early 20th century, the Bolshevik regime was perceived just as the infamous medieval Mongolian foray, from which they were trying to protect the believing Orthodox Russia. The author considers the features of different genres, peculiar to Zaytsev's prose and simultaneously characteristic for works of scribes of the Old Rus', stops on the phenomenon of genre universalism, characteristic for both epochs considered in this paper. Boris Zaytsev creates a new version of the monumental style of the Old Rus', at the same time thinking about the legendary times of Rus' during the rule of Vladimir the Great, about the golden age of classical Russian literature and of culture of the early 20th century. The author reflects on Boris Zaytsev's social and political journalism on the whole, of its subjects, issues, analyzes its projected and actual impact on the reader.

Keywords: "Tale of Igor's Campaign", Vladimir Great, Alexander Pushkin, "Poet", "Exegi Monumentum", "Prophet", saints Boris and Gleb.

Aleksandr A. Kryukov
Nekrasov Kostroma State University
alalkrukov@gmail.com

Traditions and innovations in Yuriy Fel'zen's story "Deception": problem statement

This article raises the question of the literary origins and the specific character of prose of the Russian Émigré writer Yuriy Fel'zen (a pen-name of Nikolay Berngardovich Freydensteyn). It is proved that the art of Fel'tsen is a complex composition of the traditions of Russian psychological novel and artistic inventions of modernism.

In the article, Fel'zen's story "Deception" (1930) is considered to be a part of larger series of prose entitled "Review of Lessons Learnt". In the study, the focus is on the problem of the scenic nature of the story. It is emphasized that the form of narration in "Deception" is difficult to define clearly: it's a diary as well as letters, and inner monologue. It is shown that in its genre specificity (epistolary novel), and special aspects of the narrative organization Fel'zen's story is similar to "Poor Folk" by Fyodor Dostoyevsky. At the same time, the presence of the diary in beginning allows us comparing "Deception" to the novella "Princess Mary" from the novel by Mikhail Lermontov "A Hero of Our Time". The article traces the moment of narrative consonance as well: in Lermontov's story the hero-man tortures the heroine, plays with her affection and reflects on this subject. In the story "Deception", everything is exactly the opposite: the hero-man becomes a "victim", a toy in hands of a woman and the heroine acquires demonic features of a female tormentor.

In the study, the genetic relationships of Fel'zen's psychological prose are drawn together with the traditions of Leo Tolstoy. Primarily, it is argued that Yuriy Fel'zen inherits from Tolstoy the method of the "the dialectics of the soul", which is becoming the dominant of style in the story "Deception".

In the article, the innovation of Fel'zen is estimated as a result of his artistic focus on creative art prospecting of Marcel Proust.

The article concludes that the revealed features of Fel'zen's prose allow speaking of him as of an authentic and talented Russian Émigré writer.

Keywords: genesis, Yuri Fel'zen, Marcel Proust, psychological novel, Russian Émigré literature, Leo Tolstoy, Mikhail Lermontov, Fyodor Dostoyevsky.

SCIENCE OF LANGUAGE

Grigoriy V. Tokarev
Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University
grig72@mail.ru

Use of semiotics methods in linguistics

Possibilities of semiotics methods in the research are considered in the article. Specifics of an objectification of knowledge, their codings are specified. Types of cultural codes are enlightened. Possibilities of association of language units in linguosemiotical ranks are shown. Possibilities of the analysis of units of the

different semiotics nature are shown. Character of information defines specifics of a structural-semantic categorization. Each cultural level (culture type) has the primary forms of verbal representation.

Ways of nomination can indicate extent of development of language consciousness. Result of processes of representation and a categorization are the language pictures of the world reflecting systems of values, the operating cultural codes.

Cultural aspects of representation are shown: how this or that sense was embodied in a sign. The cultural mark of a language categorization is reflected: how it is interpreted in language. These processes find the embodiment in value and an importance of language unit – ways of storage of cultural information in Russian.

Creations of different languages of culture can be grouped in a sign of the general mental contents in semiotics ranks.

The general contents which is the cornerstone of a semiotics row will be organized by a cultural code. The cultural code is the some kind of matrix defining a way of thinking and designation. The code of culture directs, defines the contents and forms of representations.

Codes of culture correspond to the most ancient archetypical representations of the person. The cultural code can be determined by a basic image as a result of generalization of internal forms of the same indirect nominations. The verbal kind of a semiotics row is called as a linguosemiotical.

Keywords: cultural code, semiotics row, text of culture, culture symbolary, thesaurus of culture.

Irina Yu. Tretyakova
Nekrasov Kostroma State University
trirfr@mail.ru

Isomorphism as a factor of occasional transformations of Russian proverbs

The article is devoted to revealing traits of occasional transformations of Russian proverbs. The ability of proverbs to be occasionally transformed, transforming potency are conditioned by semantic and structural peculiarity of paremia. Isomorphism of a meaning and form is one of the factors, which influence proverbial occasional transformations. The description of proverbial isomorphism is given in comparison with isomorphism of a meaning and form, which is presented in works studying semantic structure of phraseologisms. The phraseological units, which are specified by isomorphism while functioning in the speech, are often subjected to author's various transformations of semantics and structure. The analysis of internal phraseological structure allows defining peculiarities of proverbial isomorphism and influencing the internal and external plans with transforming potential of paremia. Representation of elements of a proverbial meaning has its peculiarities when presented by components of the grammar structure. Proverbial components explicate elements of the general meaning; isomorphism of a meaning and form may

appear on the basis of metaphoric, metonymic and paradigmatic connections and represented elements of a proverbial meaning; components of paremia might demonstrate only phraseological meaning. Proverbs with isomorphism of a meaning and form are occasionally transformed more often with the help of such transforming methods as segmentation, role inversion, contamination, modification of a syntactic proverbial model. However, occasional transformations of proverbs based on isomorphism of a meaning and form are less common if to compare with active transforming processes of isomorphic phraseological units; which is conditioned by semantic and grammatical finality, notional and structural completeness of proverbs. The study of proverbial semantics and structure allows defining transforming peculiarities of paremia, and contributing to revealing transforming potential of Russian proverbs.

Keywords: phraseological units, proverbs, occasional phraseologisms, occasional transformations of phraseological units, isomorphism of meaning and form, transformations of proverbs.

Irina G. Kazachuk
Chelyabinsk State Pedagogic University
avis1389@mail.ru

Peculiarities of aspectual correlation of processual phraseological units with semantics of relation

The article deals with one of the most important and complicated questions of grammatical theory – the question of aspectual correlation of processual phraseological units, namely processual phraseological units of certain semantics. Traditionally, morphological categories were studied and continue to be studied on the basis of lexical material within the word-form grammar, but there is another type of nominative units in the language – that is phraseological units, which, as well as lexemes, are characterized by categorical meaning, system of forms and set of certain morphological categories, and the latter have a definite specific character as compared with lexemes due to separability of units.

Processual phraseological units of semantic category of relation are the subject of research. On the basis of great factual material, we analyze complicated interaction of grammatical meaning of aspectual form of supra-word nominative unit, their phraseological meaning and the nearest context, define the character and peculiarities of functioning of phraseological units with semantics of social and interpersonal relations.

Peculiarities of functioning of aspectual category of processual phraseological units are predetermined by peculiarities of individual phraseological meaning. In addition, the specific character of aspectual correlation of a processual phraseological unit may be supported by a constructive factor, namely the verbal component's capacity or incapacity to form an aspectual pair.

Keywords: processual phraseological unit, morphological category, aspect, aspectual correlation, im-

perfective aspect, perfective aspect, semantic category, semantics of relation.

Alla E. Pavlova
Nekrasov Kostroma State University
alla0826@yandex.ru

Specific functioning of phraseological units in Balzaminov trilogy by Alexander Ostrovsky

Features of text-forming, characterological, genre-making functions of phraseological units in drama by Alexander Ostrovsky, which represent the trilogy of short plays featuring Mikhailo Balzaminov – “A Holiday Dream before Dinner”, “When Your Own Dogs Are Fighting, Do not Toss in Another One” and “What You’re Looking for Once You Go after It” (“Balzaminov’s Wedding”), – is explored in the article. The author believes that idioms are of great importance in Ostrovsky’s plays, as they have significant meaning and function as art braces. For example, one of phraseological units, which appears in the first act, in Balzaminov’s monologue in the third of the above mentioned plays, generalize characteristics, which is given to the protagonist in the two previous plays of the cycle, and updates the attention of the readers (viewers) to the basic outline of the image of the protagonist.

The author shows how the idiom located in certain parts of the composite (the beginning and end of the play) is not only involved in the formation of the architectonics of the play, but also expresses the author’s modality. Phraseological units in particular help the author to show the essence of the morality of the characters: the reader understands that the trilogy of Ostrovsky sounds as moral judgment to spiritual poverty of “little man”. Thus, the idioms in the plays of “Balzaminov trilogy” by Alexander Ostrovsky is the center of the speech interaction level with extra-linguistic factors in its organization, participating in genre-compositional structure.

Keywords: phraseological units, Balzaminov trilogy, text-forming function, characterological function, genre-making function, drama creative works, proverb, text key units.

Irina I. Rusinova
Perm State University
irusinova@mail.ru

The lexical system of mythological stories of Perm Land about the persons with supernatural properties

The article is dedicated to the study of lexical units of mythological stories which are a part of the region’s semantic space of folk demonology of the Perm Land. The same that constitutes the aforementioned space is considered to be the supernatural. It is argued, that the lexical system of mythological stories about people with supernatural properties constitutes a subspace of witchcraft, white witchcraft, and common folk magic that is under the space of folk demonology. The basis for selection of such subspace acts as a character of the aforementioned situation, i.e. the bearer of such super-

natural power is a human being, however, this character (called a member of the cunning folk, or a witch) has certain relationships with the evil spirits. These relationships are verbalized in the text with varying degree of quantity and reflected in the structure of the studied lexical-semantic field. Vocabulary of this field is seen as semantic system, organized according to dominant motivation of risk, and danger that the character poses to the environment. If one is to discover the internal laws governing such system, it is recommended to use the procedure of ideographic classification, where the meaning areas, to which certain lexical units correspond, should be allocated. The first sector constitutes semantically opposed names of those who are able to inflict magical damage, and those who can neutralize such damage. The meaning of units in this sector is often ambivalent: people with supernatural properties, according to bearers of traditional culture, can use their magic ability to harm others as well as to helpful magic. The second sector comprises the nomination of evil spirits associated with the witch, i.e. spirit helpers who induce diseases of the aforementioned witch, and spirits who participate in the learning process of the witch. The first two categories of evil spirits are closely linked, which is reflected in overlapping nominations in the mythological system.

Keywords: mythological stories of Perm Land, person with supernatural properties, sorcerer, wizard, evil spirit, mythological vocabulary.

Mariya V. Bobrova
Perm State University
bomaripgu@yandex.ru

Modern Perm nicknames motivated by the lexemes of thematic group “Animals”

The paper is about the modern nicknames of the residents of Perm Land of the 20th—early 21st centuries. Russian as well as Komi-Permyak and Tatar anthroponymy which is motivated by the lexemes of thematic group “Animals” is analyzed. The lexical-semantic groups which are topical for Perm nicknames are determined (“Names of the animals and their kinds”, “Names of the regions of the animals”, “Names of the young animals”, “Nicknames of the animals”, “Names and nicknames of the animals which are the personages of the folklore / author’s works”, “Names of the groups of the animals”, “Onomatopoeia (imitations of the sounds producing by the animals”, “Words to beckon the animals”). Types and kinds of the nicknames are identified: 1) from the point of view of spontaneity / consciousness of appearance: natural and artificial nominations which are proposed to distinguish from the standpoint of language (in the linguistic opposition “norm” / “usage”) and from the standpoint of onomastics (in the extra-linguistic opposition “own” / “alien”); 2) by the subject of the nomination: “auto-nicknames” and “allo-nicknames”; 3) by the Extension: individual (family; social-group, at-school, youth, teacher’s, nicknames of adults) and

collective (family, family-tribal, “family-group”; social-group; territorial). The factors which determine language tools of derivation of the nicknames of this group are revealed: language which is a source of the nomination, motivation of nomination (structural, phonetic, lexical, semantic, multiple), evaluation, social conditions, territorial conditions, temporal conditions. Structurally, the central (not formally distorted), transitional (derivative) and peripheral (occasional, barbarism) lexemes of this group are identified. Multiplicity of characteristics and properties of the animals which motivate the nicknames is noted. The perspectives of research of the modern Perm nicknames in linguistic-cultural and cognitive aspects are defined.

Keywords: onomastics, anthroponymy, modern nicknames, Perm Land, thematic group, “Animals”.

Feniya F. Farkhutdinova
Ivanovo State University
fenfar@mail.ru

Orphans and orphanhood depicted by Vladimir Dahl

The outstanding Russian lexicographer Vladimir Dahl left his mark in the history of the Russian literature, education, ethnography and linguistics. His artistic creativity, little known today to a wider audience, aroused interest of the contemporaries not only by the subject-event party, vivid and memorable images of characters, ethnographic information, unusual language, but also by the author's reflections on the problems of the Russian life. The subject of many works by Dahl as a writer had become a family and family values, the role of parents in the education of man, family man, citizen. Vladimir Dahl was convinced that the main task of family education is the education of morality. When a teacher is thinking only about the financial support of a pupil, he distorts the essence of education and can ruin the life of a pupil – either his own child or an adoptive one.

The problem of child orphanhood is covered in Dahl's art from different positions. The writer shows the different types of social abandonment of children (rootless orphans who do not know their parents, orphaned children who had found refuge in host families, students in wealthy landlords' houses) and clearly outlined the essence of each, using the exact category of live folk speech (an orphan, an orphan child, a foundling, an adopted child, a ward, etc.). The spectrum of causes of child abandonment is very wide. Some of them the writer calls: irresponsible parents, their inability to keep household, failure to understand the nature of education; inability to prepare children for adult life. But the writer does not find the answer to the question why a child becomes an orphan while the parents are alive, but he knows that only the people of good morals must take the foster care of orphans in their family.

Keywords: Russian literature, moral education, “social” orphanhood, education by word, accuracy of nominations by folk speech.

Lyubov' P. Mikhaylova
Petrozavodsk State University
posnm87@bk.ru

The vocabulary with the signs of an outside language influence in the group of the patois of Kostroma Region

Northern Russian patois have contacted with the languages of Baltic-Finnish and other Finno-Ugric peoples for centuries. As a result of the close interaction of the languages of different structures there was an exchange of the strong signs, specific to the each language system. Many Russian words changed its appearance in comparison with the initial condition. We call “extential” the lexical units with the signs of the influence of a language with the other structure. Vocabulary of the patois of Kostroma and Yaroslavl regions, experienced the influence of the agglutinative language is described in the article. The vowel sounds are marked with transitions of $o > a$, $a > o$ in different positions. The examples of the changes of the consonant sounds: $b \sim v$, $g \sim d$, the exchange of the voiced and devoiced sounds are given. When analyzing the extential phenomena in the beginning of the words, the most striking examples of the simplification of the consonantal combinations, the metathesis of the sounds, an appearance of the prothetic and epenthetic vowels are given. Special attention is paid on the conversion of the lexemes with a meaning “hand towel”, with the original underlying stem *pykotëp-*. The table provides the information of the different stages of “free” from the initial *r-*. Among them there is a word of Yaroslavl Region *okotëpok*, located on the western edge of a wide extential eastern areal, consisting mainly of the Urals and Siberia. The lack of the initial sound *r-* can be explained by the Turkic influence. The vocabulary of the group of the patois of Kostroma Region has been influenced by the languages with the other structure partly. In most cases, the areal of the phenomena is narrow, in some cases the extential processes affected only the number of the root family of words. The conclusions drawn by the author of the article are preliminary.

Keywords: dialectology, language contacts, phonetic processes, lexicology.

Mikhail M. Kondratenko
Ushynsky Yaroslavl State Pedagogic University
mmkondratenko@gmail.com

Interpretation of “time” in Slavic patois

The article centers round the study of dialect interpretation of the concept «time» in peripheral Slavic dialects. One of the research approaches is the analysis of the polysemantic lexemes, one of which meanings deals with the concept “time”, and another – with some different fragments of a dialect logosphere. Complicated associative links with various fragments of other semantic fields are marked in the notation of time on the territory of the Slavic languages. The perception of time as period, which is suitable to the situation for any activity, is very important for the interpretation

of the time. Its relationship with the space is an important property of the notion of time. Moreover, the temporary space is not just the length of the linear and complex concept, which has also metaphorical reinterpretation. Sometimes dialectal context can be returned to its original position in the basis of name of the image in the vein of Alexander Potebnja. The distribution function of a person's life in certain cycles is another face of the Slavic dialect notation of time, in addition to their ambiguity. In this case, the concept of "time", in addition to guidance on the periodization of the life cycle and its embodiment, means also boundaries of being in general, of the real world and of real life. Thus, according to the dialect names, time for speakers of Slavic patois is a special system of measures, a concept which crystallizes and synthesizes the feelings of many different aspects of life of person which manifest themselves in the structure of an ambiguous word.

Keywords: concept "time" in dialect, peripheral areas, polysemy, conceptosphere and logosphere.

Aleksandr V. Blohin

*Moscow State Regional Institute for the Humanities
avb6767@mail.ru*

Occasional word formation of nouns in Novgorod letters in 11th—15th centuries

The article discusses unusual for the ancient word formation system methods word formation in Novgorod birch bark manuscripts and official documents of Novgorod the Great in the 11th—15th centuries. Nouns with suffixes in Novgorod manuscripts of the 11th—15th centuries that are rare in terms of productivity, that acquire individual value, which contrasts in its functionality with general derivational situation the ancient Rus', serve as the object of study. Non-morphological mode, namely, the lexical-semantic one, which used to convert the lexical meaning of the word and made its grammatical status changed with time, this mode of word formation is becoming the main way of changing the relationship between the derivative and producing. In addition to the lexical-semantic, in Novgorod manuscripts of the 11th—15th centuries were also used traditional morphological methods of word derivation, the most common of which is suffixation, which also has unique features in the separate northwestern region of the ancient Rus'. The study of individual examples of derivatives suffixed nouns is accompanied by the lexical-semantic, structural and grammatical analysis of words that belong to the same type of derivation. The revealed individual characteristics of occasional derivation of nouns in Novgorod manuscripts the 11th—15th centuries give a general idea of the nature of derivational system of Novgorod the Great of the 11th—15th centuries and supplement information about the entire of the Ancient Rus' derivational and grammatical tradition of that period.

Keywords: occasional formation, Novgorod birch bark manuscripts, official letters of Novgorod Great of 11th—15th centuries, lexical-semantic word-building, suffixation.

Arsen A. Khusnutdinov

*Ivanovo State University
arsen1418@mail.ru*

Phraseological unit in grammatical structure of language

The main results of the study of grammatical properties of phraseological units in Russian phraseological science are justified and provision stating that the phraseology should be described not only as part of the vocabulary of the language, but also as a special area of its grammar are summarized in the article. The necessity of such a description is determined by the fact that phraseological units in grammatical structure of language manifests itself differently than the word; that is due to the specific form and content of the words and collocations as special units of language. This indicates that grammar structure universal for language is differently manifested in lexical and phraseological systems.

Review of scientific studies that are devoted to the description of the grammatical properties of phraseology, shows clearly expressed originality of grammar phraseological unit both on the whole and in all its links: in lexical and grammatic categories of phraseological units, not showing total correlativeness with the system of parts of speech; in the set and in the manifestation of grammatic categories and syntactical patterns of phraseological and lexical combination in different categories' units, in derivational processes specificity in phraseology, and so on. At the same time, correlativeness of idiom as well as of word in this aspect can be traced: it is possible to definitely talk about the word morphology and about morphology of phraseological unit, about word syntax and syntax of phraseological units of word formation and of "phrase formation" (phraseological derivation). The overall conclusion of the author: phraseological unit shows that it does exist in the language system in all its units, and at all levels, being subject to the general laws of the language and preserving its identity.

Keywords: Russian language, grammar, parts of speech, lexical and grammatic categories of phraseological units, phraseological derivation, syntactical pattern, word combination, phraseological and lexical combination, phraseological units's transformation.

Dmitriy I. Ivanov

*Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru*

Synthetic lingual personality articulatory component

We define synthetic lingual personality (SLP) as a specific type of discursive personality having a complex formal structure which includes four principal components. In this material, we will consider the cognitive and pragmatic features of the SLP articulation component.

Within the logocentric SLP model, all the three subject aspects actualized in the framework of the SLP articulation component must be studied as a system, an integral cognitive and pragmatic articulation complex. This is due to the fact that they all have a common

source (the initial author and performer) and thus, they develop within a certain cognitive and pragmatic SLP program which is actualized either in a separate rock song or in a number of rock songs.

It is worth mentioning that the subject constituent and the role component may be considered as a kind of the SLP's "speech mask" or a reincarnated lingual personality.

In this study, we do not use the narrow linguistic definition of articulation as specific work of vocal organs in order to produce sounds, but consider it to be a peculiar zone of cognitive and pragmatic operations aiming at formation and actualization of the SLP specific features.

These features are based on activation of the articulation conceptual codes system. It includes timbre, rhythm, phonetic and intonation conceptual units, the whole set of which forms an individually specific author's style of performance that often becomes an SLP's "visiting card", i.e. a part of an SLP's image.

Keywords: synthetic language personality, articulation component, russian rock culture, cognitive and pragmatical program.

JUDICIAL SCIENCES

Yana V. Beznosova

*Nizhny Novgorod Lobachevsky State University
sunrise148@rambler.ru*

Yājñavalkya dharmaśāstra as a source of statutory regulation of social relations in ancient India

The article is devoted to the issues of legal regulation of the social relations in the marriage and family, civic, procedural and criminal spheres in ancient India on the example of one of the most authoritative ancient Indian monuments – Yājñavalkya dharmaśāstra containing religious, ethic and legal rules. Based on general philosophical dialectical method, method of comparative analysis, synthesis and formal legal method and method of interpretation of law the author concludes there is quite developed law rules in Ancient India. In particular, the marriage questions were regulated by establishment of requirements to spouses, their rights and duties, various forms of marriage and their civic consequences. Furthermore, requirements for the registration of legal documents, the status of the witnesses in the trial, the grounds of the invalidity of legal acts and order of payment of debts, the principle of immediacy in the research evidence and also different types of crimes and punishments for them regulated carefully. The procedure for filing a claim in court, the requirements for judges, the possibility of judicial review were established, too. In general, the Yājñavalkya dharmaśāstra shows an example of statutory regulation of the public relations in unequal society divided on varnas where interests of varna of brahmins are brought to the forefront.

Keywords: ancient India, dharmaśāstras, Yājñavalkya, varna, marriage and family relations, legal proceedings, contracts.

Vera B. Romanovskaya

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
tigpnngu@yandex.ru*

Anastasia G. Alborova

tigpnngu@yandex.ru

Law, custom, religion and consciousness: their reflection in russian folk proverbs of the 19th century

The article discusses the attitude of the Russian peasants to state laws, their commitment to practices in the regulation of social relations, especially of family and inheritance shortly after the reform of serfs' liberation. Attention is drawn to the influence of religious ideas on the legal consciousness of the people. Religious ideals played a key role in the implementation of Russian justice. One of the characteristic features of customary law was its local variety, which was the result of many factors, first of all, of variety of the ethnic composition of the Russian population. To illustrate legal consciousness of the people, examples of sayings, anecdotes, and other samples of folklore, which is reflected in the attitude of ordinary people to the law, court and government officials, are given. We have analyzed in detail examples of the application of customary law in the resolution of peasant disputes in the judicial process. We research popular, customary law in Russia, actively carrying out in the second half of the 19th century, and confirm that legal practice in peasant communities, parish courts was based increasingly on legal consciousness of the people, which is clearly and vividly reflected in the sayings and legal customs.

Keywords: sayings, anecdotes, custom, law, right, truth, justice, legality.

Boris Ye. Roshchin

*Nekrasov Kostroma State University
pravaborise@mail.ru*

Legal bases of the Russian justice during the period since October, 1917 to 1918

The article is devoted to the beginning of long and difficult process of formation and development of the legal bases which provided in practice formation and functioning of essentially new system of the Russian (Soviet) justice during the period from October, 1917 to 1918 inclusive. The main goal of the work is: analysis of dynamics of development of legal support (organization and regulation) of Soviet judicial system; identification of the main problems connected with legal support of this sphere; generalization of results of development of the judicial legislation, during the considered period; formulation of the corresponding conclusions on the subject. Key standard-legal acts adopted by the Bolshevik power in the specified period have been considered and analyzed by the author. The most important legal standards, according to the author, included: the decree "On court" No. 1; the decree "On revolutionary tribunals"; the decree "On court" No. 2; the decree "On court" No. 3; the decree "On national court of Russian Socialist Federative Soviet Republic". The corresponding views of theorists

and practitioners of the Bolshevism of a form of organization of socialist justice in the conditions of new "socioeconomic formation" are given in the article. As a result of the analysis of the abovementioned legal acts and studying of the corresponding works, the author comes to a conclusion that origin and formation of bases of new judicial system represented rather expeditious, purposeful and consecutive process which quite logically kept itself within the ideological framework and corresponded to the spirit of the age. Besides, the basic principles of justice proclaimed in the first year of formation of the Soviet state are topical, according to the author, today as well, certainly, taking into account objective modern realities.

Keywords: revolutionary legality, socialist legal awareness, revolutionary tribunals, integrated people's court, decree "On court" No. 1; decree "On revolutionary tribunals"; decree "On court" No. 2; decree "On court" No. 3; decree "On national court of Russian Socialist Federative Soviet Republic".

Lyudmila A. Siverskaya
Nekrasov Kostroma State University
lsiverskaya@yandex.ru

Natal'ya A. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University
nsmirnof1971@mail.ru

On the issue of stages of instituting criminal proceedings

This article focuses on the prospects for the existence of stages of instituting criminal proceedings in Russian criminal procedure. Analysis of various scholars' procedural attitude to the abolition, preservation and further reform of this stage is carried out by the authors, historical, regulatory, organizational, procedural and human-rights arguments, adduced by them, are studied in detail. In addition, the causes, consequences and the current state of law enforcement in the Ukraine, in Georgia and in Kazakhstan, where the stage of instituting criminal proceedings has been absent from criminal procedure legislation, are studied.

Own look at this highly debatable issue of pre-trial procedure is set out by the authors, the arguments about the need to preserve now the stage of instituting criminal proceedings in Russian criminal procedure are adduced. The authors believe that the abolition of the stage of instituting criminal proceedings is not currently possible as well due to a number of objective reasons, which are caused by the unstable economic, political, financial and social situation in Russia, and by its geopolitical position. In addition, according to the authors, the reform of Russian criminal court proceedings must be based on scientifically sound promising model for its further improvement. Failure to do so will result in deformation of the system of criminal procedure on the whole, in the unbalance of its institutions. Changes to the large number of norms of the Russian code of criminal procedure is not without systematic violation of the rules, of the relationship, not without the inevitable gaps and legal

imprecision. Such a major reform would require large financial costs associated with addressing issues of organizational support of activity of criminal procedure, of the modernization of the bodies exercising inquest and pretrial inquest, of their financial, logistical, information and other resource-costly support.

Keywords: criminal procedure, pretrial inquest, stage of instituting criminal proceedings, taking hearing about crime under advisement.

Anatoliy I. Tulenev
Russian Customs Academy
tylenev64@mail.ru

On the possibility of recognition of customs examinations judicial

The article is about the need in development of common methodological approach to the organization and in carrying out customs and forensics in the investigation of customs offences.

Forensic examination prescribed for the investigation of customs offences are of great importance, because they are of objectively fixed evidence, which can be obtained only by an expert. For the production of expert research in the Federal customs service of Russia, there are subdivisions of the Central forensic science administration.

The expert system of units of Central forensic science administration includes directly Central forensic science administration and its regional branches – forensic services, whose functions include performing examinations, including forensic examinations, the tasks of the customs authorities.

This article summarizes legislative acts, normative-legal documents regulating the procedure for the appointment of legal expertise in the investigation of customs offences, taking into account changes of the criminal and other sectoral legislation, customs statistics. We give the position of some scholars on this issue.

All this gives grounds to assert that it is necessary to create a single database; to develop a rapid electronic communication in forensic direction; to determine the order of interaction of customs bodies and expert services; to develop uniform standards procedures prior to customs examination, with the same inputs developed in the framework of the customs control and in proceedings.

There is the authors' definition of forensic expertise.

Keywords: customs examination; forensic examination; use of special knowledge, expert, Central expert customs control; person making decision.

Valentina S. Serua
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
start-uf@mail.ru

The history of science of Russian civil law: new forms – new content

This paper analyzes the main fields of research concerning civil law, which Russian jurists held in the framework of legal scientific societies in the mid-19th

and early 20th centuries. As the result of involving and analyzing materials of meetings of the society by the author, it was found that in quantitative terms, that is the total number of papers presented in the society, civil and legal issues were among the most talked about (the codification of civil law, intellectual property, etc.). Particular attention focuses on the content of the studies considered, the analysis of which reveals a principled stance of professional legal scholars as consistent supporters and defenders of bourgeois civil law. In conclusion, the author defines the basic characteristics of scientific activity in the field of law societies of civil law. In general, the article explains the idea that the problem of finding the most effective forms of organization of legal science can now be quickly and successfully resolved as a result of an analysis, but there is little studied the experience of the scientific law societies in pre-Soviet Russia.

Keywords: Gabriel' Shershenevich, Genrikh Sliozberg, civil code draft, legal form of organization of science, scientific law societies.

Nikolay I. Polishchuk

*Academy of Federal service of penitentiary, City of Moscow
nik-polishchuk@yandex.ru*

Modern criminal and legal policy of the country and its defects

Questions of state penal policy of the Russian Federation in the light of the existing criminal law, criminal procedure and penal enforcement are investigated in the article. According to the author, this is foreign policy and international legal factors that reflect the powerful processes of reorganization of the world order in the modern civilization, which has a significant impact on the formation of penal policy. The author believes that the various reforms that are aimed at improving the effectiveness of legislation in the criminal justice field, lead to an increase in the rule of law in Russia, at the same time, quite a number of challenges, which significantly affect the situation in the criminal law policy state, does exist.

The effectiveness of the enforcement depends on the quality of penitentiary conduct. The author expresses an opinion about the positive and negative aspects of modern penal policy of Russia, describes the main causes of omission to conduct different types of criminal penalties. He believes that, before embarking on the development and adoption of new regulations in

the criminal field, it is necessary to develop a certain Russian doctrine (a concept) of the fight against crime, which would bring in all the main areas of this activity and thus become the basis of the Russian criminal law policy.

Keywords: policy of law, law reform, conflicts of laws, crime rate, legislative development.

Boris V. Korobeynikov

*Russia Federation Prosecutor General's Academy
niagp@mail.ru*

Public prosecutor's supervision – an important security measure of the rights of a person and a citizen

The author of the article notes that the rights and freedoms of the person participating in criminal procedure, civil and procedural, administrative, labour, housing relations and other types of relations are defined and regulated by different types of federal legislation, and protection of these rights is one of priority problems of supervising activity of bodies of prosecutor's office. At the present stage, the problem of the rights and personal freedoms is particularly topical, therefore also activity of prosecutors within the specified direction is especially topical.

The author of the article considers that orders of the Prosecutor General of the Russian Federation play very important role in protection as constitutional rights and freedoms of a person and a citizen, and the rights and freedoms provided on the basis of standards of the Constitution in federal legislation in other respects. The analysis of key provisions of the Constitution of the Russian Federation, the orders of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation connected with organization, carrying out and increase of efficiency of public prosecutor's control is provided in the work. Value of orders of the Prosecutor General of the Russian Federation in protection of constitutional rights of a person and a citizen, first of all, is defined by the fact that in them, on the basis of the analysis of condition of legality (delinquency rate), those types of constitutional rights of citizens are indicated, check of observance (execution) of which all subordinated prosecutors should pay special attention to.

Keywords: person's and citizen's rights and freedoms, public prosecutor's supervision, Russian Constitution, Russian Federation Prosecutor General's Office.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы
kng@mail.ru
Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2015 – Т. 21 – № 1

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 17.02.2014.

Дата выхода в свет .04.2015.

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 28,6 л.

Тираж 500 экз.

Изд. № 21.

Подписной индекс: **18902**

Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.

Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,

E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная

При перепечатке ссылка обязательна